

АБЫЛАЙ ХАН АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР
ЖӘНЕ ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ УНИВЕРСИТЕТІ

КАЗАХСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ АБЫЛАЙ ХАНА

KAZAKH ABLAI KHAN UNIVERSITY OF INTERNATIONAL RELATIONS
AND WORLD LANGUAGES

2 (41) 2016
ISSN 2411-8745

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ

ХАБАРШЫСЫ

“ФИЛОЛОГИЯ ҒЫЛЫМДАРЫ” сериясы

ИЗВЕСТИЯ

КазУМОиМЯ имени Абылай хана
серия “ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ”

BULLETIN

of Ablai khan KazUIRandWL
Series “PHILOLOGICAL SCIENCES”

© “Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті” Акционерлік қоғамының “Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ Хабаршысы-Известия” ғылыми журналының “Филология ғылымдары” сериясы таралымы, Қазақстан Республикасының Инвестициялар мен даму жөніндегі министрліктің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде тіркелген. Тіркелу куәлігі 10.04.2015 жылғы № 15194-Ж

Бас редактор

Құнанбаева С.С., филология ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корреспондент-мүшесі, Алматы, Қазақстан

Жауапты редактор

Баяндина С.Ж., филология ғылымдарының докторы, профессор, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Редакциялық алқасының мүшелері

Акишина Т., профессор, Оңтүстік Калифорния Университеті, Лос-Анджелес, АҚШ

Рысалды Қ.Т., филология ғылымдарының докторы, профессор, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Бердичевский А.Л., педагогика ғылымдарының докторы, Айзенштадта халықаралық экономикалық қатынастар институты, Айзенштадт, Австрия

Солдатенкова Т., профессор, Лёвен католикалық университеті, Лёвен, Бельгия

Исабеков С.И., филология ғылымдарының докторы, профессор, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Красных В.В., филология ғылымдарының докторы, профессор, М.В.Ломоносов атындағы ММУ, Мәскеу, Ресей

Карасик В.И., филология ғылымдарының докторы, профессор, Волгоград мемлекеттік техникалық университеті, Ресей

Асанова Г.С., PhD, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

РЕЦЕНЗЕНТТЕР

Кульгильдинова Т.А., педагогика ғылымдарының докторы, профессор, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Есеналиева Ж.Ж., филология ғылымдарының докторы, доцент Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

© Научный журнал “Хабаршысы-Известия” КазУМОиМЯ имени Абылай хана серия “Филологические науки” Акционерного общества “Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана” зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан. Регистрационное свидетельство № 15194-Ж от 10.04.2015 г.

Главный редактор

Кунанбаева С.С., доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК, Алматы, Казахстан

Ответственный редактор

Баяндина С.Ж., доктор филологических наук, профессор, КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Члены редакционной коллегии

Акишина Т., профессор, Университет Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США

Рысалды К.Т., доктор филологических наук, профессор КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Бердичевский А.Л., доктор педаг. наук, Институт международных экономических связей Айзенштадта, Айзенштадт, Австрия

Солдатенкова Т., профессор, Лёвенский католический университет, Лёвен, Бельгия

Исабеков С.И., доктор филологических наук, профессор, КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Красных В.В., д.ф.н., профессор МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор Волгоградского государственного технического университета, Россия

Асанова Г.С., PhD, КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Кульгильдинова Т.А., доктор педагогических наук, профессор КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Есеналиева Ж.Ж., доктор филологических наук, доцент КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

© Scientific journal “Bulletin Kazakh Ablai khan University of International Relations and World Languages”. Series “Philological sciences” of JSC “Ablai khan Kazakh University of International Relations and World Languages” is registered in Communication, Informatization and Information Committee of Ministry for Investment and Development, Republic of Kazakhstan. Certificate N 15194 – G, 10.04.2015.

Executive editor

Kunanbayeva S.S., doctor of philological sciences, professor, associate member of National Academy of Sciences of the RK, Almaty, Kazakhstan

Responsible editor

Bayandina S.Zh., doctor of philological sciences, professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan

Members of editorial board

Akishina T., professor, University of Southern California, Los Angeles, USA

Rysaldy K.T., doctor of philological sciences, professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan

Berdichevskiy A.L., doctor of pedagogical sciences, Institute of International Economic Relations named after Aizenshtadt, Aizenshtadt, Austria

Soldatenkova T., professor, Leuven Catholic University, Leuven, Belgium

Isabekov S.I., doctor of philological sciences, professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan

Krasnykh V.V., doctor of philological sciences, professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

Karasik V.I., doctor of philological sciences, professor of Volgograd State Technical University, Russia

Asanova G.S., PhD, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan

REVIEWERS

Kulgildinova T.A., doctor of pedagogical sciences, professor Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan

Esenaliyeva Zh.Zh., doctor of philological sciences, associate professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan

М А З М Ұ Н Ы

1 – Бөлім. ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ ӨЗЕКТИ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Олдфилд А. Әзербайжан Ақиқ өнерінің қалыптасуы	11
Сартбай Ф. Орталық Азиядағы антропология мен ауызша фольклордағы таеуір (шаман әйел) мәселесі	21
Жұмағұлова Н.С., Жұмағұлова Е.В. Қазақстан оқу дискурсындағы жаңа типтегі тілдік тұлға	29
Азизов Д.Т. Орыс және араб тілдеріндегі грамматикалық категорияларына салыстырмалы талдау	39
Айтмагамбетова А.У. Медиа-дискурсты аударудың лингвомәдени аспектілерін жеткізудің негізгі жолдары	48
Алдибекова А.И. Лингвомәдениеттік тәсілдер мен диахрониялық өзгерістердің лексика-семантикалық жүйесінің теориясы	58
Альхожаева Л.Н. Конвенционалды метафоралардың когнитивті аспектісі	71
Андарбаева М.Е. Жапон тіліндегі гендерлік айырмашылық	82
Ахетова А.А., Нецадим О.В. Іскерлік мәтінде салалас құрмалас сөйлемнің инверсия және эмфатикалық ерекшеліктері	92
Бисенова А.Н. Қазақ, қытай және ағылшын тілдеріндегі “отбасы” концепт сөзінің лингвомәдени ерекшеліктері	101
Дюсюпова М.С. Жастар дискурсындағы қытай сленгтерінің танымдық және лингвомәдени ерекшеліктері	113
Иманқұлова А.К. БАҚ тілінің заманауи жағдайы	121
Ихиева К.К. Қазақстанның және Ұлыбританияның саяси дискурсындағы “билік” концептісі	134
Кәдірбек Ж. Қазақ тілі және қытай тіліндегі синонимдердің ерешеліктері	142
Кадирсизова Г.Е. Идиома – тиімді және мәнерлі қарым-қатынастың негізі	152
Құрматаева А.Е., Елеуова Л.Б. Ағылшын, орыс, қазақ мақал-мәтелдерінің ұқсастықтары мен айырмашылықтары	162
Мырзалиева С. Экономика дискурсы – лингвистикалық ізденіс объектісі	173
Орымбаева А.А. Г.Г. Маркестің “Жүз жыл жалғыздық” романындағы интертекст элементтері	183

Парменқызы А. Дидактикалық дискурстың лингвокогнитивті ерекшеліктері	195
Сулейменова А.Б. Сөйлеудегі метафоризация рөлі	202
Тілеукұл Е.Қ. Италияндық саяси дискурстың эмоциялық компоненті (Сильвио Берлусконидің сөйлеген сөздерінің негізінде)	211
Тореханова С.Б. Қытай іскерлік дискурстың коммуника- тивтік моделдері	221
Цой А.А. Испан тілді дискурстың ерекшеліктері (Педро Санчес сөздерінің материалдары негізінде)	230

2 Бөлім. АУДАРМАНЫҢ ҚАҒИДАСЫ МЕН ТӘЖІРИБЕСІНДЕГІ ЗЕРТТЕУЛЕР

Аликулова А.Т. Көркем әдебиет аудармасындағы тіл мен мәдениеттің арақатынасы	241
Мухамеджанова М.Е. Саяси дискурстағы риторикалық сұрақтардың ағылшын тілінен қазақ тіліне аударылу ерекшеліктері	251

3 Бөлім. ӘДЕБИЕТТАНУ: ДӘСТҮР МЕН ЖАҒАШЫЛДЫҚ

Али А.Н. Әдебиеттегі қазіргі заманғы үрдістер: антиутопия жанры	261
Бондарева П.В. Әлем әдебиеті контекстіндегі У.Голдинг шығармашылығы	270
Кунтуарова Б.Н. Орхан Памук және оның шығармаларындағы интертекстуалдылық	278

4 Бөлім. ШЕТ ТІЛДЕРДІ ОҚЫТУДАҒЫ ҒЫЛЫМИ-ПЕДАГОГИКАЛЫҚ ЗЕРТТЕМЕЛЕР

Ахапов Е.А., Баубекқызы Ж. Анимациялық фильмдерді қолданған жапон тілі тәжірибелік сабағына талдау	289
---	-----

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Раздел 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Олдфилд А. Происхождение азербайджанского искусства Aşıq...	11
Сартбай Ф. Антропология и фольклор в Центральной Азии, таеуір (старейшина женщина шаман) в устных повествованиях ...	21
Жұмағұлова Н.С., Жұмағұлова Е.В. Языковая личность нового типа в учебном дискурсе Казахстан	29
Азизов Д.Т. Сравнительный анализ грамматических категорий русского и арабского языков	39
Айтмагамбетова А.У. Основные способы передачи лингвокультурологического аспекта перевода медиа-дискурса	48
Алдибекова А.И. Лингвокультурологический подход и теория диахронических изменений лексико-семантической системы	58
Альхожаева Л.Н. Когнитивный аспект конвенциональных метафор	71
Андарбаева М.Е. Гендерные различия в японском языке	82
Ахетова А.А., Нещадим О.В. Инверсии и эмфатическое выделение в сложноподчиненном предложении делового письма	92
Бисенова А.Н. Лингвокультурологические особенности концепта “семья” в казахском, китайском и английском языках	101
Дюсюпова М.С. Когнитивно-лингвокультурологические особенности китайских сленгов в молодежном дискурсе	113
Иманкулова А.К. Язык СМИ в современных условиях	121
Ихиева К.К. Концепт “власть” в политическом дискурсе Казахстана и Великобритании	134
Кадырбек Ж. Особенности синонимов казахского и китайского языков	142
Кадирсизова Г.Е. Идиомы как основа эффективного и выразительного общения	152
Курматаева А.Е., Елеуова Л.Б. Сходства и различия английских, русских и казахских пословиц	162
Мырзалиева С. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования	173
Орымбаева А.А. Элементы интертекста в романе Г.Г. Маркеса “Сто лет одиночества”	183

Парменқызы А. Лингвокогнитивные особенности дидактического дискурса	195
Сулейменова А.Б. Процесс метафоризации в речи	202
Тилеукул Е.К. Эмотивная составляющая итальянского политического дискурса (на материале выступлений Сильвио Берлускони)	211
Тореханова С.Б. Коммуникативные модели китайского бизнес дискурса	221
Цой А.А. Особенности испаноязычного политического дискурса (на материале выступлений Педро Санчеса)	230

Раздел 2. ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Аликулова А.Т. Взаимосвязь языка и культуры в переводе художественного текста	241
Мухамеджанова М.Е. Особенности перевода риторических вопросов в политическом дискурсе с английского на казахский язык	251

Раздел 3. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Али А.Н. Современные тенденции в зарубежной литературе: жанр антиутопии	261
Бондарева П.В. Творчество У. Голдинга в контексте мировой литературы	270
Кунтуарова Б.Н. Орхан Памук и интертекстуальность в его произведениях	278

Раздел 4. НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Ахапов Е.А., Баубекқызы Ж. Анализ экспериментального занятия по японскому языку с использованием анимационных фильмов	289
--	-----

CONTENTS

Section 1. CURRENT ISSUES OF LINGUISTIC RESEARCH

Oldfield A. The origins of azerbaijani Asiq arts	11
Sartbay F. Anthropology and folklore of Central Asia taeyip (elder shaman women) talking oral narratives more fully into account	21
Zhumagulova N.S., Zhumagulova E.V. Linguistic identity of a new type in the educational discourse of Kazakhstan	29
Azizov D.T. Comparative analysis of russian and arabic grammatical categories.....	39
Aitmagambetova A.U. The main transmission methods of linguocultural aspect translation in medi-discourse	48
Aldibekova A.I. Linguoculturological approaches and theories diachronic changes of the lexical-semantic system	58
Alkhozhayeva L.N. Cognitive aspect of conventional metaphors	71
Andarbayeva M.E. Gender distinctions in japanese language	82
Ahetova A.A., Neschadim O.V. Inversions and emphasis in a complex sentence of business letters	92
Bissenova A.N. Linguocultural specificity of the concept “family” in kazakh, chinese and english languages	101
Dyussyupova M.S. Cognitive, linguoculturological speciality of chinese slang in youth discourse	113
Imankulova A.K. Mass media language in modern conditions	121
Ikhiyeva K.K. Concept “power” in politicaldiscourse of Kazakhstan and Great Britain	134
Kadyrbek Zh. The features of synonyms in kazakh and chinese languages	142
Kadirsizova G.E. Idioms as the foundation of effective and expressive communication	152
Kurmatayeva A.E., Yeleuova L.B. Differences and similarities of english, russian and kazakh proverbs	162
Myrzaliyeva S. Economic discourse as an object of linguistic research	173
Orymbayeva A.A. Elements of an intertextuality in the novel “One hundred years of solitude” by Gabriel Garcia Marquez	183
Parmenkyzy A. Lingvo- cognitive features of didactic discourse	195
Suleimenova A. B. The process of metaphorization in speech	202
Tileukul Y.K. Emotive component of italian political discourse (on the basis of speech of Silvio Berlusconi)	211

Тореханова С.Б. Communicative models in chinese business discourse	221
Tsoy A.A. Features of spanish political discourse (on the base of speeches of Pedro Sanchez)	230

Section 2. RESEARCHES IN THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

Alikulova A.T. Language and culture interrelation in literary text translation	241
Mukhamedzhanova M.E. Peculiarities of interpreting of rhetorical questions in political discourse from english into kazakh	251

Section 3. LITERARY STUDIES: TRADITION AND MODERNITY

Ali A.N. Contemporary tendencies in literature: genre of dystopia ...	261
Bondareva P.V. The creative activity of william golding in the context of world literature	270
Kuntuarova B. N. Orhan Pamuk and intertextuality in his works	278

Section 4. SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL DEFOLOMENTES IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING

Akharov Ye.A., Baubekkyzy Zh. The analisis of result of experimental lesson japanese through anime	289
---	-----

1 Бөлім
ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Раздел 1
**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Section 1
CURRENT ISSUES OF LINGUISTIC RESEARCH

UDC 811.512.162

THE ORIGINS OF AZERBAIJANI AŞIĞ ARTS

Oldfield Anna,

PhD, Coastal Carolina University, Conway, South Carolina,
USA, oldfield73@gmail.com

Keywords: Aşığı tradition, bardic art, dastan, musical instrument, female aşığı bards, dastan, The Rise of the *Aşığı*, indigenous repertoires, national composers, magical musical instrument.

Abstract. The aşığı tradition is Azerbaijan's oldest living bardic art. This 500 year old genre is a venue for the preservation and creation of oral literature, including epic narratives called dastan, lyric poetry, and riddle contests. The practitioners of the art are professional bards called by the title Aşığı meaning 'one who is in love.' Aşığı minstrels perform their works in song, accompanying themselves on a long-necked lute called the saz. Considered a calling rather than a performance genre, the aşığı role has its origins in the Central Asian shaman, who used music to communicate between human and spiritual worlds. Since the 18th century there have been both male and female aşığı bards. The genre has been woven into the public life of Azerbaijan for centuries, and is traditionally performed at weddings, life cycle ceremonies, holidays, and national festivals. Passed down orally from master to apprentice for generations, aşığı arts have persisted into the present, evolving with the historical and social changes that have engaged Azerbaijan over the centuries.

Azerbaijani *aşığı* arts are recognized as a branch of a larger epic tradition that stretches from Siberia through Central Asia and Turkey [1, p. 205]. The telling of heroic, romantic, and mystical narratives to the accompaniment of a bowed or plucked stringed instrument is found among almost all of the

peoples of Central and Western Asia; the Kazakh *zhirau* plays the *qul-qobuz* (two stringed spike fiddle) or the *dombra* (two stringed long necked lute), the Kyrgyz *manaschi* plays the *komuz* (three stringed long necked lute), and the Turkmen *baxşı* plays a *dutar* (a two stringed long necked lute). All of these traditions have distinct, indigenous repertoires, but most of them also include a shared body of epic length narratives called *dastan*, such as the popular *Aşiq Garip*, which is told in local variants from the Balkans to Eastern Turkistan [2]. Working throughout the Soviet Union, Russian comparative musicologist Beliaev wrote of.

A highly developed form of folk/people's epic-novelistic works carrying the name of *dastan*. The name is known to the Turkmen, Uzbeks, and Tadzhiks, and the form of these stories have spread through all the peoples of Central Asia.

In a region as complex as Central and Western Asia, the similarities and differences of bardic traditions across a large area of different languages, religions, and social patterns can reveal much of the subtle ways in which cultures interact and dialogue while preserving a sense of distinctiveness. Working on comparative traditions in Afghanistan, Slobin writes that “music may be one of those features of social interrelationship that reflect underlying patterns of ethnic boundary maintenance” [3, p. 1], underscoring that while music is one of the spheres in which cultures interact the most, it is also a sphere that is used to distinctly define one ethnicity from another. This phenomenon has been noted consistently in the former Soviet Union, where threads of the complex relationships between music, state hegemony, and national culture are still in a process of being unraveled as nations recover from the Soviet experiment. In such cases, folk genres are often reshaped in the waves of past histories and mythologies as the process of national identity is re-negotiated in the present.

It is no less so in Azerbaijan, where *aşiq* arts are often seen as a unique and defining aspect of national culture. “Nations, like narratives, lose their origins in the myths of time and only fully realize their horizons in the mind's eye” [4, p. 1] wrote Homi Bhaba, alluding to the power of narratives to connect imaginary, legendary pasts and futures with the concept of an eternally existing nations and their stories. Depictions of *aşiq* arts often view them as a vehicle which carries the ancient cultural roots of Azerbaijan out of the “myths of time” to the present. Folklorist M. Qasımlı writes that *aşiq* arts have “historical and semantic ties in several areas to the mythic ideas of the very first eras and their original mythic imaginative processes” [5, p.6]. Some writers describe *aşiq* arts as existing beyond time, evolving

with the very land itself, high as the mountains, deep as the ocean, eternal as the sky, and as great as our history. Singer and People's Artist Bülbül, one of the 20th century's most respected public figures in Azerbaijan, wrote that.

Aşıq arts reflect every layer of our people's being; our people's noble feelings, the natural beauty of our homeland, and all of life's multi-colored meanings have been reflected in the [*aşıq*'s] poems, words, rhythms, sounds, and music, which are being constantly added to over time, so that all of this beauty and charm could reach us.

There is, indeed, a sense of magic and eternity in the way the *aşıq* is described in Azerbaijani letters, a sense that contemporary *aşıqs* draw on as a source of authority and power. As Aşıq Ulduz told me, “*aşıq* arts were created when the Muslims were created, when the Turks were created, when we were created”. Her placing of the origins of the *aşıq* arts in an impossible time that can only exist “in the mind's eye” (along with the origins of “we” the Azerbaijani people) underscores a connection of the *aşıq* to a legendary firmament which is the source and origin of an imagined self, a creation which is outside of chronological time.

At the same time, Azerbaijani scholars identify *aşıq* arts as having identifiable roots in an oral narrative tradition called *ozan*, a tradition that is described in a document known as the *The Book of Dede Korkut* (*Kitab-i Dədə Qorqud*). This book, written down in the 14th or 15th century but carrying oral narratives from earlier eras, adds a chronological element to the genesis of the *aşıq*, while establishing the genre's ties to Central Asian Turkic traditions [5, p. 24].

The Book of Dede Korkut

Verse from “Dədə Qorqud” by Aşıq Minayə Azafli

Əsr, əsr, saz əlində,	Through the centuries, <i>saz</i> in hand,
Ozan olub Dədə Qorqud.	He was an <i>ozan</i> , Dədə Qorqud.
İgitlər adı dilində,	The names of heroes were on his
Haqq söyləydi Dədə Qorqud	tongue,
	He spoke God's truth, Dədə Qorqud.

The Book of Dede Korkut is a heroic saga comprised of tales of the Oğuz Turks, a federation of tribes who migrated from Central to Western Asia in the 9th-12th centuries, and are thus among the ancestors of the present day Azerbaijanis. Originally an oral narrative, the epic was written down by an unknown scribe in the Caucasus region. Tales and legends of Dede Korkut and Korkut Ata are told throughout Turkic Central Asia. As can be seen from

historical and geographical clues in the tales, the narratives originated in Central Asia before the 10th century and continued to be told over hundreds of years, changing to encompass new enemies and geographies as the Oğuz moved into the Caucasus. The tales themselves comprise a bridge between Eastern (Central Asian) and Western Turkic cultures, and are valued by Azerbaijanis as a window into a vital element of their own past: Dadashzade writes that it is “the most precious document of our mother tongue. It is a wealth of sources reflecting the true spiritual world, way of life, traditions, and customs of our people” [6, p. 63]. For *aşıqs*, Dədə Qorqud is the *ustad-ustadlar* (master of masters) and the founder of their tradition.

The Book of Dede Korkut narrates the heroic adventures of men and women of the Oğuz nobility. At the end of each tale it is mentioned how Dede Korkut turns the adventure into legend with his song: “Dede Korkut came and played joyful tunes on the *kopuz* and told legends in which he recounted the adventures of the heroes”. Dede Korkut, himself a character in the tales, is an *ozan*, a combination of minstrel and shaman. The *ozan* fulfilled a number of extremely important functions in Oğuz culture: “seer, healer, philosopher, reader of the past and future, name-giver, news bearer, wise-man, advisor...he helped the people with their troubles and presided at weddings” [7, 19]. His stringed *qopuzis* considered the origin of the *saz*, and there are legends about how he created the instrument. In a Turkman legend, Dede Korkut is seeking in the woods for the secret to make a magical musical instrument:

One day he had gone to wander among the trees to think it over, when suddenly demons appeared in front of him and asked what he was looking for. Qorqud told them he wanted to make a *qopuz* but had not achieved his goal. Laughing, the demons ran away. Qorqud hid behind the trees and followed them. Thinking that they had gotten away from him, the demons said to each other “Qorqud is working for naught. He cannot invent a *qopuz*, because he doesn’t know that a *qopuz* cannot be made from just any tree” Then the demons began to discuss how to make a *qopuz*, from which tree the wood should be cut, how to cover its bowl with stretched camel skin, how to prepare the strings from horse tail. Dədə Qorqud memorized everything down to the last detail. Then he went and cut the proper tree, and made a *qopuz* in the way the demons had said. And it really was an instrument with a magical sound [5, p. 38].

To *aşıqs*, Dede Korkut is a figure who reaches back into the past, touching the world of their shamanic ancestors, and reaches into the future, touching them. The method Korkut uses to connect these distant worlds is

oral narrative, intended to be sent into the future with generations of singers: “Dede Korkut came and told tales and sang legends. He said... Let heroic minstrels after me sing it”. *Aşıqs* themselves consistently point to *The Book of Dede Korkut* as the root of their art, and to his *qopuz* as the origin of the *saz*, or the *saz*’s “great grandfather. *Aşıqs* also attribute a number of *saz* melodies (*hava*) as being authored by Dede Korkut. Dede Korkut is also a frequent subject of *aşıq* poetry.

The heroic and family values expressed in *The Book of Dede Korkut*, which include bravery, loyalty to family and clan, respect for women, and sacrifice for loved ones, are often cited as being the authentic values of the Azerbaijani people, and the work is actively cited in the construction of post-Soviet identity [6]. The social milieu of *Dede Korkut* is that of Turkic pastoral nomads, where women had a traditionally high status and participated in every aspect of life, and the work features women heroes who are able sportswomen and warriors. For women *aşıqs*, *The Book of Dede Korkut* has a special significance, and they often include three of the women from *The Book of Dede Korkut* when list their lineage of masters (*ustadlar*): Lady Burla, Princess Chichek, and Lady Saljan. The women of *Dede Korkut* clearly continue to inspire contemporary women; Azerbaijani poet Narinc Xatun named her 2004 collection of poetry *I am Burla Xatun’s granddaughter*.

The women of *Dede Korkut* are indeed extraordinary warriors and heroes who often save the lives of their husbands and sons; Burla Xatun rides into battle to save her son and captures the enemy standard, while Lady Chichek is able to beat hero Bamsi Beyrek in horseracing and archery. In the saga “Kan Turali Son of Kanli Koja”, young Kan Turali tells his father that he wants to marry a girl with the following qualities:

Before I rise to my feet she must rise; before I mount my well trained horse she must be on horseback; before I reach the bloody infidels’ land she must already have got there and brought back a few heads [8, p.117].

Kan Turali finds and eventually marries Saljan, who is such an expert archer that she can shoot two arrows simultaneously in opposite directions. Their admiration for these figures is revealing about the characteristics that contemporary women *aşıqs* find admirable and worthy to emulate: confidence, ability, strength, courage, outspokenness, intelligence, loyalty, and willingness to sacrifice for their family and people. It also underscores a lineage that women *aşıqs* are able draw on for authority in the tradition.

Women in Oğuz narrative such as *The Book of Dede Korkut* clearly have a high status. In a chapter devoted to investigating women’s participation

in Azerbaijani music, Naroditskaya found that Azerbaijani women have held important roles in singing associated with burial and wedding rituals since pre-Islamic times. Particularly interesting is the role of the *agiçi* a professional female mourner, who, by her association with the *qopuz*, could be placed in the Oğuz culture. *Agiçi* were

Specially invited women – lamenters, who played on the two stringed *qopuz* and danced. At first the female wailers narrated stories glorifying the victories and bravery of the warrior. Then they sang sad mourning songs which were supposed to move the whole crowd to a loud cry. Playing the *qopuz* as did Dede Korkut, the *agiçi* also shared Korkut’s role in Oğuz Turkic culture, transforming the life of heroes into legend and song. At the moment of a funeral this has a particular significance, as if the bard is overseeing the transition from physical life into a spiritual life made immortal in the memory of the community by the singing of narrative. Although more research is needed on women in Oğuz bardic culture, the presence of female *agiçi* fulfilling such an important function in the transmission of narrative memory indicates that their role was profound.

Ozan, Aşıq, and Shaman. The connection to *Dede Korkut* is considered to be the link between *aşıq* arts and pre-Islamic spirituality [5, p. 25]. The origins of Turkic epic singing in pre-Islamic religious practices usually called “shamanism” have been noted repeatedly by scholars. Reichl writes that “there is a close connection between singer and shaman, the master of verbal art and the wielder of healing power, in the archaic cultures of northeastern Asia, and traces of shamanism are found in all traditions of Turkic oral epic poetry [9, p. 57]. Chadwick and Zhirmunsky calls epic singers “Islamic shamans” who combine the functions of healing and musical epic recitation, noting that during performances the “excitement appears to be produced wholly by the use of the musical instrument, which is said to be endowed with magic power, and much time and pains are devoted to the art of playing on its strings” [10, p. 257]. Erdener devotes a chapter to the connection between the Turkish *aşık* and the shaman in his work on verbal dueling, writing that “the shaman awakens with a drum, the ashik with a saz [11, p. 67], further discussing how shamanic ideals were later combined with Islamic mysticism. Erdener cites the importance of these connections to the *aşık*’s role in society, noting that “their mystical and religious associations give them a status that adds force to their words .

In the Azerbaijani tradition as well, the authority of the genre seems to derive from its connection to a spiritual legacy that hails back to Central Asian shamanism, albeit in a form transformed by later immersion in Islam.

In an interview, M. Qasımlı described playing the *saz* as “a conversation with God”, explaining that the music itself formed a bridge through which one could communicate with the divine. In Azerbaijani lore, *aşıqs* are divinely inspired or “called”, that their musical and verbal talents are a gift of God, that they are able to encourage, heal and transform the listener, and that they hold a special status in society as advisors and protectors of the people. These qualities, so similar to the *ozan* Dede Korkut, have persisted through the cultural upheavals of the 20th century and continue to inform the tradition today.

The Rise of the *Aşıq*. The manuscript of *Dede Korkut* indicates that by the time it was written down in the 14th-15th century, the *ozan* role had already developed from a shaman into a traveling, professional minstrel, and the text refers to *ozan* who travel “from people to people, from *bey* to *bey*”, singing professionally for money [12, p. 37]. Scholars cannot identify a moment when the *ozan* became the *aşıq*, and they seem to have coexisted for some time. Clues to this transitional time can be found in the *Qurbanı dastan*, a romance epic of *Aşıq Qurbanı* that is attributed to the 16th century and considered to be the first *aşıq dastan* [13, p.6]. In the *Qurbanı dastan*, *aşıqs* were flourishing, but *ozan* are still present, and *Qurbanı* even wins a *deyişmə* against a crusty old *ozan* named Dədə Yediyar [14]. Qasımlı attributes the transition from *ozan* to *asıq* to the growing influence of Sufi Islam in the region [5, 117], and a notable difference in style can be seen between the heroic battles and adventures of *The Book of Dede Korkut* and the more lyrical romance epic style of the *Qurbanı dastan* which, although it has heroic elements, focuses on the quest of a lover for a beloved and also includes tests of *Aşıq Qurbanı*’s esoteric religious knowledge.

Some scholars emphasize the influence of mystical poetry such as that by Ahmed Yesevi [15, p.13] on the development of this new tradition, which is infused with Sufi tropes such as the image of the lovesick nightingale longing for the rose. A very direct role was also played by poet and political leader Shah Ismail I (1487-1524), who is most famous for establishing Iran as a Shi’i state under the Safavi dynasty. Shah Ismail was born in the Azeri region of Ardebil (northern Iran) and was the first leader in the region to write verse in the Turkic vernacular as well as in the established literary idiom of Persian. At a young age he began a series of military campaigns which consolidated the Iranian state under his rule with the capital in Tabriz, and under the rule of the Safavi dynasty all but the northern areas of Azerbaijan were converted to Shi’ism. Much of his success is attributed to his ability to inspire Turkic soldiers called *Qızılbaş* (Red heads) because they wore a

red headband that indicated their allegiance to his Safavi sect of Shi'ism. It is speculated that his Turkic poetry helped Shah Ismail to gain recruits and inspire troops, and the earliest *aşıqs* may well have been *Qızılbaş* themselves: Abdullayeva quotes from a 1524 manuscript *Jaxanarajj-Shah Ismail Safavi* that *saz* playing minstrels “inspired the troops and took part in the campaigns of Shah Ismail” [16, p.52]. It seems probable that under Shah Ismail the *aşıq* genre developed its martial function, which includes both fighting as a soldier and singing to inspire the troops before battle. The *Koroğlu dastan*, which chronicles the adventures of the outlaw minstrel Koroğlu, emphasises the role of the *aşıq* as warrior, and there are many other *dastan* such as *Qaçaq Nəbi* that follow the same theme. Eldarov chronicles that “*aşıq* brigades” were sent to the front during World War II to inspire the Azerbaijani troops [17, p.31], and many older *aşıqs* are themselves decorated veterans of that war, such as Aşıq Əhməd Kürdemirli. The combination of the lyrical and martial that is characteristic of the Azerbaijani *aşıq* today may well derive from the rise of the art in the age of poet-soldier Shah Ismail I, who himself is revered by *aşıqs* and is frequently referred to in poetry and *dastan*, such as the *Shah İsmail dastan* [5, p. 123]. Later Safavid Shah Abbas I (1571-1629) is a character in several *aşıqdastan* as well, including the *Abbas and Gülgez dastan*, where Aşıq Abbas quests to win his beloved Gülgez away from Shah Abbas. Aşıq Abbas achieves his goal by convincing the ruler that he [Aşıq Abbas] is a *Haqq aşığı* (divinely inspired *aşıq*) against whom even a shah should not stand [18, p.159].

It can be posited that under the influence of the Safavids the heroic epic of the *Oğuzozan* merged with the Safavi ideal of the divinely inspired warrior and lover, combining the older heroic epic style with a lyrical-heroic romance epic. In addition, as the genre moved into the Caucasus arising from the Central Asian epic in a multilingual atmosphere that was influenced by Persian classical literature and Caucasian folk narratives, the genre that resulted was the *aşıq dastan*.

Forged in the intersections of Turkic, Iranian, and Caucasian cultures, the genre has adapted to its audience as it has crossed boundaries between languages and cultures, travelling through both space and time to be here for us today. In contemporary Azerbaijan, *ashiqs* perform a number of functions, including to entertain, to lament, and to inspire. They have a repertoire of romantic lyrical songs, and still play a leading role in weddings and other celebrations in their core areas of rural Azerbaijan. *Ashiqs* also sing sorrowful songs to lament both personal and national tragedies, and are often included in “memory evenings” that commemorate a person

or an event. But perhaps the central function of the *ashiq* is to act as a transmitter, a center in which past and present, worldly and spiritual, legend and life meet in music and song; in this way, they still reflect their shamanic roots as a mediator between worlds. Through their canon of epics, *ashiqs* teach the heritage that is embedded in their tradition, as well as bringing new generations the poetry of the past. Preserved in oral narrative, the art survived the cultural shock of the Soviet period and has lasted well.

REFERENCES

- [1] Albright Ch. The Azerbaijani *Ashiq*: A Musician's Adaptations to a Changing Society. Edebiyat. *The Journal of Middle Eastern Literatures*, 1988, № 2 (1-2).
- [2] Turkmen F. *Asik Garip hikaayesi uuzerinde mukayeseli bir arastirma*. Erzurum, 1974 [in Turc.].
- [3] Slobin M. *Music in the Culture of Northern Afghanistan*. Tucson: University of Arizona Press, 1976.
- [4] Bhabha H. *Nation and Narration*. London: Routledge, 1990.
- [5] Qasımlı M. *Ozan Aşıq Seneti*. Baku: Uğur, 2003 [in Azer.].
- [6] Dadashzade M. *Ethnographic Information Concerning Azerbaijan Contained in the Dede Korkut dastan*. In: *Central Asia Reader: The Rediscovery of History*. Ed. H.B. Paksoy. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1994.
- [7] Pirsultanlı S. *Halqın soz mirvarilari*. Baku: Azneşr, 1999 [in Azer.].
- [8] Lewis G. *The Book of Dede Korkut*. Middlesex: Penguin Books, 1974.
- [9] Reichl K. *Turkic Oral Epic Poetry*. New York: Garland, 2000; *Singing the Past*. Ithaca: Cornell University Press, 1992.
- [10] Chadwick N., Zhirmunsky V. *Oral Epics of Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
- [11] Erdener Y. *The Song Contests of Turkish Minstrels*. New York: Garland, 1995.
- [12] Anar A. *Kitabi-Dede Qorqud Encyclopediyası*. 2 vols. Baku: Yeni Nəşrlər Evi, 2000 [in Azer.].
- [13] Araslı H. *Aşıqlar*. Baku, 1957 [in Azer.].
- [14] Ahundov A., Tahmasib M. *Azerbaijan dastanları*. Baku, 2005 [in Azer.].
- [15] Nəbiyev A. *Azerbaijanaşıq maktablari*. Baku: Nurlan, 2004 [in Azer.].
- [16] Shah İ. *Milli Kultur Yayınları*. Baku: Alhoda, 1962 [in Azer.].
- [17] Eldarova A. *Azerbaijan aşiq seneti*. *Azerbaijan halk musiqisi*, 30-51. Baku: Elm 1981 [in Azer.].
- [18] Qasımlı M. *Azerbaijan dastanları*. vols. 1-5. Baku, 2005 [in Azer.].

ӘЗЕРБАЙЖАН АŞIQ ӘНЕРİNІҢ ҚАЛЫПТАСУЫ

Олдфилд А.,

Каролина университетінің PhD докторы, Конвей, АҚШ,
oldfield73@gmail.com

Тірек сөздер: Аşıқ дәстүрі, Аşıқ өнерінің ақындары, дастан, музыкалық аспаптары, Аşıқ әйел ақындар, тұрақты репертуарлары, ұлттық композиторлар, ғажайып музыкалық аспаптар.

Андатпа. Ашық Өзербайжан ақындарының байырғы тірі өнері. Бұл жанр 500 жыл тарихы бар дастан деп аталады, оның ішіне ауызекі туындылары, сонымен қатар эпикалық шығармалары мен лирика кіреді. Осы саламен “ғашық болған” мағынасы бар кәсіби Ашық ақындар айналысады. Ақындар өлеңді “саз” деген аспаппен сүйемелдейді. Ашық өнері музыканы адам мен рухани әлемді байланыстыру үшін пайдаланылған Орта Азиялық шамандардан өзінің арнасын алады. 18 ғасырдан бастап Ашық ақын әйелдер пайда болды. Осы жанр Өзербайжан халық өнері ретінде көп ғасырлардан бері қолданылып келеді, дәстүрлі түрде үйлену тойлар, салт-дәстүр, ұлттық мейрамдарда орындалады. Ұстаздан шәкіртке ауысып Ашық өнері көп ғасырлар бойы сақталып, қазіргі кезде дамуда.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ИСКУССТВА АШЫҚ

Олдфилд А.,

доктор PhD Университета Каролины, Конвей, США,
oldfield73@gmail.com

Ключевые слова: традиции Ашық, искусство Ашық акынов, дастан, музыкальные инструменты, Ашық женщины-акыны, подъем Ашық, коренные репертуары, национальные композиторы, музыкальные инструменты.

Аннотация. Ашық является старейшим живым искусством акынов Азербайджана. Этот 500-летний жанр, включающий в себя произведения устной литературы, в том числе эпические повествования под названием “дастан” и лирику. Практикующими в данной области являются профессиональные акыны, называемые Ашық, что означает “тот, кто влюблен”. Ашық менестрели исполняют свои произведения песне, сопровождая себе на лютне называемом “саз”. Ашық имеет свои истоки от среднеазиатских шаманов, которые использовали музыку для создания общения между человеком и духовным миром. С 18-го века появились Ашық женщины-акыны. Этот жанр был вплетен в народное искусство Азербайджана на протяжении многих веков, и традиционно исполняется на свадьбах, обрядах, национальные праздники. Передаваясь устно от учителя к ученику на протяжении многих поколений, Ашық искусство сохранилось и развивается в настоящее время.

Статья поступила 16.03.2016 г.

UDC 811.512.154

ANTHROPOLOGY AND FOLKLORE OF CENTRAL ASIA TAEYIP (ELDER SHAMAN WOMEN) TALKING ORAL NARRATIVES MORE FULLY INTO ACCOUNT

Sartbay F.,

PhD doctorate student,

University Wisconsin-Madison, USA, sartbaeva@wisc.edu

Keywords: *taeyip* (elder shaman women), shamanic poetics, shamanic faith, oral narratives, Qur'anic verses, anthropology, gender segregation.

Abstract. The article discusses the question about the agency of *taeyip* (elder shaman women) has been historically manifested through the incorporation of Islam into shamanism via indigenous shamanic oral narratives in Central Asia. These oral narratives recited by *taeyip* within the household setting to instruct youth about people's relations to totemic animals have been powerful medium for religious and moral teaching. In addition, the content of these oral narratives are connected with beliefs in totemic wolf foremother of Central Asians, who possesses person-attributes.

The *taeyip* who recite oral narratives amongst Kyrgyz are individuals, who express their verbal skills in private settings to teach youth Qur'anic verses and shamanic poetics that retain and transmit moral values. Therefore, my paper aims to examine oral narratives of Central Asian culture as stories about the totemic wolf as a foremother of Central Asians that illuminate the shamanic faith of Kyrgyz.

The novelty of my approach to studying the Muslim faith stems from studying Islamic behavior and deeds using the prism of oral narratives, as expressed by Kyrgyz in private settings where *taeyip* shares stories as a medium of religious and moral teaching to instruct women about their relations to the self.

Since anthropology stresses the importance of oral narratives, my goal is to investigate how oral narratives are examined in the works of anthropologists as a specific genre within ethnography. The study of oral narratives has a long history in anthropology dating to Sir James George Frazer's *the golden bough: a study in magic and religion*. In addition, scholars have underlined the importance of oral narratives in influencing "natives" social conduct within anthropology in the works of Malinowski 1922; Malinowski 1954; Geertz 1973; Tedlock 1983; Clifford and Marcus 1986; Abu-Lughod 1993; Behar and Gordon 1996; Narayan 1989. Moreover, several anthropologists have argued that oral narratives shape and transmit religious values and are often used to challenge larger social forces to communicate cultural ethos in different contexts in scientific works of Dundes 1980; Narayan 1997; Narayan and George 2001; Whitehead 2003; Cruikshank 1998; Price 2008.

In fact, several modernist anthropologists who engage with the Islamic world have documented folklore to discuss the importance of oral narratives

in influencing the religious faith among particular ethnic communities in the works of Abu-Lughod 1986; Caton 1990; Flueckiger 2006; Miller 2007. However, a number of scholars have overlooked the influence of oral narratives in shaping and transmitting the Islamic faith of the believer by largely limiting research to the written sources of Qur'an, the Hadith and the teachings of official Muslim clergy of Mahmood 2005; Rasmussen 2010; Ebrahimji & Suratwala 2011. My paper benefits from such prior ethnographies, while simultaneously inflecting these primarily Arabic-centric studies, which gravitate towards Islamic orthodoxy, with vernacular forms of gendered religiosity in the area of Central Asia on the peripheries of the Islamic world.

Analysis of Expansion of Soviet State in Kyrgyzstan explores issues connected with expansion of Soviet state in Kyrgyzstan society which has experienced gender stratifications that lead to eventual women's religious, social, economic, and cultural subordination. It also addresses the case of Kyrgyzstan by drawing parallels and contrasts within the Central Asian region to illuminate the expanding role of the state that are affecting gender roles. Here I argue that historically speaking, Pre-Soviet Kyrgyz nomadic society has been traditionally a relatively gender egalitarian community, in which the gradual forceful introduction of sedentarization of the Soviet state in the society increased gender segregation. Therefore, this section illustrates how the fracturing and establishment of strong gender roles in Kyrgyz society eventually led to subordination of women in social institutions of male dominated modern Kyrgyz society in Post-Soviet context.

Thomas DuBois's argument about shamanism notes that for the most part the small-scale societies often tend to be largely egalitarian communities, where "religious rituals are often carried out within the home, and religious practitioners may be individuals, heads of households, elders, or specialists. Rituals vary in their execution, spiritual relations are private and unique, and small details of the cosmos may differ from practitioner to practitioner" [1, p.9]. This argument characterizes the Pre-Soviet nomadic Kyrgyz society in the sixteenth century before it was assimilated to the Soviet state. Indeed, religiously speaking, Kyrgyz pastoral nomadic society was relatively gender egalitarian, a place where women once shared power with men, not only through their participation in economic production activities and in food security, but also through women's participation in the egalitarian access to traditional health through shamanic practices. However, with increasing sedentarization, urbanization, and the emerging institutionalization of Kyrgyzstani literate Islamic official male clergy, Kyrgyz women became

gradually marginalized and relegated to becoming figurative keepers of Kyrgyz unofficial verbally-based Islamic and shamanic tradition at the private space.

Consequently, the expansion of modernization and the Soviet state have empowered men in the public life, introducing them to the new avenues of power: as local government officials and mullahs, which became effectively closed to women. Therefore, over time Kyrgyz society became fractured along religiously inflected gender lines, with women gradually becoming relatively weaker and marginalized not only religiously, but also socially, economically and culturally.

Even though, religiously speaking, contemporary Kyrgyz society is strongly stratified along gender lines, historically speaking, pre-Soviet Kyrgyz shamanic cosmology preserved both female and male gods, displayed as equals. In addition, women shamans, called *Taeyip* manifested agency through the fusion of oral epic heroism and Qur'anic verses in Central Asia, acting as healers such as Fathi 1997; Kamp 2010; Kandiyoti & Azimova 2004; McBrien 2009; Michaels 1998.

For example, one of the ways in which this gender equality was displayed in Kyrgyz society was through the existence of both “Umai Ene” (Mother Earth), who is a shamanic goddess and her male counterpart, “Goko Tengir” (male god of blue sky) [2, p. 248]. Both of these indigenous shamanic gods exhibit traditional physical and emotional male and female features as part of their identities. For example, the existence of the “Mother Cult” is cited in the cosmology of Turkic – speaking pastoral nomadic societies of the Tien – Shan, the Pamirs and the Altai [3, p.506]. Ju. B. Simcenko 1978, Mother Cult Among the Central Eurasian Peoples in Shamanism in Siberia, including Daur Mongols, which corresponds with Thomas DuBois’s argument that “the terrains envisioned in shamanic cosmologies often reflect the environment in which the community lives”. This cosmology supported a clear socioeconomic nomadic practices following migratory routes of livestock and developing a whole economic structure that prevented agricultural practices considering land manipulation or transformation as inconsistent with the sacredness of “Umai Ene”.

Another way in which this gender equality was displayed in Kyrgyz society was through the existence of decentralized female goddesses (Aitmatov 1972; Aitmatov 1999; Fitzhugh 2009; Baldick 2000, Simcenko 1978). Scholars who have worked in the area of shamanism in Siberian cultures have also confirmed about the existence of female goddesses associated with fertility (Vitebsky 2006, Willerslev 2007, Gorbacheva

2006, Devlet 2001). However, with the arrival of Sufi Islam in Kyrgyzstan, “Umai Ene” and other female goddesses became marginalized in relation to the male god “Goko Tengir” (God of blue sky) being considered as a separate area of Islamized shamanism later practiced almost entirely by female *Taeyip*.

Taeyip have acted as traditional health practitioners equally as male shamans (Basilov 1978; 1992), and scholars who explored the religious life of Central Asian peoples note how the *Taeyip* has participated in Sufi ritual called “zikr” to perform healing ceremonies within yurts (Nurtazina 2000; Centlivres 1971). However, *Taeyip*’s religious prerogatives became marginalized in Kyrgyz’s religious life due to the prevalence of male mullahs in the region. As Deniz Balgamis notes, Pre-Soviet Central Asian nomadic religious life lacked the existence of institutions such as mosques and literate male clergy, and therefore women did not practice veiling or seclusion, which contributes to the analysis of this foregoing paper to understand how these conditions were favorable for *Taeyip* to function as religious leaders.

I argue that the Soviet state’s presence in Central Asia intended to force indigenous and specifically female populations to become sedentary to participate in the new industrial and agrarian sectors; therefore, the state authorities were determined to “liberate” women to turn them into what Michel Foucault calls the “docile bodies” of the state and to transform the religious women traditional leadership. This gradual forceful introduction of sedentarization meant for Kyrgyz society to become increasingly gender-segregated with the implantation of literate male dominated state created and controlled Islamic institutions in Kyrgyzstan.

During this period, *Taeyip* become marginalized with Soviet male – clergy promoting “Tengir” (male god of blue sky) as “Allah” – as the most supreme deity, while “Umai Ene” started losing “her” religious significance in the public realm. Nevertheless, in this new political framework the female “Umai Ene” lost significance in the public realm such as mosques and educational institutions more focused with male clergy studying the Qur’an in Arabic language, but she still retained presence in the cultural consciousness of women connected to cosmologies of fertility, household protector, and source of oral narratives. However, “Umai Ene” was not given any political significance to oppose forced rearrangement of nomadic way life or forced literate interpretations of religious cosmologies imposed by institutional educational by the Soviet state, she regained presence in the region’s cultural revivalism in the current Post-Soviet periods [3, p.204] as

an oppositional force to resist foreign approaches to religion imposed by Islamic missionary movements supported by state.

This forced rearrangement of nomadic way life, or also termed as sedentarization via Land Policy aimed at coercing nomads to become a semisedentary or sedentary society started as part of a colonial plan pursued by Russian state to subdue Turkic – Mongolian populations of Central Asia from the sixteenth through the nineteenth centuries [4, p. 465]. As a result, socio-economic, political and cultural changes took place in the lives of indigenous nomads, as the Soviet regime aspired to modernize Central Asia and therefore overthrew the former religious leaders to transform the region into national lines. While there was already a considerable increase in agriculture during the Tsarist period in Central Asia [5, 103] within the realm of religious changes, unlike in Siberia and Mongolia, where the Soviet state considered shamanism as backward, perpetuating policies to abolish it, in Central Asia the state perceived Islam as reactionary to the atheist ideology.

In addition, the Soviet state considered that Qur’anic scripture endorsed sexual inequality between men and women [6, p.173], viewing male mullahs as the ideological supporters of the “*bois*”. Therefore, the state took charge of religious life of Central Asians not only by persecuting, imprisoning, and confiscating religious lands, but by also constructing hierarchical relationship between male mullahs and the *Taeyip*. Despite this conflicting contexts the *Taeyip* remain active in the socio-economic and political life within their communities by preserving their roles of keepers of sacred shrines, maintaining the oral traditions and the community cohesion beyond the state control and articulating their social functions outside of formal male -oriented institutions on different institutions of the world in the works of following scholars Bennigsen and Wimbush 1985; Fathi 1997; Kamp 2010; Kuchumkulova 2007; Poliakov 1992.

However, over time, this Soviet fracturing and establishment of strong gender roles in Kyrgyz society and religious public space eventually led to subordination of first the *Taeyip* and later all other women in social institutions of male dominated modern Kyrgyz society. These social processes of marginalization of women eventually led to gender inequality, a place in Kyrgyzstan where women gradually became relatively weaker and downgraded not only religiously, but also socially, economically and culturally.

Particularly, the rise of “fundamentalist Islam” in Kyrgyzstan as well as the rise of Islamic missionary movements supported by the state

led to the decline of women's relative equal status due to its imposition of scriptural understanding in new political frameworks in Post-Soviet space in the research of Khazanov 1993; Isabaeva 2011; Ancker, Rechel and Spicer 2013; Tynaliev and McLean 2011; Wachtel 2013; Yemelianova 2013; Kandiyoti 2004. This rise of "fundamentalist Islam" and Islamic missionary movements connected with the growth of mosques and madrassas, exported foreign religious literature and missionary funds to support religious education in the works of Rashid 2002; Ushakov 2005; Salhani 2011; Malashenko 2004; Rotar 2012; ICG 2009 impose patriarchal formal endorsements of gender segregation. Consequently, there is an emergence of a new ideological movement, "Tengrism", growing in Post-Soviet Kyrgyzstan and its neighbor Tatarstan, which although marginal to the political mainstream it still "represents a key element in the identity renewal of Turkic – Mongol peoples" also noted that although followers of Tengrism in Kyrgyzstan are mainly the nationalist intellectual elite claiming to revive the ancient cult of the god Tengri while stating that "Islam as a faith [is] foreign to local populations" [7, p. 203], the role of the female goddess "Umai Ene" (Earth mother) [7, p. 214] is significant within this movement for the search of national faith. This is a significant point of intersection of women resistance to the interpretations of imposed gender roles in society that characterized the rise of fundamentalist Islam as well as Islamic missionary movements supported by Post-Soviet state in the research of Heyat 2004; Jessa 2006; McBrien 2009; Penkala-Gawęcka 2013; Sartbaeva 2005.

This paper explores the degree of the influence of oral narratives in cultivating the moral values of religious faith in Kyrgyz culture, illuminating the role of shamanism in Islam. The act of dissemination of oral narratives has been limited within the circle of women in Kyrgyzstan having important effects on their construction of selfhood that have gone largely unexamined.

Morten Axel Pedersen in *Not Quite Shamans: Spirit Worlds and Political Lives in Northern Mongolia* shows how the gendered conflict between Darhad female shamans and male lamas in Mongolia is often expressed through the medium of the oral poetics used by female shamans, who underscore their local authenticity in their songs. In contrast, male lamas are argued to draw their powers from their ability to read and cite books to gain prestige. Likewise, this gendered conflict between *taeyip* and male clergy also exists in Kyrgyzstan. For example, in Jalal-Abad I observed how an older *taeyip* woman publicly challenged a young educated mullah's prohibition on gender mixing in public place. She argued that

gender segregation has never existed in Kyrgyz culture except for funerals. Indeed, the *taeyip* still heal the sick “with the aid of the Koran” in the context of their shamanic healing in Kyrgyzstan and Kazakhstan [8]. My future research will inquire whether the practice of the *taeyip* is another example of “popular Islam” that fuses two forms of Islamic practice: a male dominated formalized form of Islam that perpetuates a gender hierarchy of state and clergy domination and a Central Asian fusion of Islam and shamanism that promotes gender equality and the recognition of shamanic healing.

REFERENCES

- [1] DuBois T.A. An introduction to shamanism. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- [2] Ualikhanov Sh. Etnograficheskoe nasledie kazakhov. Pavlodar, 2005 [in Russ.].
- [3] Simcenko Ju. B. Mother Cult Among the North Eurasian Peoples. In: Shamanism in Siberia. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1978.
- [4] Laruelle M. Religious revival, nationalism and the “invention of tradition”: political Tengrism in Central Asia and Tatarstan. *Central Asian Survey*, 2007.
- [5] Khazanov A. M. Muhammad and Jenghiz Khan compared: the religious factor in world empire building. *Comparative Studies in Society and History: an International Quarterly*, 1993, № 35, p. 461 - 479.
- [6] Bacon E. E. Central Asians under Russian rule; a study in culture change. Cornell University Press, 1966.
- [7] Molyneux M. Women in Socialist Societies: Problems of Theory and Practice. In: Young, Wolkowitz and McCullagh (eds). *Of Marriage and the Market: Women’s Subordination in an International Perspective*. London: Routledge, 1981. P. 169-200.
- [8] Kassymbekova B. Central Asia: Turning to the Taeyip. 2003. Available at: http://www.osmhi.org/contentpics/202/mdap_tol_kazakh.pdf. Last Accessed: 11. 09.2008.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ АНТРОПОЛОГИЯ МЕН АУЫЗША ФОЛЬКЛОРДАҒЫ ТАЕҮІР (ШАМАН ӘЙЕЛ) МӘСЕЛЕСІ

Сартбай Ф.,

Висконсин-Мэдисон Университетінің PhD докторанты, АҚШ,
e-mail: sartbaeva@wisc.edu

Тірек сөздер: таеуір (шаман әйел), шаман поэтикасы, шаман діні, ауызша әңгімелер, Қоран сүррелері, антропология, жынысқа байланысты сегрегация.

Аңдатпа. Мақалада Орталық Азияда мемлекеттерінде, оның ішінде қырғыз мәдениет, тарихындағы таеуір (шаман әйел) алар орны, тарихи қалыптасу кезеңдері баяндалады. Сонымен бірге сол елдің мәдениетінде тотемизм, андар мен этнос арасындағы байланыс көрсетіледі.

Жалпы ауызша шығармалар жастар арасында жан-жануарлар мен қатынасты күшейту, адамгершілік, мейірбандық сынды қасиеттерді дамыту мен бірге қырғыз халқының қоршаған ортамен қатынасын ашып көрсетеді.

**АНТРОПОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ТАЕУІР
(СТАРЕЙШИНА ЖЕНЩИНА ШАМАН) В УСТНЫХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ**

Сартбай Ф.,

PhD докторант Университета Висконсин-Мэдисон, США,
e-mail: sartbaeva@wisc.edu

Ключевые слова: таеуір (старейшина женщина шаман), шаманская поэтика, шаманская вера, устные рассказы, Коранические стихи, антропология, сегрегация по признаку пола.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о таеуір (старейшина женщина шаман), присутствующей в шаманских устных повествованиях в Центральной Азии. Эти устные нарративы читались таеуір в домашней обстановке, чтобы рассказать молодежи об отношениях людей к тотемным животным, что являлось мощным средством религиозного и нравственного учения. Содержание этих устных повествований связано с верованиями в тотемного волка, праматери выходцев из Центральной Азии. В статье исследованы устные нарративы культуры Центральной Азии, как рассказы о тотемном волке как праматери выходцев из Центральной Азии, которые освещают шаманскую веру кыргызов.

Статья поступила 12.03.2016 г.

UDC 81.3

LINGUISTIC IDENTITY OF A NEW TYPE IN THE EDUCATIONAL DISCOURSE OF KAZAKHSTAN

Zhumagulova N.S.,

PhD, head of the department of foreign languages and translation studies of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University, Kokshetau, Kazakhstan,
n_schum@inbox.ru

Zhumagulova E.V.,

senior lecturer of foreign languages department of Sch. Ualichanov Kokshetau State University, Kokshetau, Kazakhstan,
rinju@rambler.ru

Keywords: Eurasian space, Eurasian linguistic identity, educational discourse, language politics, Kazakh, the state language, polynational Russian language, native language, foreign language, English, linguistic pluralism, mentality, concept, the languages of training.

Abstract. The article discusses the question about the formation of the language identity of new type in the educational discourse of Kazakhstan. The paper presents the characteristics of the language policy in multiethnic Kazakhstan. The article analyzes the use of the languages of training and studied languages in the educational discourse of universities. The article describes the characteristics of the different types of language identity, formed in the educational discourse of Kazakh universities. The authors explore various models of Eurasian language identity functioning and formed now in the polilingvamental and multinational space of the educational discourse of Kazakh universities. The criteria which are taken as a basis of Eurasian language identity modeling are developed – to have native speaker competence in Kazakh and Russian languages; to have skills of intercultural communication in English as language of the international communication and to master skills of intercultural communication in the second foreign language.

Eurasian linguistic identity is formed in Eurasian space, characterized as “independent civilization, special civilization that exist on the basis of its own laws and rules and all the states must promote functioning of this civilization” [1]. Scientists suppose that today “Eurasian space has quite wide borders, general geopolitical and economic area from Eastern Europe to India and China” [2]. Kazakhstan takes central place in Eurasian space due not only to its political initiatives and economic policy, but also to its tendency to save optimal linguistic diversity and language pluralism in the country where representatives of more than 120 ethnos live. In Eurasian space at large and in Kazakhstan in particular the Russian language plays a key role as a language of international communication and interethnic understanding. For people of Kazakhstan competence in the Kazakh language is the condition of ethnic, professional and age groups integration

into the single cultural, educational, social and political space.

To give adequate representation of the linguistic situation in the Republic of Kazakhstan and to describe of the linguistic identity of a new type, formed in the educational discourse of a university it is advisable to refer to public documents adopted during the years of sovereignty and regulating the use of languages of the two most numerous ethnic groups living in the area – Kazakh and Russian. First of all they are: Law of the Republic of Kazakhstan № 151-І dated 11.07.1997, “About languages in the Republic of Kazakhstan”, Enactment 5: “In state institutions and local governments the Russian language is used along with the Kazakh language” [3] and Decree of the President of the Republic of Kazakhstan № 550 dated 07.02.2001 “About the State program of functioning and development of languages for 2001-2010”, which guarantees “to ensure the functioning of the Russian language as the language officially used in public institutions and local governments” [4]. The Russian language functioning in multiethnic space of Kazakhstan has its own specific functions and characteristics [5, с. 34]. For example, E.A. Zhuravleva introduces the concept of “the multinational language, “that is the Russian language in the northern region of Kazakhstan and says that “peculiarity of the multinational Russian language is that originality is evident not only in the language of the ethnic groups using the Russian language in intra-ethnic communication, but also in the language of the ethnic Russian” [6, с. 14]. Cultural concepts, reflected by key words in the Russian language in Kazakhstan, correct mental features and help to form Kazakhstan identity” [5, с. 25].

In the State program of development and functioning of languages in the Republic of Kazakhstan for 2011-2020, adopted by the President of the Republic of Kazakhstan according to Decree № 110 dated June 29, 2011 special accent is made on pursuing harmonic language policy to ensure full operation of the state language as the most important factor of strengthening national unity while preserving languages of all ethnic groups living in Kazakhstan. The Program postulates the official language as the main factor of national unity, stresses the necessity of popularization of official language widespread use and sets a mission to form advanced linguistic culture of Kazakhstan people notwithstanding their nationality. Competence of all the members of multiethnic community in official and Russian languages rises national intellectual potential and encourage the development of linguistic capital of Kazakhstan people [3]. Law of the Republic of Kazakhstan “On Education” (with changes and amendments as of 24.10.2011) says: “At present Kazakhstan pays great attention to the development of the official language. In central and local executive bodies, in the regions on

the base of universities Kazakh language training centers are established, compulsory language training courses are introduced, record management is conducted in Kazakh, level training of the official language is introduced in primary and secondary schools” [4]. Law of the Republic of Kazakhstan dated July 11, 1997 № 151-I “On languages in the Republic of Kazakhstan (with changes and amendments as of 03.07.2013)” says “According to Enactment 4 official language of the Republic of Kazakhstan is the Kazakh language. Official language is the language of government, legislation, legal proceedings and record management, acting in all the spheres of social relations throughout the state. Every citizen of the Republic of Kazakhstan is to master the official language that is an important factor in consolidating the people of Kazakhstan. Government, other state, local representative and executive authorities are obliged to: fully develop the state language in the Republic of Kazakhstan, strengthen its international authority, create all the necessary organizational, material and technical conditions for free and open learning of the official language by all the citizens of the Republic of Kazakhstan, assist the Kazakh diaspora in the preservation and development of the native language” [5, с. 23].

The State Program of development and functioning of languages in the Republic of Kazakhstan for 2011-2020 gives high target indicators: “the share of the adult population, who can speak the official language (according to the results of examination on the system of assessment of the Kazakh language knowledge level of citizens of Kazakhstan on the program “Kaztest” by the year 2014 will be 20%, by the year 2017 – 80%, by the year 2020 95%), the proportion of school leavers who can speak official language at level B1 will make 70% by 2017, 100% by 2020; the proportion of the adult population of the country who can speak Russian (by 2020 will be 90%), the proportion of ethnic groups involved in courses of native language learning at national-cultural associations (will be 60% by 2014 – 80% by 2017, 90% by 2020), the proportion of the population speaking English will be in 2014 – 10%, 2017 – 15%, 2020 – 20%” [3].

The Enactment of the State program of development and functioning of languages in the Republic of Kazakhstan saying that modern specialists must master three languages: the official language, Russian and English deserves special attention. “The proportion of the population speaking three languages should grow in the following progression: in 2014 – 10%, by 2017 – 12%, by 2020 – up to 15 % of the population. To achieve this goal a network of specialized schools for gifted children learning three languages is created. Currently, the Republic has 33 schools with three languages training” [4].

The above mentioned documents has defined the status of the Kazakh language as a public, official and consolidating one, Russian as a language of international communication and an official one, English as a language of international communication, as well as their central role in the educational discourse of Kazakhstan universities and society in altogether. Besides, Enactment 6 of Law of the Republic of Kazakhstan “On languages in the Republic of Kazakhstan (as at 03.07.2013, the)” states: “every citizen of the Republic of Kazakhstan has the right to use his native language, to choose freely the language of communication, education, training and creation. The state sees to conditions for studying and development of Kazakhstan languages” [6, p. 17].

The analysis of the mentioned documents let us make the conclusion that today we are talking about a new type of linguistic identity the formation of which the state and society as a whole are interested in. Implementation of the State program of functioning and development of languages and Law of the Republic of Kazakhstan “On Education” are carried out primarily in educational discourse of Kazakhstan. In today’s educational discourse of Kazakhstan universities different languages of learning: Kazakh, Russian and foreign languages such as English, German, Chinese, Turkish are presented. At the same time it should be noted that the palette of foreign languages taught in high schools of various status from national to regional –and studied by students is much broader: besides the already mentioned languages the universities prepare professionals with the knowledge of French, Italian, Spanish, Polish, Arabic, Hindi, Farsi, Urdu, Chinese, Japanese, etc.

For example, in the former Pedagogical Institute of Foreign Languages, now the Kazakh University of International Relations and World Languages students studied English, German and French at 3 departments in 1983. Today, 30 years later, the languages of training in this university are Russian, Kazakh, English, German and Chinese and the number languages is constantly growing. Besides the Kazakh University of International Relations and World Languages, a leading institution in the field of training specialists with professional knowledge of foreign languages, there are the languages specialties in most multidisciplinary universities of the Republic of Kazakhstan. During the years of sovereignty in national universities such as Kazakh National University after L.N. Gumilev and Kazakh National University after Al-Farabi new specialties such as regional studies, Orientalism, which also trains specialists speaking different foreign languages, has been opened. In the elite National Nazarbayev University

students are taught only in English.

Thus, linguistic identity of a modern Kazakh specialist is formed in educational discourse, which has its own specific features: equitable use of the Kazakh and Russian languages; foreign languages (English, German, Chinese, Turkish) are included in the process of language study; the role of the official language in the educational discourse of universities in Kazakhstan becomes more important due to the expansion in the number of prospective student who left Kazakh schools and also with the increasing number of schoolbooks and training aids in Kazakh; functioning of national universities that have a certain status and train specialists in the fields of strategic importance; participation of foreign experts in the formation and functioning of educational discourse of Kazakhstan universities; use of foreign experience in the practice of Kazakhstan education; mass participation of young people in education; state promotion of the creative initiative of students and university professors; teachers' and students' participation in national and international research programs; partnership of universities; strengthening of the research component in higher education; reforming of the research principles and etc. This promotes the growth of scientific publications in English and other foreign languages, increase of the linguistic capacity and intellectual culture of all educational discourse participants.

The above mentioned processes show that higher education in Kazakhstan has gone beyond the national boundaries and has entered into a worldwide process of globalization and standardization of higher education, but at the same time it seeks to preserve national priorities. Similar processes also occur in European educational discourse: to enter a prestigious university one must know Latin, English, and competition on the labour market makes one learn other foreign languages, for example Spanish, German, Italian, etc. [7, p. 22; 8, p. 43; 9, p. 37]. Actually, today we observe the process of linguistic identity unification in Eurasian-European space: any up-to-day specialist must speak his native language and at least two foreign languages to compete successfully in the labour market.

So, educational discourse of Kazakhstan today represents a favorable environment for the formation of linguistic identity of a new type. We call it the Eurasian linguistic identity, combining language culture and mentality of the multinational state. The main criterion that makes the basis of the Eurasian linguistic identity modeling is perfect knowledge of the Kazakh and Russian languages. According to population census data dated February 25, 2009, the Kazakhs make up 63.07 % of the total population, then follow

the Russian–23.7%. But it should be noted that not all Kazakhs know the Kazakh language at the level of oral and written communication, especially in northern and central Kazakhstan, which is due to historical circumstances.

Table 1 – Nationality of spouses, native language and language of communication in the family

Spouses	Nationality	Native language	Language of communication in the family	Native language of children
Husband Wife	Tatar Kazakh	Tatar Kazakh	Kazakh Russian	Kazakh
Husband Wife	Kazakh Russian	Kazakh Russian	Kazakh	Kazakh
Husband Wife	Kazakh Russian	Kazakh/Russian Russian	Russian	Kazakh
Husband Wife	Kazakh Turkmen	Kazakh Kazakh	Kazakh	Kazakh
Husband Wife	Kazakh Bashkir	Kazakh Russian	Russian Kazakh	Kazakh

Representatives of other nationalities, including Ukrainians, Belarusians, Poles, Germans, etc. live in Kazakhstan and for them Russian is their native language today because their own language didn't become the language of communication in the family because of lost national traditions, lack of motivation, language environment, etc. We made a poll among teachers of secondary schools of Akmola region married to the representatives of ethnic minorities. The results are given in Table 2.

Table 2 – Nationality of spouses, native language and language of communication in the family
(both are representatives of ethnic minorities)

Spouses	Nationality	Native Language	Language of communication in the family	Native language of children
H u s b a n d Wife	German Korean	Russian Russian	Russian	Russian
H u s b a n d Wife	German Ukranian	Russian Russian	Russian	Russian
H u s b a n d Wife	Pole Tatar	Russian Russian	Russian	Russian
H u s b a n d Wife	Pole German	Russian Russian	Russian	Russian
H u s b a n d Wife	German Pole	Russian Russian	Russian	Russian

Table 3 – Nationality of spouses, native language and language of communication in the family (Russian + representative of ethnic minorities)

Spouses	Nationality	Native language	Language of communication in the family	Native language of children
Husband Wife	Russian German	Russian Russian	Russian	Russian
Husband Wife	Pole Russian	Russian Russian	Russian	Russian
Husband Wife	Russian Ukrainian	Russian Russian	Russian	Russian
Husband Wife	German Russian	German Russian	Russian	Russian
Husband Wife	Ukrainian Russian	Russian Russian	Russian	Russian
Husband Wife	Russian Tatar	Russian Russian/Tatar	Russian	Russian

The second important characteristic of the Eurasian linguistic identity is possession of intercultural communication skills in English as the language of international communication. According to data obtained in the result of our sociolinguistic monitoring, the greatest success in mastering language skills and speech skills in English reached Kazakhstan citizens aged 20 to 40 who study or have studied English as a specialty in universities of Kazakhstan, including the holders of scholarship “Bolashak”, trained or studying in various foreign universities, as well as ambitious students of nonlinguistic specialties.

Table 4 – Competence in Kazakh, Russian and English

Sex	National language (Kazakh)	Language of international communication (Russian)	Language of cross-border communication (English)
Male	33/75%	44/100%	11/25%
Female	75/68%	110/100%	45/40%

The third characteristic of the Eurasian linguistic identity is possession of intercultural communication skills in the second foreign language. The results of the study confirmed our hypothesis that some of the top managers of the Kazakhstan business and politics successfully communicate in business in two foreign languages, the first of which is English and the second one which is most frequently used is German. This is probably due

to the presence in the Kazakh society of the German expat community, the presence of schools in the German language, strong methodological school, free German language courses held by German society “Wiedergeburt”, presence of German business in the economy of Kazakhstan, etc. As for the language skills of the EU population as a whole, just under a third (28%) of surveyed (from the age of 25 to the age of 64) said they speak two or more foreign languages, but 36% cannot not speak any [10].

An important characteristics of the Eurasian linguistic identity is competency in their own language. It should be noted that among the many ethnic groups of the Republic of Kazakhstan only few is competent in the native language at the level of speech and writing. For example, the results of survey in Akmola region in which professors and students of Sh. Ualikhanov Kokshetau State University, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University, Academy “Kokshe”, teachers of Esil and Atbasar secondary schools took part show that national traditions and languages of the majority of the non-titular nation representatives are in a significant loss. However, the representatives of the titular nation, the Kazakhs, speak the native language in this region to varying degrees. This is due to the lack of language environment, which is able to provide full use of the native language in all the spheres of life, intermarriage, multiethnic area residents, etc.

In a multiethnic state the linguistic identity is also characterized by ability to speak one of the languages of Kazakhstan peoples. Currently in Kazakhstan there are dozens of bilingualism models of the following type “native language + Kazakh / Russian / minority language”.

The model of Eurasian linguistic identity is realized in different types the basis of which is active motivated discursive activity in one and/or several languages/. So, we have identified Eurasian linguistic identity of elitist type, in which all of the above characteristics of the Eurasian linguistic identity are represented; Eurasian linguistic identity of the ideal type—knowledge of the Kazakh, Russian and English languages; Eurasian linguistic identity of the model type – knowledge of the Kazakh and Russian language (and the native language); Eurasian linguistic identity of the of the ordinary type—knowledge of the native language.

It should be noted that all the above mentioned types of Eurasian linguistic identity are represented in educational discourse of the university and in the Kazakhstan society in general and they are formed in this society, which has its own specific mental characteristics.

Realias of today are that on the one hand every ethnos is seeking to resist towering universalization, preserve and restore its own ethnicity, but on the other hand processes of globalization and world integration lead to some extent to the loss or change, adaptation to other ethnicity, to the ethnicity of those who live near us, whose language and culture we study, who we communicate to within international programs, engagements, agreements and so on.

REFERENCES

- [1] Dvoretzkiy V.Ya. Evraziyskoe prostranstvo – samostoyatel'naya tsivilizatsiya. Rezhim doctupa: URL.: (data obrashhenija 01.03.2016) [in Russ.].
- [2] Zakon Respubliki Kazahstan “O yazykah v Respublike Kazahstan”, 1997. Rezhim doctupa: URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034 (data obrashhenija 04.03.2016) [in Russ.].
- [3] Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan # 550 ot 07.02.2001 g. “O Gosudarstvennoy programme funktsionirovaniya i razvitiya yazykov na 2001-2010 godyi”. Rezhim doctupa: URL:http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021749 (data obrashhenija 04.03.2016) [in Russ.].
- [4] Gosudarstvennaja programma funktsionirovaniya i razvitiya yazykov na 2001-2010 godyi. Rezhim dostupa: URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000110> - (датаобращения 04.03.2016) [in Russ.].
- [5] Vaysgerber Y.L. Rodnoy yazyk i formirovanie duha. M.: Knizhnyiy dom “Librokom”, 2009. 232 s. [in Russ.].
- [6] Zhuravleva E.N. Variativnost leksicheskoy sistemy: russkiy kak polinatsionalnyiy yazyk. Avtoref. diss. ... d-ra fil. nauk, Almatyi, 2007. 44 s. [in Russ.].
- [7] Siguan M. Die Sprachen im vereinten Europa, Stauffenburg, 2001.
- [8] Steinig W., Huneke H. W. Sprachdidaktik Deutsch. Eine Einführung. 2., überarbeitete und erweiterte Auflage. Erich Schmidt Verlag, 2004.
- [9] Veith W.H. Soziolinguistik. Ein Arbeitsbuch. 2., Auflage, 2005.
- [10] Most EU students learn two foreign languages: Rezhim doctupa: URL: www.euractiv.com/culture/eu-students-learn-foreign, data obrashhenija 01.03.2016.

ҚАЗАҚСТАН ОҚУ ДИСКУРСЫНДАҒЫ ЖАҢА ТИПТЕГІ ТІЛДІК ТҮЛҒА

Жұмағұлова Н.С.,

п.ф.к., шетел тілдері мен аударма ісі кафедрасының меңгерушісі,
Абай Мырзахметов атындағы Көкшетау Университеті,
Көкшетау, Қазақстан, n_schum@inbox.ru

Жұмағұлова Е.В.,

шетел тілдері кафедрасының аға оқытушысы,
Шоқан Уәлиханов атындағы Көкшетау Университеті,
Көкшетау, Қазақстан, tinju@rambler.ru

Тірек сөздер: еуразиялық кеңістік, еуразиялық тілдік тұлға, оқу дискурсы, тілдік саясат, қазақ тілі, мемлекеттік тіл, көпұлтты орыс тілі, туған тіл, шетел тілі, ағылшын тілі, тілдік плюрализм, діл, концепт.

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасының тіл саясатының сипаттамалары берілген, Қазақстанның оқу дискурсында жаңа типті тілдік тұлғаның қалыптасуы қарастырылады. Мақалада жоғары оқу орындарының оқытылатын тілдерді пайдалану мен оқытылуына талдау жүргізіледі. Мақалада жоғары оқу орындарындағы оқу дискурсында қалыптасатын, тілдік тұлғаның түрлі сипаттамалары сипатталады. Авторлар полилингвальды және көпұлтты кеңістікте оқу дискурсындағы жоғары оқу орындағы еуропалық тілдік тұлғаның түрлі моделдерін зерттейді. Еуразиялық тілдік тұлғаны модельдеудің негізінде жатқан талаптары құрастырылды – қазақ және орыс тілдерін ана тілінің деңгейінде білу, халықаралық қарым-қатынас тілі ретінде ағылшын тілінің мәдениаралық коммуникация дағдыларын меңгеру және екінші шет тілінің мәдениаралық коммуникация дағдыларын игеру.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ НОВОГО ТИПА В УЧЕБНОМ ДИСКУРСЕ КАЗАХСТАНА

Жумагулова Н.С.,

к.п.н., зав.каф. иностранных языков и переводческого дела,
Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова,
Кокшетау, Казахстан, n_schum@inbox.ru

Жумагулова Е.В.,

ст. преп. кафедры иностранных языков,
КГУ имени Шокана Уалиханова, Кокшетау, Казахстан, rinju@rambler.ru

Ключевые слова: евразийское пространство, евразийская языковая личность, учебный дискурс, языковая политика, казахский язык, государственный язык, полинациональный русский язык, родной язык, иностранный язык, английский язык, языковой плюрализм, менталитет, концепт.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о формировании языковой личности нового типа в учебном дискурсе Казахстан, дана характеристика языковой политики в Казахстане. В статье анализируется использование языков обучения и изучаемых языков в учебном дискурсе университетов. Описаны характеристики различных типов языковой личности, формируемых в учебном дискурсе казахстанских вузов. Авторы исследуют различные модели евразийской языковой личности, формируемой сегодня в полилингвоментальном и многонациональном пространстве образовательного дискурса казахстанских вузов. Разработаны критерии, положенные в основу моделирования евразийской языковой личности – владение казахским и русским языками как родными; владение навыками межкультурной коммуникации на английском языке как языке международного общения и владение навыками межкультурной коммуникации на втором иностранном языке.

Статья поступила 06.03.2016 г.

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND ARABIC GRAMMATICAL CATEGORIES

Azizov D.T.,

MA student of Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, azizov_92@mail.ru

Keywords: Arabic, Russian, grammatical category, part of speech, gender, singular.

Abstract. This article deals with the comparative analysis of grammatical categories of Russian and Arabic languages, clarified the similarities and differences in the grammatical tradition of the two languages. The analysis of the categories of parts of speech, number, gender, animate, their degree of compliance with the new outlook.

In this article we consider the grammatical categories of Russian and Arabic languages in comparative historical light.

Comparative analysis of the grammatical categories of Russian and Arabic languages, finding similarities and differences in grammatical traditions of the two languages. Analysis of the categories of parts of speech, number, gender, their degree of compliance with the new outlook.

Comparison of these two languages is of particular interest because they belong to different phylum: Russian belongs to the Indo-European languages and Arabic—to the Afro-Asiatic languages, which until recently called a group of Semitic languages. In this paper, we analyze the status of certain grammatical categories of these two languages, not only at this stage, but in the course of their development.

УДК 811.411.21

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ РУССКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ

Азизов Д.Т.,

магистрант, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан
azizov_92@mail.ru

Ключевые слова: арабский язык, русский язык, грамматическая категория, части речи, род, число, одушевленность.

Аннотация. Данная статья посвящена сравнительному анализу грамматических категорий русского и арабского языков, выяснены сходства и различия в грамматических традициях двух языков. Проводится анализ категорий частей речи, числа, рода, одушевленности, степень их соответствия новому мировоззрению.

На протяжении всей своей истории человек пытался познать себя, познать окружающий его мир, понять каким образом он появился на этой планете и как появились на Земле те многочисленные языки, которыми пользуются сегодня современное человечество. Ведущие филологи мира выдвигают различные версии происхождения языков, пытаясь понять закономерности тех преобразований, которые

в них происходят, и выяснить, почему те или иные предметы, явления и понятия получили те названия, которыми мы пользуемся сегодня. В нашем мире появились сотни и тысячи словарей, в том числе этимологических, в которых анализируется происхождение различных слов. Такие труды помогают понять многие процессы, которые происходили раньше и происходят сейчас не только в области языкознания, но и в развитии всего человечества. Мы же попытаемся взглянуть на проблемы развития языков через развитие их грамматических категорий и выбираем для исследования два языка: русский и арабский языки.

Сравнение этих двух языков представляет определенный интерес еще и потому, что они относятся к разным макросемьям: русский относится к индоевропейским языкам, а арабский – к семито-хамитским языкам. Известно, что чем дальше отстоят два языка друг от друга по известной классификации, тем меньше мы обнаружим сходства между ними в лексическом составе и грамматическом строе. Анализ современного состояния этих двух языков, имеющийся в официальной науке, подтверждает эту закономерность, как на уровне лексики, так и на уровне грамматической традиции. В данной статье мы проанализируем состояние некоторых грамматических категорий этих двух языков не только на данном этапе, но и в процессе их развития.

Существенное различие между русским и арабским языками начинается уже на этапе выделения частей речи. В русском языке обычно выделяется десять частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, частицы и междометия [1, с. 42]. Кроме этого, в качестве самостоятельных частей речи иногда выделяют причастия и деепричастия, и в этом случае число частей речи достигает двенадцати. А если учесть и некоторые другие претенденты на роль частей речи, то их число в русском языке перешагнет за два десятка. Следует отметить, что существует и обратная тенденция, направленная на сокращение количества частей речи. Такие грамматисты как Потенбня А.А., Фортунатов Ф.Ф., Пешковский А.М. отрицали у числительных и местоимений наличие грамматических признаков, позволяющих выделить их в качестве самостоятельных частей речи. В этом случае количество частей речи сократится до восьми. А если проанализировать предложения таких исследователей, как Ж. Вандриес, проф. Кудрявский Д.Н., проф. Курилович Е., акад. Фортунатов Ф.Ф., то количество частей речи сократится до трех (имя существительное, имя

прилагательное и глагол), а если объединить имя существительное с именем прилагательным в одну часть речи “имя”, что предлагает сделать Ж. Вандриес, то останется только две части речи: имя и глагол [1, с. 43].

На этом фоне поражает стабильность выделения частей речи в арабском языке. Их всегда было три: имя, глагол, частицы [2, с. 116]. И в настоящее время нет никаких предложений по увеличению или сокращению этого списка. А самые оптимальные предложения по выделению частей речи в русском языке очень близки к тому, что уже давно существует в арабском.

Не менее интересным является сравнительный анализ в русском и арабском языках категории числа. В русском языке в настоящее время выделяется два числа: единственное и множественное. В арабском языке активно употребляются три числа: единственное, множественное и двойственное [2, с. 148]. Те, для кого русский язык является родным, в большинстве своем не могут даже представить двойственное число в своей грамматике. В их сознании уже давно утвердилось понимание того, что число, как грамматическая категория, может быть только единственным или множественным. И действительно, так ли необходимо в языке двойственное число? Все явления в нашем мире раскладываются на противоположности, например: свет и тьма, верх и низ, левое и правое, внешнее и внутреннее, свобода и тюрьма, северный полюс и южный полюс. Попробуйте в эти пары вставить что-то третье. Не получится. А если мы что-то и предпримем вопреки этому порядку, то нарушится равновесие. Так что дуализм – это реальность нашего мира, которая присутствует на каждом шагу. А любая реальность должна отражаться и в языке. Вот поэтому наличие двойственного числа естественно и даже необходимо. А как же русский язык существует без этой, как оказалось, очень необходимой категории? Грамматический строй русского языка в отличие от арабского находится в постоянном развитии: что-то утрачивается и что-то появляется. Было в русском языке и двойственное число. Практически в любом исследовании древнерусского языка упоминается о наличии двойственного числа.

Известный французский лингвист Мейе А., который исследовал древнейшее состояние славянских языков, пишет: “В общеславянском языке двойственное число употреблялось регулярно. Древнейшие памятники представляют в соответствующих случаях постоянное и строгое употребление окончаний двойственного числа; однако с течением времени эта категория утрачивается: в русском языке

известные отклонения в употреблении двойственного числа показывают на его исчезновение, по крайней мере, с XIII века. ... Исчезновение двойственного числа происходило постепенно и оставило во всех языках обильные следы, морфологические и синтаксические. Славянские языки вместе с литовскими являются единственными индоевропейскими языками, где двойственное число сохранилось так долго” [3, с. 260].

Наш современник, доктор филологических наук Жолобов О.Ф., упоминает о том, что в праславянском употреблении древнерусская структура двойственного числа включала пять разновидностей форм: свободное дв.ч., связанное дв.ч., местоименно-глагольное дв.ч. в диалогической речи, дв. ч. в конструкциях с двумя именами и конгруэнтное дв.ч. [4, С. 205]. Такое описание свидетельствует о том, что двойственное число в древнерусском языке было представлено даже подробнее, чем в современном арабском.

В качестве примеров употребления слов в двойственном числе Жолобов приводит “рукама”, “рогама”, “два тура”, “два лоси” [4, с. 100]. Похожие примеры приводят и другие авторы, исследующие категорию двойственного числа.

Мы считаем, что к остаткам двойственного числа, которые сохранились в современном русском языке, следует отнести также группу имен существительных русского языка, которые употребляются только во множественном числе. Такие слова, как “сани”, “ножницы”, “очки”, “штаны”, “шорты”, “брюки” вероятнее всего также следует отнести к остаткам двойственного числа, которое было когда-то в древнерусском языке, т.к. все эти слова обозначают предметы, в составе которых явно обозначены два одинаковых элемента. Кроме этого, необходимо отметить, что окончание таких слов на “-и, -ы” похоже на окончание арабских слов двойственного числа после усечения буквы “н”, что часто происходит в таких словах при образовании определенных синтаксических конструкций, а в таких словах, как “сани”, и “штаны” эти окончания полностью совпадают. Во всяком случае, предположение о том, что перечисленные выше имена существительные являются дошедшими до нас формами двойственного числа и при этом каким-то образом связаны с арабским языком, заслуживает особого внимания.

Следующей грамматической категорией, которую необходимо рассмотреть, является категория одушевленности. В русском языке к этой категории относятся имена, обозначающие людей, животных, птиц, рыб и т.д. В арабском языке к одушевленным относится только

то, что связано с человеком, а к неодушевленным – все остальное. “Согласование слов зависит от того, обозначает ли данное имя лиц или не обозначает” [5, с. 120]. Такое распределение имен в категории одушевленности-неодушевленности соответствует миропониманию научной школы предшественников НАУ ЭРА, в которой говорится о наличии в природе трех основных программ, базирующихся одна на другой: Программы Мироздания, Программы Жизни и Программы Эволюции Разума [6, с. 223, 252]. Развитие Человека определяется Программой Эволюции Разума, а к Программе Жизни относится весь животный и растительный мир. Именно по этому принципу и произошло в арабском языке разделение имен между одушевленными и неодушевленными, что еще раз подтверждает неразрывную связь процессов, происходящих в природе, с развитием языка. В русском языке разделение имен на одушевленные и неодушевленные произошло по принципу “живой-неживой”, при этом растения попали в разряд “неживых”, а ведь они тоже созданы по Программе Жизни. Таким образом, возникает много вопросов, связанных с критериями, по которым произошло деление имен на одушевленные и неодушевленные. Но всегда ли так было в русском языке? – Оказывается, нет. Исследования в области древнерусского языка показывают, что категория одушевленности-неодушевленности в русском языке прошла в своем развитии три этапа. Ее наличие в древнерусском языке было зафиксировано по совпадению форм родительного и винительного падежей для единственного числа в именах мужского рода и для множественного числа для всех трех родов. “Старославянские памятники отражают начальный этап развития этой грамматической категории. Форму родительного падежа в значении винительного в старославянском языке обычно получали в единственном числе только существительные мужского рода, обозначавшие лиц общественно полноправных..., а также имена собственные мужского рода” [7, с. 185]. Таким образом, в категорию одушевленных вначале попали только имена, обозначавшие лиц мужского рода, и зафиксировано это примерно в XIII веке. Лишь с конца XV века к одушевленным стали относить и имена, обозначающие лиц женского рода. И только в XVII веке, когда к этой категории стали относить имена, обозначающие животных, категория одушевленности-неодушевленности оформилась в том виде, в каком она существует сегодня [8, с. 210]. Поэтому можно сказать, что непосредственно перед XVII веком категория одушевленности-неодушевленности в русском и

арабском языке по составу имен практически совпадала. Сравнивая эту категорию в русском и арабском языках нельзя не отметить еще один аспект. Поскольку в арабском языке к одушевленным относят только имена, обозначающие человека, то и для ее обозначения вместо “одушевленный” и “неодушевленный” используется термин “лицо” и “не лицо”. Именно эти термины используются практически во всех учебниках арабского языка, предназначенных для русскоязычного читателя. В арабской грамматической традиции вместо терминов “одушевленный” и “неодушевленный” используются термины, которые при более точном переводе имеют значение “разумный” и “неразумный”. И здесь снова приходится констатировать, что эти арабские грамматические термины в большей степени соответствуют миропониманию научной школы НАУ ЭРА, чем термины, используемые в грамматике русского языка.

Следующая грамматическая категория, которую целесообразно исследовать, категория рода. В русском языке имеется три рода: мужской, женский и средний. В арабском языке их только два: мужской и женский. Во всем в природе мы видим мужское и женское начало: человек, животные, растения. А поскольку третьего не дано, то следует признать, что арабская грамматическая традиция в данной категории в большей степени соответствует состоянию вещей в природе, чем грамматический строй русского языка. Вместе с тем, следует отметить, что в арабском языке имеется группа имен, которые могут согласовываться как по мужскому, так и по женскому роду, но, во-первых, таких имен немного, и они обычно приводятся отдельным небольшим списком [9, с. 938], а, во-вторых, ни один арабский грамматист не пытался выделить эту группу имен в отдельную категорию и назвать ее средним или еще каким-либо другим родом.

История развития грамматического рода в русском языке не позволяет отметить полное сходство с арабским языком на каком-то этапе, как это было с другими грамматическими категориями, однако одну интересную тенденцию можно отметить. Средний род в отличие от мужского и женского на протяжении развития этой категории постоянно проявлял неустойчивость, и имена среднего рода переходили в мужской или женский. “Наиболее значительным событием в истории рода является разрушение (а местами, возможно, и полная утрата) категории среднего рода с переходом существительных этого рода обычно в женский, а кое-где (реже) в мужской род, имевшее место главным образом в южновеликорусских и частью в переходных

говорах” [8, с. 207]. Таким образом, и в грамматической категории рода в русском языке намечалась тенденция сближения по составу с арабским языком, однако эта тенденция не получила должного развития.

Сравнивая грамматические традиции русского и арабского языков, следует отметить, что на фоне постоянных изменений, происходящих в исследуемых грамматических категориях русского языка, арабская грамматическая традиция поражает, прежде всего, своей стабильностью и большей степенью соответствия Программе Эволюции Разума. За все время существования арабского языка его грамматический строй не изменялся: те грамматические конструкции и понятия, которые описаны в самых первых трудах по грамматике, сохранились до сих пор и в современном арабском литературном языке. Русский язык в течение всего периода его существования активно развивался: существенно изменился грамматический строй, значительно обогатился лексический состав. Хорошо это или плохо? Наверно, исчезновение каких-то грамматических категорий негативно отразилось на грамматике, но нельзя не отметить и другие свойства русского языка. Вот как об этом пишет классик французской литературы Проспер Мериме: “Богатый, звучный, живой, отличающийся гибкостью ударений и бесконечно разнообразный в звукоподражаниях, способный к передаче тончайших оттенков, наделенный, подобно греческому, почти безграничной творческой мыслью, русский язык кажется нам созданным для поэзии” [10, с. 9]. Хочется вспомнить слова еще одного известного деятеля культуры XX века, художника и философа Н.К. Рериха, который писал: “Не удивительно ли, по-русски слово мир единозвучно и для мирности и для вселенной? Единозвучны эти понятия не по бедности языка. Язык богатый. Единозвучны они по существу. Вселенная и мирное творчество – нераздельны” [11, с. 159].

Почти все исследуемые здесь грамматические категории русского языка на определенных этапах совпадали по составу с соответствующими категориями арабского и, судя по результатам исследования, древнерусский язык обладал многими важными и необходимыми качествами, которые в процессе развития были утрачены. Причины этих процессов скрываются, безусловно, не столько в самом языке, сколько в тех негативных процессах, которые происходили в нашем обществе и на планете в целом, т.к. на каждом этапе развития язык соответствует уровню развития цивилизации. Исходя из тех многочисленных совпадений, которые обнаруживаются

между древнерусским и современным арабским языками в грамматической традиции, можно предположить существование единого источника, который и определил возникновение и развитие языков на нашей планете. Этот же источник, безусловно, определит и язык общения в следующем мире, но каким будет этот язык, какими качествами он должен обладать, не пора ли понять, какие свойства языка следует сохранить, а от каких избавиться, и можем ли мы уже сейчас повлиять на эти процессы?

Таким образом, исследования по выявлению основных языковых явлений в сравнительном аспекте остаются актуальными.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А.Золотовой. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.

[2] Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 592 с.

[3] Жолобов О.Ф. Историческая грамматика древнерусского языка. Том 2. Двойственное число. – М.: Азбуковник, 2001. – 240 с.

[4] Ковалев А.А. Учебник арабского языка. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – 751 с.

[5] Борковский В.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: КомКнига, 2006. – 512 с.

[6] Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. 5-е изд. – М.: Русский язык, 1977. – 942 с.

REFERENCES

[1] Vinogradov V.V. Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove). Pod red. G.A.Zolotovoj. M.: Russkij yazyk, 2001. 720 s. [in Russ].

[2] Grande B.M. Kurs arabskoj grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshhenii. M., Vostochnaya literatura RAN, 2001. 592 s. [in Russ].

[3] Zholobov O.F. Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. Tom 2. Dvojtvennoe chislo. M.: Azbukovnik, 2001. 240 s. [in Russ].

[4] Kovalev A.A. Uchebnik arabского yazyka. M., Vostochnaya literatura RAN, 1998. 751 s. [in Russ].

[5] Borkovskij V.I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. M.: KomKniga, 2006. 512 s. [in Russ].

[6] Baranov X.K. Arabsko-russkij slovar'. 5-e izd. M., Russkij yazyk, 1977. 942 s. [in Russ].

ОРЫС ЖӘНЕ АРАБ ТІЛДЕРІНДЕГІ ГРАММАТИКАЛЫҚ КАТЕГОРИЯЛАРЫНА САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

Азизов Д.Т.,

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ магистранты,
Алматы, Қазақстан, azizov_92@mail.ru

Тірек сөздер: араб тілі, орыс тілі, грамматикалық категория, сөз таптары, сан категориясы, жанды есімдер.

Аңдатпа. Бұл мақалада орыс және араб тілдерінің грамматикалық категориялары салыстырмалы-тарихи тұрғыдан сипатталады. Автор орыс және араб тілдерінде грамматикалық категориялары салыстырмалы талдауын, екі тілдегі грамматикалық дәстүрлерін, ұқсастықтар мен айырмашылықтары анықтайды. Екі тілде ағымдағы жай-күйін талдау ресми ғылым қол жетімді лексиканың деңгейінде, сондай-ақ грамматикалық дәстүр деңгейінде де, осы үлгіні растайды. Бұл мақалада екі тілде жекелеген грамматикалық санаттарының жай-күйіне талдау жасалған.

Статья поступила 25.03.2016 г.

THE MAIN TRANSMISSION METHODS OF LINGUOCULTURAL ASPECT
TRANSLATION IN MEDIA-DISOURSE

Aitmagambetova A.U.,
MA student, Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, rooster_ac@mail.ru

Keywords: media-discourse, linguoculturological markedness, lacuna, untranslatability, political discourse, intercultural communication, national and cultural adaptation

Abstract. In this article the author describes the problem of national and cultural adaptation of lacunas in the translation of political media-discourse. This article describes the notion of political media-discourse, lingo-cultural aspects and the means of their translation. The author suggests the methods of translation of lacunas and nationally marked lexis, when dealing with political media-discourse. The article includes the analysis of lacunas adaptation in translation of political media-discourse.

УДК 811.111.1

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО
АСПЕКТА ПЕРЕВОДА МЕДИА-ДИСКУРСА

Айтмагамбетова А.У.,
магистрант, КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан, rooster_ac@mail.ru

Ключевые слова: медиа-дискурс, лингвокультурологическая маркированность, лакуна, непереводаемость, политический дискурс, межкультурная коммуникация, национально-культурная адаптация

Аннотация. В статье описан политический медиа-дискурс в лингвокультурологическом аспекте и способы его перевода. Автор предлагает способы перевода лакун и национально маркированной лексики на материале политического медиа-дискурса. В статье проведен анализ степени национально-культурной адаптации лакун, при переводе политического медиа-дискурса. По результатам анализа выявлены классификации лакун, переводческих ошибок, описаны случаи возникновения языкового и культурного барьера и предложены способы перевода национально-маркированной лексики.

В жизни современного информационного общества масс-медиа продолжают выступать средством, активно используемым как для влияния на формирование определенного общественного мнения и политических взглядов, так и для осуществления успешной межкультурной коммуникации. Развитие современного государства невозможно без политического дискурса масс-медиа, являющегося базой для создания прочных связей с другими государствами и завоевания должного статуса на международной арене. Когда речь

идет о международных отношениях в политическом аспекте, особенно актуальной проблемой является эквивалентный перевод медиа-дискурса, где особое внимание следует уделять передаче национально-маркированной лексики на язык перевода.

Опираясь на многочисленные исследования дискурса Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова и других ученых, дискурс масс-медиа можно определить как “связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социо-культурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов” [1, с. 132].

Особенностью политических текстов современного масс-медийного дискурса являются две противоречащие тенденции: с одной стороны, стремление к глобализации, которая является основной чертой современного социума, с другой – лингвокультурологическая маркированность. Как отмечают С.А. Борисова и М.В.Карнаухова, несмотря на то, что все люди, принадлежащие к одному социуму, живут в едином физическом пространстве, их менталитет различен [2, с. 30]. Все особенности мышления, языкового сознания и индивидуального речевого поведения проявляются в языке масс-медиа. “Масс-медийный дискурс, как дискурс любого типа, несет на себе печать генерирующего его лингвокультурного кода, который понимается как система культурно-языковых соответствий, обслуживающих коммуникативные нужды членов лингвокультурной ситуации. ... Текст масс-медийного дискурса как проекция порождающего его лингвокультурного пространства содержит упоминания разного рода реалий, исторических событий, ключевых слов той или иной исторической эпохи, которые и “привязывают” текст к генерирующему его лингвокультурному пространству” [3, с. 22].

На наш взгляд, создание “своей” атмосферы провоцирует закрытость, непонимание и, в некоторых случаях, критическое отношение реципиентов в процессе межкультурной коммуникации, что в политической сфере может привести к глобальным последствиям. Таким образом, при переводе необходима нейтрализация лингвокультурологической маркированности или национально-культурная адаптация для обеспечения успешной коммуникации.

Под лингвокультурологической маркированностью в настоящей работе подразумеваются лингвокультурные лакуны. В своем исследовании мы придерживаемся концепции лакун, предложенной Ю.А. Сорокиным и И.Ю. Марковиной [4, с. 16]. “Лакуна – проявление несоизмеримости культур и языков, то есть обнаруживаемые в процессе коммуникации несовпадения тех или иных реалий. Различия не существуют сами по себе, только контакт с другими, сравнение своего с чужим придает тем или иным элементам статус дифференциального (национально-специфического) признака” [4, с. 47]. К основным признакам лакун относят “непонятность, непривычность (экзотичность), чуждость (незнакомость)” понятий для реципиента [4, с. 32].

В этнопсихолингвистике и лакунологии национально-культурная адаптация при переводе определяется как “процесс элиминирования лакун двумя основными способами: заполнением и компенсацией. Заполнение межкультурных лакун определяется как процесс раскрытия смысла некоторого понятия/слова, принадлежащего незнакомой реципиенту культуре, а компенсация – как введение в текст в той или иной форме специфического элемента культуры реципиента или более знакомого элемента исходной культуры для снятия национально-специфических барьеров в ситуации контакта двух культур” [4, с. 10].

Первыми учеными, исследовавшими проблему восполнения лакуны, стали российские лингвисты Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина, дальнейшее изучение проводилось немецкими учеными А. Эртель-Фит, Г. Шрёдером и др. Основными сферами изучения явления лакунарности стали литература, иностранные языки, кинематография, журналистика, культурология и реклама.

Современная теория перевода рассматривает взаимосвязь перевода и социолингвистических факторов, которая выражается в следующем: так как аудитория воспринимает содержание перевода текстов сквозь призму своей национальной культуры, можно считать предопределенным тот факт, что некоторые аспекты данного содержания могут быть поняты и истолкованы либо не точно, либо не верно, либо вызывать неприятие реципиентов, а в отдельных случаях подобрать соответствующий эквивалент в языке перевода вообще не представляется возможным. Исходя из данного положения, целью настоящей работы является анализ текстов политического медиа-дискурса с постановкой следующих задач: выявление в текстах политического медиа-дискурса языковых и культурологических

лакун, их классификация, определение степени национально-культурной адаптации при переводе и причин переводческих ошибок, осуществление эквивалентного перевода.

Практическим материалом исследования послужили тексты обращений, интервью и выступлений на пресс-конференциях российских политических лидеров и перевод данных медиа-текстов на английский язык, предоставленный на англоязычных веб-сайтах и в зарубежных интернет-газетах и журналах.

Под языковыми лакунами мы понимаем лакуны, используемые в повседневной речи и зафиксированные в словарях исходного языка.

И, если сегодня новый министр обороны Соединенных Штатов здесь нам объявит, что Соединенные Штаты не будут прятать эти лишние заряды ни на складах, ни “под подушкой”, ни “под одеялом”, я предлагаю всем встать и стоя это поприветствовать. Это было бы очень важным заявлением [5, с. 12].

And, if today the new Minister of Defence of the United States here to us declares that the United States won't hide these excess charges in warehouses, neither “under a pillow”, nor “under a blanket”, I suggest all to get up and costing it to greet. It would be very important statement [5, с. 14].

Данное заявление было сделано Владимиром Путиным на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Вероятно, политик желал придать высказыванию большую степень ироничности, используя такой оборот, но, судя по мнению американских граждан, ирония была перекрыта некачественным переводом: “Высказывание понятно, но звучит не по-английски. У нас нет эквивалента этому выражению”. Сочетания “under a pillow” и “under a blanket” в английском языке имеют только денотативное, прямое значение, таким образом, буквальный перевод в таком контексте затруднил восприятие речи оратора. Чтобы достичь адекватного перевода, следовало опустить уточнение “ни под подушкой, ни под одеялом”, что одновременно явилось бы более политкорректным.

Речевые лакуны являются неожиданными и непредсказуемыми, они оригинальны, используются в конкретной ситуации и нередко употребляются только единожды. Ярким примером речевой лакуны служит реакция Владимира Путина на пресс-конференции на вопрос о том, не собирается ли он расширить сферу своего влияния на бывшие союзные республики – Беларусь, Казахстан и Украину.

Это полная чушь, несурезица, сапоги всмятку [6, с. 17].

This is total nonsense, absurdity, soft-boiled boots [7, p. 19].

В данном случае для достижения адекватного перевода следовало опустить выражение “soft-boiledboots”, которое звучит непривычно для носителей английского языка в виду того, что является индивидуально-авторской лакуной оратора. Респонденты не знают, “что означает словосочетание soft-boiled boots”, которое в данном контексте является синонимом слов “nonsense” и “absurdity”, и буквальный перевод фразы не способствовал улучшению восприятия высказывания.

Смешанные лакуны имеют место, когда одна часть лакуны существует и имеет одинаковое значение и в исходном языке, и в языке перевода, тогда как вторая ее часть является речевой лакуной.

В ходе исследования исходных политических медиа-текстов и их перевода была выстроена следующая классификация переводческих ошибок:

- 1) буквальный перевод;
- 2) описательный перевод, явившийся излишним;
- 3) подбор неверного эквивалента, искажившего смысл.

Буквальный перевод является одной из наиболее распространенных ошибок, содержащихся в проанализированном материале.

Мы же видим, что в мире происходит. Как говорится, товарищ волк знает, кого кушать. Кушает и никого не слушает. И слушать, судяно всему, не собирается. Куда, куда только деваются весь пафос необходимости борьбы за права человека и демократию, когда речь заходит о необходимости реализовать собственные интересы? Здесь, оказывается, всевозможно, нет никаких ограничений [7, с. 1].

We see, after all, what is going on in the world. The Comrade Wolf knows whom to eat, as the saying goes. It knows whom to eat and is not about to listen to anyone, it seems. Where is all this pathos about the need to fight for human rights and democracy when it comes to the need to pursue their own interests? Here everything is possible. There are no limits [7. P. 1].

Данная культурологическая лакуна – аллюзия на басню И.А. Крылова “Волк и ягненок”, известная следующими строками из диалога персонажей: “Ах, я в чем виноват?” – “Молчи! Устал я слушать, досуг мне разбирать вины твои, щенок! Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать”. Буквальный перевод фразы из незнакомой для реципиентов басни привел к неправильному пониманию смысла высказывания некоторыми респондентами, о чем свидетельствует их рекомендация использовать в переводе английское выражение “a snake knows when

to strike”, которое в действительности не является эквивалентным и искажает смысл. Для передачи основной идеи высказывания более эквивалентным явился бы перевод “The one who is stronger always makes the weaker guilty”.

В отдельных случаях, когда переводчик не испытывает уверенности в том, что культурно-маркированная лексическая единица будет истолкована реципиентами верно, он использует описательный перевод. Последний часто оказывается излишним в виду того, что в языке перевода существует эквивалентное понятие.

Сначала я скажу несколько слов, но прежде всего я хотел бы поблагодарить за приглашение выступить в ведущем исследовательском центре Америки. Он по праву считается оплотом либеральной мысли, и я хорошо знаю, что за ним закреплена слава кузницы кадров американской политической элиты [7, с. 1].

At first I will tell several words, but first of all I would like to thank for the invitation to act in the leading research center of America. It by right is considered a stronghold of liberal thought, and I well know that the glory of a smithy of shots of the American political elite is consolidated to him [7, p. 1].

Русское слово “кузница” буквально может быть переведено на английский языка как “smithy”, но в данном случае оно использовано в переносном значении, которое переводчик расшифровывает с помощью описательного перевода, опустив при этом саму лауну. Президент Медведев предпочел использовать именно это слово: ему важно было подчеркнуть, какую большую работу провел институт Брукинга для того, чтобы взрастить в своих стенах не только высококвалифицированных специалистов, но и либерально мыслящих политиков. Важно отметить, что в английском языке эквивалент “smithy” также имеет переносное значение, следовательно, в переводе необходимо было использовать именно эту лексическую единицу, чтобы точно передать идею упорной работы, что было утеряно вследствие описательного перевода. Выбор неверного эквивалента – другая распространенная ошибка при переводе, которая подразумевает замену лауны выражением, также не существующим в языке перевода и являющимся чуждым для реципиента.

Каждый должен мотыжить, как святой Франциск, свой участок, бум-бум, ежедневно, и тогда успех будет обеспечен [7, с. 1].

Everyone has to hoe as Saint Francis, the site, boom boom, daily, and then the success will be provided [7, p. 1].

В русском языке языковая лакуна “мотыжить” имеет два значения: коннотативное – “много и тяжело трудиться” и денотативное – “работать мотыгой”. Оратор употребил данное слово в переносном смысле, тогда как переводчик использовал эквивалент прямого значения, что привело к непониманию реципиентами всего высказывания, о чем свидетельствуют комментарии носителей языка, которые “отдаленно слышали выражение “tending your own garden”, что означает заниматься своими делами и не вмешиваться в чужие дела / сферы чужого влияния”. Правильным переводом лакуны в этом примере было бы “work very hard”, являющееся нейтральным и понятным реципиенту выражением.

Исходя из классификации переводческих ошибок, нами предложены способы перевода культурно маркированных выражений, которые мы считаем приемлемыми в сфере политической межкультурной коммуникации:

- 1) описательный перевод;
- 2) подбор соответствующего эквивалента в языке перевода;
- 3) опущение лакуны.

Рассмотрим примеры, приведенные в соответствии с вышеупомянутой классификацией.

Меня беспокоят попытки решения политических вопросов внеправовым способом, создание системы перманентных революций – то розовой, то голубую еще придумают [7, с. 1].

I am disturbed by attempts of the solution of political affairs in the extra legal way, creation of system of permanent revolutions – pink, blue still will think up [7, p. 1].

Так называемая розовая революция имела место, когда в 2003 г. в Грузии оппозиционеры во главе с М. Саакашвили с розами в руках захватили здание парламента, прервали выступавшего с речью Э. Шеварднадзе и вынудили его покинуть зал, а вскоре подать в отставку. В высказывании В. Путина присутствует игра слов: “розовый” и “голубой” в разговорном значении подразумевают нетрадиционную ориентацию. В английском же языке данные слова не употребляются в таком значении, хотя имеют другие переносные значения, поэтому носители языка не понимают иронии этого высказывания, если не обеспечить описательный перевод, такой как “A wordplay: “rose” having the colloquial sense of “lesbian” in modern Russian, and “blue” meaning “gay”.

В следующем случае мы предлагаем подобрать иной эквивалент вместо представленного в переводе.

Вы знаете, у нас есть такая поговорка, может быть, она не очень хорошо звучит, но, наверное, будет к месту: мы считаем, что котлеты мухи должны находиться друг от друга в разных местах. Вот давайте мы мух от котлет будем отделять [7, с. 1].

You know, there is a saying, it may not sound very nice, but I think it would be appropriate: we believe that meat and flies should be kept separate. Let us separate flies from meat [7, p. 1].

Опрос респондентов показал, что сочетание “meatandflies” звучит чуждо для них и не употребляется в английском языке, в то время как существует эквивалентное и более эстетичное выражение “to separate the wheat from the chaff”, которое следовало бы использовать в переводе.

Опущение лакун – типичное явление при переводе. В отношении политического контекста мы считаем, что данный способ может быть оправдан только с целью соблюдения политкорректности, а также в случаях, когда эквивалент полностью отсутствует в языке перевода.

В Советском Союзе не было демократии, при царе-батюшке тоже никакой демократии в нашей стране не было [7, с. 1].

The Soviet Union was no democracy and Russia under the Tsar wasn't either [7, p. 1].

В зарубежной литературе понятие “царь-батюшка” часто переводится как слово с уменьшительно-ласкательным значением “dearfathertsar”. В данном случае сочетание “dear father tsar” не может быть признано эквивалентным переводом в виду того, что в русском языке и культуре слово “батюшка” имеет более широкое значение, чем “father”, и подразумевает иное отношение к субъекту, носит оттенок патриотизма, который испытывают по отношению к правителю или стране, но не к родному отцу. Кроме того, Д. Медведев использует данную позитивно окрашенную лауну в негативном контексте, что могло бы прозвучать необычно для иностранных реципиентов, поэтому опущение в этом случае оправдано.

Анализ текстов политического медиа-дискурса подтвердил тот факт, что между явлением непереводимости и лингвокультурными факторами существует определенная взаимосвязь. Национально маркированная лексика являет собой пласт культуры, будучи порой удивительной и непостижимой, она отражает национальный дух и ментальность, и именно переводчику предстоит решать, сохранить ли эту уникальность или отказаться от нее, придерживаясь официального

политического стиля. В виду того, что такие средства коммуникации, как Интернет и пресса обеспечивают доступ к информации о важнейших событиях во всех частях земного шара, профессиональной обязанностью переводчика является преодоление культурного барьера различными способами, в частности теми, которые описаны в данной работе. Во всех проанализированных примерах присутствует одна из наиболее распространенных ошибок перевода – буквализм, к которому привели передача коммуникативно нерелевантных элементов оригинала и неумение компенсировать безэквивалентную лексику. При переводе политического медиа-дискурса одним из главных требований является максимальная точность. Поскольку высокая степень культурной маркированности рассмотренных примеров в некоторой степени препятствует эквивалентной передаче содержания в ситуации контакта двух культур – российской и западной, необходимо являлось использование компенсации социокультурных лагун-словосочетаний.

Результат опроса носителей английского языка показал, что в проанализированных примерах буквализм и неэквивалентный перевод стал причиной безуспешной межкультурной коммуникации. Таким образом, перевод оказывает значительное влияние на формирование имиджа политиков, на создание или укрепление стереотипов о них, а следовательно, культурных стереотипов, что не может не отражаться на результатах межкультурной коммуникации.

В свете рассмотренной проблемы дальнейшую работу следует вести в области разработки классификаций языковых и культурных лагун, описании их функций в медиа-текстах, выявлении их влияния на реципиента и межкультурную коммуникацию и выбора способов эквивалентного перевода, что является актуальным в условиях глобализации и всеобъемлемости средств массовой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. – Москва-Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 339 с.

[2] Борисова С.А., Карнаухова М.В. К вопросу о семантическом пространстве политического дискурса // Политический дискурс в России – 4: Матер. раб. совещания. – М.: Диалог, 2000. – 335с.

[3] Иванова С.В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. – 2008. - № 1 (24).

[4] Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. – М.: Наука, 1988. – 245 с.

[5] Папикян А.В. Социокультурные лагуны: типология, причины появления и способы заполнения при изучении иностранных языков // Известия Российского

государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2008. - Вып. 37 (80).

[6] Глазачева Н.Л. Лакуны и теория межкультурной коммуникации // Лакуны в языке и речи: Сб. науч. тр. – Благовещенск: БГПУ, 2005. Вып. 2. – 317 с.

[7] Лян В.В. Социоллингвистические компетенции переводчика как межкультурного посредника // Вестник КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия “Педагогические науки”. – 2012. - № 1. - 203 с.

[8] Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation. - London: Oxford University Press, 1965. - 112 p.

REFERENCES

[1] Zheltukhina M.R. Tropologicheskaya suggestivnost massmedialnogo discursa: o probleme rechevogo vozdeistvia tropov v yazyke SMI. Moskva-Volgograd: Isd-vo VFMUPK, 2003. 339 s. [in Russ.].

[2] Borisova S.A., Karnaukhova M.V. K voprosu o semanticheskom prostranstve politicheskogo diskursa. In: Politicheskii diskursv Rossii – 4: Mater.rab.soveschaniya. M., Dialog, 2000. 335 s. [in Russ.].

[3] Ivanova S.V. Politicheskii media-diskurs v focuse lingvokulturologii. *Politicheskaya lingvistika*, 2008. №1 (24) [in Russ.].

[4] Sorokin Y.A., Markovina I.Y. Kultura i eyo etnopsiholingvisticheskaya cennost. In: *Etnopsiholingvistika*. M.: Nauka, 1988. 245 s. [in Russ.].

[5] Papikyan A.V. Sociokulturnye lakuny: tipologiya, prichiny poyavleniya i sposoby zapolneniya priizuchenii inostrannykh yazykov. *Isvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gercena. Aspirantskie tetradi*, 2008, Vyp. 37 (80) [in Russ.].

[6] Glazacheva N.L. Lakunyiteoriyamezhkulturnoikommunikatsii. In: *Lakun v yazyke i rechi: Sb. nauch. tr. Blagoveshensk: BGBU*, 2005, Vyp. 2. 317 s. [in Russ.].

[7] Lyan V.V. Sociolingvisticheskie kompetencii perevodchika kak mezhkulturnogo posrednika. *Vestnik KAZUMOiMYA im Abilai khana. ser “Pedagogicheskie nauki”*, 2012, № 1 [in Russ.].

[8] Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation. London: Oxford University Press, 1965. 112 p.

МЕДИА-ДИСКУРСТЫ АУДАРУДЫҢ ЛИНГВОМӘДЕНИ АСПЕКТИЛЕРІН ЖЕТКІЗУДІҢ НЕГІЗГІ ЖОЛДАРЫ

Айтмагамбетова А.У.,

магистрант, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан, rooster_ac@mail.ru

Тірек сөздер: медиа-дискурс, саяси медиа-дискурс, лингво-мәдени аспектілер, лакуна, ұлттық белгіленген лексика әдістер

Аңдатпа. Бұл мақалада медиа-дискурс, лингво-мәдени аспектілері және олардың аударма құралдарының ұғымы сипатталады. Автор медиа дискурста кездесетін лакуна мен ұлттық белгіленген лексиканы аудару әдістерін ұсынады. Талдау нәтижесінде аудару кателері, аудару кедергілері анықталған.

Статья поступила 11.03.2016 г.

LINGUOCULTUROLOGICAL APPROACHES AND THEORIES DIACHRONIC
CHANGES OF THE LEXICAL-SEMANTIC SYSTEM

Aldibekova A.I.,

MA student, Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, aai_2005@mail.ru

Keywords: linguistics, diachrony, synchrony, colordenotations, linguoculturology.

Abstract. The article deals with the linguistic material, as part of the system of language, and in this case there is a system-oriented approach, which lies at the base of the establishment of relations units in diachrony and synchrony. Diachronic approach allows us to observe how language values follow the changes in the national language pictures of the world, including in the semantics of color terms.

УДК 81.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ТЕОРИЯ
ДИАХРОНИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Алдибекова А.И.,

магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, aai_2005@mail.ru

Ключевые слова: лингвистика, диахрония, синхрония, цветообозначения, лингвокультурология.

Аннотация. В статье рассматривается лингвистический материал, как часть системы языка, и в таком случае имеет место системо-ориентированный подход, лежащий в основании установления связей единиц в диахронии и синхронии. Диахронический подход позволяет наблюдать, как языковые значения следуют за изменением национальных языковых картин мира, в том числе и в семантике цветообозначений.

Конкретный лингвистический материал может рассматриваться как часть системы языка, и в таком случае имеет место системо-ориентированный подход, лежащий в основании установления связей единиц в диахронии и синхронии. При таком подходе речь идет об исследовании объекта, обладающего общезначимыми свойствами, независимо от индивидуальных особенностей использования данного материала в конкретных языковых актах. Лингвистический материал также может рассматриваться как когнитивное образование, свойственное говорящему на данном языке. В этом случае проблемы интерпретации языкового материала самым тесным образом связываются с культурной действительностью, воспринятой говорящим, поскольку речь идет об интерпретации осознанных

культурных практик в сфере коммуникации. Этнические особенности проявляются в исторических (воспринятых диахронически) практиках говорящих на данном языке, что прямо отражается в специфике языковой системы. Лингвокультурологический подход осуществляется как процедура наложения одной культурной действительности на другую (в данном случае – английская и русская) и констатирование несовпадений, проявленных в значении языковых единиц. Диахронический подход позволяет наблюдать, как языковые значения следуют за изменением национальных языковых картин мира, в том числе и в семантике цветообозначений. В основании периодизации диахронических процессов в казахском, английском и русском языках лежат факты культурной традиции, или лингвокультурологические факты. Цветообозначения называют конкретное чувственное ощущение, имеющее первоочередную значимость для презентации внешнего мира в сознании носителя языка. Языковая личность воспринимает цвет в совокупности с целым рядом других факторов и явлений, которые влияют на его восприятие. Установление этих связей возможно как исследование культурной внеязыковой действительности, стоящей за словами, которая развертывается перед исследователем в диахронии. Системный подход как метод и принцип исследования языка предполагает анализ феноменов, выделяемых в системе языка в качестве составляющих ее подмножеств. Соответственно, анализ лексико-семантической группы цветовой символики (цветообозначений) невозможен без рассмотрения места данной группы в общей системе языка. Характерные для истории отечественной и зарубежной науки 20-го века междисциплинарные исследования на стыке естественно-научных и гуманитарных дисциплин способствовали развитию понятия о системности как соотношении различных уровней, выделяемых в языке. Первым и основным, тем не менее, по-прежнему остается структурный, затрагивающий главную составляющую языка, а именно, его словесный компонент, т.е. лексические единицы в их конкретной представленности. Диахронический аспект лексических единиц способен дать понятие о причинности того или иного языкового значения на различных уровнях исследования языка, тем более, что само языковое значение (или значимость единиц языка), трактуется со времен Соссюра как определенная позиция данного феномена среди других элементов системы. Таким образом, понятие системности составляет основание исследования в области диахронических изменений лексических

единиц. Впервые о том, что язык представляет собой сложное, системное образование, было сказано Ф. де Соссюром: "...язык есть система, все элементы которой образуют целое...". На базе этой идеи сформировались целые направления структурализма: пражский лингвистический кружок, копенгагенская школа структурализма, американский структурализм [1]. В русском языкознании положение о системности языка поддержали и развили А.А.Потебня, И.А.Бодуэн де Куртенэ, Н.В.Крушевский, Ф.Ф.Фортунатов, М.М.Покровский и др. В отличие от соссюрковского, понимание языка как системы в отечественной лингвистике характеризуется большей многоплановостью, многоаспектностью. В вопросе о том, является ли лексика системно организованной единицей языка, нет единого мнения. Некоторые лингвисты (Н.Спенс, В.М. Жирмунский, Э. Паулини, С.Ульман, Л.Ельмслев и др.) сомневаются или даже отрицают системность в лексике. Если обобщить их высказывания по этому поводу, то можно выделить два основных аргумента, выдвигаемых противниками признания системного характера лексики. В качестве одного из них приводится положение о том, что системность в лексике – лишь отражение связей и отношений действительности. Например, В.М.Жирмунский утверждает, что "в словарном составе языка, как сокровищнице слов, обозначающих многообразие предметов реальной действительности, системная связь между отдельными его частями очень незначительна и определяется в основном реальными отношениями этой внеязыковой действительности" [2]. С подобным мнением не соглашается А.Е.Супрун, который считает, что, хотя в словаре отражены системные отношения, присущие действительности, "однако связи между словами в словаре не являются простыми кальками этих отношений. Дело состоит, по-видимому, прежде всего в том, что функциональное использование языка и его сложная организация в целом требуют некоторых специфических языковых способов систематизации лексических явлений" [3]. Противники системной организации лексики, выдвигая данный аргумент, делают акцент на внелингвистической ее стороне, которая, по их мнению, должна исключить лексику из объектов языковедческого исследования. Однако с точки зрения сторонников системности лексики, "непосредственная обращенность лексики к внеязыковой действительности является ее существенной особенностью по сравнению со всеми другими областями языка, и вряд ли всестороннее исследование лексики осуществимо без учета этой особенности". В

качестве другого аргумента противниками системности лексики выдвигается мысль о том, что словарный состав языка столь безграничен и подвижен, что не поддается системной организации: “слова имеют ту особенность, что они чрезвычайно многочисленны, точнее, что их количество в принципе не ограничено и не может быть точно подсчитано. Кроме того, словарь неустойчив и постоянно изменяется”. По мнению П.Н.Денисова, многочисленность словарного состава языка не может служить признанием несистемного характера лексики [4]. Напротив, тот факт, что среди сотен тысяч слов говорящий быстро находит нужное ему слово, свидетельствует о системности, “которая резко упрощает стратегию поиска, так что говорящий подыскивает необходимое ему слово не во всем словарном составе, а в рамках небольшой его части: синонимического ряда, семантического поля или лексико-семантической группы слов, на которую его ориентирует ситуация, коммуникативная задача, логическая связность и ассоциативность мышления”. Основным видом систематизации лексического состава языка являлись и являются различные виды словарей. Что же касается подвижности и изменчивости лексики, то Д.Н.Шмелев объясняет это воздействием внеязыковой действительности: изменения, происходящие в общественной жизни, отражаются прежде всего в лексике. Как мы видим, доводы, приводимые противниками признания лексики как системы, отражают лишь специфические особенности лексики, которые вовсе не препятствуют ее системной организации [5]. О лексике как системном образовании писал Л.В.Щерба. Излагая свое понимание языка как системы, он выделил три основных ее аспекта: речевую деятельность, языковые системы и языковой материал. Под языковыми системами Л.В.Щерба подразумевал словари и грамматики. Слова, по его мнению, входящие в языковую систему, образуют в каждом языке свою систему: “лексика представляет собою систему слов, из которых по правилам грамматики и самой лексики и строится наша речь с ее синтагмами”. В своей работе “Опыт общей теории лексикографии” он писал: “Слова, служа для взаимопонимания членов определенного коллектива, составляют единую, сложную ткань, единую систему, которая, к сожалению, бывает обыкновенно очень плохо отражена, а то и вовсе не отражена в существующих словарях” [6]. Большую роль в разработке идеи системности лексики сыграл В.В.Виноградов. Он придерживался того мнения, что связи между разными группами, смысловыми сферами как объединениями слов в лексической системе языка, образующие

сложное единство словарной структуры языка, тесно связаны с его грамматическим строем. Поэтому, выдвигая в своих работах понятие лексико-семантической системы, В.В.Виноградов включал в него наряду с лексическим инвентарем, словами и выражениями, также словообразовательные и смысловые отношения слов: модели их сочетаемости и основные семантические группы слов, которые оказывают большое влияние на связи значений слов, на основные правила сочетаний и соотношений слов. В настоящее время идею системности лексики поддерживают большинство лингвистов: А.А.Уфимцева, Е.М.Галкина-Федорук, А.И.Кузнецова, Д.Н.Шмелев, В.И.Кодухов, Ю.С.Степанов, А.Е.Супрун, П.Н.Денисов, Э.В.Кузнецова, Н.Ю.Шведова и др. По мнению Д.Н.Шмелева и Э.В.Кузнецовой, представление о языке как системе делает необходимым определить и системный характер лексики, “ибо трудно себе представить систему, одни части которой были бы системны, а другие – бессистемны”. В подтверждение системности лексики Э.В.Кузнецова приводит тот факт, что все системообразующие основные типы структурных связей единиц, проявляются также в словарном составе языка. Говоря о системообразующих типах языковых единиц, Э.В.Кузнецова имеет в виду, во-первых, отношения средства-функции [7]. Как уже указывалось выше, языковая система состоит из различных уровней, где единицы нижележащего уровня являются средствами оформления для единиц вышележащего уровня, в свою очередь, в вышележащем уровне реализуются функции нижележащего уровня. Таким образом, лексический уровень, занимающий промежуточное место между морфемным и синтаксическим уровнями, вступает в отношения средства-функции. Во-вторых, отношения манифестации, связывающие элементы плана содержания с элементами плана выражения, в словах реализуются в связях внешней материальной формы – лексемы с внутренней стороной – семемой: “Лексема манифестирует (выражает) семему. Семема манифестируется (выражается) лексемой”. В-третьих, парадигматические и синтагматические отношения, являющиеся основными типами системных отношений, реализуются в пределах лексического уровня. И, наконец, вчетвертых, язык, проявляющийся как в системе, так и в речи, обуславливает “двойственность статуса его единиц, которые существуют в виде инвариантных абстракций, составляющих глубинную основу языковой системы, и в виде вариантов, представляющих эти абстрактные единицы в речи”. Отношения вариантности или репрезентации проявляются также на

лексическом уровне, где слова, с одной стороны, являются элементами системы, отвлеченными от реальных функций в предложении, а с другой стороны, являются элементами речи, участвующими в создании конкретных высказываний. Высказывая уже известную мысль о том, что словарь должен быть системным в силу того, что выбор нужного слова занимает у говорящего незначительное время, учитывая огромное количество словарных единиц, Д.Н.Шмелев приводит примеры двуязычных словарей, которые необходимы для овладения иностранными языками, и составление которых является результатом определенной систематизации словарного материала каждого из сопоставляемых языков. Подобную мысль можно встретить и у А.Е.Супруна: “Для успешного функционирования языка в качестве средства общения его лексика должна быть определенным образом организована. Иначе говоря, лексика не может не быть системной, коль скоро словарь языка успешно используется в процессе его функционирования” [3]. По мнению Л.А.Новикова, лексические единицы следует считать системно упорядоченными в силу того, что они входят в разнообразные, пересекающиеся смысловые отношения: эквивалентности (синонимия), противоположности (антонимия), смысловой мотивированности внутри одного и того же слова (полисемия), обратности обозначаемых отношений (конверсия), включения элемента в класс (семантическое поле). Лингвисты, признающие системную организацию лексики, считают парадигматические и синтагматические отношения наиболее существенными ее показателями. Как мы знаем, парадигматика и синтагматика являются двумя аспектами системного изучения языка вообще. Согласно теории Ф. де Соссюра, языковая система строится именно на этих двух главных типах отношений: “с одной стороны, слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения двух элементов одновременно. Эти элементы выстраиваются один за другим в потоке речи. Такие сочетания, имеющие протяженность, можно назвать синтагмами... С другой стороны, вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения”. Под лексической парадигматикой лингвисты подразумевают смысловые отношения слов, противопоставленных по их предметному значению в пределах тех или других семантических

разрядов и классов слов. Соответственно этому в парадигматике ими выделяются следующие ее типы: полисемия, антонимия, синонимия, гинонимия. Под лексической синтагматикой подразумевается лексическая сочетаемость слов при их функционировании. Наряду с синтагматическими и парадигматическими отношениями Д.Н.Шмелев, П.Н.Денисов и др. называют деривацию третьим измерением лексической системы языка. “Слова как значимые единицы языка, – пишет Д.Н.Шмелев, – не существуют изолированно, собственное значение каждого из них зависит в той или иной мере от значения других связанных с ним по смыслу слов, от возможностей его сочетания с другими словами, а также от тех деривационных рядов, в которых слово находится” [5]. Как известно, лексикология изучает словарный состав языка, его классификацию с точки зрения употребления (общеупотребительная или ограниченная в употреблении лексика), роли в общении (пассивная или активная лексика), а также происхождения, что является для диахронических исследований основополагающим движущим стимулом. Что же касается семантики, то несмотря на достаточно большое количество специальных работ, только определение семантики как науки о значении, отмечает Дж. Лайонз, сближает всех семантиков. Пока еще никто, пишет он далее, “хотя бы в общем виде не представил удовлетворительной и разумной теории семантики: как только мы начинаем знакомиться с конкретными семантическими работами, мы сталкиваемся с таким разнообразием подходов к определению и установлению значения, что неискушенного читателя оно ставит в тупик”. Семантика лексических единиц также имеет свое происхождение, т.е. процесс эволюции культурного (внеязыкового) содержания лексемы, и таким образом, любые лексико-семантические исследования предполагают, с одной стороны, диахронический аспект, а с другой стороны, – встречу с культурным (внеязыковым) материалом. Поэтому, лексикологию и семасиологию, считает Э.В.Кузнецова, следует рассматривать как аспект лексики, при этом и та, и другая “изучают те стороны словарного состава языка, которые обусловлены внеязыковыми факторами”. В том же смысле В.Г.Гак следующим образом описывает процесс эволюции слов в языке: “Слова претерпевают различные семантические изменения в процессе эволюции языка” [8]. Изменение значения слова представляет собой процесс, в котором, как и во всяком ином процессе, следует различать три стороны: причину, сам процесс в его формах, и результат. К причине относятся такие факторы, как давление системы, табу и

эвфемизмы, лексические потребности в связи с изменениями в обществе и т. п., результат проявляется в многозначности, синонимии, дезэтимологизации. Что касается основной части процесса – видов семантических преобразований, – то поскольку в основе значения слова лежит понятие, формы семантического перехода соответствуют универсальным соотношениям между понятиями. Таких общих логических отношений между понятиями пять. Со времен Эйлера их обычно репрезентируют в виде кругов. Эти отношения следующие: 1) равнозначность (охватывающая перифразы и небольшие изменения в значении – “скольжение смысла”); 2) включение в его двух основных вариантах: а) парадигматическом (гипергипонимическое отношение, расширение и сужение смысла, оно может быть связано со стилевой или экспрессивной специализацией слова); б) синтагматическом (синекдоха, отношение меронимии); 3) исключение (смещение, когипонимия); 4) противоположение (энантиосемия); 4) пересечение, также в двух вариантах: а) парадигматическом (по сходству – метафора); б) синтагматическом (по смежности – метонимия). Как видно, изменения значений слов следуют иерархии типа “быть” или типа “иметь”. Отмеченные типы семантических изменений представляют собой языковые универсалии, по-разному реализующиеся в разных языках, формируя языковую специфику. Очень часто именно вторичные языковые значения являются национально-специфичными. При любой подобной эволюции значения слово, как правило, сохраняет определенную (пусть измененную) референционную соотнесенность с элементом внеязыковой действительности, определенный денотативный потенциал. Понятие, т.е. некий феномен, определенным образом осознанный представителем определенной культуры, является единицей семантического уровня языка. Как и в приведенном случае с англ. *cat*, оно не является закрепленным за конкретной лексической единицей, реализуя принцип произвольности знака. Это, в свою очередь, вводит когнитивную проблематику и делает неизбежным рассмотрение культурно-специфического сознания, в котором очевидным образом заключены содержательные особенности диахронических процессов (“сдвигов”), происходящих с лексемами. В работах последних десятилетий неоднократно подчеркивалось, что современный этап развития науки требует от лингвистов расширения горизонтов лингвистических исследований в целях создания общей теории языка с опорой на богатый материал, накопленный в русле таких дисциплин, как психология, философия, антропология,

культурология, социология, этнография. Хотя когнитивная парадигма научного знания представляет, на наш взгляд, одно из самых перспективных направлений междисциплинарного характера, споры об ее конкретных целях все еще продолжаются. По всей видимости, стержнем этой науки является ее направленность на получение знания о знании. В фокусе ее внимания находятся многочисленные проблемы, связанные с получением, обработкой, хранением, извлечением и оперированием знаниями, относящиеся к его накоплению и систематизации, ко всему тому, что характеризует использование знания в поведении человека, его мышлении в процессах коммуникации. Когнитивная наука занимается информацией о мире в самых различных ракурсах и отношениях, изучая такие сложные феномены человеческого бытия, как восприятие мира и отражение воспринятого в голове человека. Разные определения когнитивной науки показывают, что ее предмет может пониматься то более широко, то более узко, то более обще, то достаточно конкретно. Так, Р.Шепард полагает, что когнитивистика представляет собой науку о главных принципах, управляющих мыслительными процессами, а Ф.Джонсон-Лэрд определяет ее как науку, которая ставит своей целью понять человеческий разум, а потому должна создать работающую модель этого разума. В становлении когнитивной науки многими учеными подчеркивался тот неоспоримый факт, что человеческое знание и процессы познания слишком сложны, чтобы обеспечить их описание в рамках какой-либо одной науки, будь это философия, психология, логика, медицина, Когнитология возникла поэтому как наука междисциплинарная, призванная объединить усилия специалистов в разных областях знания – психологов и лингвистов, философов и логиков, специалистов по искусственному интеллекту и теории информации, по организации баз знаний в компьютерах и математическому моделированию. С развитием когнитивной науки мысль об исключительной значимости языка для всех процессов обработки знания, для его передачи от одного поколения к другому, для роста и накопления опыта по познанию мира, по его описанию и т.д., получала все большее признание. Такое положение вещей легко объяснимо. Язык – главная тема в когнитивной науке. Частично это происходит потому, что язык отражает познание, выступая как основное средство выражения мысли, так что изучение языка – это косвенное изучение познания. Возможно также, что язык воздействует на познание, ибо влияет на то, какие есть у человека понятия и какие

мысли придут ему в голову. Таким образом, с когнитивной точки зрения внеязыковая действительность неизбежно присутствует в рассуждениях о языке. С информацией о мире сознание человека сталкивается постоянно, и именно оно наполняет затем факты языка. Не вся когнитивная наука сводится к лингвистике. Поскольку когнитивная лингвистика стремится к познанию структуры человеческого сознания, и посредством этого устанавливает новую этиологию фактов языка, невербальная реальность, отраженная в человеческом сознании, неизбежно попадает в поле зрения исследователя-лингвиста. Соответственно, диахронический аспект фактов языка предполагает исследование в области способов концептуализации (осознавания) действительности, изменения коммуникативных практик и напрямую связанных с ними невербальных ситуаций. В свою очередь, когнитивные основания семантики (в т.ч. диахронического аспекта семантики) предполагают выяснение степени и конкретного характера связи между языком и мышлением, что составляет одну из центральных проблем теоретического языкознания и философии языка с самого начала их развития. Если вести отсчет от первых древнегреческих философов, то эта проблема, названная Э. Геккелем одной из мировых загадок, не теряет своей актуальности уже более двух тысяч лет. Сложность проблемы заключается в сложности и противоречивости природы мышления и языка. Однако с самого начала они не могли быть исследованы и описаны с достаточной степенью объективности. Механизм мышления как продукт высокоорганизованной материи был скрыт от непосредственного наблюдения; мышление представлялось лишь как функция, результат деятельности души, определяемой как идеальное, и принималось древнегреческими философами за некоторую реальность, которая рассматривалась ими идеалистически (Платон) или материалистически (Демокрит, Эпикур). Язык, напротив, представлялся живому созерцанию в конкретно-чувственной форме (звуки, буквы, звучащая речь), что давало большие возможности для изучения его структуры. При решении проблемы о взаимосвязи языка и мышления высказываются различные точки зрения. Известный психолог Л.С.Выготский говорит, что разнообразие их “колебалось всегда и постоянно – от самых древних времен и до наших дней – между двумя крайними полюсами – между отождествлением и полным слиянием мысли и слова и между их столь же метафизическим, столь же абсолютным, столь же полным разрывом и “разъединением” [9].

Соответственно, для диахронического исследования процессов семантической эволюции слов вопрос о соотношении мышления и языка приобретает основополагающее значение. Ответить на него – значит определить, что устанавливается в ходе исследовательской процедуры: всеобщие закономерности сознания, наполняющие различные языки невербальным (и потому поддающимся сопоставлению) содержанием, или приуроченные к конкретному языку сущности (и в таком случае, по причине различия языковых систем, сравнение различных языков между собой становится в принципе невозможным). Идея о тесной связи языка с мышлением народа, говорящего на данном языке получает наибольшее развитие в трудах В.Гумбольдта. Указывая на взаимосвязь между словом и понятием, В.Гумбольдт выражал идею о том, что мыслительная деятельность сама содержит в себе необходимость соединения со звуком языка, иначе мышление “не достигает ясности и представление не может стать понятием”. Однако в его концепции преувеличивается роль языка, язык становится главнейшей деятельностью человеческого духа, лежащей в основе всех других видов человеческой деятельности. Народ “создает свой язык как орудие человеческой деятельности”. Концепция В.Гумбольдта способствовала появлению ряда теорий (неогумбольдтианство, экзистенциализм), в которых идея активной роли языка была доведена до абсурда: язык представлялся единственным фактором развития мышления [10]. Понимание языка как явления, которое жестко определяет сам характер мышления, его логический строй и результаты познания человеком объективной действительности развивается также в общей семантике и лингвистической философии и в некоторых направлениях семиотики. Таким образом, в настоящем исследовании принимается точка зрения, согласно которой язык, будучи тесно связан с мышлением говорящего на нем народа, тем не менее, не дает сам содержание мышлению, а, наоборот, получает его в процессе осмысления внеязыковой действительности, превращая ее в культурно осознанную. Так, человеческое сознание, одной из главных способностей которого является аналогическое сопоставление, различает неязыковой объект независимо от “означающего”. Соответственно, данный объект может быть назван любой языковой моделью – английской, русской, французской, не утрачивая при этом своих свойств в сознании говорящего. Более того, понимание данного означающего будет возможно только в том случае, если сознание слушающего уже прошло

стадию невербального знакомства (например, посредством видения и использования) с тем, что в данном коллективе именуется данным “означающим”. И если в сознании слушающего заранее не присутствует полученный таким способом образ, например, “автомобиля”, то слово “car” не скажет ему ничего. Если в такой ситуации остенсивное определение данного понятия будет невозможно, то говорящему необходимо будет апеллировать к образам, уже известным слушателю, и постепенно доводить его до понимания непонятого “слова”. Так, объяснить культурно-специфическую реалию оказывается невозможным, если не указать на нее непосредственно, или же если не объяснить ее через параллели (анalogии) с культурными фактами, известными слушателю из собственного культурного опыта. В этом смысле диахронический подход к культурной специфике языковых фактов обнаруживает когнитивную проблематику. Такой подход, с нашей точки зрения, лежит в основании когнитивного понимания языка, который хотя и тесно взаимодействует с другими когнитивными структурами и процессами: восприятием, мышлением, вниманием, памятью, но все же не является непосредственным их основанием.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Соссюр Ф., де. Курс общей лингвистики. – М., 1977.–456 с.
[2] Жирмунский В.М. Восприятие и интерпретация художественного текста. – М.: Высшая шк., 1984. –152 с.
[3] Супрун И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – М., 1979.–156 с.
[4] Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Рус. яз., 1980. – 254 с.
[5] Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. –280 с.
[6] Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность.– М.: Наука, 1974.– 504 с.
[7] Кузнецова И.С. История переносных употреблений цветообозначений в памятниках русской письменности XVII-XVIII вв.: автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 1989. – 16 с.
[8] Гак В.Г. Проблема соотношения языка и действительности // Вопросы языкознания. – 1972. - № 5. – С.12-26.
[9] Выготский Л.С. Психология развития как феномен культуры: Избранные психологические труды.– М. - Воронеж, 1996. – 510 с.
[10] Гумбольдт В. Воздействие особой духовной силы. Цивилизация, культура, образование // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. – М., 1960. – С. 65-87.

REFERENCES

- [1] Sossur F., de Kurs obshei lingvistiki. M.,1977 [in Russ.].
[2] Zhirmunsky V.M. Vospriatie I interpritacya khudozhestvennogo teksta. M.: Vysshaya shkola, 1984 [in Russ.].

- [3] Suprun I.A. Problemy analiza struktury znachenya slova. M., 1979 [in Russ.].
- [4] Denisov P.N. Leksika pusskogo yazika I prinsipi ie opisanya. M.: Rus.yaz., 1980. [in Russ.].
- [5] Shmelev D.N. Problemy semanticheskogo analiza lecsiki. M., Nauka, 1973.[in Russ.].
- [6] Sherba L.V. Opit obshei teorii leksikografii. In: Yazykovaya sistema I rechevaya deyatelnost. M., Nauka, 1974 [in Russ.].
- [7] Kuznesova I.S. Istorya perenosnykh upotreblenii svetooboznachenii v pamatnikakh russkoi pissmennosti XVII-XVIII vv.: avtoref.dis... cand.filol.nauk, 1989 [in Russ.].
- [8] Gak V.G.Problema sootnoshenya yazika I deistvitelnosti. *Voprasy yazykoznanya*, 1972, № 5 [in Russ.].
- [9] Vygotsky L.S.Psihologya razvitia kak fenomen kultury. In: Izbrannye psichologicheskiye Trudy.M. -Voronezh, 1996 [in Russ.].
- [10] Gumbolt V. Vozdeistvie osoboi duchovnoi sili. Zivilizazya, kultura, obrazovanye. In: Zveginsev V.A. Istorya yazykoznanya XIX-XX vv.v ocherkah I izrecheniah. M., 1960 [in Russ.].

ЛИНГВОМӘДЕНИЕТТІК ТӘСІЛДЕР МЕН ДИАХРОНИЯЛЫҚ ӨЗГЕРІСТЕРДІҢ ЛЕКСИКА-СЕМАНТИКАЛЫҚ ЖҮЙЕСІНІҢ ТЕОРИЯСЫ

Алдибекова А.И.,

магистрант, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан, aai_2005@mail.ru

Тірек сөздер: лингвистика, диахрония, синхрония, түс атаулары, лингво-мәдениеттану.

Андағпа. Мақалада тіл жүйесінің бір бөлігі ретінде лингвистикалық материал қарастырылады және бұл жағдайда диахрониялық және синхроникалық қарым-қатынастар бірлік құру базасында жүйелік-бағдарланған тәсіл бар. Диахрониялық тәсіл тіл құндылықтарының әлемнің ұлттық тіл суретінің, оның ішінде түс семантикасының өзгеруін бақылауға мүмкіндік береді.

Статья поступила 11.03.2016 г.

COGNITIVE ASPECT OF CONVENTIONAL METAPHORS

Alkhozhayeva L.N.,

MA student of Ablai Khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, lola.messi.barca@gmail.com

Keywords: conceptual metaphor, conceptual domain, source domain, target domain, source language, target language, frame, vector of association, metaphorical mapping.

Abstract. This article is devoted to the study of the cognitive aspects of conventional metaphors. Also there are reviewed peculiarities of conventional metaphors in terms of cognitive theory and main linguistic structures in accordance with the conceptual theory. The article is provided by a brief analysis of various types of conceptual metaphor from the scientific and journalistic media picture of Italians' world.

ОӘЖ 811.131.1

КОНВЕНЦИОНАЛДЫ МЕТАФОРЛАРДЫҢ КОГНИТИВТІ АСПЕКТІСІ

Альхожаева Л. Н.,

магистрант, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан, lola.messi.barca@gmail.com

Тірек сөздер: концептуалдық метафора, концептуалдық домен, қолдану аясы – бастау көзі, қолдану аясы – нысанасы, шығу тілі (ШТ), аударма тілі (АТ), ассоциация векторы, метафоралық проекция.

Аңдатпа. Бұл мақалада конвенционалдық метафораларды когнитивті аспектісі тұрғысынан зерттеу мәселесі қарастырылған. Сонымен қатар когнитивті теориясы бойынша конвенционалдық метафораларға тән ерекшеліктер мен концептуалдық метафора теориясына сәйкес метафораланудың негізінде білім құрылымдары қарастырылады. Италиялықтар әлемінің ғылыми-публицистикалық медиа көрінісіндегі концептуалдық метафоралардың әртүрлі типіне қысқаша талдау жасалынды.

Көптеген лингвист ғалымдар саяси әлемді адам құратыны, түсіндіретіні және жүзеге асыратыны туралы ойды неше мәрте айтқан болатын. Шешім қабылдау процесінде метафора проблемалық жағдай шешімдерінің баламалы шеңберін анықтайды, сондай-ақ бұл баламаларды бағалауға ықпал етеді. Адамның саяси ойлауына концептуалдық (тұжырымдамалық), конвенционалдық (шартты) және конвенционалдық емес (шартты емес) метафоралар үлкен ықпал етеді. “Конвенция” түсінігі Дж.Остин зерттеулерінде негізгі орындардың бірін алады. Ол сөйлеуші жоспарлайтын немесе меңзейтін және сөйлеуші мен тыңдаушы түсінетін әрекет ретінде сөйлеу актілерінің шартты мақсатын немесе “иллокутивтік” күшті анықтаған (мысал үшін

уәде беру сияқты сөйлеу актісі). Бұған қарағанда сөйлеу актілерінің “перлокутивтік” аспектісі Э.Бейтстің пікірі бойынша сөйлеуші меңзеп тұрған немесе меңзеуі мүмкін әрекеттерді қамтиды, бірақ ешқашан сөйлеу актісінің қоғамдық-бекітілген, шартты мақсатының бөлігі болып табылмайды (мысал үшін машинаны ұқыпты жүргізетініне уәде бере тұрып адам өзі машинасын сұрап тұрған адамды сендіруі немесе сендіре алмауы мүмкін).

Осылайша конвенцияларды (метафораларға қатысты) формасы мен функциясы алдын ала келісілген және сөйлеуші/жазушы және тыңдаушы/оқушы ұғатын мағына ретінде анықтауға болады. Конвенционалдық белгілер сөйлеушінің/жазушының өз белгілерін коммуникация мақсатына арнауының жанама салдары ретінде пайда болады. Осы кезден бастап ол қажетті мақсатына қол жеткізу үшін сөйлеу ықпалының (метафора) ең жақсы және ең сенімді түрін анықтайды. Ықпал етудің мұндай түрі “ритуалданған” қалыпқа түсетін процесс конвенционализация процесі болып табылады.

Қазіргі заманғы когнитивистика ғылымында метафораны – таным, концептуализация, категоризация, аналогия арқылы әлемді танудың бағасы мен түсіндіру құралы ретінде ментальдық операция деп анықтау орын алған. Когнитивистикадағы метафораны қарастырудың мақсаты – аналогия механизмін түсіндіру. Когнитивті пайымдау бойынша, троптың бұл түрінің, яғни метафорадағы басты нәрсе – белгілі және белгісіз, абстрактылы және нақты, бір-біріне туыс емес реалийлердің семантикалық өзара әрекеттестігі болып табылады. Барлық қарастырылған зерттеулер метафораға деген когнитивтік бағытты қалыптастырды. Соның ішінде Дж. Лакофф пен М. Джонсонның “Metaphors We Live by” атты кітабында метафораны когнитивті механизм ретінде сипаттаудың жүйелі теориясы енгізіліп, тәжірибелік зерттеулерде теорияны қолданудың үлкен эвристикалық потенциалы байқалды. Авторлар метафораның қызметі тіл аясымен шектелмейтіндігін, адамның ойлау үдерісінің өзі белгілі бір дәрежеде метафоралы болатындығын болжап берді. Метафора таным феномені ретінде тілде ғана көрініс таппайды, сондай-ақ, ойлау мен әрекетте де көрініп отырады. “Біздің ойлап, әрекет жасайтын күнделікті таным-түсінік жүйеміздің өзі табиғатында метафоралық” [1, 25-б.]. Мұндай бағыт метафораны тілдік жүйе шеңберінен шығарып алып, оны тілдің, ойлау мен мәдениеттің өзара әрекеттестігі феномені ретінде қарастыруға толық мүмкіндік берді. Дж.Лакофф өзінің кейінірек шыққан “The Contemporary Theory of Metaphor” атты еңбегінде

метафоралық сөздер мен концептуалдық метафоралардың аражігін қатаң түрде ажыратып берді, тіпті “метафоралар локусы – тілді емес, ойда” екендігін баса көрсетті [2, 203-б.].

Когнитивті лингвистиканың негізгі ұғымдарының бірі “когниция” (ағылшын тілді термин *cognition*) – танымдық үдерісті де (білім алу үдерісі), осы үдерістің нәтижесін де (білім) білдіреді, сондықтан осы термин “таным” терминіне синоним ретінде үнемі қолданыла бермейді. Таным – бұл білім алу үдерісі ғана, яғни бұл ұғым. Когниция мақсатты бағытталған, теоретикалық танымды ғана емес, адам өмірінің дүниені қарапайым, күнделікті (әрдайым саналы емес) әр күндік аңдауын да қамтиды. Бұл дүниені қабылдау да, бақылау да, категориялау да, ойлау да, сөйлеу де, елестету де, сонымен қатар басқа да психикалық үдерістер немесе олардың жиынтығы. Адамның танымдық қызметінің барлығы (яғни когниция) қоршаған дүниені игеруге, алынған білімдер негізінде осы дүниеде бағдарлана білуді қалыптастыруға және дамытуға бағытталған. Бұл, өз кезегінде, объектілер мен оқиғаларды шығару мен салыстыру қажеттілігімен байланысты. Бұл жіктеушілік қызметтің орталық орнын тұжырымдау үдерісі алады. Ол адам тәжірибесінің ең аз мазмұндық бірлігі – білім құрылымын бөлуге бағытталған. Тұжырымдау – бұл келіп түсетін ақпаратты ұғыну, тұжырымдар (яғни адам санасында белгіленген мәндер): мысалы, үй, уақыт, кеңістік, мәңгілік, қозғалыс және т.б. тұжырымы, түрінде дүние туралы белгілі бір түсінікті құруға алып келетін заттар мен құбылыстардың ойша құрастырылуы. Осы тұжырымдардың негізгі бөлігі нақты сөздердің мәні болып тілде бекітіледі, бұл алынған білімдердің сақталуын және олардың адамнан адамға және ұрпақтан ұрпаққа берілуін қамтамасыз етеді. Когниция бір-бірімен белгілі бір когнитивті қабілетпен немесе когнитивті қызмет түрімен байланысатын әртүрлі үдерістерге бөлінеді. Когнитивті қабілеттерге сөйлеу қабілетін де жатқызады. Сәйкесінше когниция тілмен ажырағысыз байланыста, себебі біз негізінен тілде жинақталған тәжірибе мен білімімізді береміз, ақпаратпен бөлісеміз, ең танымдық үдерістер мен олардың нәтижелері туралы пайымдай аламыз. Тұжырымдар сананың бөлшектері ретінде тілден толықтай автономды. Біздің ойлауымыз өзінің табиғатында сөз түрінде емес. Тілді қажет етпейтін жануарлар да, сөйлей алмайтын 2 жасқа дейінгі сәбилер де және сөйлеу немесе есту кемістігі бар адамдар да ойлай алады. Тілді меңгерген адам бірденені түсінуі мүмкін, алайда айту, түсіндіру жағдайында болмауы да мүмкін. Біздің санамызда бар көптеген ойлар ешқашан сөз болып шықпайды, себебі

олар хабарландыруға арналмағандықтан олардың шығуы үшін дайын тілдік құралдар жоқ. Ойлар өмір сүреді және адамның мінез-құлығын анықтайды. Кей кезде бізден қандай да бір қылықты түсіндіруді сұрайды, біз, көбіне әрең дегенде, нақты сөздерді тандаймыз немесе біз бұны сөздік қалыпта түсіндіре алмайтынымызды мойындаймыз немесе қажетті сөздерді табуда қиналамыз. Адамдар көбіне сөздерді олардың мағынасы деңгейінде емес, олардың беретін мағынасы, яғни тұжырымдар және тұжырымдамалық сипаттар деңгейінде меңгереді. З.Д.Попов, И.А.Стернин сияқты ғалымдардың еңбектеріне сүйене отырып біз тұжырымды өзімен бірге құрылымдалған білім қвантын ұсынатын ғаламдық ойлау бірлігі ретінде қарастырамыз. Тұжырымдар – бұл адамның санасында:

- оның тікелей тәжірибесінен – шынайылықтың сезім мүшелерінде қабылдануы;
- адамның заттармен тікелей әрекеттесуінен, оның заттық қызметінен;
- адамның оның санасында әлдеқашан бар басқа тұжырымдармен ойша әрекеттесуінен – мұндай әрекеттесулер жаңа тұжырымдардың пайда болуына әкеліп соғады;
- тілдік қатынастан (тұжырым адамға тілдік қалыпта жеткізілуі, түсіндірілуі мүмкін, мысалы, оқыту үдерісінде, білім беру үдерісінде);
- адам меңгеретін тілдік бірліктердің мағыналарын өзіндік танудан (бала демократия дегеніміз не деп сұрайды; ересек адам өзіне таныс емес сөздің мағынасын сөздіктен қарайды және сол арқылы сәйкесінше тұжырыммен танысады) қалыптасатын керемет мәндер [3, 191-б.].

Тіл, адам санасында тұжырымдардың қалыптасуының бір тәсілі болып табылады. Тұжырымның тиімді қалыптасуы үшін, оның қалыптасуының толықтығы үшін тіл ғана жеткіліксіз – сезімдік тәжірибенің қатысуы қажет, көрнекілік қажет, сол затпен немесе басқа затпен немесе құбылыспен заттық әрекет қажет. Қабылдаудың әртүрлі тек осындай үйлесімінде ғана адамның санасында толыққанды тұжырым қалыптасады. Тұжырым бейне түрінде пайда болады, алайда адамның санасында пайда болған осы бейне дерексіздену сатыларында жылжи алады. Тұжырым дерексіздену деңгейлерінің ұлғаюынан біртіндеп сезімдік бейнеден меншікті ойлауға айналады. Сонымен бірге мысалдағы тұжырымды түсіндіру керек деген жалпыға белгілі факт кез келген тұжырымның бейнелі табиғаты туралы куәландырады. Дерексізденудің әртүрлі деңгейіндегі тұжырымдар бір біріне енетін

нақтырақ бейнелердің қатарын өзімен бірге ұсынады. Мысалы, *шіркеу, күмбез, жалбарынған адамдар* және т.б. – *дін* тұжырымы. Тұжырым, осылайша, ойлау қызметі үдерісінде ойлау қызметі үдерісінің өзінің ұғымдық деңгейін, немесе фреймдік, немесе сызбалық, немесе осы тұжырымдамалық мәндердің әртүрлі тәсілдемесін өзектілендіретін кешенді ойлау бірлігі болып саналады.

А.П.Чудинов метафораны келесідей сипаттайды: “Біріншіден метафора негізгі тілдік операция, әлемді тану және санатқа бөлу тәсілі ретінде түсініледі – ойлау қызметінде баламалылық рационалды ойлаудың қалыптасқан процедураларына қарағанда аз рөл атқарады. Адам қандайда бір жаңа, қиын, түсініксіз дүниені ала отырып қандайда бір неғұрлым өзіне таныс және түсінікті сала элементтерін пайдалануға тырысып жатады. Қиындығымен және абстракция деңгейінің жоғарылығымен ерекшеленетін саяси саланы метафоралық моделдеу кезінде адам өзіне жақсы таныс салалардың неғұрлым қарапайым және нақты бейнелерін жиі пайдаланады. Метафора – дайын ойды безендіру құралы емес, ойлау қабілеті, тілдің күндегі шындығы. Екіншіден “метафора” термині (когнитивистиканың жалпы принциптеріне сәйкес) өзара түрлі табиғи қатынастар мен түрлі жақындық деңгейімен байланысты гештальт, желілік модель, торап ретінде түсініледі. Үшіншіден когнитивтік теорияға метафораны формальды белгілері бойынша бөлудің кең таралған тәсілдері тән. Мысал үшін, басқа теорияларда компаративтік троптар арасында салыстыру бөліп тасталса, яғни формальды компаративтілік көрсеткіші бар троп (қалай, құдды, ұқсас, сияқты және т.б.) пен аталған көрсеткіштердің жоқтығы белгі болып табылатын метафорасы болса, когнитивтік тәсілде қарастырылып отырған екі түр өзгешелігі кең түсінілетін метафоралар қатарына жатады. Төртіншіден когнитивтік теорияға метафораларды мазмұндық белгілері бойынша бөлу кезінде қолданылатын көп тәсілдер тән. Бұл жағдайда метафора мен салыстыру арасындағы семантикалық, стилистикалық, эстетикалық және басқа өзгешеліктерге айқындық берілмейді (баламалылықтың имплициттігі мен эксплициттігі, конструкцияның қысқа айтылуы мен оралымдылығы, мағынаның айқындық деңгейі мен оның қос мағыналылығы, мағыналардың “араласуы”, “тоғысуы” және т.б.). Кең түсінікте метафора ретінде салыстыру ғана емес, компаративтілік элементтері бар басқа феномендер де қарастырылады: метаморфоза, гипербола, бірқатар перифразалар, фразеологизмдер және т.б.”. “Тұжырымдамалық метафора теориясына сәйкес метафоризация негізінде екі

тұжырымдамалық домен – негіз-сала (source domain) мен нысана-сала (target domain) білімдері (фрейм және сценарийлер) арасындағы өзара байланыс процесі жатады. Бір бағытты метафоралық проекция нәтижесінде (metaphorical mapping) түсінікті тұжырымдамалық нысана-саланы құрылымдайтын негіз-сала элементтері адамға жақсы таныс болады. Ол метафораның когнитивтік әлеуетін құрайды”. Кез келген идиома – тұжырымдамалық метафора негізінде фразеологиялық бейнені түсіндіру жатады. Метафораның мағынасы, метафораның мазмұны, оның бейнесі талдап-түсіндіру негізінің болуына байланысты түсініледі: бұл жағдайда қандай бастапқы фрейм қайда проекцияланатынын білуге болады. Тұжырымдамалық метафорада дерек көзі, яғни екінші нысан проекцияланатын нысан болады. Ал екіншісі сала бойынша түсіндіріледі. Тұжырымдамалық метафораның тағайындалуы – талдау және метафораның мағынасы неліктен олай екенін түсіндіру болып табылады. Әртүрлі метафоралық типтердегі идиома түрліше болады. Фразеологиялық өрістер мен метафоралық идиомалар бір өріске біріктірілуі және бірнеше тұжырымдамалық метафоралар тұрғысынан түсіндірілуі мүмкін. Олардың мағынасы не себепті осындай екенін және олардың құрамындағы идиомалардың семантикалық механизмін түсіндіруге болады. Метафоралық проекция ұғымы нақты дүниенің орталық құрылымдық құралы болып табылады. Метафоралық проекциялар – бұл тұжырымдамалық метафоралар. Осылайша метафоралық идиомалар белгілі бір салаларда метафоралық тұжырымдау кезінде маңызды рөл атқарады. Идиомаларды сәтті түсіндіру негізінде тұжырымдамалық метафоралар жатыр, олардың көмегімен идиомалар мәнін түсіндіруге болады.

Концептуалды метафора теориясына сәйкес метафораланудың негізінде білім құрылымдары (фреймдер мен сценарийлер): екі концептуалдық домен – қолдану аясы – бастау көзі (source domain) және қолдану аясы – нысана (target domain) арасындағы өзара әрекеттестік үдерісі жатады. Бір бағыттағы метафоралық проекцияның нәтижесінде (metaphorical mapping) қолдану аясы – бастау көзінен қолдану аясы – нысанаға адамның қоршаған ортамен байланысы тәжірибесі негізінде қалыптасқан бастау көзі элементтерінің концептуалдық нысанасына құрылады, бұл өз кезегінде метафораның когнитивті әлеуетінің табиғатын айқындайды. Концептуалдық доменді құрайтын білімнің базалық негізі адамның қоршаған ортамен тікелей қарым-қатынасы тәжірибесі, соның ішінде диахрондық алғашқысы болып болмыстың категоризациясын жай когнитивтік құрылым – “образдар схемасы”

түрінде ұйымдастыратын адамның физикалық тәжірибесі саналады.

Білім құрылымдары (концептуалдық метафоралар) арасындағы конвенционалдық метафоралар сәйкестігі нақты бір мәдениет және тіл келісімі арқылы жасалады. Мәселен, ARGUMENT IS WAR (ДАУ – БҰЛ СОҒЫС) концептуалдық метафорасы ағылшын тілінде сөйлейтіндердің базалық мәдени құндылықтарымен байланысты. Метафора тек соғыс түсінігіне қатысты таластарды суреттеу құралы ғана емес, тартыстың мәнін түсіндірудің сенімді құралы да бола алады: таласты жеңуге де, жеңілуге де болады, оппонент қарсылас ретінде қабылданады, дауласушылар түрлі стратегияларды ойлап тауып, позицияларға бекінеді, қарсыласушының дәлелдерін “атқылауға” (shoot down) кіріседі (т.б.). Сонымен бірге, “тартыс би ретінде қарастырылатын, яғни тартысқа қатысушылар – бишілер ретінде, мақсат – қарсыласушыны жеңуді емес, гармонияға құрылған және эстетикалық әсері күшті биді танытуға бағытталған мәдениетті көрсетуге болады [4, с. 39]. Концептуалдық метафоралар “тілді қолданушылардың мәдени парадигмасының ажырамас бөлшегі” болып табылады [5, 19-б.], ол адамның санасына әбден сіңіп кеткендігі соншалықты, кейде тіпті оны метафора ретінде қабылдау да оңай болмай жатады.

Когнитивті көзқарас тұрғысынан метафоралардың төмендегідей типтерін ажыратуға болады:

Бірінші тип — онтологиялық метафоралар, шынайы өмір шекараларын суреттеу арқылы болмысты қалыптастыратын категориялар, бұл метафоралар негізінде – тұрмыстық табиғи аналогиялар жатады. Метафоралардың бұл типі басқа типтермен салыстырғанда жиі кездеседі. Мысал келтірейі: 1) “артриттік нарық” (“*mercati artricità*”):

Қолдану аясы – бастау көзі – шығу көзі: экономика;

Қолдану аясы – нысанасы: ауру;

Жаңа білімнің қалыптасуын анықтайтын ассоциациялар векторлары: артрит; инфекциядан тарайтын буын ауруларының тобы немесе буын қоректенуінің бұзылуы салдарынан пайда болатын ауру – нарық бағасы секілді мемлекет үшін халықтың денсаулығы да маңызды;

2) “ел артериясы” (“*arteria di campagna*”):

Қолдану аясы – бастау көзі: медицина;

Қолдану аясы – нысанасы: Америка жолдары;

Жаңа білімнің қалыптасуын анықтайтын ассоциациялар векторлары: артериялар;

Өте маңызды қантамырлар – жолдар; адам баласына қантамырлары қаншалықты маңызды болса, Америка үшін жолдар да соншалықты маңызды (жойылған метафора);

3) “жалғыздыққа қарсы у, жалқаулықтан сақтайтын құрал...” (“antidote alla solitudine, cura anti pigrizia”):

- Қолдану аясы – бастау көзі: денсаулық;
- Қолдану аясы – нысанасы: адамның ең жақын досы – ит;
- Жаңа білімнің қалыптасуынан ықтайтын ассоциация векторлары: салауатты өмір салтының ерекшелігі – жаяу жүру немесе итпен серуендеу секілді физикалық жаттығулар.

Екінші тип — ориентациялық метафора, адамның әлемдік кеңістіктегі тәжірибесі арқылы көрінетін оппозиция. Мысал келтірейік:

1) “оң қанатты флангты білдіретін саясаткерлер” (“Il politico sul fianco destro”):

- Қолдану аясы – бастау көзі: әскери сап;
- Қолдану аясы – нысанасы: елдің партиялық жүйесі;
- фрейм: қоғамдық-саяси жүйедегі күштердің орналасуы;
- ассоциация векторлары: оң қанат – оң жақ партия; сол қанат – оң жақтың жасырын оппозициясы.

2) Біз Оклахомадан Техас “кастриюлінің қолы” арқылы жолға шықтық:

- Қолдану аясы – бастау көзі: тұрмыс заттары, асхана жабдықтары, ыдыс-аяқтар;
- Қолдану аясы – нысанасы: географиялық орналасу, әкімшілік шекара;
- фрейм: штат формасы, географиялық картадағы образ-фигура;
- ассоциация векторлары: солтүстікте Техас штаты Оклахома штатына кіріп тұрады, кеңістіктің араласуы.

3) “300 жыл бұрын Еуропаға терезе ашылды. Осы терезе арқылы бізге қандай желдің енгенін ойлап көрейікші... Есік қоюдың уақыты жеткен секілді?”:

Қолдану аясы – бастау көзі: ғимараттар құрылысы;

Қолдану аясы – нысанасы: Ресей – Батыс (Еуропа) қарым-қатынасы;

фрейм – прецеденттік жағдай: Петр I – Еуропаға ашылған терезе; ассоциация векторлары: Петр I – Ресей – Еуропа – терезе; қазіргі заманғы – Ресей – Еуропа – есік;

Метафоралардың *үшінші типі* – интертекстуалдылық. Терминнің өзі метафораның бұл типінің интертекстуалдылық байланыстар

негізінде қалыптасатын метафора екенін көрсетіп отыр. Интердискурс пен интер мәтінді іштей байланыстыратын элементтер ретінде ұжымдық символдар – образдық элементтердің жиынтығы (символдар, аллегориялар, метафоралар т.б.) шығады, олар сөйлеуші субъектінің прагматикалық идеологиялық мақсатын анықтап, мәтіннің, кейде тестілік метафоралардың өшірілмейтін потенциалдық мағынасын көрсетіп береді.

1) “Сақиналар әміршісі” (Ю.М.Лужков туралы):

Қолдану аясы – бастау көзі Дж. Р. Толкиеннің “Сақиналар әміршісі” атты кітабы;

Қолдану аясы – нысанасы: Мәскеу мэрі Ю.М.Лужков; ассоциация векторлары: Мәскеу жолдарының айналымы (метафоралардың матрешкалық типі).

Метафораландыру үдерісінің негізін білімдер құрылымын өңдеу рәсімдері құрайтындықтан, метафора алдыңғы кезекте адамның ойлауына әсер ететін когнитивті құбылыс болып саналады. Метафора шешім қабылдау үдерісіне ықпал ететіндігі туралы ұсыныс жасалған болатын. Заманауи түсініктерге сәйкес шешім қабылдау үдерістері келесі негізгі кезеңдерді қамтиды:

- мәселелелік жағдайды пайымдау;
- оның шешілу баламасын анықтау;
- баламаларды бағалау;
- баламаларды таңдау (өзіндік шешім қабылдау).

Алайда, әсіресе, мәселелік жағдайдың шешілуінің көптеген баламаларын қалыптастыру кезінде адам коммуникативті өзара әрекеттесу жағдайында метафора көрсететін баламаларды ғана көретіндіктен, метафора шешім қабылдаудың кез келген кезеңіне әсер етуі мүмкін.

Когнитивті және мәдени контексті білу, метафораларды пайдалану – газеттік немесе журналдардағы мақалаларда кездесетін метафораларды, сондай-ақ, саяси дискурстағы метафораларды аударудың және тиімді декодтаудың бірден-бір жолы болмақ. Сонымен қатар, лингвистикалық контекст, метафоралық синтаксисті білу, мәтіндегі метафоралар қызметінің ерекшелігін түсіну де маңызды. Осы екі аспектінің орайласуы ғана “метафоралық компетенцияға” жетіп, шетел тіліндегі мәтінді немесе дискурстағы метафораларды тануға және оларды аударма тілінде сауатты айта білуге мүмкіндік береді.

Метафораны аудару бойынша когнитивстердің гипотезасы екі сценарийге негізделеді:

- бір саладан екінші салаға енген метафора екі тілде де бір-біріне ұқсас болса, онда тілдер арасында “концептуалдық өзгеріс” болмайды;
- егер бір саладан екінші салаға енген метафора екі тілде де бір-біріне ұқсас болмаса, онда тілдер арасында “концептуалдық өзгеріс” пайда болады.

Метафораларды келтірілген сценарийлер шеңберінде аударуды жүзеге асырған жағдайда жеке талданған тілдерде метафоралардың қаншалықты ұқсас болғандығын және “мәдени дистанцияны” қаншалықты сезініп, ажыратылатынын байқауға болады.

Метафораның когнитивті және лингвистикалық аспектілерін білу жұмысы қоғамдық-саяси және экономикалық дискурстарды аударуға бағытталған болашақ ілеспе аудармашының рецептивті және өнімді дағдысын дамыту үшін аса қажет. Аудармадағы метафораны зерттеуде когнитивті бағыт тұрғысынан концептуалдық метафора негізінде жатқан мәдени компонент адам тәжірибесі әртүрлі мәдениетте құрылу ерекшелігін көруге мүмкіндік береді.

ӘДЕБИЕТ

- [1] Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М., 2004. – 25 с.
- [2] Lakoff G. The Political Mind: A Cognitive Scientist’s Guide to Your Brain and Its Politics. – Californiya, 2009.
- [3] Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Изд-во “Истоки”, 2001. – 191 с.
- [4] Будаев Э.В., Чудинов А.П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования. – Екатеринбург: 2006.
- [5] Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры. – Екатеринбург: 2007.
- [6] Плеханова Е.А. Функционирование когнитивной метафоры в медиатексте онлайн-формата на примере итальянского языка. – Оренбург, 2011.

REFERENCES

- [1] Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my jivem: Per. s angl. / Pod. red. i s predisl. A.N. Baranova. M., 2004. 25 s. [in Russ.].
- [2] Lakoff G. The Political Mind: A Cognitive Scientist’s Guide to Your Brain and Its Politics. California, 2009.
- [3] Popova Z.D. Oчерki po kognitivnoi lingvistike. Voronezh: Izd-tvo “Istoki”, 2001. 191 s. [in Russ.].
- [4] Budaev E.V., Chudinov A.P. Konseptualnaya metafora v politicheskom diskurse: amerikanskiy, evropeiskiy b rossiiskiye variant issledovaniya. Ekaterinburg, 2006 [in Russ.].
- [5] Budaev E.V. Stanovleniye kognitivnoi teorii metafory. Ekaterinburg, 2007 [in Russ.].

[6] Plekhanova E.A. Funktsonirovaniye kognitivnoi metafory v mediatekste onlain formata na primere italiyanskogo yazyka. Orenburg, 2011 [in Russ.].

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ МЕТАФОР

Альхожаева Л.Н.,

магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, lola.messi.barca@gmail.com

Ключевые слова: концептуальная метафора, концептуальный домен, исходный домен, конечный домен, исходный язык (ИЯ), переводимый язык (ПЯ), вектор ассоциации, метафорическая проекция.

Аннотация. Эта статья посвящена исследованию когнитивного аспекта конвенциональной метафоры. Также в статье рассматриваются особенности конвенциональных метафор в контексте когнитивной теории и основные языковые структуры метафоризации в соответствии с теорией концептуальной метафоры. В статье дается краткий анализ разных типов концептуальной метафоры из научно-публицистической медиа картины мира итальянцев.

Статья поступила 01.03.2016 г.

GENDER DISTINCTIONS IN JAPANESE LANGUAGE

Andarbayeva M.E.,

MA student of Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, m.andarbayeva@gmail.com

Keywords: gender, forms of language, political discourse, japanese language, stereotypes

Abstract. The questions connected with influence of a gender on language draw attention of researchers already on an extent of the long period of time, however many aspects continue to need additional researches, in particular, of a basis of division of language according to a sex of speaking. For example, in the Japanese society performance of certain social roles obliges speaking to correspond to certain language stereotypes. Therefore research of language features of the man's and female speech in Japanese is of special interest from the point of view of his description as man's and female kinds of language are a singular element of his structure.

УДК 811.521

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Андарбаева М. Е.,

магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, m.andarbayeva@gmail.com

Ключевые слова: гендер, формы языка, политический дискурс, японский язык, языковые стереотипы.

Аннотация. Вопросы, связанные с влиянием гендера на язык привлекают внимание исследователей уже на протяжении долгого периода времени, однако многие аспекты продолжают нуждаться в дополнительных исследованиях, в особенности, основы разделения языка по половой принадлежности говорящего. К примеру, в японском обществе выполнение определенных социальных ролей обязывает говорящего соответствовать определенным языковым стереотипам. Поэтому исследование языковых особенностей мужской и женской речи в японском языке представляет особый интерес с точки зрения его описания, поскольку мужская и женская разновидности языка являются особым элементом его строения.

Гендерные отличия являются одной из особенностей японского языка. В японском обществе выполнение определенных социальных ролей обязывает говорящего соответствовать языковым стереотипам. По этой причине изучение языковых особенностей мужской и женской речи в японском языке вызывает жаркие споры и особый интерес среди изучающих японский язык.

Первые проявления гендерного различия в речи появились, после того как Япония приняла китайскую письменность, т.е. примерно в 6 веке. Эти различия присутствуют и сейчас, спустя 1500 лет.

В средние века (IX-XII) в японской придворной среде существовала “мужская” и “женская” литература, основанная на разных системах письма и во многом на разных языках. Мужчины писали научные и религиозные трактаты и деловые бумаги, употребляли иероглифы, пришедшие из Китая, язык их сочинений был полон заимствований из китайского языка. Придворные дамы сочиняли “женские” романы и эссе, писали на чисто японском языке без оглядки на высокий китайский стиль, использовали японскую азбуку хирагану (знание женщинами иероглифов считалось неприличным). Именно женщины сочинили тогда великие произведения японской литературы “Повесть о Гэндзи” и “Записки у изголовья” (в “мужской” литературе соответствующего времени ничего столь значительного создано не было). Женщины демонстрировали талант и образованность, но литературная деятельность никак не означала равного с мужчинами положения. Просто художественная проза считалась несерьезным занятием, недостойным мужчины.

В 70-х годах XX века были выпущены труды японских авторов по проблеме мужской и женской речи – Ю. Огава “Nihongo to jenda” (“Японский язык и гендер”), Д. Сибамото “Japanese Women’s Language” (“Женская речь в японском языке”). Позднее вышли в свет работы Н. Учиды “Joseigonosekai” (“Мир женской речи”), Т. Сугимото “Onna no kotoba” (“Женские слова”). В данных научных работах основное внимание было направлено на различие стилей говорения между мужчинами и женщинами, уровень вежливости, использование личных местоимений. К примеру, утверждается, что в эпоху средневековья для речи женщин из высшего общества было характерно употребление вежливых оборотов, а также большого количества слов японского происхождения. Некоторые особенности средневековой японской женской речи перешли в современный японский язык.

Упоминания о различиях в мужской и женской речи также встречаются и в памятниках японской литературы. Японская писательница Сэй Сёнагон писала в своём произведении “Записки у изголовья”: “Случается, что люди называют одно и то же разными именами. Слова не схожи, а смысл один. Речь буддийского монаха. Речь мужчины. Речь женщины”. По мнению Т. Крючковой, социальная дифференциация идет по разным направлениям, которые делятся на два вида, а именно профессиональная дифференциация и непрофессиональная. В результате образуются множество профессиональных и непрофессиональных языков, точнее сказать

подгрупп, причем каждая более или менее оформленная социальная группа пользуется несколько отличным от других групп языков [1, с. 152].

Однако существует еще один вид дифференциация языка – по полу говорящего. Подобная дифференциация может происходить на разных уровнях. К примеру, по мнению российского филолога Ю.Степанова, у некоторых народов Севера мужской и женский языки неоднородны по фонемному составу. Подобное есть и в японском языке.

Однако несоответствия между мужской и женской речью были не всегда. В романе “Повесть о Гендзи” практически нет различий между женским и мужским языком. И лишь ближе к 17-19 векам они начали проявляться. Для мужчин было характерно употребление слов китайского происхождения, а женщин использовали лексику японского происхождения. Начиная с эпохи Мейдзи (1867-1911), которая известна быстрым развитием капитализма и усиливающимся влиянием со стороны Европы, некоторые различия в языке исчезают. Эта тенденция особенно усилилась после Второй мировой войны. В последнее время многие работающие женщины стали употреблять менее вежливые фразы, чисто мужские формы. Это связано с изменением социального статуса женщины. Некоторые лингвисты прогнозируют, что различия в языке постепенно будут стираться, но вряд ли исчезнут совсем [2, с. 47-52].

По мнению В.М.Алпатова, различия мужского и женского вариантов японского литературного языка есть практически на всех ярусах языковой системы. Наиболее явно отличаются друг от друга два варианта в области грамматики и лексики [3, с. 71].

Личные местоимения. Система личных местоимений – это одна из областей японского языка, где наиболее очевидна разница между вариантами языка. Расхождения, в основном, проявляются в системе местоимений 1-го и 2-го лица (для местоимений 3-го лица расхождений нет). Лишь самое вежливое *watakushi* одинаково используется и мужчинами, и женщинами. Далее следуют расхождения. Только мужчины говорят про себя *boku* (обычное), *ore* (невежливое) и *washi* (невежливое, сейчас устарело), только женщины – *atashi* (фамильярное), *atakushi* (вежливое, сейчас устаревает). Местоимение *watashi* употребляют и те, и другие, однако для женщин оно является стандартным, а для мужчин – вежливым (несколько менее вежливым, чем *watakushi*), и сейчас устаревает, будучи свойственным людям старшего поколения.

С. Идэ упорядочил местоимения в порядке убывания по степени вежливости.

Мужское – женское
watashi – watakushi,
watashi – atakushi,
boku – watashi,
ore – atashi.

Заметна тенденция к установлению основных местоимений 1 лица во всех случаях, кроме самых вежливых и грубых ситуаций. Для мужчин – *boku*, для женщин – *watashi*. Это общепринято для младшего и среднего поколения. К примеру, так зовут себя мальчики младшего школьного возраста [4, с. 358].

Наличие многих местоимений 1-го лица, различаемых по полу говорящего, создают большие трудности для переводчиков, так как необходимо отмечать характеристики, неизвестные из оригинала.

Среди местоимений 2-го лица имеются грубое *omae*, фамильярное *kimi* и *anta* и более вежливое, чем остальные, но сейчас теряющее вежливость *anata*. В вежливых ситуациях говорящих избегает *anata*, обращаясь к собеседнику в 3-м лице.

Kimi – самое частое местоимение в мужской речи, но недопустимое для женщин по литературным нормам, *omae* – тоже мужское, *anta* – чаще можно встретить у женщин, хотя возможно и у мужчин. В фамильярной речи женское *anta* соответствует *kimi* у мужчин. *Anata* до недавнего времени одинаково употреблялось, но теперь *anata*, как и *watashi*, становится женским местоимением.

Личные местоимения подразделяются на группы в зависимости от возраста говорящего. Различия в употреблении прослеживаются в разном возрасте у мужчин и женщин: у мужчин – в 45-50, у женщин – в возрасте около 30 лет [там же]. Например, *atakushi* используют только женщины старше 30 лет. Пожилые люди используют местоимения, которые сейчас уже уходят из речи, как например, *washi* – его используют пожилые мужчины.

М. Сибамото провел исследование на материале диалогов японских романов и получил следующие результаты.

Порезультатам видно, что *boku*, *ore*, *kimi* являются преимущественно мужскими местоимениями, а *atashi* и *anata* – женскими [5, с. 47-52].

Следовательно, можно понять, что на выбор местоимения влияют такие факторы как пол, возраст, социальный статус и т.д.

Существительные. В японском языке различают слова, свойствен-

ные только женщинам или только мужчинам, хотя эти слова могут относиться к одним и тем же понятиям, т.е. обладать схожей семантикой. Некоторые слова могут использоваться регулярно, другие – ситуативно. Если проанализировать то, что положило начало появления таких двух пластов лексики, то это связано с закрытостью круга женщин от круга мужчин. Женские слова употреблялись жрицами, монахинями в храмах, в среде придворных дам, актрис, гейш. Сегодня таких слов насчитывается немного. Так, *hara* (*живот*) считается мужским словом, женщины пользуются более вежливым словом, *onaka*, однако, по мнению Идэ, возможным и в мужской речи. Специфически женским считается слово *ogushi* (*волосы*), *ohiua* (*холодная вода*), *otiyu* (*подарок*) – слова, этимологически содержащие приставку – о.

Для иллюстрации различий между мужской и женской речью О.П. Фролова в работе “Японский речевой этикет (лингвистический аспект)” приводит пример предложения, которое в русском языке в обоих вариантах мужском и женском, переводится одинаково: “Я проголодался (*проголодалась*), хочется поесть что-нибудь вкусное”.

Мужской вариант: *ore hara hetta na, nanika umai umai kuitai na.*

Женский вариант: *atashi onaka suite wa, nanika oishii mono tabetai wa.*

Ore “я” (для мужчин), *atashi* “я” (для женщин); *hara* “живот” (употребляется исключительно в мужской речи), *onaka* “живот” (употребляется преимущественно в женской речи, хотя и не исключается в мужской речи); *heru* “проголодался” от устойчивого словосочетания *hara ga heru* “проголодаться”; *suku* “проголодаться” от устойчивого словосочетания *onaka ga suku*, которое употребляется преимущественно в женской речи, хотя возможно его употребление и в мужской речи; *umai* “вкусный” употребляется преимущественно в мужской речи, а *oishii* “вкусный” в женской и мужской речи; *kuu* “есть” – только в мужской речи, считается грубым глаголом, женщины его не употребляют; *taberu* “есть” глагол нейтрально-вежливого стиля, используется и мужчинами и женщинами; *na* – модально-экспрессивная частица грубого мужского стиля, и *wa* – модально-экспрессивная частица женской речи [6, с. 44].

Модальные частицы. В японском языке одним из самых заметных различий наблюдается в способах выражения эмоций. Сюда относятся модально-экспрессивные частицы, которые могут стоять как в начале предложения, так и в заключительной позиции, и междометия.

Модально-экспрессивные частицы играют важную роль для

японцев в выражении настроения, оценки говорящего к собеседнику или к предмету обсуждения. К тому же, так как японцы предпочитают оставлять фразу недосказанной, избегают категоричности высказывания, то, по моему мнению, и появились такие частицы, а также другие вспомогательные средства, которые выражают сомнение, желание, осторожность и т.д. Модально-экспрессивные частицы не влияют на грамматический строй предложения, то есть, опустив частицу, грамматический строй предложения не нарушится, однако изменится оттенок высказывания.

Модально-экспрессивные частицы в основном встречаются в разговорной неформальной речи. Чем формальнее ситуация, тем меньше частиц. Исследуя материалы учебников, художественной литературы, а также видео материалы, можно прийти к выводу, что в устной речи свыше 70% всех высказываний сопровождалось экспрессивными частицами.

Носители японского языка отмечают, что фраза, сказанная без частицы, воспринимается ими как простое утвердительное предложение. При этом уточняется, что говорящий не проявляет интерес к собеседнику, не пытается поддержать общение и не просит слушающего согласиться или как-то отреагировать на сказанное.

Можно разделить все модально-экспрессивные частицы на 4 группы:

- Употребляемые только в женской, либо только в мужской речи.
- Частицы, наиболее употребляемые в одной подгруппе и редко используемые в другой.
- Одни и те же частицы, но по-разному употребляемые обеими подгруппами.
- Одинаково употребляемые частицы.

Конечно, существует разница использования частиц в диалектах, но мы будем придерживаться стандартного языка.

Считается, что такие частицы, как *zo*, *ze* являются чисто мужскими частицами, а *wa*, *kashira*, *no* – женскими. Х. Абэ уточняет, что в классификации частиц необходимо учитывать не только пол, но и возраст, социальное положение и конкретную ситуацию общения. Например, женщины на руководящих постах используют в своей речи мужские частицы в обращении с подчиненными [7, с. 168].

Частица *дзэ* придает высказыванию категоричности и уверенности и встречается в грубой речи.

Dzutto issho ni ikou ze. Будем всегда вместе ходить.

Umai ze. Вкусн. (в разговоре двух мужчин).

Раньше считали, что частица *zo* характеризует исключительно мужскую речь. Однако, в проведенном нами исследовании было замечено, что и женщины употребляют частицу *zo*, но только в немного другом значении.

Yoshi, ore mo iku zo. Все, я тоже еду (служащий начальнику).

Saa, odekake iku zo-. Эй, идем в парк Одэкаке. (создатель рекламного сайта)

Hontou nara takai kane o toren da zo. Если так, то могу получить большие деньги(девушка про себя).

Разница в использовании *zo* мужчинами и женщинами заключается в том, что женщины употребляют *zo* во фразе, обращенной к самой себе, и произносят ее вслух, а мужчины используют и по отношению к собеседнику.

Мужчины тоже стали чаще говорить *wa, wa ne, wa na*, что раньше было женской речевой характеристикой.

Toriaezu sou iu koto nante yoroshiku onegai shimasu wa. Сначала хочу вас поблагодарить (юноша старшему коллеге).

Koko wa kuuki ga chigau wa ne. Здесь воздух отличается (от лица девушки)

У мужчин *wa* используется для выражения волнения и удивления при разговоре с младшими по положению. Есть разница и в произношении. Если мужчины произносят заключительную частицу с понижением тона, то женщины – с некоторым повышением.

С частицей *no* подобная ситуация, как и с вышеперечисленными. Она также раньше считалась отличительной особенностью женской речи, но сейчас используется в равной мере. Очень часто частица *no* используется в вопросах, который звучит менее категорично, призывая в соучастию.

Konban kuru no? Сегодня придешь? (девушка парню).

Ano honnyasan yoku irassharu no? Часто ходите в тот книжный магазин? (Соседка знакомой).

Kyou mo nebou shita no? Ты и сегодня проспала? (парень девушке).

Nande konna ni kawatta no? Почему ты так изменилась? (парень девушке).

Что касается модально-экспрессивной частицы *yo*, то раньше она использовалась только мужчинами, а сейчас присутствует в равной степени в речи обеих подгрупп. Такое изменение говорит о том, что женщины стали увереннее чувствовать себя, начали четко выражать

свое мнение и даже настаивать на нем. Однако разница все же есть в использовании. Женщины присоединяют частицу *yo* к повелительным формам, а мужчины – к простым формам сказуемого.

Odoroita koto ni boku mo onaji da yo. К моему удивлению, я такой же(мужчина).

Iya, anata wa warui hito ja nai to omotte imasu yo. Нет, я думаю, вы не плохой человек (женщина собеседник-мужчине).

Yoko, sore wa zurui wa yo. Ёко, так ведь нечестно (две сестры).

Модально-экспрессивная частица *ne* придает предложению некоторый оттенок требования согласиться с высказыванием. В таком случае она произносится с удлинением. Сочетание *wa ne* считается отличительной чертой женской речи.

Yayakoshii wa ne. Как же сложно (девушка).

Kirei wa ne. Как красиво (девушка).

Частица *na* в отличие от *ne* выражает некоторую дистанцию между собеседниками. Мужчины используют ее для подчеркивания сильных эмоций, решительности, требования ответа. Женщины же – для того, чтобы подчеркнуть дружбу, близость отношений.

Рассмотрев некоторые особенности лексики, можно сделать следующие выводы. Нет четкого выделения различий между мужской и женской речью. Некоторые особенности женской лексики сохранялись на протяжении долгого времени и вошли в словарный запас современных женщин. Пол и возраст влияют на выбор тех или иных языковых форм. Особенно это заметно на материале личных местоимений и модально-экспрессивных частиц. Поэтому при рассмотрении лексических особенностей нельзя игнорировать эти факторы.

В речи женщин старшего поколения сохраняется больше женских слов и частотность их употребления выше. Это наблюдается в случае личного местоимения *watakushi*, модально-экспрессивных частиц *wa* и *no*. Речь мужчин старшего поколения не сильно отличается от языка других возрастных групп.

Можно сказать, что сегодня и мужчины, и женщины ведут себя одинаково в одинаковых образцах общения. Повышенную вежливость женской речи и менее повышенную вежливость мужской речи можно рассматривать как феномен, характерный не только для японского языка, но и для большинства языков мира. Можно предположить, что такая речь является также результатом системы образования в Японии, которая сохраняет черты традиционности, а также некоторым

неравноправием социального статуса женщин в японском обществе в сравнении с мужчинами. Тем ни менее, естественно предполагать, что влияние, которое оказывают европейская и американская модели общественного поведения на традиционные образцы поведения в японском обществе, скажется и на изменениях в языке. Можно ожидать, что с ростом числа работающих женщин в японском обществе их язык станет менее вежливым, и речь мужчин и женщин станет более сходной.

Во всяком случае, представляется, что нельзя рассматривать разницу в вежливости мужской и женской речи как прямое следствие различной половой принадлежности участников речевого акта. Несомненно, фактор половой принадлежности играет определенную роль, но намного более важной является задача определения “преимущества” таких сложных факторов, как дистанция между автором речи и собеседником, виды их отношений и частотность этих отношений.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алпатов В.М. Система личных местоимений 1-го и 2-го лица в современном японском языке. – М., 1980. – 71 с.
- [2] Алпатов В.М. Япония. Язык и общество. – М., 1988. – 70 с.
- [3] Алпатов В.М., Крючкова Т.Б. О мужском и женском вариантах японского языка// Вопросы языкознания. – 1980. - № 3.
- [4] Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. – М., 1937. – 237 с.
- [5] Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. Пер. Марковой В. – М., 1988 – 29 с.
- [6] Фролова О.П. Японский речевой этикет (лингвистический аспект). – Новосибирск, 1997. – 44 с.
- [7] Abe H. The speech of urban professional Japanese women . – Ann Arbor, 1993. – 168 с.

REREFENCES

- [1] Alpatov V.M. Sistema lichnyh mestoimenii 1go i 2go lica v sovremennom yaponskom yazyke. M., 1980. 71 s. [in Russ.].
- [2] Alpatov V.M. Yaponiya. Yazyk i obshestvo. M., 1988. 70 s. [in Russ.].
- [3] Alpatov V.M., Kryuchkova T.B. O muzhskom i zhenskom variantah yaponskogoyazyka. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1980, № 3 [in Russ.].
- [4] Vandries Zh. Yazyk. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriyu. M., 1937. 237 s. [in Russ.].
- [5] Sei Shonagon. Zapiski u izgolovya, per. Markovoi V. M., 1988. 29 s. [in Russ.].
- [6] Frolova O.P. Yaponskii recheboi etiket (lingvisticheskii aspect). Novosibirsk, 1997. 44 s. [in Russ.].
- [7] Abe H. The speech of urban professional Japanese women. Ann Arbor, 1993. 168 s.

ЖАПОН ТІЛІНДЕГІ ГЕНДЕРЛІК АЙЫРМАШЫЛЫҚ

Андарбаева М.Е.,
магистрант, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан, m.andarbayeva@gmail.com

Тірек сөздер: гендер, гендрлік айырмашылық, саяси дискурс, жапон тілі, тілдік стереотиптер

Аңдатпа. Қазіргі таңға дейін гендердің тілге деген әсері жайындағы сұрақтар көптеген ғалымдардың көңілін аударып келеді. Дегенмен, сөйлеушінің жынысына байланысты тілдің бөлінуінің негізгі аспектілерінің көп бөлігі әлі де қосымша зерттеулерді қажет етеді. Мәселен, жапон қоғамында белгілі бір әлеуметтік рөлді атқару, сөйлеушіні белгілі бір тілдік стереотиптерге сай болуды міндеттейді. Сондықтан да, жапон тілі құрылысының ерекше бөлігі болып табылатын әйел мен ер адамның сөйлеу мәнерін зерттеу сипаттама тұрғысынан үлкен назар аудартады.

Статья поступила 13.03.2016 г.

**INVERSIONS AND EMPHASIS IN
A COMPLEX SENTENCE OF BUSINESS LETTERS**

Ahetova A.A.,

master of pedagogical sciences “Foreign language: two foreign languages”,
lecturer of foreign languages and translation department,
Abai Myrzahmetov Kokshetau university, Kokshetau, Kazakhstan,
e-mail: ahetova.adiya@mail.ru

Neschadim O.V.,

master of pedagogics and psychology,
senior lecturer of foreign languages and translation department,
Abai Myrzahmetov Kokshetau university, Kokshetau, Kazakhstan,
e-mail: olgadunitrash03@yahoo.com

Keywords: the communicative function, the message, the impact of the communicative-pragmatic setting, structural-semantic level, inversion, emphatic highlighting (emphasis), a business letter, the genre of business correspondence.

Abstract. Division of communicative functions of a sentence into the functions of information and persuasion justifies the use of certain lexical and syntactical means in these communicative types of a sentence in business letters. Different communicative tasks require the use of different linguistic means, aimed at solving these problems. Therefore, communicative and pragmatic orientation of the statement determines the structural and semantic level and vocabulary of the complex sentence in business letters.

УДК 801. 561. 72: 801. 8: 821. 111

**ИНВЕРСИИ И ЭМФАТИЧЕСКОЕ ВЫДЕЛЕНИЕ В
СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА**

Ахетова А.А.,

магистр педагогических наук, Кокшетауский университет
имени Абая Мырзахметова, Кокшетау, Казахстан, ahetova.adiya@mail.ru

Нещадим О.В.,

магистр педагогики и психологии, Кокшетауский университет имени Абая
Мырзахметова, Кокшетау, Казахстан, olgadunitrash03@yahoo.com

Ключевые слова: коммуникативная функция, сообщение, воздействие, коммуникативно-прагматическая установка, структурно-семантический уровень, инверсия, эмфатическое выделение (эмфаза), деловое письмо, жанр коммерческой корреспонденции.

Аннотация. Деление коммуникативных функций предложения на функцию сообщения и функцию воздействия объясняет употребление определённых лексических и синтаксических средств в коммуникативных типах предложений в деловых текстах. Разные коммуникативные задачи требуют употребления различных языковых средств, направленных на решение этих задач. Следовательно, коммуникативно-прагматическая установка высказывания определяет структурно-семантический уровень и лексическое наполнение сложноподчиненного предложения в текстах деловых писем.

Тексты деловых писем очень часто характеризуются использованием приёмов инверсии и эмфатического выделения. Они встречаются как в простых, так и в сложных предложениях.

В лингвистическом словаре определение инверсии даётся в двух значениях: “1) любое отклонение порядка членов предложения от наиболее распространённого, 2) отклонение от порядка членов предложения, не связанное с изменением синтаксических связей и актуального членения предложения” [1, с. 176]. Инверсия может быть грамматической и стилистической. Разница между ними в том, что при грамматической инверсии меняется структурное значение предложения. При стилистической инверсии добавляется логическое ударение или дополнительная эмоциональная окраска к первоначальному значению высказывания [2, с. 204]. Стилистическая инверсия – это эмфатическое выделение или эмфаза, которая является “выделением важной в смысловом отношении части высказывания, обеспечивающим экспрессивность речи”, она может достигаться “просодическими средствами – интонацией, особым эмфатическим ударением, использованием особых эмфатических слов – усилительных частиц, вспомогательных глаголов, местоимений, синтаксических средств, либо сочетанием всех или части этих средств” [1, с. 592]. Итак, в определении понятий инверсии и эмфазы много общего, одно может лежать в основе другого.

Стилистическая инверсия в текстах кратких информационных сообщений используется для реализации авторской интенции и программирования процесса восприятия информации читателем [3, с. 10]. В основном этот прием представлен обстоятельством, расположенным в начале предложения, и сказуемым в препозиции к подлежащему.

Количественное соотношение инверсий в сложноподчиненном предложении (СПП) с функциями сообщения и воздействия показано в таблице 1.

Таблица 1 - Инверсии в сложноподчинённых предложениях

Тип сложных предложений	Количество предложений в 465 письмах	%	Инверсии	
			Количество	%
СПП-сообщение	596	45	11	1, 8 %
СПП-воздействие	726	55	36	4, 9 %

Как видно из таблицы, частота употребления инверсии в предложениях-воздействиях примерно в 3 раза больше их употребления в предложениях-сообщениях. Это можно объяснить тем, что инверсии являются неотъемлемой частью предложений с условным придаточным предложением, сказуемое которого употреблено в сослагательном наклонении. Например: Please feel free to call on me in the future should the need arise [4, с. 408]. (Пожалуйста, не стесняйтесь обращаться ко мне в будущем, если возникнет такая потребность). Should you decide to keep the book, approve the invoice for \$ 49 plus shipping and handling? [4, с. 409]. (Если Вы решите оставить себе книгу, одобрите счет на \$49 плюс отправка и транспортировка). Should you not control these rights in their entirety, would you tell me who does? [4, с. 410] (Если не вы контролируете права на совместную собственность, не могли бы вы сказать мне, кто контролирует?).

Очень употребляемым модальным глаголом в деловом письме является глагол *should*, и проблема его использования вызывает интерес у многих исследователей. Н.Н. Разговорова [2, с. 153] считает, что этот глагол позволяет автору не просто варьировать форму выражения условия, но мгновенно привлечь внимание адресата к тому предложению или действию, которое автор готов совершить или, напротив, просит исполнить адресата.

Еще одним видом условного предложения является структура *Had..., might....*: Had our business income exceeded expectations, we might well have added to the list [5, с. 104]. (Если бы наш доход превзошел ожидания, то мы бы охотно увеличили список [благотворительных акций]).

Характерной и наиболее часто встречающейся формой инверсии являются такие предложения как: Enclosed is my check for \$ 27.22 to cover payment of stationery supplies I purchased from your company [4, с. 340]. (Прилагаю свой чек на \$ 27,22 для оплаты за канцелярские принадлежности, которые я купил в вашей компании).

В данном примере смысловая часть сложного сказуемого (Enclosed... и Attached...) выносится в начало предложения. Однако встречаются такие типы предложений, в которых используется другая конструкция, но прагматический эффект от этого только увеличивается: You'll find another copy of the proxy statement enclosed in case you've misplaced the one we sent you on September 24, 20X5 [4; 183]. (В приложении вы найдёте другую копию заявления о доверенности на случай, если вы потеряли ту, которую мы выслали вам 24 сентября 20X5 года).

Аналогичен по функции прием эмфатического выделения в предложениях-воздействиях в настоящем и прошедшем времени. Например: We must make it clear, however, that if we do grant this extension, we expect the participants to produce all data and figures 100 percent [6, с. 72]. (Мы должны прояснить, однако, что, если мы даём отсрочку, мы ожидаем от участников предоставления всех данных на 100 процентов). I hasten to assure you that our handwritten receipt documents the fact that you did indeed make the payment of \$302.91, on time and in good order [6, с. 153]. (Спешу заверить вас, что подписанная нами квитанция подтверждает факт того, что вы действительно произвели оплату 302, 91 долларов вовремя и в правильном порядке).

Вспомогательные глаголы *do* и *did* перед смысловыми глаголами усиливают его значение, подчёркивая важность сообщения, и этим привлекает внимание, оказывая нужное воздействие на читателя.

В проанализированных письмах эмфатическое выделение встречается редко - в 10 предложениях, 5 из которых приходятся на СПП с функцией воздействия, а остальные составляют простые и сложносочинённые предложения. При этом предложений с “*did*” оказалось всего 2.

Итак, на основе полученных данных исследования можно утверждать, что приемы инверсии и эмфазы, используемые в основном как экспрессивные стилистические средства, могут использоваться в деловом письме для придания живости, подчёркивания мысли и акцентирования внимания. В текстах деловых писем инверсия в основном ограничивается определёнными, наиболее часто встречающимися структурами, такими как “Should you..., please...”, “Enclosed is/you will find...”. Но прием инверсии не является единственным способом подчёркивания мысли. Часто в предложениях деловых писем используется глагол “*do*” перед смысловым глаголом в форме настоящего и прошедшего времени для эмфатического выделения.

Использование перечисленных языковых средств, обладающих выразительностью, поможет составителю письма разнообразить синтаксическую структуру текста и подчеркнуть необходимую мысль, придать высказыванию эмоциональную окраску и тем самым повлиять на читателя.

Проанализировав тексты писем жанра коммерческой корреспонденции, мы пришли к следующим выводам:

Доминирующим типом предложений в текстах писем жанра

коммерческой корреспонденции является сложноподчинённое предложение, которое составляет 39 % от количества всех предложений и 90,3 % от количества всех сложных предложений. Преобладание СПП происходит в условиях ограниченности лексики, минимума эмоционально-оценочных средств, а также дистанционного характера процесса общения, т.е. в письменном виде, без визуального контакта с адресатом. Этим объясняется использование в предложениях различного сочетания подчиненных предложений, их расположения в СПП, различных конструкций, приемов инверсий, эмфатических выделений, параллельных конструкций, которые создают особый рисунок, ритм речи.

Анализ сложноподчинённого предложения строился на утверждении, что каждое предложение несет на себе определённую коммуникативную нагрузку. При этом она может иметь форму предложения-сообщения, цель которого – сообщить некоторый объём информации, и предложения-воздействия, имеющего цель убедить адресата в чем-либо, воздействовать на него посредством слова, побудить его к необходимому для адресанта действию. При этом одна функция не исключает наличие другой в одном предложении.

По количественному соотношению сложноподчинённых предложений с различной коммуникативной функцией анализ предложений в англоязычной коммерческой корреспонденции показал практически равное использование предложений с функцией сообщения и воздействия с небольшим перевесом в сторону предложений-воздействий (45 % vs. 55 %), что объясняется возросшей тенденцией к убедительному и апеллирующему изложению мысли.

В силу того, что стандарты официально-делового стиля ограничивают выбор лексических средств воздействия, в деловом письме могут использоваться синтаксические средства – инверсия и эмфатическое выделение, которые позволяют акцентировать внимание читателя на определённой информации.

Деление коммуникативных функций предложения на функцию сообщения и функцию воздействия объясняет употребление определённых лексических и синтаксических средств в данных коммуникативных типах предложений в деловых текстах. Разные коммуникативные задачи требуют употребления различных языковых средств, направленных на решение этих задач. Следовательно, коммуникативно-прагматическая установка высказывания определяет структурно-семантический уровень и лексическое наполнение СПП в текстах деловых писем.

Сложноподчиненное предложение, благодаря своей способности содержать большой объем информации посредством употребления различных видов придаточных предложений, конструкций (причастных, деепричастных оборотов, парантез, эмфатических конструкций) с необходимым семантическим содержанием обладает большим прагматическим потенциалом.

Деловое письмо допускает использование повелительной формы, слова “*please*” (“пожалуйста”); приёма *you-attitude*; инверсий, эмфатических выделений; параллельных конструкций, вопросительных предложений, многоступенчатых сложных предложений, чтобы создать доверительную атмосферу, тем самым воздействовать на читателя. Парантетические внесения и вставные предикативные единицы выступают в функции объединения предложений в связный текст. Этим упорядочивается информация, что способствует в какой-то мере усилению эффекта воздействия или его смягчению.

Отсутствие возможности выражения эмоциональности невербальными средствами – мимикой, жестами, интонацией, паузами – приводит к использованию в сложноподчиненном предложении различных конструкций, синтаксических средств, приемов инверсии, эмфатических выделений, параллельных конструкций, которые создают особый рисунок и ритм речи. Знание этих приемов и их умелое использование в предложении может помочь составителю письма правильно организовать структурно-семантическое содержание предложения и добиться адекватного восприятия адресатом поставленной коммуникативной цели высказывания.

Для достижения коммуникативной цели в СПП с функцией воздействия используются различные языковые средства. Не последнюю роль здесь может играть применение разных стратегий и приемов воздействия. Среди средств воздействия в деловом письме выделяются такие как использование глагола в повелительной форме при выражении просьбы в сочетании с “*please*” (пожалуйста); прием *you-attitude* (Вы-отношение); использование “магических слов”, т.е. слов с положительной коннотацией (например, *helpful* – ‘полезный’, *prospesctive* – ‘ожидаемый’, *beneficia l* – ‘выгодный’, *enthusiastic* – ‘восторженный’, *superb* – ‘великолепный’ и др.). Помимо этого используются инверсии, параллельные конструкции, вопросительные предложения, многоступенчатые сложные предложения.

Благодаря современным взглядам на деловое общение, сегодня все больше и чаще в деловых письмах используется личностный

подход, который сближает коммуникантов, создаёт доверительную, дружественную атмосферу, что очень важно в деловом общении.

Среди неличных форм глагола, используемых в деловом письме, наиболее распространённой является инфинитив или инфинитивные фразы (37 % в сложноподчиненных предложениях-сообщениях и 42 % в сложноподчиненных предложениях-воздействиях) и обороты. Инфинитив способен присоединять зависимые группы, структурно не отягощая сложноподчинённое предложение и позволяя вместить в него больше информации. Поэтому он так часто используется.

Употребление причастных и герундиальных оборотов в целом не характерно для сложноподчинённых предложений в деловом письме, но в нем чаще всего используются причастные фразы (12 % в сложноподчиненных предложениях-сообщениях и 8,3 % в сложноподчиненных предложениях-воздействиях) или отдельные причастия. Причиной тому, на наш взгляд, может служить тот факт, что причастие может выражать одновременное действие, реализованное, нереализованное действие, последующее действие, т.е. оно обладает большим информативным потенциалом, чем герундий.

Среди жанров официально-делового стиля жанр коммерческой корреспонденции занимает особое место. Будучи неотъемлемой и наиболее многочисленной частью делового дискурса, он обладает характерными жанровыми особенностями, проявляющимися на структурно-семантическом и прагматическом уровнях своей организации.

Анализ сложноподчинённого предложения в деловом тексте проводился с учетом того, что каждое предложение несет определённую коммуникативную нагрузку. Эта нагрузка конкретизирована в понятиях «функция сообщения» и «функция воздействия». Предложение с функцией сообщения имеет цель сообщить некоторый объём информации, довести сведения до адресата, а предложение с функцией воздействия направлено на убеждение адресата в чем-либо, воздействие на его поведение, взгляды, мнение посредством слова и побуждение его к необходимому для адресанта действию.

Количественный анализ сложноподчинённых предложений в деловом тексте показал, что количество СПП с функцией воздействия превосходит количество сложноподчиненных предложений с функцией сообщения на 10 % (55 % vs. 45 % соответственно), что говорит о необходимости в убедительном и апеллирующем изложении мысли в этом типе текста.

Различные стратегии и приемы воздействия (маневрирование, реагирование, дистанционирование, уклонение и др.) способствуют достижению коммуникативной задачи в сложноподчиненном предложении-воздействии. Деловое письмо допускает использование повелительной формы, слова “please” (“пожалуйста”); приёма you-attitude; инверсий, эмфатических выделений; параллельных конструкций, вопросительных предложений, многоступенчатых сложных предложений, чтобы создать доверительную атмосферу, тем самым воздействовать на читателя. Что касается использования залога, то нельзя не отметить его влияния на прагматику высказывания. Парентетические внесения и вставные предикативные единицы выступают в функции объединения предложений в связный текст. Этим упорядочивается информация, что способствует в какой-то мере усилению эффекта воздействия или его смягчению.

В пределах делового дискурса с учетом типа текста, коммуникативной ситуации наше исследование позволило рассмотреть деловое письмо с точки зрения участников письменной деловой коммуникации. Оказалось, что тенденция развития письменного делового общения стремится от сухого, строго клишированного, канцелярского языка к языку живому, имеющему цель привлечь внимание адресата, с более разнообразным лексическим наполнением и синтаксической структурой.

Данное исследование позволило установить зависимость выбора языковых средств от коммуникативно-прагматической направленности высказывания в тексте жанра коммерческой корреспонденции. Выявленные модели сложноподчинённых предложений являются в некоторой степени обобщёнными образцами сложноподчиненного предложения с функцией сообщения и функцией воздействия, но они могут направить составителя делового письма в правильное русло. Они не исключают варьирование структурно-семантического содержания предложения, а их понимание может помочь составителю письма правильно построить его и добиться адекватного восприятия адресатом поставленной коммуникативной цели высказывания. В работе были представлены характерные черты сложноподчиненного предложения-сообщения и сложноподчиненного предложения-воздействия. Следует отметить, что данные предложения не встречаются в чистом виде, так как в основе предложения, имеющего функцию воздействия, лежит определённая фоновая информация. И, наоборот, сообщение иногда сопровождается определённой эмоциональной окрашенностью

(информирование о хорошем событии или отрицательный ответ на просьбу).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: “Со. Энциклопедия”, 1990. – 685 с.
- [2] Гальперин И.Р. Стилистика. – М.: 1977. – 332 p.
- [3] Бельская М.И. Синтаксические и структурно-текстовые средства реализации прагматики в кратких информационных сообщениях (на материале английской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1990.–24 с.
- [4] Seglin J.L. The AMA Handbook of Business Letters. – New-York, 1998.– 410 p.
- [5] Разговорова Н.Н. Лингвостилистические особенности делового письма: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М.: МГУ, 1983. – 202 с.
- [6] Cross W. Action Letters for Small Business Owners. – New York, 1991. – 191 p.

REFERENCES

- [1] Lingvisticheski entsiklopedicheski slovar' / gl. red. V.N. Yartseva.M., Co. Entsiklopediya, 1990. 685 s. [in Russ.].
- [2] Galperin I.R. Stylistica. M., 1977. 332 p. [in Russ.].
- [3] Bel'skaya M.I. Sintaksicheskiye i strukturno-tekstovyye sredstva realizatsii pragmatiki v kratkih informatsionnyh soobshcheniyah (na material angliiskoi pressy): avtoref. dis. ... kand. ... filol. nauk: 10.02.04. M., 1990. 24 s.[in Russ.].
- [4] Seglin J.L. The AMA Handbook of Business Letters. New-York, 1998. 410 p.
- [5] Razgovorova N.N. Lingvostilisticheskiye osobennosti delovogo pis'ma: dis. ... kand. filol nauk: 10.02.04. M.: MGU, 1983. 202 s. [in Russ.].
- [6] Cross W. Action Letters for Small Business Owners. New York, 1991. 191 p.

ІСКЕРЛІК МӘТІНДЕ САЛАЛАС КҰРМАЛАС СӨЙЛЕМНІҢ ИНВЕРСИЯ ЖӘНЕ ЭМФАТИКАЛЫҚ ЕРЕКШЕЛЕУ

Ахетова А.А.,

педагогика ғылымдарының магистрі,
Абай Мырзахметов атындағы Көкшетау университеті, Көкшетау, Қазақстан

Нещадим О.В.,

педагогика және психология ғылымдарының магистрі,
Абай Мырзахметов атындағы Көкшетау университеті, Көкшетау, Қазақстан

Тірек сөздер: коммуникативтік функция, хабарлама, әсер ету, коммуникативтік-прагматикалық бағыт-бағдар, құрылымдық-семантикалық деңгей, инверсия, эмфатикалық ерекше көңіл аудару (эмфаза), іскери хат, коммерциялық корреспонденция жанры.

Аңдатпа. Сөйлемнің коммуникативтік функциясын хабарлау функциясына және әсер ету функциясына бөлуі, іскери мәтіндердің сөйлемдерінің коммуникативтік түрлерінің белгілі бір лексикалық және синтаксистік құралдардың қолдануын түсіндіреді. Түрлі коммуникациялық тапсырмалар осы міндеттерді шешу үшін әртүрлі тілдік құралдарын пайдалануды талап етеді. Демек, іскерлік тексттердегі құрмалас сөйлемдердің лексикалық құрылымын коммуникативтік және прагматикалық мәлімдемелерді орнату және семантикалық деңгейін анықтайды.

Статья поступила 03.01.2016 г.

LINGUOCULTURAL SPECIFICITY OF THE CONCEPT “FAMILY” IN KAZAKH, CHINESE AND ENGLISH LANGUAGES

Bissenova A.N.,

MA student of Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, seven.one93@mail.ru

Keywords: concept “family”, linguistic picture of the world, culture, dictionary, meaning, lexical unit, linguoculturology.

Abstract. The article examines the lingual and cultural specificity of the concept “family” and provides a comparative research. The special attention is paid to the lexical means of concept objectivization, the actual material based on the lexicographic sources is given. The research was carried out in order to define the main culture-determined constituents of the concept “family”.

УДК 81.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА “СЕМЬЯ” В КАЗАХСКОМ, КИТАЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Бисенова А.Н.,

магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, seven.one93@mail.ru

Ключевые слова: концепт “семья”, языковая картина мира, культура, словарь, значение, лексическая единица, лингвокультурология.

Аннотация. В статье рассматривается лингвокультурная специфика содержания концепта “семья” в сопоставительном аспекте. Особое внимание уделяется лексическим средствам объективации концепта, приводится фактический материал, основанный на лексикографических источниках. Представлено исследование культурной и языковой специфики концепта, проведенное с целью определения основных культуроспецифичных составляющих содержания концепта “семья”.

В последнее десятилетие в лингвистике достаточно актуален вопрос о взаимосвязи языка, культуры и мышления. Под концептом мы понимаем мыслительную модель идеальных объектов, категорию языкового видения мира, которая становится и “творцом”, и продуктом образной модели мира, национально-культурой ментальности. Концепт как лингвокогнитивное явление – “оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике” [1]. Лингвокультурный концепт лежит в сознании, детерминирован культурой и опредмечивается в сфере языка.

Концепт “семья” – один из важнейших элементов характера и мировоззрения народа. Это самый важный для ребенка социальный

институт. Поскольку семья – форма жизни общества, она национально специфична и “является зеркалом, в котором отражаются социальные, правовые, демографические, культурные стороны жизни народов” [2].

Языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность представлений о мире, определённый способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности. Каждому естественному языку соответствует уникальная языковая картина мира. Институт семьи является важнейшим общественным институтом, в котором формируется личность со всеми ее индивидуальными качествами, обуславливающими культурную, психологическую и социальную адаптацию человека в конкретном лингвокультурном сообществе. Вступая в межкультурную коммуникацию с представителями иного социокультурного пространства, люди оценивают их с точки зрения тех ценностей и стереотипов, которые восприняли в собственной культуре, в первую очередь, в семье. Именно семейные ценности и стереотипы, закладываясь в детстве, являются определяющими, хотя и подвергаются изменениям на протяжении жизни. Концепт семья, отражающий общечеловеческие и национально-специфические (социальные, этические, нравственные) представления о феномене семьи, можно отнести к числу универсально значимых концептов. Исследование концепта семья и других частотных концептов в сопоставительном аспекте важно, как с теоретической, так и с практической точки зрения, так как эти знания дают возможность строить отношения в рамках межкультурной коммуникации, успешно применяя не только лингвокоммуникативные навыки, но и лингвокультурные знания. Национальную специфику концепта можно постичь только в сравнении с содержанием данного концепта в другой культуре. Вследствие этого основным направлением анализа является сопоставительный подход. Содержание концепта семья в казахской лингвокультуре имеет немало общего с одноименным концептом русской культуры. Поэтому в целях адекватного описания в качестве дополнительного основания в статье привлекаются материалы русского языка. Кроме того, русский язык используется в качестве языка исследования (метаязыка).

Концепт “семья” исконно казахское слово “отбасы” (буквально: у огня, начало огня) означает огонь, горящий в доме, символ зарождения новой семьи. Он выступал “подателем благополучия, посредником и защитником людей, символом и хранителем жизни

рода. В прежние времена, когда умирал последний представитель рода, угасал и его очаг” [3, с. 136]. Лексическая единица отбасы – наиболее употребительное наименование, достаточно обобщенное по своей семантике, многозначное (установлено по толковым словарям казахского языка), стилистически нейтральное, неоценочное.

В казахском языке первое значение слова семья – это группа родственников, живущих вместе. Второй лексико-семантический вариант употребляется в переносном значении: группа пчел, собравшаяся в одном улье, также в казахском языке семья (животных, птиц и т. д.) конкретизируется (аралар тобы).

В 15-томном словаре “Қазақ әдеби тілінің сөздігі”, изданном в 2010 году, слово семья дается как отбасы и определяется следующим образом: Отбасы зат. 1. Үй іші, бала-шаға, үйелмен. 2. Заң. Некеден, туыстықтан, бала асырап алудан немесе балаларды тәрбиеге алудың өзге де нысандарынан туындайтын мүліктік және мүліктік емес және құқықтар мен міндеттерге байланысты адамдар тобы.

Как показывает словарная статья, основное значение слова отбасы – это, прежде всего, дом (те, кто внутри дома), наличие детей, вместе нажитое имущество; второе значение выступает в качестве терминологического (юрид. – заң.) – группа людей, связанных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание в семью. Слово отбасы выступает в казахском языке в основном значении, оно стилистически нейтральное [4].

Обратимся к фактическому материалу с целью представить круг синонимичных слов, характеризующих концепт различными смысловыми оттенками и стилистической окраской.

В казахском языке понятие семья выражается несколькими синонимами: отбасы – нейтральное, официально-деловое и научное, жанұя – публицистическое и разговорное, үй іші, ошақ – нейтральное и разговорное. Ядерный репрезентант концепта “семья” слово отбасы является доминантой данного синонимического ряда, так как слово жанұя возникло сравнительно недавно (жан – душа, ұя – гнездо, т. е. буквальный перевод звучит как “души одного гнезда) [5].

В казахском языке понятие семья обозначает и слово ошақ. Тюркское по происхождению, оно имело значение “печь, очаг”. В тюркских языках понятие очага было тесно связано с такими понятиями, как “жилище”, “семья”, “род”. Русское словосочетание

семейный очаг является эквивалентом казахского слова ошак. Как справедливо отмечает З.К. Сабитова, “тюркское слово очаг сохранило теплоту очага древнего человека, способствовавшего превращению его в цивилизованного человека, пещеры – в дом, в домашний, семейный, родительский очаг и далее – в символ Родины. Очаг, будучи символом семьи, Родины, притягивает к себе, при этом притягивает не только тепло самого очага, но и тепло слова очаг, в котором сохранилась энергия каждого, кто вкладывал в него собственные смыслы, превращая его из названия костра в обозначение родного дома”. Родовая принадлежность является одной из концептуальных составляющих анализируемого концепта.

Способность ценить и почитать свой род заложена в казахской культурной традиции. Глубинное почтение к роду, ощущение своих корней передается по наследству вместе с любовью к родной земле. Поэтому казахи в значении семья используют также слово әулет – “род, династия, потомки”.

Необходимо отметить также слово отау, которое в казахском языке имеет значение “жанадан тұрмыс құрып, енші алып бөлінген ұлдың үйі; отау үй”. Семема содержит семы “молодой”, “отделившийся”. Глагол отасу, который означает – “жить совместно”, также является нейтральным.

Таким образом, мы видим, что в казахском языке понятие семья выражено несколькими стилистическими синонимами: отбасы – нейтральное, официально-деловое и научное, жануя – публицистическое и разговорное, уй іші, ошак – нейтральное и разговорное. Кроме того, имеется слово – отау, которое содержит сему “молодой”. Глагол отасу, который означает – “жить совместно”, также является нейтральным. В содержании казахских слов-синонимов отбасы, жануя, уй іші, ошак, отау нет ни одного из переносных значений русского слова семья (“объединение людей, сплоченных общими интересами”, “группа животных”, “группа родственных языков”).

Так, в казахском языке слово семья (отбасы, ошак, жануя, отау) сохраняет свою закрепленность за конкретной сферой социальных отношений, тогда как в китайском и английском языках понятие концепта “семья” дается намного шире.

Концепт в китайском языке определяют как информационную структуру сознания, разносубстратную, определенным образом организованную единицу памяти, которая содержит совокупность знаний про объект познания, вербальных и невербальных, полученных

через взаимодействие пяти психических функций сознания и подсознания. На вербализацию этносом окружающего мира влияют два основных фактора. Во-первых, окружающая среда, во-вторых, национальный менталитет. Эти два фактора определяют разные концептуализации действительности.

В культурной практике Китая более четырех тысячелетий подавлялись идеи индивидуализма, и всячески подчеркивалось превосходство семьи и группы людей. Прилагались огромные усилия к тому, чтобы гомогенизировать людей, заставить их мыслить и поступать одинаково. Индивидуализм считался аморальным и некитайским явлением. В рамках этой системы важным явлением было уважение к группе, а не к себе. Чувство собственного достоинства размывалось до такой степени, что оно фактически не существовало. Никто не мог принимать решения от своего имени, касающиеся только себя.

В китайском языке слово “семья” обозначается иероглифом 家 – цзя, который графически состоит из элемента 宀 (крыша) и 豕 (свинья). Почему же в “доме” есть “свинья”? Этимология иероглифа 家 уносит нас в давние времена, когда люди приручили домашних животных. Во времена династии Шан были одомашнены овцы, лошади, коровы и свиньи. Причём, свиньи жили в одном доме с хозяевами. Поэтому, то помещение, в котором жили люди и свинья, стали обозначать 家. Кстати, у этого иероглифа есть и иное значение “дом, двор; жилище” и, зная его, легче понять этимологию: дом, в котором живёт свинья, – дом моей семьи. Перефразируя известный слоган “где свинья – там я (и вся моя семья)”. Есть книги, в которых объясняется, что иероглиф 家 имел сначала значение “свинарник”, но потом этот иероглиф приобрёл значение “строение, в котором живёт человек”. Иероглиф 家 очень древний, он использовался ещё в письменах на черепаших панцирях и костях. Он имел значение “священное место”. Свинья являлась животным, которое приносили в жертву в священном месте во время праздников. Но в жертву приносили не только свиней. Использовали также собак и овец. Просто свиней использовали чаще. Жертвы в священных местах приносились для того, чтобы почтить память предков. Считалось, что в этих особых местах обитали духи предков. То есть, священное место являлось домом для духов предков семьи. Потом значение иероглифа 家 расширилось и приобрело значение “строение, в котором живёт человек”, “дом”. Также, имеется ещё один вариант объяснения иероглифа 家 – одомашненные свиньи не предоставляли совершенно никакого неудобства мужчине и могли

свободно передвигаться по всему дому. Поэтому мужчина так видел дом [6, с. 500-501].

Рисунок 1 – Древний вид написания иероглифа 家

Рисунок 2 – Совершенствование написания иероглифа 家

Таким образом, становится понятно, что иероглиф 家 – намного больше, чем просто набор графем и черт, в них заложена идеология и менталитет китайцев.

В “Словаре китайского литературного языка” (2000 г.) “Семья – это 1. Основанная на браке или кровном родстве единица общества, включающая родителей, детей и других живущих вместе родственников. 2. Жилище, дом, место, где живет семья. 3. Семья или человек, занимающий каким-то определенным видом деятельности.

4. Человек, обладающий каким-то знанием, или занимающийся какими-то науками. 5. Различные направления в науке и искусстве. 6. Скромное обращение к старшему родственнику в присутствии других людей. 7. Вскормленный (против. “дикий”). 8. Счетные слова. 9. Фамилия”.

В “Словаре китайского языка” (2002 г.) “Семья – это 1. Основанная на браке, кровном или усыновленном родстве единица общества. 2. Обращение к супругам в древнем Китае. 3. Скромное обращение к старшему родственнику в присутствии других людей. 4. В армии или учреждении – место, где работает человек. 5. Вскормленные (противоположно “дикий”) в домашних условиях животные. 5. Человек, обладающий каким-то знанием или занимающий какими-то науками. 6. Различные направления в науке и искусстве. 7. Жилище, дом, место, где живет семья. 8. Клан чиновника в древнем Китае. 9. Человек. 10. Счетные слова. 11. В назывании себя. 12. Фамилия” [7].

Лексема семья в китайском языке многозначна (“Дом” 回家 – идти домой; “имущество” 家大业大 – большое семейное имущество; “обращение к уважаемому человеку” 您老人家 – Вы, ваша милость). Общим семантическим признаком концептов семья в казахской и китайской культуре является их восприятие как “группы (близких) родственников, живущих вместе”. Вместе с тем потенциальное число этих “близких родственников” в китайской культуре изначально шире (ср.: семья как предприятие, род), тогда как в казахской культуре можно отметить тенденцию к сокращению числа родственников, формирующих одну семью – отбасы. В современном казахском социуме все большее распространение получают так называемые нуклеарные семьи, состоящие из представителей двух поколений. В отличие от казахской, в китайской языковой картине мира присутствует восприятие семьи 家 как общности людей, объединенных какой-либо идеей. Однако в китайском языке – это общность, связанная либо с трудовой деятельностью (农家 – крестьянское хозяйство, 渔家 – рыбак), либо с какой-то идеологией, направлением в искусстве, философии (“школа, течение”, например: 儒家 – Конфуцианство). В китайском словаре фиксируется также научное восприятие данного явления (“люди одного пола”, “единица биологической общности”, например: 男人家 – мужчины) [8]. Значение “род, фамилия” (например: 吴家 – род “У”) в китайской языковой картине мира включает национально-специфические элементы (императорский род). Специфика синонимических связей лексемы также обусловлена различиями языковых систем. Так, ввиду многозначности лексемы “семья” в китайском языке требуется наличие уточняющего контекста для того, чтобы определить точное значение иероглифа 家.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что семантический объем лексемы семья 家在 китайском языке намного шире, чем в

казахском языке. В китайском языке, как и в казахском, слово семья не употребляется для обозначения группы родственных языков (языковая семья). Вместе с тем, семья, в представлении китайцев, это и дом, и группа близких родственников, живущих вместе, и общность людей, объединенных трудовой деятельностью либо идеологией, направлением искусства, и род, фамилия. В казахском языке для передачи указанных смыслов используются различные лексемы (уй “дом”, отбасы/жануя/ошак “семья”, топ “группа”, ру “род”, аулет “династия, фамилия”).

Одним из ключевых принципов построения отношений между кровными родственниками в китайской культуре является принцип оппозиции “старших” и “младших” членов семьи. Для китайской культуры характерна строгая иерархия членов семьи по старшинству: младшие родственники должны повиноваться старшим, чего мы не наблюдаем в современной казахской лингвокультуре, хотя уважение к старшим считается важнейшей нормой казахского социума.

По аналогии с анализом системы значений концептов “отбасы” и “家” был проведен анализ значений существительного “family” (“семья”) и в английском языке.

“The American Heritage Dictionary” дает следующее толкование слова “family”:

1. parents and their children (родители и их дети здесь и далее пер. Боровицкой И.А.);
2. a group of persons related by blood or marriage (группа лиц, связанных узами кровного родства или брака);
3. the members of the household (родственники живущие вместе);
4. a group of things with common characteristics (группа вещей связанных общими характеристиками);
5. biol. A group of related plants or animals ranking between a genus and an order (биол. группа родственных растений или животных занимающая место между родом и отрядом).

По данным “New Webster’s Dictionary of the English Language” слово “family” имеет следующие значения:

- the unit consisting of parents and their children (сообщество состоящее из родителей и их детей);
- persons related by blood or marriage (люди связанные узами кровного родства или брака);
- those who are descendants of a common progenitor (те кто являются потомками одного прародителя);
- a clan (клан род);
- noble or distinguished lineage (знатная выдающаяся родословная);
- the group of persons who live in one household and under one head

(группа родственников живущих под одной крышей);

- a group of people or things with a common or related characteristic function or origin (группа лиц или предметов связанных общими или родственными характеристикой функцией или происхождением);

- a classification of plants or animals which is above a genus and below an order (классификация растений или животных находящихся выше рода но ниже отряда);

- math. A set of surfaces or curves whose equations are related differing only in their parameters (группа аналогичных уравнений различающихся только параметрами);

- a class of languages sharing certain characteristics and seeming to have had a common origin (группа родственных языков объединенных общностью происхождения).

“School Dictionary” дает схожие толкования:

1. parents and their children (родители и их дети). Twenty families live on our street (Двадцать семей живут на нашей улице);

2. the children of the same parents (дети одних родителей). My parents raised a large family (Мои родители воспитали много детей);

3. a group of people connected by blood or marriage; relatives (группа людей связанных узами кровного родства или брака; родственники);

4. a group of people descended from a common ancestor; house line or clan (группа людей являющихся потомками одного предка; дом родословная клан);

5. a group of things related by common or similar characteristics: a family of musical instruments (группа предметов связанных общими или похожими характеристиками: семья музыкальных инструментов);

6. biol. A group of related animals or plants ranking below an order and above a genus (группа родственных животных или растений занимающих место ниже отряда но выше рода). Zebras asses and horses belong to the horse family (Зебры ослы и лошади относятся к семейству парнокопытных);

7. a group of related languages descended from a common language (группа родственных языков объединенных общностью происхождения). The English language belongs to the Indo-European family (Английский язык относится к индоевропейской языковой семье);

Схожие толкования слова “family” мы находим и в “Collins Essential English Dictionary”:

1. a group of people who are related to each other especially parents and their children (группа лиц находящихся в родственных отношениях особенно родители и их дети). . . . an English family on holiday (английская семья на выходных). . . . He showed me photographs of his family (Он показал мне фотографии своей семьи. . . .);

2. when people talk about their family they can also mean (когда люди говорят о своей семье они также могут иметь в виду):

2.1. their children (своих детей). ...raising a family (воспитание детей) ...She has no families of her own (У нее нет своих детей...);

2.2. one line of their ancestors (предки по одной линии). Her mother's family had lived there for generations (Ее жила там на протяжении поколений...);

3. you can use family to describe (можно использовать существительное "семья" для обозначения):

3.1. things that belong to a particular family (реалий характерных для определенной семьи). Ben worked in the family business (Бен работал в семейном бизнесе);

3.2. things that are designed to be used or enjoyed by both parents and children (реалий которыми пользуются или наслаждаются и родители и дети). ...a family car (семейная машина)...family entertainment (семейные развлечения)...;

4. a family of animals or plants is a group of related species (семья животных или растений – это группа родственных видов). It's a member of the sparrow family (Это особь семейства воробьиных);

"Longman Dictionary of English Language and Culture" определяет "family" ("семью") как:

1. one's parents grandfather and grandmother brothers and sisters uncles aunts etc (родителей дедушек и бабушек братьев и сестер дядюшек и тетюшек и т.д.): My family is very large (У меня большая семья);

2. a group of one or usually two adults and their children living in the same home (группу состоящую из одного или обычно двоих взрослых и их детей живущих вместе): Do you know the family who've just moved in the next door?(Вы знаете семью которая недавно переехала в соседнюю квартиру?);

3. all those people descended from a common person (ancestor) (группу лиц имеющих общего прародителя): Our family has/have lived in this house for over a hundred years (Наша семья живет в этом доме более ста лет);

4. children (дети): Have you any family?(У вас есть дети?);

5. a group of related animals plants languages etc (группу родственных животных растений языков и т.д.): The cat family includes lions and tigers (Львы и тигры относятся к семейству кошачьих);

Сопоставляя словарные толкования лексических единиц со значением "семья" в казахском, китайском и английском языках можно сделать вывод, что в английском языке существительное семья имеет гораздо большее количество толкований чем в казахском языке и обладает таким значением которое не присуще данному слову в казахском и китайском языках: the children of the same parents (дети одних родителей).

Проанализировав концепты “отбасы”, “家”, “family” (“семья”) было установлено, что при сопоставлении лексических единиц казахского и китайского языков со значением “семья” с лексическими единицами английского языка со значением “family” (“семья”) было выявлено что они совпадают в следующем толковании: a group of people who are related to each other especially parents and their children (группа лиц, находящихся в родственных отношениях особенно родители и их дети).

Исследование показало и различие в семантике лексических единиц трех языков со значением “семья”. Английское существительное “family” (“семья”) имеет такое значение которого нет у существительных “семья” в казахском и китайском языках: the children of the same parents (дети одних родителей).

Данное исследование позволило сделать некоторые выводы:

1. Концепты, составляющие сферу “родственные отношения” включают в свой состав ряд коннотаций обладающих национальной спецификой в рамках английской лингвокультуры.

2. Концептосфера “родственные отношения” находит свое выражение в английском семантическом поле, состоящем из терминов родства, а также наименований относящихся к коллективным представлениям о доме, семье, кровнородственных отношениях и родстве по супружеству.

3. Сущность родственных отношений выражается в английском языке с помощью метафорического образного ряда, входящего в английский культурный код.

Данная работа помогла увидеть, что понятие “семья” является наиболее значимым в кругу ценностных ориентиров, которые отражаются в культурах казахского, китайского и английского народов и их языках.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996.
- [2] Любарт М.К. Семья во французском обществе: XVIII-начало XX века. – СПб., 2005.
- [3] Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек, общество / Отв. ред. И. Н. Гелуев. – Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1989. 136 с.
- [4] Қазақ әдеби тілінің сөздігі. – Алматы, 2010.
- [5] Қазақ тілінің сөздігі: Словарь казахского языка.– Алматы, 1999.
- [6] Чурой А. О. Происхождение и значение китайского иероглифа // Молодой ученый. – 2015. - №18. – С. 550-551.
- [7] Словарь китайского литературного языка.– М.,2000.
- [8] Словарь китайского языка. – Пекин: Шану, 2002. – 1999.

REFERENCES

- [1] Kratkii slovar' kognitivnyh terminov / pod.red. E.S. Kubryakovoi. M., 1996 [in Russ.].
- [2] Lubart M.K. Sem'ya vo francuzskom obshestve: XVIII-nachalo XX veka. SPb., 2005 [in Russ.].
- [3] Tradicionnoe mirovozzrenie turkov Uzhnoi Sibiri. Chelovek, obshestvo / Otv. Red. I.N. Geluev. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otd., 1989. 136 s.[in Russ.].
- [4] Kazakh adebi tilinin sozdigi. Almaty, 2010 [in Kaz].
- [5] Kazak tilinin sozdigi: Slovar' kazakhskogo yazyka. Almaty, 1999 [in Russ.,Kaz].
- [6] Churoi A.O. Proishozhdenie i znachenie kitaiskogo ieroglifa. *Molodoi uchenyi*, 2015, № 18. S. 550-551 [in Russ.].
- [7] Slovar' kitaiskogo literaturnogo yazyka. M., 2010 [in Russ.].
- [8] Slovar' kitaiskogo yazyka. Pekin: Shanu, 2002 [in Russ.].

ҚАЗАҚ, ҚЫТАЙ ЖӘНЕ АҒЫЛШЫН ТІЛДЕРІНДЕГІ “ОТБАСЫ” КОНЦЕПТ СӨЗІНІҢ ЛИНГВОМӘДЕНИ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Бисенова А.Н.,

Абылай хан атындағы ҚазХҚЖӨТУ магистранты,
Алматы, Қазақстан, seven.one93@mail.ru

Тірек сөздер: “Отбасы” концепті, әлемдік тіл бейнесі, мәдениет, сөздік, мағына, лексикалық бірлік, мәдени лингвистика

Андатпа: Бұл мақалада “отбасы” концептінің лингвомәдени ерекшеліктері қарастырылған. Лексикографиялық дереккөздер материалдары негізінде бұл концепттің лексикалық құрал екендігіне аса назар аударады. Концепттің мәдени және тілдік ерекшеліктері зерттелген “Отбасы” концептісінің негізгі мәдени ерекшеліктері көрсетілген.

Статья поступила 15.01.2016 г.

COGNITIVE, LINGUOCULTUROLOGICAL SPECIALITY OF CHINESE
SLANG IN YOUTH DISCOURSE

Dyussyupova M.S.,

MA student of Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, m.dyussyupova@mail.ru

Keywords: discourse, the discourse of youth, slang, computer slang, Chinese slang abbreviation

Abstract. In this article the author defines the value of the discourse and its types, and also defines the value of youth discourse. Using the examples of Chinese slang youth discourse, the author defines the communication features of youth communication. As the author points out that, in connection with the development of technology, slang is updated. The author points out the importance of the study of cognitive aspect of Chinese slangs.

ОӘЖ 81.1

ЖАСТАР ДИСКУРСЫНДАҒЫ ҚЫТАЙ СЛЕНГТЕРІНІҢ ТАНЫМДЫҚ
ЖӘНЕ ЛИНГВОМӘДЕНИ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Дюсюпова М. С.,

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ магистранты,
Алматы, Қазақстан, m.dyussyupova@mail.ru

Тірек сөздер: дискурс, жастар дискурсы, сленг, компьютерлік сленг, қытай сленгтері, аббревиатура.

Аңдатпа. Бұл мақалада автор дискурстың мағынасын және оның түрлерін, сонымен қоса жастар дискурсын анықтаған. Жастар дискурсына ғана тән қытай сленгтерінің мысалдары арқылы, жастар қарым-қатынасының ерекшелігін көрсеткен. Қазіргі заманға сай технологиялардың дамуына байланысты, сленгтердің жаңарып отыратынын атап айтқан. Автор қытай сленгтерін зерттеудің танымдық жағынан маңыздылығын көрсеткен.

Дискурс (фр. Discours) (话语) термині халықаралық әдістеме ғылымына ХХ ғасырдың 60-70-ші жылдары енді. Дискурстың анықтамасы әлі де нақты емес. Бүгінгі күні дискурс “сөйлесім”, “мәтін”, “диалог” сияқты терминдермен бір қатарда қолданылып жүр. Қазақ тіл білімінде дискурс термині ХХІ ғасырдың басында зерттеле басталды.

Арутюнова Н.Д. дискурсқа мынадай түсіндірме береді: “Дискурс” – қолданыстағы тілдесім. Бұл прагматикалық, әлеуметтік, мәдени, психологиялық және т.б. экстралингвистикалық факторлармен бірге, оқиғалар аспектісінде алынып, осы факторлармен байланыстырылатын мәтін; әлеуметтік мақсатқа бағытталған, әрекет, жұмсалым, қолданыс ретінде қарастырылатын тілдесім [1].

Бүркітбаева Г.Г. дискурс терминін былай түсіндіреді: “Дискурс дегеніміз мәтін мен интеракцияға қатысушылар және коммуникативтік жағдаят қосындысы” [2, 4-б.].

Дискурс (фр. *discours*) (话语) – көп аспектілі, сан қырлы ұғым. Ол сөйлеуші (адресант), тыңдаушы (адресат), сөйлеу жағдаяты, сөйлеу ісі және тілдік бірліктер деп аталатын құрамдас бөліктерден құралады.

Бұлардың ішіндегі ең бастысы – адам (субъект) мен тіл (тілдік бірліктер). Дискурсты жасаушы (дүниеге келтіруші) адам, оның тірегі, сүйенері – тіл. Сондықтан дискурс бірінші кезекте адаммен, екінші кезекте тілдік бірліктермен байланыстырыла қарастырылады.

Дискурс өз ішінде бірнеше түрлерге бөлінеді: әскери дискурс, газеттік дискурс, іскери дискурс, балалық дискурс, өнертану дискурсы, магиялық дискурс, масс-медиа дискурсы, ғылыми (академиялық) дискурс, парфюмерлік дискурс, педагогикалық дискурс, поэтикалық дискурс, публицистикалық дискурс, жарнамалық дискурс, спорттық дискурс, техникалық дискурс, террористік дискурс, көркем дискурс, экономикалық дискурс, электрондық дискурс, этикалық дискурс, заңи дискурс, діни дискурс, жастар дискурсы және т.б. Осы аталған дискурс түрлерінің ішіндегі жастар дискурсы әлі күнге дейін толық зерттелмеген дискурстың бір түрі болып табылады.

Жастар дискурсы (青年的话语) дегеніміз – 13 жастан 35 жас шамасындағы белгілі бір социумның мүшесі ретінде ақпаратты алу, қабылдау, жіктеу жүйесінің, сонымен қоса, ақпаратты айырбастау және жеке тұлғаның қарым-қатынас әрекетін жүзеге асыратын әлеуметтік ұйымы.

Жастар дискурсын зерттеу барысында ғалымдардың басты аударатын назары жастар дискурсындағы сөйлеудің нормативтік құрылымын бұзатын сөздер мен сөйлемдердің жиынтығы, дискурстың тематикалық бірізділігі. Мұның барлығы жастар дискурсын шынымен-ақ “ерекше”, және тек жастарға ғана тән екендігін көрсетеді. Басқаша айтқанда, жастар дискурсы өзінің құрдастары арасында мәртебеге ие болуына, үлкендерден алшақтауға, шектеуге бағытталған сөз ойыны. Сөйлеу жастар арасында мәртебеге ие болудың, субмәдениет ұқсастығының сыртқы белгілерін құраушы және сөйлеушінің ішкі өмірін көрсететін басты құрал болып табылады. Жастар мәдениеті басқаларға ұқсамайтын өзге өмір. Олар ересек адамдардан бүкіл әлемге қарсы бағытталған және өздеріне ғана тән ерекше өмірді құрастырып алған батыл жастар ғана қолданатын сөздердің мағынасыздығымен өздерінің ойын, сезімін жеткізуде экспрессивті, кей кезде тіпті дөрекі,

тұрпайы тәсілімен ерекшеленеді. Жастар дискурсында қолданылатын осындай ерекше сөз ойынының бірі – сленг (俚语) .

Сленг табиғаты оның үнемі жаңарып отыруын талап етеді. Көптеген сленг сөздері салыстырмалы түрде ұзақ өмір сүрмейді және егер олар тілде тұрақталса, яғни сленг қатарынан жалпы ауызекі тіл лексикасына өтіп кетсе, қолданыстан түсіп қалады. Сол себептен “сленг” үздіксіз зерттеуді талап етеді.

Сленг (ағылшын тіліндегі *slang*: *s(sub)* дегеніміз екінші мағынаны көздейтін қосымша, *lang.* (*language*) – тіл) – күнделікті өмірде белгілі бір заттың атауы үшін қолданылатын, қалыпты тілден ауытқыған, мысқылды, мәнерлі сөздер [3, 40-б.]. Сленг – әртүрлі әлеуметтік топтардың ерекше қолданыстағы сөздері, ағылшын тілінен аударғанда:

1. Әдеби тілге қарама-қарсы қойылған әлеуметтік немесе кәсіби оқшауланған топтың сөйлеу әрекеті;

2. Ауызша сөйлеу тілінің бір түрі (соның ішінде сол сөйлеу түрінің экспрессивті боялған элементі) деген мағыналарды береді [4, 48-б.].

И.В. Арнольд сленгті екі топқа бөледі: 1. Жалпы сленг, яғни әдеби тілдің сыртында жататын, эмоционалды бояуға ие, жалпыға түсінікті әрі кең таралған және стилистикалық жағынан әдеби сөздердің синонимдері болып табылатын ауызекі көркем сөздер мен тұрақты тіркестер. 2. Арнайы сленг, яғни белгілі бір арнайы немесе кәсіби лексикаға кіретін сөздер мен сөз тіркестері: теңізші, жауынгер, спортшы, актер, заңгер, студент, компьютерлік сленг және т.б. [5, 65-б.].

Қытай тілінде де “сленг” термині қалыпты тілден ауытқыған, белгілі бір жас ерекшеліктеріне тән сөздердің мағынасын береді. Жастардың ең көп қолданатын және әлемге танымал сленгтерінің бірі компьютерлік сленгтер.

Компьютерлік сленг (电子话语) қытай жастарының арасында жақсы дамыған. Себебі қазіргі таңда виртуалды қарым-қатынас кең етек алуда. Қытай жастары әртүрлі онлайн форумдарда тіркеліп, өз ойларымен бөлісіп немесе белгілі бір сұрақтарына жауап таба алады. Кейбіреуі тіпті достасып та жатады. Бұл жағдайдың барлығы қазіргі кезде технологияның дамуын көрсетеді. Сол заманға сай, жастар да дамиды, олардың қолданысқа түскен сөздері де өзгереді. Сол себепті бұл тақырыптың өзектілігі жастар дискурсының үнемі жаңаруында, ал үнемі жаңарып отыратын ақпаратты үнемі зерттеу керек.

Қазіргі таңда қытайда жиі қолданылатын қытай сленгерінің қатарына мыналарды жатқызуға болады [6]:

新新人类 *xīnxīn rén lèi* “адамдардың жаңа тобы”, яғни қытай тілінен

аударғанда жаңа ұрпақтың адамы деген мағынаны береді. Термин жаңа ұрпақты көрсететін он жеті - жиырма жастағы жастарды білдіреді (мода мен технология тұрғысынан қарағанда). Оларды барлығы тәуелсіз және креативті деп санайды, басқалардан өзгешеленгісі келетін адамдардың қатарына жатқызады. Бұл түсінік Қытайға Жапон мен Тайваннан келген.

啃老族 *kěn lǎo zú* “арамтамақ”, “жатып ішер”, яғни ата-анасының арқасында күн көретін адамдар. Жоғарыда көрсетілген 新新人类 *xīn xīn rén* ләйсленгісіне қарағанда, жағымсыз мағынасы бар. (啃 түтіп жеу+老族 жасы үлкен адам деген иероглифтардан құралып, жасы үлкен адамдарды “түтіп жейтін” адам деген мағынаға ие болады. Ешбір тұрақты кірісі жоқ (кей кезде өз баспанасы да жоқ), өз ата-анасына сеніп жүретін жастар қатары).

房奴 *fáng nú* “пәтердің құлы” (пәтер сатып алуға кредит алып, бүкіл тапқан ақшасын сол кредитті төлеуге құртатын адам);

小美人 *xiǎo měi rén* АҚШ-қа иммигрантталған адам. 小 кішкентай/жалған + 美人 американдық иероглифтерінен тұрады, яғни АҚШ-қа кеткен адамдарды 小美人 *xiǎo měi rén* деп атайды;

毕婚 *bì hūn* “Университетті бітіргеннен кейін үйлену” Қытай жастарының университетті тәмамдағаннан кейін бірден үйленудің жаңа “әдеті”.

官二代 *guān èr dài* “Шенеуніктің екінші буыны, екінші буындағы шенеунік” (官 шенеунік+ 二екі, екінші + 代 буын, ұрпақ). Бұл сленгтің жағымсыз мағынасы бар, яғни ата-анасының дәрежесін қолданып, ешбір қиындықсыз мемлекеттік қызметке орналасатын шенеуніктердің балалары деген мағынаны білдіреді.

海龟 *hǎi guī* “Теңіз тасбақасы” (Шетелдегі оқудан қайтып келген адамдарға берілетін атау (қытай тіліндегі 归 *guī*) қайтып оралу сөзінен шыққан))

剩斗士 *shèng dòushì* “Қалған жауынгерлер”. Қазіргі заманда бұл сленг әлі “тұрмыс құрмаған қыз” мағынасына ие.

兄台 *xīng tái* “Бауыр, дос” (достарына қаратпа кезінде). 兄аға, дос, бауыр + 台сіз, мен, менікі. Яғни “менің жақын досым” немесе “бауырым” мағынасында қолданылады, бірақ туыстық қатынаста емес, достық қатынасында.

骨感美人 *gǔ gǎn měi rén* “Арық қыз бала” (骨感 өте арық, сүйегі көрініп тұратын (фигурасы тұрғысынан) + 美人 қыз бала);

高帅富 *gāo shuài fù* “Бойы биік, сымбатты бай адамдар” (高 бойы биік + 帅 басқару + 富 бай, ауқатты);

月光族 *yuèguāngzú* айлықтан айлыққа дейін өмір сүретін адамдар (月 ай + 光 уақыт + 族 тек, түр, санат).

Жоғарыда көрсетілген мысалдар, көбінесе, адамға қаратылып айтылатын сленгтердің қатары болып табылады. Қазіргі заманға сай технологияның дамуына байланысты тілдік қарым-қатынас өзгеріп тұрады. Сол себепті мұндай сөздерді ересек адамдарға қолдансақ, олар мұндай сленгтердің мағынасын түсінбеуі де мүмкін. Яғни “сленг” тек жастарға ғана тән сөйлеу әрекеті болып табылатыны анық.

Сонымен қоса, интернет желілерінде немесе жастардың өзара қарым -қатынасы кезінде қолданылатын сленгтер бар, мысалы:

给力 *gěi lì* “Алға басы” (екпінді, жігерлі, тиімді, мықты, қызық, күшті, крутой). 2010 жылы футболдың әлем чемпионаты кезінде Солтүстік Қытайда пайда болған сөйлеу әдеті. 加油 (*Jiāyóu*) – “алға!” деген сөздің эквиваленті болып табылады.

起床失败 *qǐchuáng shībài* ұйықтап қалу (起床 *qǐchuáng* ояну, төсектен тұру + 失败 *shībài* сәтсіздік, яғни төсектен уақтысында тұра алмай, ұйықтап қалу мағынасын береді); 我今天起床失败了- Мен бүгін ұйықтап қалдым.

灌水 *guàn shuǐ* “су құю, бос сөйлеу”. Блогтар мен форумдарда өз ойын қалдырып кететін адам; қазіргі заманғы “спам” сөзіне пара пар. 不要灌水! Бос сөйлеудің қажеті жоқ, бос сөйлеме!

来电 *lái diǎn* “тоқ өту”. Бір көргеннен ғашық болу мағынасын білдіреді;

打酱油 *dǎ jiàngyóu* әріп б. “соя тұздығын сатып алып жатырмын” (“Маған қатысы жоқ”, “кетіп қалу”, “елемеу” мағыналарында қолданылады. Бұл сленг 2008 жылы танымал бола бастады. Бұл сленгті көбінесе, әлеуметтік торда көп қолданады.

吹牛 *chuī niú* “Сиырды үрлеу”. 吹 *chuī* “үрлеу” және 牛 *niú* “сиыр” иероглифтерінен тұрады. Мағынасы мақтану.

淡定 *dàn dìng* “Бейтараптық”, яғни, байсалды, таймайтын, ықылассыз, көңілсіз деген мағыналард береді. (Кез келген жағдайда сабырлық сақтайтын адам);

菜鸟 *càiniǎo* “жаңа келген”, “үйренбеген”, (菜 үйренбеген, тәжірибесі жоқ + 鸟 құс);他真是菜鸟 – Ол шынымен-ақ жаңадан келген.

非主流 *fēizhǔliú* “мейнстрим емес немесе анти-мейнстрим”. Мейнстрим бұқаралық мәдениетіне (панк, эмо, гот және т.б.) қарсы келетін жас адамдардың қатарын осылайша атайды. Олардың ерекшелігі киімдерінде, шаш үлгесінде және жүріс-тұрысында көрінеді.

山寨 *shānzhài* “таулы лагерь” өтірік, жалған, арзан, көшіріліп жасалған тауар. Шаньчжай деп таулы аймақтарда орналасқан жартылай заңды зауыттардың шығаратын жасанды тауарларын атаймыз;

楼脆脆 *lóu cuì cuì* “Ескі ғимарат” (楼 ғимарат + 脆脆 жеңіл ойлы, жеңілтек, тұтынудан қалған = міне-міне құлайтын ескі ғимарат);

跳槽 *tiàocáo* “жырашықтан секіріп өту” Жақсы жұмыс табу мағынасында қолданылады.

匿鸟 *nìniǎo* “Тығылу” (匿 тығылу + 鸟 құс = әлеуметік желілерде “элеусіз” болу, аноним);

拍砖 *pāizhuān* “Өз ойын жеткізу”. Тура мағынасында “кірпішпен ұруды” білдіреді және = 拍 ұру + 砖 кірпіш иероглифтерінен тұрады). Онлайн қарым-қатынасы кезінде біреуді немесе бір нәрсені сынағанда қолданылады. Мысалы: 请拍砖 *qǐng pāizhuān* – дәлелдеп берейін; 我拍砖 *wǒ pāizhuān* – менің ойымша.

Қытай сленгтерінің қатарына ағылшын тілінен енген кірме сөздерді де жатқыза аламыз, мысалы:

粉丝 *fěnsī* “жанкүйер” (“fans” ағылшын тілінен аударғанда жан-күйер деген мағынаны білдіреді).

腐败 *fǔbài* “ішіп жеу” (腐 *fǔ* ағылшын тіліндегі *food* – тамақ + 败 *bài* ағылшын тіліндегі *buy* – сатып алу сөздерінен тұрады).

Мұнымен қоса, қытай сленгтерінің тағы бір ерекшелігі бар. Басқа тілдердегі сленгтерге қарағанда, қытай тіліндегі сленгтерде сандар көп қолданылады. Бұл да сөйлесудің белгілі бір тәсілі. Мұндай аббревиатураларға 320 дан астам мысал келтіруге болады. Соның ішінде жиі қолданылатыны:

026 [líng liǎng liù] – [你来啦 *nǐ lái la*] – Сен келдің;

02746 [líng èr qī sǐ liù] – 你恶心死了 [*nǐ ǎxīn sǐ le*] – Менің сенен құсқым келеді, сен маған ұнамайсың;

02825 [líng èr bā èr wǔ] – 你爱不爱我 [*nǐ ài bù ài wǒ*] – Сен мені сүйесің бе сүймейсің бе?

028 [líng liǎng bā] – 你来吧 [*nǐ lái ba*] – Мында кел;

03456 [líng sān sǐ wú liù] – 你相思无用 [*nǐ xiāng sī wú yòng*] – Сенің махабатың ешкімге де керек емес;

0358 [líng sān wǔ bā] – 你想我吧 [*nǐ xiǎng wǒ ba*] – Сен мені сағындың ба?

Мұндай аббревиатуралардың өзіндік жасалу тәсілі бар. 0 мен 9 ға дейінгі сандардың әрқайсысына мағыналар тіркелген. Яғни, әрбір санның өзіне тән мағынасы болады, ол мағыналар омонимдік тәсілмен құрастырылады. Сандар мен сөздердің ең танымал омонимдік сәйкестігі төменде көрсетілген:

0 (零 líng) — 您 nín сөзінің орнына қолданылатын кең таралған қысқарту (“Сіз”).

1 (— yī) – тура мағынада “жалғыз” немесе “барлығы, түгел, тұтас” деген мағынада қолданылады. Сонымен қоса, “бір” саны қытай тілінде үнемі yī деп оқылмайды, нөмір санын немесе телефон нөмірін оқыған кезде yāo деп те оқылады, сондықтан 要 “міндетті, керек, қалауы бар” (yào) деген сөзбен омонимдес болғандықтан, сол сөздің мағынасына да ие болады.

2 (二 èr) – кантондық диалектіде дыбысталуы бойынша, 易 — “оңай, жеңіл” сөзіне ұқсас, сонымен қатар, 爰 “махаббат”, 为 “үшін”, 饿 “аштық” сөздерін көрсету үшін қолданылады.

3 (三 sān) — кантондық диалектіде дыбысталуы бойынша, 生 — “туылу, пайда болу” сөзіне ұқсас, сонымен қатар, 先, sh, zh пиньиндеріне (想 “қалау”, 先 “біріншіден, бастапқыдан”, 上 “жоғарыға”, 真 “шыныменен”) басталатын кез келген сөздің қысқартылуы болып табылады.

4 (四 sì) – “қайтыс болу” сөзінің омофоны болып табылады. Сонымен қатар, 谢 “рахмет”, 时 “уақыт”, 是 “болу”, 想 “ойлау, қалау”, 只 “тек” сөздерін көрсеті үшін қолданылады.

5 (五 wǔ) – “мен” 吾(wú), “жоқ болу” 无(wú), “емес” 勿(wù), “кеш” 晚 сөздерінің және 鸣 еліктеу (жылауға еліктеу) сөзінің омофоны болып табылады.

6 (六 liù) – 流 – “ағу, қыдыру, жүру” сөздерінің дыбысталуына жақын және кейбір диалектілерде 落 “құлау”, 路 “жол” немесе 禄 “марапаттау” сөздерінің омофоны болып табылады. Сонымен қатар, 到 “белгілі бір жерге дейін”, 顺 “сәтті” сөздерін көрсету үшін қолданылады.

7 (七 qī) — “q” пиньиніне басталатын сөздерді алматыруға қолданылады, мысалы, “көтерілу, бастау, тұру” 起(qǐ) немесе “ашулану” 气(qì). 请 “өтініш”, 亲 “сүю”, 去 “жүру”, 心 “жүрек”, 猜 “табу, болжау”, 紧 “қиналып”, 吃 “ішу, жеу”.

8 (八 bā) – “байып кету” сөзінің омофоны, сонымен қатар, 不 пиньиніне басталатын кез келген сөздің қысқартылып айтылған үлгісі. 不 “жоқ”, 被 ырықсыз етіс, 别 “емес, болмайды, жоқ”, 帮 “көмектесу”, 拜 “саубол” сөздерінің мағынасында қолданылады.

9 (九 jiǔ) – “ұзақ” 久 сөзінің дыбысталуына ұқсас. “J” пиньиніне басталатын кез келген сөздің қысқартылып айтылған үлгісі. 最 “ең”, 就 “бірден, лезде”, 求 “құтқару” сөздерінің мағынасында қолданылады.

ӘДЕБИЕТ

- [1] Арутюнова Н.Д. Дискурс//Лингвистический энциклопедический словарь.– М., 1990.
- [2] Буркитбаева Г.Г. Текст и дискурс. Типы дискурса.– Алматы: Дайк-Пресс, 2006.
- [3] Орлова Н.О. Сленг vs жаргон: проблема дефиниции // Ярославский педагогический вестник. – 2004. - № 2.
- [4] Гальперин И.Р. О термине “сленг” // Вопросы языкознания. – 1956. - № 1.
- [5] Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта: Наука, 2002.
- [6] Тишин А. Женьминь. – Chat Room. – Режим доступа: <http://chat.6to23.com>. - (дата обращения 30.03.2016).

REFERENCES

- [1] Arutyunova N.D. Discurs Lingvisticskiy entsiklopedicheskiy slovar.Moskva, 1990 [in Russ.].
- [2] Burkitbayeva G.G. Text i discours. Tipy discursa. Almaty: Daik press, 2006 [in Russ.].
- [3] Orlova N. O. Sleng vs zhargon: problema definitysi. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2004, № 2.
- [4] Galperin I.R. O termine “sleng” [text]/ Galperin I.R. *Voprosy yazykoznaniya, 1956*, № 1.
- [5] Arnold I.V. Stilistika. Sovremenniy angliyskiy yazyk. M.: Flinta : Nauka. 2002.
- [6] Tishin A. Zhenmim. Chat Room. Rezhim dostupa: <http://chat.6to23.com>, data obrasheniya 30.03.2016.

КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКИХ СЛЕНГОВ В МОЛОДЕЖНОМ ДИСКУРСЕ

Дюсюпова М.С.,

магистрант КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан, m.dyussyupova@mail.ru

Ключевые слова: дискурс, молодежный дискурс, сленг, компьютерные сленги, китайские сленги, аббревиатура

Аннотация. В данной статье автор определяет значение дискурса и его видов, в том числе молодежного дискурса. С помощью приведенных примеров китайских сленгов молодежного дискурса, автор определяет коммуникативные особенности молодежного общения. Автор указывает важность исследования когнитивного аспекта китайских сленгов.

Статья поступила 10.03.2016 г.

MASSMEDIALANGUAGEINMODERNCONDITIONS

Imankulova A.K.,

MA student, Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, Happy2007-77@mail.ru

Keywords: discourse, media discourse, media linguistics, mass media language.

Abstract. This article is devoted to development trends of media language. Nowadays the impact of the media and the social information processes in the society has risen to unprecedented dimensions. In the field of mass media are having all the necessary conditions and prerequisites for the formation of a special language – language of the media. Until then, the language has been studied in other scientific fields such as sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics. All these processes have contributed to the field of mass communication in the new special discipline -Media linguistics.

ЯЗЫК СМИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Иманкулова А.К.,

магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, Happy2007-77@mail.ru

Ключевые слова: дискурс, медиадискурс, медиалингвистика, язык СМИ.

Аннотация. Данная статья посвящена тенденциям развития языка СМИ. В настоящее время воздействие СМИ и социально информационных процессов на общество возросло до небывалых размеров. В сфере массмедиа возникли все необходимые условия и предпосылки для формирования особого языка – языка СМИ. До этих пор этот язык изучался в других научных сферах таких как: социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика. Все эти процессы способствовали возникновению в сфере массовой коммуникации новой специальной дисциплины – медиалингвистики.

На сегодняшний день появление Интернета и быстрое развитие традиционных СМИ: печати, радио, телевидения привели к появлению особенной языковой среды и глобального информационного пространства. Средства массовой информации уже настолько прочно вошли в жизнь человеческого общества, что являются мощным средством воздействия на человеческий разум. Будучи динамичным по своей сути, язык средств массовой информации наиболее быстро реагирует на все изменения в общественном сознании, отражая состояние общественного сознания, влияя на его формирование и даже развитие. Именно в языке средств массовой информации легко увидеть те новые тенденции в подходах к изучению языка, которые прослеживаются в современной лингвистике. Среди таковых существенную роль играют функциональные аспекты использования языка.

Проблема воздействия языка на человека, его способ мышления и его поведение, напрямую связана со средствами массовой коммуникации. Информировав человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня.

Сейчас достаточно очевидно, что язык выполняет свои функции тем лучше, чем совершеннее его реализация в средствах массовой информации. СМИ недаром называют четвертой властью.

Деятельность СМИ оказывает исключительно большое влияние на жизнь общества в целом, на социально-психологический и нравственный облик каждого из членов этого общества, потому что всякая новая информация, поступающая по каналам СМИ, изобилует стереотипами и несет в себе многократно повторяемые политические ориентации и ценностные установки, которые закрепляются в сознании людей.

В первой половине XX века лингвисты обратили внимание на речевую деятельность и ее результат – дискурс. Главной задачей современной лингвистики является изучение дискурса как аспекта языка и языкового мышления. “Динамичное развитие традиционных СМИ – печати, радио, телевидения, появление и распространение Всемирной Паутины – Интернета привели к созданию единого информационного пространства, особой виртуальной среды, образованной совокупностью множества медиа потоков. Всё это не могло не сказаться на процессах производства и распространения слова, на особенностях речеупотребления и характере языковых изменений” [1, с. 5].

Поскольку само понятие “дискурс” еще не имеет четкого определения, то появление новой области в лингвистике – медиалингвистики как молодой и развивающейся отрасли ставит перед учеными ряд задач, какими методами и приемами они будут пользоваться при исследовании языка СМИ. Язык СМИ как язык информационно-психологического воздействия содержит в себе смешение всех стилей и жанров языковой системы. В медиадискурсе еще не совсем определены методы анализа.

Роль средств массовой информации (СМИ) в современном обществе сложно переоценить. Средства массовой коммуникации оказывают мощное воздействие на общественное сознание, потому что большинство своих представлений о мире человек получает из газет, журналов и телепередач. Отличительными чертами СМИ являются

их публичность. Средства массовой информации не только передают сведения и информацию о мире, но и сами являются активными участниками всех процессов, происходящих в обществе. Они реализуют социальный контроль масс. СМИ воздействуют на аудиторию, оценивая мнения и поведение людей. По мнению С.Г. Кара-Мурзы, средства массовой информации сегодня – это инструмент идеологии, а не информации. Средства массовой информации стали главным инструментом для распространения сообщений, воздействующих на общественное сознание [2, с. 13]. Поскольку СМИ это посредник между людьми и реальной действительностью, то происходит формирование определенных установок у аудитории. Таким образом, целью дискурса СМИ является не столько передача информации, сколько передача общественного мнения и формирование общественного сознания.

На сегодняшний день средства массовой информации уже настолько прочно вошли в жизнь человеческого общества, что являются мощным средством воздействия на человеческий разум. Будучи динамичным по своей сути, язык средств массовой информации наиболее быстро реагирует на все изменения в общественном сознании, отражая состояние общественного сознания, влияя на его формирование и даже развитие. Именно в языке средств массовой информации легко увидеть те новые тенденции в подходах к изучению языка, которые прослеживаются в современной лингвистике. Среди таковых существенную роль играют функциональные аспекты использования языка.

Проблема воздействия языка на человека, его способ мышления и его поведение, напрямую связана со средствами массовой коммуникации. Информирова человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня.

Сейчас достаточно очевидно, что язык выполняет свои функции тем лучше, чем совершеннее его реализация в средствах массовой информации. СМИ недаром называют четвертой властью. Деятельность СМИ оказывает исключительно большое влияние на жизнь общества в целом, на социально-психологический и нравственный облик каждого из членов этого общества, потому что всякая новая информация, поступающая по каналам СМИ, изобилует стереотипами и несет в себе многократно повторяемые политические ориентации и ценностные установки, которые закрепляются в сознании людей.

Для того, чтобы рассмотреть речь средств массовой информации и ее особенности необходимо, в первую очередь, выделить ее виды. Итак, средства массовой информации подразделяются на визуальные (периодическая печать), аудиальные (радио), аудиовизуальные (телевидение, документальное кино). Несмотря на все различия между ними, СМИ объединяются в единую систему массовой коммуникации благодаря общности функций и особой структуре коммуникативного процесса.

Среди функций СМИ обычно выделяют следующие:

- информационную (сообщение о положении дел, разного рода фактах и событиях);
- комментарийно-оценочную (часто изложение фактов сопровождается комментарием к ним, их анализом и оценкой);
- познавательно-просветительную (передавая многообразную культурную, историческую, научную информацию, СМИ способствуют пополнению фонда знаний своих читателей, слушателей, зрителей);
- функцию воздействия (СМИ не случайно называют четвертой властью: их влияние на взгляды и поведение людей достаточно очевидно, особенно в периоды так называемых инверсионных изменений общества или во время проведения массовых социально-политических акций, например в ходе всеобщих выборов главы государства);
- гедонистическую (речь здесь идет не просто о развлекательной информации, но и о том, что любая информация воспринимается с большим положительным эффектом, когда сам способ ее передачи вызывает чувство удовольствия, отвечает эстетическим потребностям адресата).

Кроме того, в некоторых работах, посвященных массовой коммуникации, вводится понятие так называемой генеральной функции, “которая представляет собой процесс создания и сохранения единства некоторой человеческой общности, связанной определенным видом деятельности” [3, с. 238].

Средства массовой информации объединяются и как особый тип коммуникации (дискурса), который можно охарактеризовать как дистантный, ретивальный (передача сообщения неизвестному и не определенному количественно получателю информации), с индивидуально-коллективным субъектом (под этим подразумевается не только соавторство, но и, например, общая позиция газеты, теле- или радиоканала) и массовым рассредоточенным адресатом. Необходимо отметить и такую особенность коммуникации в СМИ,

как ее обусловленность социокультурной ситуацией, с одной стороны, и способность (в определенных пределах) вызывать изменение этой ситуации – с другой.

Также следует отметить, основные различия между современными средствами массовой информации. Такие различия, прежде всего, основаны на используемых в них кодах, знаковых комплексов. При этом разъясняется, что в периодической печати представлена двоичная знаковая система: естественный язык в его письменной (печатной) форме + играющие подсобную роль иконические знаки (фотографий, рисунки, карикатуры), а также разного рода шрифтовые выделения, способ верстки и т.д. а вот применительно к радио указывается триада: устная речь – естественные звуки (шумы)– музыка. В аудиовизуальных СМИ (телевидение, документальное кино) триада преобразуется в тетраду в результате появления такого важного для этих средств массовой информации способа передачи информации и воздействия на аудиторию, как “живое” изображение. Именно благодаря использованию слова в сочетании с изображением возрастает роль телевидения как средства массовой информации: “Слово и изображение – две главные знаковые системы, история которых восходит к древнейшему человеку. У каждой системы есть свои преимущества и свои недостатки, которые определяют их роль и место в человеческом общении. Достоинство изобразительных знаков в их большой доступности, ибо они сохраняют в себе сходство с обозначенным объектом. Достоинство слова – в способности абстрагироваться от конкретного.

Следует отметить, что периодическая печать, наиболее традиционная разновидность massmedia, лишенная многих преимуществ телевидения (иллюзия “живого” общения, наличие “картинки”, использование паралингвистических средств, широкие возможности для формирования “журналистского имиджа” – вплоть до манеры держаться и внешнего вида), остается, тем не менее, и сегодня, одним из важнейших средств массовой информации, обладающим значительным потенциалом воздействия не только на читателя, но и на разные стороны жизни социума.

Однако на сегодняшний день все большее влияние оказывают средства массовой информации с помощью сети интернет, в первую очередь ввиду их мобильности, что крайне важно в век информационных технологий.

При передаче информации любым способом, будь то визуальные, аудиальные или аудиовизуальные, для понимания и усвоения передаваемой информации публикой адресант обязан учитывать особенности языкового сознания как общества в целом, так и конкретных социальных групп. Найти общий язык с массовым адресатом – значит проявить готовность к использованию стандарта, выработанного в конкретной речевой сфере (научной, официально-деловой или другой).

Замечено, что для публицистической речи характерно чередование экспрессии (эмоционально окрашенной лексики) и стандарта, постоянное превращение экспрессии в стандарт.

Например, такие выражения, как холодная война, гонка вооружений, новое мышление, застой, перестройка, будучи метафорами, почти сразу же превратились в общественно-политические стандартно употребляемые термины.

Таким образом, для речевого поведения в социальном взаимодействии основное значение имеет речевое оформление социально-ролевого статуса участников коммуникации, достаточно жесткий контроль за содержанием и формой посылаемых речевых сообщений, снижение личностного начала в речевом поведении.

При этом язык средств массовой информации в последние десятилетия значительно изменился. Чаще всего читающей либо слушающей публикой и изучающими его специалистами-филологами предъявляются многочисленные претензии.

Появилось перенасыщение языка СМИ американизмами, и обилие в нем жаргонной, и даже нецензурной лексики, и нарушение нормального темпа и нормативного интонационного рисунка речи.

Другие особенности языка СМИ последнего десятилетия, является обилие заимствований из иностранных языков, в первую очередь, конечно, из английского, а еще точнее – из американского английского [4, с. 145].

Анализируя материалы о языке средств массовой информации нельзя не отметить также и то, что телевидение и печать сегодняшнего дня все же отличает еще и предельная открытость его выражения. Отсутствие цензуры и идеологического воздействия на печать позволяют авторам газетных материалов и телепередач выбирать в качестве объекта оценки любой доступный их вниманию факт или лицо и формировать желаемую оценку в соответствии с собственными взглядами и целями, облекать ее в приемлемую для самих журналистов

форму. Однако свобода слова, оказалось, имеет и свою обратную сторону: выход из идеологии порой оборачивается выходом из культуры, разрушение окостеневших стереотипов понимается как отказ от следования любим, и в том числе нравственно-этическим нормам.

В исследовании языка СМИ многое уже сделано. Изучены факторы, влияющие на специфику СМИ. По мнению В.Г. Костомарова, особенности языка газеты определяются чередованием стандарта и экспрессии [5, с. 89]. Другая точка зрения (Г.Я. Солганик) связывает специфику языка газеты с социальной оценочностью. Думается, что обе концепции могут быть объединены, если учитывать, что экспрессия в газете часто принимает характер оценочности [6, с. 17]. И хотя обе теории разработаны на материале языка газеты, они могут быть распространены и на другие СМИ.

Основные особенности публицистики определяются функцией воздействия. Публицистика не только сообщает, но и размышляет, анализирует, убеждает, агитирует. Воздействующая функция проявляется в языке публицистики глубоко и многообразно – на всех этапах коммуникативной цепочки: автор – речь – адресат.

Важнейшая стилеобразующая категория публицистического текста – автор. При этом следует иметь в виду не физические, психические и другие особенности конкретного автора (языковой личности), хотя они тоже имеют значение, но прежде всего те стороны понятия “автор”, которые составляют его сущность (независимо от конкретной личности, выступающей как автор), т.е. родовые, типические черты категории “автор”, создаваемые временем. Для каждой эпохи характерен свой тип автора.

Однако чтобы, создавать тексты, которые так или иначе относятся к действительности, необходимо в первую очередь и понимание этой действительности, прежде всего социальной. Также, конечно, необходимо и умение создавать, оформлять публицистические тексты.

Понятие “публицистика” (от лат. publicus – общественный) подразумевает, что автор обязательно касается социальных вопросов или рассматривает частные проблемы, но непременно с социальных позиций. Иначе говоря, о чем бы ни писал публицист, он всегда выступает как человек социальный. Разумеется, эта важнейшая ипостась автора-публициста предполагает спектр разновидностей, многообразие проявлений, различные меру и степень социальности в подходе к действительности. Это может быть открытая, энергичная

защита (или опровержение) каких-либо тезисов, положений, мнений с использованием многообразных средств интеллектуального или эмоционального воздействия или сдержанное, почти нейтральное изложение (рассуждение, анализ) и т.д.

Важнейшая роль этой категории заключается в том, что она определяет не только стиль конкретных текстов, но и стиль эпохи, того или иного периода.

Другая важнейшая категория автора – человек частный. Самая отличительная особенность публицистики, в которой производитель речи совпадает с ее субъектом, выдвигать на первый план личность публициста, которая в большей или меньшей мере проявляется в тексте.

Выражая социальные или групповые партийные интересы, публицист в то же время говорит от собственного имени, проявляет себя как человек частный, т.е. имеющий такие же интересы, как и его читатель, погруженный в быт, не чужающийся земных потребностей и т.д.

Читатель в публицистике – это зеркало, в котором отражается автор. Моделируя образ читателя, автор моделирует и свой собственный образ, ставя себя на место читателя, но не отождествляя себя с ним полностью.

Если иметь в виду фонд знаний, когнитивный уровень, то отношения автор – читатель условно и упрощенно можно свести к трем разновидностям: автор = читатель, автор > читатель, автор < читатель.

Разумеется, наиболее перспективна и эффективна вторая разновидность. Хотя бы в одном каком-либо отношении фонд знаний автора должен быть больше читательского фонда.

Итак, две грани составляют сущность категории автора – человек социальный и человек частный. Данные не только не разделены абсолютно, но и напротив, они тесно взаимосвязаны, являются разными сторонами одной и той же личности: человек социальный всегда является и частным человеком. Речь может идти лишь о преобладании социальности или личности.

Многообразие типов, разновидностей категории автора в публицистике неисчерпаемо. Но если в художественной литературе многообразные речевые маски рассказчиков, персонажей и т.п. отделены от автора, неотожествимы с ним (повествование может идти от имени человека, животного, даже неодушевленного предмета), то в публицистике все ипостаси автора – это разновидности самого автора – реальной, подлинной личности.

Специфика категории автора определяет во многом и характер речи. Важнейшая характеристика публицистической речи – модальность (отношение автора к содержанию речи), что проявляется в степени эмоциональности, образности, субъективности / объективности и т.д. Модальность – это общий тон речи, главное ее качество, своеобразная интонация письменной речи. Очень важно исследовать все средства, формирующие модальность, – типы речи (от 1, 2, 3-го лица), лексические, морфологические, синтаксические средства, концентрирующиеся вокруг личных местоимений, прежде всего вокруг местоимения Я.

Не будучи составной частью культуры, язык оказывает на нее несомненное влияние, но не непосредственное, а косвенное. Оно осуществляется благодаря совершенствованию форм и средств языка в той или иной области культуры – их специализации для выражения определенных концептов и понятий, трансформации языковых значений для передачи необходимых, часто тонких нюансов.

Язык СМИ с его практически неограниченной тематикой, включающей и культуру, вносит свой вклад в эти процессы, оказывая сильное воздействие на литературный язык, а через него и на культуру. Такие, например, качества его, как гибкость, богатство, многообразие функций, способствуют и развитию культуры.

Следует заметить, что в обществе языку СМИ отводится нередко негативная роль. Пишут и говорят, что газеты портят литературный язык, наводняя его канцеляризмами, иноязычными словами, жаргонизмами. Но это нефункциональный взгляд. Он сформировался из неправомерного и часто неосознанного сопоставления языка газет с художественной речью. Однако у них разные задачи и разная природа. Разумеется, есть основания для критики языка СМИ. Однако не меньшие основания могут быть для критики, например, языка художественной литературы.

Язык СМИ, публицистика обогащают литературный язык своими прагматической и когнитивной составляющими, насыщая речь оценочными оборотами, формируя отточенную речь мысли – язык политики, идеологии, развивая приемы и методы дискуссии и полемики. Сила и преимущество публицистики, занимающей в языке СМИ важное место, – в прямом воздействии на адресата, аудиторию. Развивая литературный язык, язык СМИ способствует и развитию культуры.

Всем хорошо известно сильнейшее влияние языка СМИ на современное общество. Трудно назвать какое-либо другое средство или канал информации, которые обладали бы такой силой влияния, следствием чего СМИ и получили название четвертой власти.

Все это оказывает влияние и на развитие литературного языка, расширяя возможности его выражения, в частности увеличивая потенциал интеллектуально и эмоционально-оценочных средств. Через сферу СМИ происходит обновление языка современности, языка социума. С течением времени совершенствуется техника речи, накапливается фонд экспрессивных формул, хотя он и очень подвижен; усложняются, становятся тоньше, изощреннее процессы развития оценочности, богаче спектр оценочных окрасок. Все это дает основания сделать вывод о прогрессе в развитии газетного языка и речи.

Язык и общество тесно связаны между собой. Как без языка не сформировалось бы общество, так и язык без общества из неоткуда не возник бы. Культура речи в средствах массовой информации – одна из главных характеристик, определяющих профессиональный уровень телевидения и радио, их публицистическую и художественную полноценность. Язык СМИ относят сегодня к одной из основных форм языкового существования, поэтому возникла острая необходимость повышения требований к культуре речи журналиста.

Язык СМИ играет важную роль, как в распространении родного языка, так и в повышении грамотности населения. И хотя имеются некоторые положительные результаты работы СМИ по формированию уважительного отношения к языку, но в газетах по-прежнему большое количество ошибок, а с экранов телевизора часто звучит далеко не образцовый язык. Учитывая отношение молодежи к телевидению – для многих это единственный источник и “светоч” в жизни, – СМИ должны бережно обращаться с языком.

Отмена цензуры привела к появлению в прямом эфире спонтанной устной речи, демократизации, к участию в публичном общении лиц, имеющих различное образование и уровень речевой культуры.

В советский период существовала жесткая цензура и корректура. Дикторы обязательно обращались к словарям в затруднительных случаях словоупотребления, произношения и др., чего нельзя сказать в настоящее время о современных телеведущих, судя по допускаемым нарушениям норм литературного языка.

Иногда высказывается мнение, будто язык – это самоорганизующая система, которая, в конечном итоге, сама справится с нарушениями норм,

отбросит все ненужное, наносное. Другие утверждают, что развитие языка – стихийный процесс, который не нуждается в регулировании, так как язык, по их мнению, сам по себе выберет всё лучшее и отвергнет лишнее, неподходящее. К сожалению, оценки состояния языка чаще всего политизированы и чрезмерно эмоциональны. Для того чтобы разобраться, что происходит с языком, необходимы научные методы оценки благоприятности языковых изменений, которые пока ещё разработаны недостаточно.

Научный подход к оценке происходящих изменений опирается на ряд прочно установленных положений языковедения. Сразу следует отметить, что язык не может не меняться со временем, его нельзя законсервировать никакими усилиями. В то же время общество не заинтересовано в том, чтобы язык менялся чрезмерно резко, поскольку это создаёт разрыв в культурной традиции народа.

Исправление нанесенного языку ущерба в электронных СМИ, вероятно, надо начинать с подготовки и переподготовки кадров публицистов, телеведущих, комментаторов, дикторов, – всех, кто выходит с родным языком в эфир. Высокий уровень культуры языка творческих работников на радио- и телевидении непосредственно будет влиять на миллионные массы радиослушателей и телезрителей. Языковая культура творческих работников позволит также уберечь эти массы людей от неизбежной опасности влияния на слушателей ненормативного языка героев “прямого эфира”.

Только при наличии такой культуры у творческих работников электронных СМИ язык героев “прямого эфира” будет занимать то место, которое всегда занимал язык героев в отечественной классической литературе: он характеризовал их, но не воспринимался как образец для подражания. При всех других профессиональных достоинствах творческих работников электронных СМИ профессиональное умение говорить грамотно с использованием лексического богатства языка должно быть определяющим в их профессиональной пригодности.

Существуют объективные причины языковых изменений. Во-первых, сегодня наш язык меняется и потому, что меняется жизнь. Во-вторых, в XXI веке существует опасность засорения языка иностранными словами и жаргонизмами. Необходимо найти среднюю линию, которая бы позволила язык обогащать и за счет иностранных слов, и за счет живой речи улицы, и в то же время сохранить прелесть речи во всем ее богатстве и многообразии.

Телевидение – это искусство, которое вобрало в себя все основные черты других видов искусств. Как и всякое искусство, оно требует очень жесткого исполнения, соблюдения элементарных законов [7, с. 146]. Это значит, что кроме техники звучащей речи, дикции, правильного произношения и ударения, кроме прекрасного знания родной речи нельзя забывать, что основа основ этого искусства – исполнительское мастерство, умение логично, четко, ясно выразить свою мысль, умение общаться с невидимым собеседником и конкретным человеком. И самое главное – владеть навыками и умениями ораторского мастерства.

На наш взгляд, необходимо совершенствовать речевую культуру работников СМИ, а для этого следует, во-первых, обеспечить элементарный контроль за эфиром на всех каналах с участием консультантов-специалистов. Во-вторых, необходимо организовать систематические занятия по ораторскому искусству и мастерству исполнения. В-третьих, один из каналов сделать образцовым, эталонным.

Не менее важна и популяризация лингвистических знаний в печати, на радио и телевидении, являющаяся одной из насущных задач культурного строительства.

Такая популяризация должна быть, во-первых, профессиональной, во-вторых, систематической, в-третьих, разнообразной по форме и содержанию, и, в-четвертых, интересной для неспециалиста. Не следует забывать, что журналист и родной язык на телевидении и радио – это звенья одной культурной цепи.

В рамках обсуждения вопроса об основном предназначении средств массовой информации и в лингвистических работах, и в выступлениях профессиональных журналистов уже давно ведется дискуссия о соотношении в газете, равно как и на радио и телевидении, объективной информации и субъективной (под которым обычно понимается оценка, связанная с намеренным воздействием на читателя, зрителя, слушателя). Публичная речь, предполагает общение, ориентированное на большую и разнообразную по составу аудиторию. Оценка, выражаемая в текстах средств массовой информации, во многих случаях определяется социальными и идеологическими факторами. Таким образом, хотелось бы, чтобы работники СМИ не забывали о том, что слово не только называет, но и оценивает, используя то или иное слово, они не только информируют читателя или слушателя о том или ином событии или явлении, но и выражают свое личное отношение к нему, одновременно транслируя это отношение и в сознании читателя или слушателя.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. – М., 2008.
- [2] Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М: Эксмо-Пресс, 2001.
- [3] Культура русской речи. Учебник для вузов. – М.: Норма-Инфра, 2007.
- [4] Петрова Е.А. Язык средств массовой информации в аспекте языка города. – М.: Форум, 2009.
- [5] Костомаров Е.Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: МГУ, 1971.
- [6] Солганик Г.Я. Общая характеристика языка современных СМИ в сопоставлении с языком СМИ предшествующего периода // Язык массовой и межличностной коммуникации. – М., 2007.
- [7] Караулов Ю.Н. Культура речи и языковая критика: проблемы и пути их решения: Матер. круглого стола. – М., 2000.

REFERENCES

- [1] Dobroslonskaya T.G. Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izuchenyu yazyka SMI: sovremennaya angliiskaya mediarech. M., 2008 [in Russ.].
- [2] Kara-Murza S.G. Manipulyatsia soznaniyem. M., 2001 [in Russ.].
- [3] Kulturarusskoyrechi. Uchebnik dlya vuzov. M.: Norma-Infra, 2007 [in Russ.].
- [4] Petrova E.A. Yazyk sredstv massovoy informatsii v aspekte yazyka goroda. M., Forum, 2009 [in Russ.].
- [5] Kostomarov E.G. Russkiyazyk na gazetnoy polose. M.: MGU, 1971 [in Russ.].
- [6] Solganik G.Y. Obshaya kharakteristika yazyka sovremennykh SMI v sopostavlenii s yazykom SMI predshestvyushego perioda. In: Yazyk massovoy i mezhlichnostnoy kommunikatsii. M., 2007 [in Russ.].
- [7] Karaulov Y.N. Kultura rechi i yazykovaya kritika: problem i puti ikh resheniya. In: Materialy kruglogo stola. M., 2000 [in Russ.].

БАҚ ТІЛІНІҢ ЗАМАНАУИ ЖАҒДАЙЫ

Иманкулова А.К.,

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ магистранты,
Алматы, Қазақстан

Тірек сөздер: дискурс, медиадискурс, медиалингвистика, БАҚ тілі.

Аңдатпа. Қазіргі уақытта, БАҚ және әлеуметтік ақпараттық үдерістердің ықпалы бұрын-соңды болмаған биіктікке жетіп отыр. Бұқаралық ақпарат құралдары саласында арнайы БАҚ тілінің қалыптасуы үшін барлық қажетті жағдайлар мен алғышарттар туындап отыр. Осы уақытқа дейін бұл тіл әлеуметтік лингвистика, психолінгвистика, когнитивтік лингвистика сияқты басқа да ғылыми салаларда зерттелген. Осы үдерістердің нәтижесінде бұқаралық коммуникация саласында – медиалингвистика – атты жаңа арнайы пән орын алды.

Статья поступила 11.03.2016 г.

UDC 81'42

CONCEPT "POWER" IN POLITICAL DISCOURSE OF KAZAKHSTAN AND GREAT BRITAIN

Ikhieva K.K.,

MA of Ablai Khan KazUI and WL,
Almaty, Kazakhstan, kausar_ikhieva@mail.ru

Keywords: concept, political discourse, the concept of power, the model of the frame "power".

Abstract. This article written about political discourse generally. There was analyzing the different definition of "political discourse" by domestic and foreign researchers. This article comparing the concept of "power" in the Kazakh and English political discourse. Approach developed in the framework of cognitive analysis, in which the object of study becomes the totality of the concept of "power" of national political discourse, forming its conceptual sphere.

Political discourse is a set of texts of political orientation in all its genres and functional diversity, for which there is a process of communication with the real attitudes of communicants to implement institutional communication.

Political discourse as communication involves participants in the communication, which are the authorities, parties, social movements, etc. and the electorate that this type of discourse relates to the institutional. The central motive of such communication-justification and defense of their right to rule [1, p. 2]. Considering the structure of political discourse, E. Sheigal it defines the following attributes: institutional, informative, semantic uncertainty... [2, p. 1].

According to V.Z. Demyankov, political discourse can be seen from at least three points of view: 1) The purely philological is like any other text; however, the "peripheral vision" researcher looks at the background: political and ideological concepts that dominate the world's interpreter; 2) Socio-psycho-linguistic is when measuring effectiveness to achieve the hidden or obvious, but, of course, the political goals of the speaker; 3) Individual hermeneutic is at revealing personal meanings of the author and / or interpreter discourse in certain circumstances [3, p. 1].

In her article B.S. Karimova describes the political discourse as a conglomerate of certain genres, having a field structure, which is located in the center of genres prototype for this type of discourse, and at the periphery – "marginal" (contaminated) genres that have a dual nature and are on the intersection of different types of discourse. Thus, the author distributes texts in four political groups: policy documents, public speech politics, election

campaign, political memoirs, which form hyper genres. In the central genres he includes such kind of hyper genres as: policy documents, public speech politics, election campaign, and the main intention of the relevant political discourse is the struggle for power. To the peripheral genre researcher includes political memoirs, located at the intersection of the political and artistic discourses [4, p. 37].

Politicians in this sense are the group of people who are being paid for their (political) activities, and who are being elected or appointed (or self-designated) as the central players in the polity. This way of defining political discourse is hardly different from the identification of medical, legal or educational discourse with the respective participants in the domains of medicine, law or education [5, p. 3].

After having examined various aspects of political cognition and the way they control the structures of political discourse, let us now reverse the direction of the analysis of the relation between discourse and cognition. That is, we shall focus on some prototypical properties of many political discourse genres, and then try to account for them in terms of underlying political cognition, and indirectly in terms of their functions in the political context and in politics more generally. A review of even a fraction of earlier discourse analytical studies on political text and talk is beyond the scope of this chapter (see the many references to studies of political discourse in other chapters of this book, and the introductions by Chilton and Schaffner 1997 and van Dijk 1997 b). The same is true for the more specific analysis of parliamentary debates (for parliamentary debates on minorities and immigration see CarbO 1992, 1995; Martin Rojo and van Dijk 1997).

Instead, I shall proceed more theoretically, and merely discuss some structures of political discourse and their relations to political cognition and their functions in the political process. Given the importance of contextualization for the definition of political discourse, I shall pay special attention to the (cognitive) analysis of context [6, p. 224].

B.A. Akhatova indicates a sign of political discourse as theater: “The expansion of the influence of the media, political life is perceived essential” viewing audience, “for which the political scene by politicians and journalists played representation” [7, p. 2].

According to A.N. Baranov, interest in the study of political texts can be explained by several factors [8, p. 17]. Firstly, the internal needs of linguistic theory, which in different periods of history turned to the real sphere of functioning of the language system, from linguistic units to the speech. Secondly, the problems of political science study of political thought, its

connection with political behavior; the need to build predictive models in political science, as well as the need to develop methods for the analysis of political texts and texts for the media monitoring of the various trends in social consciousness. Third, the social order is an attempt to free political communication from the manipulation of public opinion.

In accordance with the achievements in the field of political linguistics researchers such as E. Sheigal (2004), A.P. Chudinov (2006), E.V. Budayev, A.P. Chudinov (2008), the following approaches to the study of political discourse:

1. The narrow approach in which research involved only texts created directly by politicians, and a broad approach, which uses any texts on political themes;

2. The field approach: the object of study are the political transcripts, public appearances and interviews with political leaders of the mass media and political discourse, in which the text is used by journalists and disseminated through the media, which can also be considered communicative practices of ordinary citizens;

3. Comparative campaign aimed at identifying “national peculiarities in the way of perception and language representation of political reality, owing to the national mentality and historical conditions of formation of political culture”;

4) cognitive approach that takes into modern political linguistics, one of the leading positions: speech activity is considered as a reflection of the picture of the world that exists in the minds of speakers, and political communication in the first place - as a mental phenomenon;

5) descriptive approach;

In modern political linguistics one of the options descriptive approach involves the study of language behavior of politicians and aims to study linguistic resources, linguistic methods of persuasion and manipulation;

6) critical approach, which aims to analyze the ways to implement social inequality expressed in language or discourse. Language is seen as an indicator of power and social domination in society. Material for analysis are political texts reflecting social inequality communicants;

7) rhetorical approach continues to study traditional political discourse, which goes back to ancient rhetoric. In this approach, a unit of language considered as a means of transmission of thought, as a way to make the idea of pragmatic significance [9, p. 2].

Concepts are “multi-dimensional idealized formation” in the semantics of which are allocated conceptual, figurative, and value components [10, p. 1].

The concept is defined as “a clot of culture in the human mind; in a culture that is part of the mental world of man and how that, “whereby man— an ordinary, normal people is not “the creator of cultural values “he is part of the culture, and in some cases, affect on it” [11, p. 1].

A.A. Khudyakov indicates no-one correspondence between concepts and values. Concepts are a relatively stable and steady cognitive cast of extra-linguistic world, as related to him more directly than the category of semantics. Concepts are the main form of the conceptual thinking; the value is the same linguistic phenomenon, formed on the basis of the relevant concepts.

The Centre of the concept is valuable, as is the study of the concept of culture, and culture is based on value principles.

The concept is characterized by convention, variability. It has no clear boundaries, in the language of the collective life of the relevance of a particular concept, the intensity of its assessment may change [12, p. 21].

Units of representation of a concept are the conceptual field, his fragments, models and code. A conceptual code it is possible to call multidimensional the semantic education representing a concept through his set fragments and models, fragments – set of the models representing various interpretations of the same concept, models– the auxiliary language systems reproducing the studied object [13, p. 2].

So, after analyzing the different definition of “political discourse” of these domestic and foreign researchers, we are seeing the uniqueness of each determination. Consequently, we believe it is possible to lean towards a generalized definition of the concept proposed by A.N. Baranov and E.G.Kazakevich where political discourse is seen as the amount of all speech acts used in political discussions, as well as rules of public policy, sanctified by tradition and proven experience.

In political discourse also takes a particular role basic concepts. One of them is the concept of power. Political power is the power exercised by the state and in the state system, the system of political parties, organizations and movements. It is somehow connected with the state and state regulation, but not necessarily a public authority.

Power is always bilateral, asymmetric, with the dominance of the will of the ruler of the interaction of its subject and object. It is impossible without subordination of the object. If there is no such subordination, there is no power, despite the fact that it seeks to subject has clearly expressed will of the ruling, and even powerful means of coercion. Awareness of power depending on the obedience of the population found practical political expression in civil disobedience, widely used in the modern world as a violent struggle.

One of the most urgent concepts today is the concept of “power”. “The concept of “power”, as it is known, is one of the key issues in language policy. The linguistic aspect of particular interest is the realization of the concept of “power as speaking” as “one of the most striking manifestations of the power of discourse ... is a monopoly on information and the right to speech” [2, p. 1].

In the “Dictionary of Modern Russian Language” [14, p. 73] gives the following definition of the term “power”: 1) the right and the opportunity to act on their own, 2) the political domination; public administration and its organs 3) officials, administration.

The basic components of the concept of “power” is “domination (domination), the right control (ability to control), power, influence, coercion, authority” [7, p. 1]. On the basis of these elements, it is possible to analyze the implementation of the concept of “power” in the political discourse of modern Kazakh and English languages, with emphasis on the aspect of political power.

Traditional cognitive unit (frame, schema, script, etc.), having a clearer than a concept, a structure may be used for its modeling.

Fillmore is the first to adopt a more semantically, rather than syntactically oriented definition of ‘frame’ as a cognitive construct that represents the structured knowledge and beliefs pertaining to specific and recurring situations. In Fillmore’s own words: “system of concepts related in such a way that to understand any one of them you have to understand the whole structure in which it fits; when one of such structures is introduced into a text, or into a conversation, all of the others are automatically made available” Fillmore Charles J. (1977) [15].

According to Fillmore we can draw up the frame of “Power” in Kazakh and English (UK) political discourse. In our imagination the frame of power in Kazakh political discourse will consist of four main words such: President, Parliament, People (democracy), and Mass Media. The next frame is power in English political discourse. It has some similarities and differences with the frame of power in Kazakh political discourse. There we put the word “Queen” instead “president”, and “Unitary parliamentary constitutional monarchy” instead “democracy”. The next two “walls” of frame are “law” and “Mass Medi”.

“Я понял сигнал народа: не оставляй пост, продолжай дальше работать... Если мне позволят здоровье и силы, если будет поддержка народа, я буду работать, сколько мне позволят.”, “Президент должен делать то, что нужно его народу и государству... нас избрали наши народы, и мы на них работаем...”, “Халық — биліктің қайнар көзі.

Конституция — көптің киелі сөзі” (N.A. Nazarbayev). By these quotations I would like to emphasize that the people is one of the main “walls” of the frame.

This frames “built” by main words but if to imagine that concept “Power” is like a cone on the top of which will stand the head of the Government president and then the other concrete members below it (“Сегодня *правительство* вместо оперативного исполнения *моих поручений* перепоручает их министерствам, *министерства* – замам, замы – *агентствам*, итак вертится бумажками по всему Казахстану...” (N.A. Nazarbayev) (Prime Minister, Parliament, Senat, Mazhilis, Law, people, Mass Media, Nur Otan, ..., Хан, сұлтан, Қазыбек би,...), we can be convinced that this concept has a wide range in cultural consciousness.

However, although crucial in political science and PDA as actors and authors of political discourse and other political practices, politicians are not the only participants in the domain of politics. From the interactional point of view of discourse analysis, we therefore should also include the various recipients in political communicative events, such as the public, the people, citizens, the “masses”, and other groups or categories. That is, once we locate politics and its discourses in the public sphere, many more participants in political communication appear on the stage.

Obviously, the same is true for the definition of the field of media discourse, which also needs to focus on its audiences. And also in medical, legal or educational discourse, we not only think of participants such as doctors, lawyers or teachers, but also of patients, defendants and students. Hence, the delimitation of political discourse by its principal authors’ is insufficient and needs to be extended to a more complex picture of all its relevant participants, whether or not these are actively involved in political discourse, or merely as recipients in one-way modes of communication.

There is another complication, which is associated with the very delimitation of the field of politics. Obviously, it is not only official or professional politics and politicians that are involved in the polity. Political activity and the political process also involve people as citizens and voters, people as members of pressure and issue groups, demonstrators and dissidents, and so on (Verba, et al., 1993). All these groups and individuals, as well as their organizations and institutions, may take part in the political process, and many of them are actively involved in political discourse. That is, a broad definition of politics implies a vast extension of the scope of the term “political discourse” if we identify such practices by all participants in the political process [5, p. 13].

As noted by Rusakova I.B. The structure of the concept like a snowball, “the volume of concept increases due to new conceptual characteristics, enveloping new layers”.

Thus, the concept of “power” in the political discourse is the mental unit, the product of reflection in the consciousness of every nation and culture, “which is a fusion of concepts, images and values expressed by language means” (Akhatova B.A.) through oral speech and the texts in political discourse.

Thus, subjects and objects of political power are in constant interaction, without the existence of objects of power, political power itself is inconceivable. Often the object of political power is given less importance than its subjects, But one should remember that it is obligatory participants in the process of ruling with the same importance to the government as a whole.

Hence, Political discourse is a type of institutional discourse, a specialized kind of communication, due to the social partners and the statutory functions of both content and form. The urgency of the issue is of the interest in the theory and practice of political communication, and lack of developed of this problem needs further research in this direction.

REFERENCES

- [1] Andryushenko D.C Pragmaticheskie osobennosti agitacionnoi listovki v kazakhstanskom predvybornom diskurse. Rezhim dostupa: <http://kk.convdocs.org/docs/index-14729.html?page=2>, - data obrasheniya 14.04.2016 [in Russ.].
- [2] Sheigal E. Vlast kak konceptualnaya kategoriya diskursa. Rezhim dostupa: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/scheig_vlast.php, - data obrasheniya 14.04.2016 [in Russ.].
- [3] Demyankov V.Z. Politicheski diskurs kak predmet politicheskoi filologii. M., 2002 [in Russ.].
- [4] Karimova B.S. Zhanrovoe prostranstvo politicheskogo diskursa. *Vestnik KazNU. Seriya philologicheskay*, 2006, 4 [in Russ.].
- [5] Teun A. van Dijk. What is Political Discourse Analysis? Universiteit van Amsterdam, 2000.
- [6] Teun A. van Dijk. Political discourse and political cognition. Amsterdam, 2001.
- [7] Akhatova B.A. Politicheskii diskurs I yazykovoe myshlenie.: Monographiya. Almaty, 2006 [in Russ.].
- [8] Baranov A.N. O ponyatiyah tekst I diskurs. M., Nauka, 2001 [in Russ.].
- [9] Shakova B.M. Razlichnye podhody k issledovaniyu politicheskogo diskursa. <http://www.gramota.net/materials/2/2013/9-1/51.html>, - data obrasheniya 14.04.2016 [in Russ.].
- [10] Levenkova E.R. Konceptosfera sphere politicheskogo diskursa Velikobritanii na rubezhe 20th vekov. M., 2008 [in Russ.].
- [11] Aitekova F.Kh. Antropocentricheskaya paradigma v sovremennoi lingvistike. A.,

2014 [in Russ.].

[12] Rusakova I. Konzept “schastie” – “neschastie” в лингвокультурном содержании русских пословиц. Rezhim dostupa: <http://www.referun.com/n/kontsepty-schastie-neschastie-v-lingvokulturnom-soderzhanii-russkih-poslovits>, - data obrasheniya 14.04. 2016 [in Russ.].

[13] Esenalieva Zh.Zh. Linvokognitivnye issledovaniya konceptov v Kazakhstane. *Habarshysy-Izvestiya KazUMOiMYa. Seriya “Philologicheslie nauki”, 2014, № 2 (33)* [in Russ.].

[14] Lopatin V.V., Lopatina L.E. *Ilyustrativnyi tolkovyi slovar sovremennogo russkogo yazyka*. M.: Eksmo 2009 [in Russ.].

[15] Fillmore Ch.J. Scenes-and-frames semantics. In A. Zampolli, ed. *Linguistic Structures Processing*. Amsterdam: North-Holland, 1977.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЖӘНЕ ҰЛЫБРИТАНИЯНЫҢ САЯСИ ДИСКУРСЫНДАҒЫ “БИЛІК” КОНЦЕПТІСІ

Ихиева К.К.,

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ магистранты,
Алматы, Қазақстан, e-mail: kausar_ikhieva@mail.ru

Тірек сөздер: концепт, саяси дискурс, “билік” концепті, “билік” фреймінің моделі.

Аңдатпа. Бұл мақалада жалпы саяси дискурс жайында айтылады. Отандық ғалымдар мен шет елдік ғалымдардың көзқарастары салыстырмалы түрде көрсетілді. Сондай-ақ, бұл мақалада қазақ және ағылшын саяси дискурсындағы “билік” концептісіне салыстыру жүргізілді. Өзінің ұғымдық аясын қалыптастыратын ұлттық саяси дискурстағы “билік” концептінің жиынтығы зерттеу нысаны болып табылатын когнитивті талдау шеңберіндегі көзқарас дамытылған.

КОНЦЕПТ “ВЛАСТЬ” В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАЗАХСТАНА И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Ихиева К.К.,

магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, kausar_ikhieva@mail.ru

Ключевые слова: концепт, политический дискурс, концепт власть, модель фрейма власть.

Аннотация. В данной статье рассматривается и анализируется политический дискурс. В сравнительной форме представлены определения отечественных и зарубежных ученых. А также в статье идет сравнение концепта “власть” в казахском и английском политическом дискурсе. Разрабатывается подход в рамках когнитивного анализа, при котором объектом исследования становится совокупность концепта “власть” национального политического дискурса, образующих его концептосферу.

Статья поступила 14.03.2016 г.

THE FEATURES OF SYNONYMS IN KAZAKH AND CHINESE LANGUAGES

Kadyrbek Zh.,

MA student, Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, zhanyl1224@mail.ru

Keywords: Synonymous, Kazakh language, Chinese language, simultaneous interpreting, interpreter, Synonymousunits, lexical synonyms, synonyms of contexts, the system of synonyms.

Abstract. During simultaneous interpreting the speakers in order to convey their speech with meaning and interesting uses many synonyms in speech. Interpreters during their translating to accurately translate the ideas of the speaker pay special attention to the translating of all necessary concepts, including the translation of synonyms. Successful interpretation from Kazakh into Chinese language must be proficient in two languages synonymous comparing them. In case the translation is very important to the proper use of synonyms, because they convey the basic meaning of the sentence and clarify the situation.

ОӘЖ 811.161.1

ҚАЗАҚ ТІЛІ ЖӘНЕ ҚЫТАЙ ТІЛІНДЕГІ СИНОНИМДЕРДІҢ ЕРЕШЕЛІКТЕРІ

Кәдірбек Ж.,

магистрант, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан, zhanyl1224@mail.ru

Тірек сөздер: синоним, қазақ тілі, қытай тілі, ілеспе аударма, ілеспе аудармашы, ерекшеліктер, жасалу жолдары, синонимдік бірліктер, лексикалық синонимдер, мән-мәтіндік синонимдер, синонимдер жүйесі.

Андағна. Ілеспе аударма жасау барысында сөйлеуші өз сөзін мәнді және қызықты ету үшін көптеген синоним сөздерді қолданады. Ілеспе аудармашы өз аудармасын жасау барысында сөйлеушінің идеясын нақты жеткізу үшін қажетті барлық ұғымдар, соның ішінде синонимдер аударуға ерекше мән береді. Қытай тілінен қазақ тіліне ілеспе аударма жасау барысында синонимдердің аудармасы сәтті шығу үшін екі тілдегі синонимдердің ерекшеліктерін салыстыра отырып жақсы меңгеру керек. Синоним сөздерді орынды қолдана білу аударма тілінде маңызды орынға ие, өйткені ол айтылар ойдың мәнері мен мәнісін жеткізеді, оқиға жағдайын нақтылайды.

Қазақ тілі синонимге өте бай тіл. Синоним (гр. ‘synonymos’ – мағыналас, мәндес) – тұлғалары әртүрлі, мағынасы жақын сөздер. Тілдердің дамып жетілуі, оның сөз байлығынан, оралымдағы синонимдерінің молдығынан көрінеді. Синоним ретінде жұмсалатын мәндес сөздер тобы синонимдік қатар немесе синонимдік ұя деп аталады. Синонимдік қатарлар әр сөз табының құрамында кездеседі. Мысалы: 1) Зат есімдерден болған синонимдер: өң, түр, келбет, түс, пішін, ажар, көрік, көрігі, әлпет, кескін, рең, дидар, шырай; 2)

сын есімдерден болған синонимдер: салмақты, сабырлы, байыпты, ұстамды; 3) етістіктерден болған синонимдер: амандасу, сәлемдесу, есендесу; 4) үстеулерден болған синонимдер; тез, жылдам, шапшаң, лезде.

Синоним сөздердің мол ірі орынды қолданылуы сөйлеушінің тіл байлығы мол екендігін ғана емес, сонымен бірге оның сөз қолдануындағы талғампаздығын да танытады. Синонимдерді көп білу бір сөзді қайталай беруден де арылтады.

Синонимдер бір ғана ұғымды білдіретіндіктен, олар тек қана бір сөз тобына қатысты болады. Синонимдер мынадай белгілеріне қарай топтастырылады:

Сөздің дыбысталуында аз да болса, тұлғалық өзгешелігі болуы қажет.

Сөздер бір ғана ұғымды білдіруі керек.

Сөздер бір ғана сөз тобына қатысты болуға тиіс.

Бұл үш белгі – сөздерді синоним деп танудағы басты шарт. Сонымен қатар бір сөз тобынан болған синонимдер бірыңғай грамматикалық тұлғада келуі мен контексте бірін–бірі алмастыруға болғанда, бір ғана сөйлем мүшесінің қызметін атқаруы синонимдердің қосымша белгілерін көрсетеді. Дыбысталуы әр басқа болғанымен, мағынасы жақын сөздер синонимдер делінеді.

Синонимдер сөздердің жалпы мағыналық бірлестігіне қарай топтастырылады. Яғни сөздер бір ғана ақиқат шындықты көрсетіп, бір ғана ұғымды білдіретіндіктен, олар синоним деп танылады. Синонимдік қатардың мағыналық негізі сөздерді өзара жақындатып салыстыру үшін ғана емес, сонымен қатар оларды бір-біріне қарсы қойып ерекшелеуге де негіз болады.

Синонимдер бір ғана ұғымды білдіреді дегенмен олардың мағынасы нақ бірдей, әр уақытта олардың мағынасы тепе-тең болып тұрады деген сыңаржақ ұғым тумаса керек. Сөз бен сөздің мағыналық байланысы алыс та, жақын да, тікелей де, жанама түрде де бола береді. Мысалы: семірту – иемдену – майлану – тойыну – жуандау – толу – қоңдану дегендер жан – жануарлардың арық күйден семіз күйге айналғанын білдіретіндіктен, синоним деп танимыз. Бұларды да мағыналық жақындығына қарай екі жікке бөліп қарауға келеді: а) адамға қатысты синонимдер (жуандау – толу); ә) басқа да жануарларға байланысты айтылатын синонимдер (иемдену – майлану – тойыну – қоңдану).

Ал семіру сөзі екі топқа да ортақ болып айтыла береді. Синоним болып жұмсалатын мәндес сөздер тобын синонимдік қатар немесе синонимдік ұя деп атайды. Синонимдік қатарға енген сөздердің ішінен бір сөз сол сөздерді мағына жағынан ұйымдастыра ұйытқы болатын тірек (ұйытқы) сөз деп таңдалынып алынады.

Синонимдердің жасалу жолдары. Тілдегі синонимдер әртүрлі жолдармен пайда болады. Қазақ тіліндегі синонимдердің келіп шығуының мынадай жолдары бар:

Синонимдер көп мағыналы сөздердің есебінен жасалған. Мысалы: көз – жанар, көз – әйнек, көз – бұлақ – бастау – қайнар, арту – асу – озу, арту – көбею – молаю т.б.

Синонимдер сөз тудыру тәсілі арқылы пайда болған:

а) аффикстер арқылы: ауыздық – сулық, басшы – жетекші, сүтті – құнарлы, т.б.;

ә) біріктіру арқылы: ақсақал – отағасы, еңбекақы – жолақы, доғабас – айылбас т.б.;

б) қосарлану арқылы: жоқ-жітік, кедей-кепшік, олқын-толқын, аумалы-төкпелі т.б.

в) тіркесу арқылы: иіс су – иіс май, көк ет – бауыр ет, т.б.;

г) омонимдер арқылы: тартпа – суырма, тартпа – төс, айыл – алдыңғы айыл, т.б.;

3. Синонимдер кірме сөздер арқылы пайда болған:

а) араб сөздері арқылы: азамат (ғәзәмәт) – жігіт; тағдыр (тәғдир) – жазмыш; отан (уәтан) – ел, туған жер т.б.;

ә) парсы сөздері арқылы: батыр (бәһадар) – ер; дихан (деһан) – егінші; шәкірт (шагерд) – оқушы, т.б.;

б) монғол сөздері арқылы: аймақ (аймат) – өңір – атырап – төңірек – маңай, жасақ (жасаг) – әскер, қол, талқы (талқын) – сарап т.б.;

в) орыс сөздері арқылы: бөтелке (бутылка) – шыны, шөлмек, кір (гиря) – таразы, рет (ряд) – мәртебе т.б.;

4. Синонимдер диалектілер есебінен жасалған. Диалектілік синонимдер әдеби тілдегі сөздермен мағынамасы мәндес келуіне байланысты екі топқа бөлінеді:

а) сыртқы тұлғасы бөтен, бірақ әйтеуір бір сөзбен мағынасы үйлес келетін сөздер. Мысалы: аданас – атомас, ағайындас; атайман – өте, тым, аса; башалау – саламау, жіктеу, жекелеу т.б.

ә) сыртқы тұлғасы таныс, бірақ білдіретін сөздері басқа сөздер: Мысалы: астана – табалдырық; жар – қабырға; жедел – ерегіс, жанжал т.б.

5. Синонимдер фразалық тіркестердің есебінен көбейген. Мысалы: ат ұстар – ұл, еркек бала; ауыз бастырық – пара; қара халық – бұқара, еңбекші, еті тірі – пысық т.б.

6. Синонимдер табу мен эфелизмдердің есесінен молайған. Мысалы: әулие – шешек, ит – құс – қасқар; жасыл – жай; қолды болу – ұрлану, жоғалу т.б. [1, 35-41 бб.].

Қытай, қазақ тілінің қалыптасуы екі ұлттың тарихымен, мәдениетімен, салтымен және дағдысымен тығыз байланысты. Сондықтан объектив заттарды және абстракт ұғымдарды білдіретін сөздер алдымен мағыналық жақтан парықталады. Қытай тілімен қазақ тілін салыстырып көрсек, қытай тілінің лексикасын төрт түрге бөлуге болады. Енді осы сөздердің мағынасын дұрыс түсіну және бейнелеу үшін, қытай тіліндегі осы төрт түрлі сөзді қазақ тіліндегі соған сәйкес келетін сөздермен салыстыру арқылы олардың сәйкесу заңдылығын табайық.

1) Жалаң мағыналы сөздер қытай тіліндегі кейбір сөздер тек бір мағынаны білдіреді. Ал қазақ тілінде бұған сәйкес келетін сөздерде тек қана бір ғана мағынада жұмсалады. Мағыналары толық баламаланыды.

Мысалы: 大学 – университет 铅笔 – карандаш 电脑 – компьютер 阿拉木图 – Алматы 餐厅 – асхана 凳子 – орындық.

Мұндай сөздер негізінен екі тілдегі арнаулы атауларды, терминдерді және кейбір нақтылы заттардың атауын білдіретін сөздерді меңзейді. Мұндай сөздерді әрқандай жағдайда баспа-бас аударуға болады, аудармада қиындық тудырмайды.

2) Тар мағыналы сөздер қытай тіліндегі кейбір сөздерді қазақ тіліндегі сәйкесті мағынадағы сөздермен салыстырғанда мағынасы тарлау болады. Қазақ тілінде соған сәйкес келетін сөздің мағынасы қытай тіліндегі бірнеше мағынаны қамтиды.

Мысалы: “抬” деген сөздің қазақ тіліндегі баламасы “көтеру”, ал көтеру деген сөз қытай тілінде “扛, 扛, 提, 背, 端” деген мағыналарды қамтиды. Ал “角色” деген сөзді алып айтсақ та солай, ол қазақ тілінде “роль” деген сөзбен баламаланады, ал “роль” қытай тілінде “作用, 方向盘” деген мағынаны да білдіреді. Тар мағынадағы сөздерді аудару онша қиынға түспейді, әдетте сәйкесті мағыналарымен аударып қойсақ болғаны. Мысалы: 起作用 – роль атқару 扮演角色 – роль алу.

Бірақ ауыспалы мағынадағы сөз болса, онда оның бұрынғы мағынасындағы сәйкесті сөзді қолданбай, сол контексте беріп тұрған мағынасын тауып қолдану керек.

3) Кең мағыналы сөздер қытай тіліндегі кейбір сөздердің мағынасы кең, ал қазақ тілінде оған сәйкес келетін сөздердің мағынасы тар болады. Былайша айтқанда қытай тіліндегі бір сөз қазақшада бірнеше сөзбенен баламаланады.

Мысалы: 国家– Ел, мелекет, 经济 – Экономика, шаруашылық (шағын), 农业 – Ауыл шаруашылығы, егін шаруашылығы

Кең мағынадағы сөздерді түсіну мен білу – аудармадағы қиын мәселе. Аудармадағы кең мағыналы сөздерге кезіккенде оны үстірт бір жайлы ете салмай, нақтылы контекстке негізделе отырып сөзді сараптау керек.

4) көп мағыналы сөздер қытай тілінде бір сөздің бірнеше түрлі мағыналары болады. Ал оның әр бір мағынасына қазақ тілінен сәйкесті мағына тауып аударуға болады.

Мысалы: 棉花– мақта, 草棉的通称– мақта өсімдігінің жалпы атауы, 棉桃中的纤维– қоза ішіндегі талшық, 意见– пікір, 对事情的一定想法– ой, 对事情的 – 一定看法– көзқарас

Көп мағыналы сөздерді аударуда контекстегі нақтылы мағынасын есте ұстау керек. Содан барып лайықты сөздермен бейнелеу қажет, албырттық істеуге әсте болмайды [2, 29-36 б.].

Жоғарыда біз қытайша-қазақша аударма практикасына негізделе отырып, екі тілдегі лексикалық ерекшеліктерді қысқаша салыстырып өттік, осы ерекшеліктердің түсіну және бейнелеумен болған қатынасын баяндадық. Бұнда ерекше атап өтетініміз, кең мағыналы сөздермен көп мағыналы сөздерді түсінуде контексті негізге алуымыз керек. Мұқият үңіліп, қайта-қайта ой жүгіртіп, сөздің белгілі контекстегі мағынасын дәп басып барып, оны бейнелейтін лайықты сөздерді қарастырыуымыз керек.

Сөздің мағынасын дәп басып түсіну, лайықты бейнелеу тәсілін табу аудармашылардың негізгі білімі саланады. Мағыналас сөздерді таңдау дыбысталуы басқа-басқа, мағынасы ұқсас не ұқсастау сөздерді мағыналас сөздер дейміз. Қазақ тілінде мағыналас сөздер өте мол. Айталық “漂亮” деген сөзбен сәйкесетін сөздер: *сұлу, әдемі, көрікті, көркем, өңді, әрлі*, ал “英雄” деген сөзді де “*батыр, ержүрек, қақарман, жаужүрек*” деген сөздермен бейнелеуге болады. Мағыналас сөздердің көп болуы – тілдің молдығының, саралығының белгісі. Мағыналас сөздерді лайықты қолдана білсек, заттар ара болмашы парықты, адамдардың объектив заттарға болған түрліше сезімін, позициясын дәл бейнелеп беруге болады. Сөздердің қайталанылуынан сақтанып, аударма нұсқаның жандана тартымды болып шығуына тиімділік туады.

Мағыналас сөздердің ұқсастығы да, болмашы болады. Мағыналас сөздерді таңдауда олардың мағынасына жан-жақты талдау жасап, араларындағы болмашы парықты тауып шығып, содан соң, контекстегі нақ мағынасын дәп басып қолдану керек. Мағыналас сөздерді мынадай бірнеше жақтан таңдау керек:

1) Мағыналық жақтан таңдау кейбір мағыналас сөздер білдіріп тұрған зат не ұғым ұқсас болғанымен, олардың ерекшелікті не дәрежені бейнелеу жағында азды-көпті айырмашылығы болады [3]. Біз осы параққа баса мән беріп, сол мағыналас сөздердіңішінен контекстке қажетті біреуін дәл басып таңдап алуымыз керек.

Мысалы: 白茫茫的大海上, 风激聚着乌云 Ақ бурыл теңіз айдынында дауыл бұлтты үйіреді. 从前线回来的人说到白求恩, 没有一个不佩服, 没有一个不为他的精神所感动 Алдыңғы шептен қайтқан адамдардың Бетионды ауызға алғанда, оған сүйенбейтін бірде-бірі жоқ, оның рухынан әсерленбейтін бірде-бірі жоқ. Бұндағы “感动” деген сөз қазақ тілінде “әсерлену, тебірену” деген сөздермен баламаланады. Ал қазақ тілінен бұл екі сөз мағыналас жақтан белгілі дәрежеде парықталады. “Әсерлену” дегеніміз сезімдік жақтан тілектестік білдіру, сүйіну мағынасында, ал “тебірену” дегеніміз бір түрлі “сезім кернеу, шалқу” мағынасында. Сондықтан біз “感动” -ның осы контекстегі мағынасын негізге алып оның “әсерлену” деп аударып отырмыз;

2) қолдану көлемі жағынан таңдау кейбір сөздер мағыналық көлемі мен қолдану көлемі жағынан айырмашылығы болады. Аударған кезде бұған ерекше көңіл бөлмеуге болмайды. Болмаса сөйлемнің мағынасына нұқсан жетеді.

Мысалы: 他母亲下午断了气。 Шешесі түстен кейін жан тапсырды. 啊母亲, 伟大的祖国, 我们日夜想念着你 Уа, Ана– ұлы отан, біз сені күндіз-түні сағынудамыз. Бұндағы “母亲” деген сөздің қазақ тіліндегі сәйкесті мағынасы “ана, шеше, ана” ал бұл үшеуінің қолдану жағынан бір-бірінен айырмашылықтары бар. “Ана, шеше” деген сөз тек адамға ғана қолданылады. Ал “ана” деген сөзді адамға ғана емес, затқа да теңеу ретінде қолдануға болады. Сондықтан алдыңғы екеуіне қарағанда, “ана” -ның қолдану көлемі кең. “Ана, шеше” деген сөздің орнына қашанда “ана” деген сөзді қолдануға болады да, ал “ана” деген сөздің орнына кейде “ана, шеше” деген сөзді қолдануға келмейді. Сондықтан біз бірінші сөйлемдегі “母亲” -ды “шеше” деп, екінші сөйлемдегі “母亲” ды “ана” деп аударып отырмыз.

Тағы бір мысал: **刘巧珍那美丽的**, 充满热烈感情的生动的脸庞, 她那白杨树一般苗条的身体, 时刻都在他眼前晃动。 *Лиу Чжаудың ыстық сезімге толы, сұлу келбеті, ақ қайыңдай талдырмаш бойы оның көз алдынан кетпейді.* **平日美丽**安静的海洋, 现在随着暴风雨的降临, 变得狂怒而墨黑。 *Жайшылықта тып-тыныш жатқан көрікті теңіз, енді нәсерлі дауыл жетісімен-ақ буырқанып, қарақошқылданып шыға келді.*

Бұл екі сөйлемдегі “**美丽**” деген сөз қазақ тілінде алдыңғы сөйлемде “сұлу” деп, соңғы сөйлемде “**көрікті**” деп аударылды. Өйткені “сұлу” мен “**көрікті**” -нің қолдану көлемі ұқсамайды. “Сұлу” деген сөз адамға қаратылады да қолдану көлемі тарлау болады, ал “**көрікті**” деген сөздің қолдану көлемі кең, адамға да, табиғатқа да қолдануға болады. Сондықтан “**美丽**” - дың контекстегі мағынасын есте ұстап, алдыңғы сөйлемдегіні “сұлу” деп, соңғы сөйлемдегіні “**көрікті**” деп аударған жөн;

3) Сезімдік бояуы жағына таңдау кейбір мағыналас сөздердің мағынасы негізінен ұқсас болғанымен, сезімдік бояуы ұқсас бола бермейді, аударғанда контексті естен шығармай, сөздің контекстегі сезімдік бояуын үйлесімді бейнелеп, адамдардың объектив заттарға болған сезімін, позициясын дәл жеткізу қажет.

Мысалы: **他们以顽强的意见, 克服了重重困难, 终于完成了任务** *Олар қыжымас жігермен қат-қабат қиыншылықтарды жеңіп, міндетті ақыры орындады.* **我们打垮了最顽强的敌人。** *Біз қатты қасарысқан жауды жеңдік.* “**顽强**” деген сөзді қазақ тілінде “**қажымас**”, “**қайнар**”, “**мығым**”, “**қасарысу**” деген сөздермен бейнелеуге болады. Бірақ бұл сөздердің сезімдік бояуы бірдей емес. Бірінші сөйлемдегі “**顽强**” ұнамды мағынада жұмсалып, олардың қажырлы жігер көрсетіп, міндетті орындағанын айтып тұр. Сондықтан біз оған ұнамды мағына беріп, “**қажымас**” деп аударып отырмыз. Ал, екінші сөйлемдегі “**顽强**” жаудың күшінің мығымдығын, тоңмойындықпен райынан қайтпайтындығын меңзеп, ұнамсыз мағынада жұмсалып тұр, сондықтан бұны екінші сөйлемде “**қасарысқан**” деп аудардық. Тағы бір мысал: **人总是要死的, 但死的意义有不同。** *Адам түбінде бір өледі, бірақ өлімнің мәні түрліше болады.* **对于他的死, 我是很悲痛的。** *Оның қаза болғанына қатты қайғырдым.* **刁老财早就死了。** *Дияу фамилиялы бай әлде қашан жер жастанды.* “**死**” деген сөзді қазақ тілінде “**өлу, қаза болу, дүние салу, жан тапсыру**” деген сияқты сөздермен бейнелеуге болады, бірақ бұл сөздердің де сезімдік бояуы бірдей емес. Бірінші сөйлемдегі “

死” жаратылыстық құбылысты меңзеп тұр, онда ешқандай сезімдік бояу жоқ, сондықтан аралық сөзбен “өлу” деп аударып отыр. Екінші мысалдығы “死” коммунизмшіл жауынгер Бетионның қазасын меңзеп тұр, сезімдік бояуы күшті сондықтан “қаза болу” деген ұнамды мағынада аударылып тұр. Үшінші, мысалдағы, “死” деген сөз қан қарызға белшесінен батқан Дияу фамилиялы байдың өлімін меңзеп тұр, мұнда ұнамсыз сезімдік бояу бар, сондықтан “жер жастанды” деп аударылып отыр;

4) Жанрлық стиль жағынан талдау кейбір мағыналас сөздердің болмашы айырмашылығы жанрлық стиль жағынан да байқалады. Түрлі жанрдағы шығармаларды жанрлық стильге сай келетін мағыналас сөздерді таңдап қолдануға көңіл бөлу керек, болмаса аударма нұсқаның сапасына нұқсан келеді. Қытай тіліндегі “老师” деген сөздің қазақ тіліндегі мағынасы “мұғалім, оқытушы” деген сөздер, ал “оқытушы” деген сөз көбінде кітап жүзінде қолданылып, салауаттылықты білдіретін стильдік түс алады, ал “мұғалім” деген сөз ауыз екі тілде қолданылып, қарапайым түс алады. Мысалы: 作为老师，首先要以身作则，严格要求自己。Оқытушы болған адам алдымен өзі үлгі көрсетіп, өзіне қатаң талап қоюы керек. 你们要是不去，就早点告诉老师。Бармайтын болсаңдар мұғалімге ертерек айтып қойыңдар. Егер бірінші мысалдағы “老师” дегенді “мұғалім” деп, ал екіншісін “оқытушы” деп аударған болсақ, аудармасы жатық шықпаған болар еді. Ал, қытай тілінде “女人” деген сөзді қазақ тілінде “әйел, қатын” деген екі сөзбен бейнелеуге болады, бірақ екеуінің жанрлық стилі ұқсас емес. “Әйел” салауатты орында, кітап жүзінде де, ауыз жүзінде де қолданыла береді. Ал “қатын” анайылау сөз, әдетте ауыз екі тілде қолданылады. 郑谨对道静她们笑笑说这个女人是受苦人出身，碰到她还算同情我们.

Жың жин Дау жиңдерге қарап жымып: “Мына әйелдің тегі кедей екен, кезі келгенде әйтеуір жанашырлық етуге болар...” 女人家知道什么，少多嘴多舌！ Қатын деген нені білуші еді, көп қыстырылмай отыр. Бұл екі сөйлемдегі “әйел” деген сөзбен “қатын” деген сөзді бірінің орнына бірін ауыстырып қолдансақ, аударма жатық болғанның үстіне, дәлдігіне де нұқсан келер еді;

5) Сөздердің сәйкестілігі жағынан талдау кейбір мағыналас сөздердің мағынасы ұқсас болғанымен олардың қолдану барысындағы сәйкесу қатынасы ұқсас бола бермейді. Мұнда сөздердің сәйкесу заңдылығына көңіл бөлу керек. Мысалы: 秋天是谷物成熟的季节，收获的季节。 Күз – астық біткеннің бәрі пісіп, мол өнім алынатын

кез. 任何问题她都是考虑成熟了才动手解决。 Ол әр қандай мәселені ойлапты толғанып барып шешеді. 条件成熟了, 咱们的工厂就可以上马了。 Шарт-жағдай әзірленіп болысымен, заводымыз іске кіріседі. 这小子只有二十出头, 可各方面都很成熟。 Бұл жігіт жиырмаға жаңа шыққанымен барлық іске жүріп тұр екен. “成熟” деген сөздің қазақ тіліндегі баламасы – “нісу, толысу, пісіп-жетілу, жетік, әзірленіп болу” деген сияқты сөздер. Ал, бұл сөздердің басқа сөздермен сәйкесуі ұқсас бола бермейді. “成熟” деген сөздің осы төрт сөйлемдегі баламасын ауыстырып қолдансақ, қазақ тілінің бейнелеу дағдысына үйлеспеген болар еді де, аудармадағы нұсқа түсініксіз бір нәрсе болып шығар еді. Тағы бір мысал: 朱老明看她犹豫不决, 又不好断然地说, 怕伤害他娘的心。 Жү лаумиң оның әрі-сәрі болып тұрғанын байқап, көңіліне келіп қалмасын деп кесіп айтуға ыңғайсызданды. 他和我们心连心。 Ол бізбен тілектес.

周铁夫妇最偏心这个女儿, 把她宠爱得象心上一块肉一样 Ерлі-зайыпты екеуі бұл қызын бауыр етіндей көріп, қатты жан тартып тұратын. 李大姐是一个心口如一的女人。 Ли апайдың тілімен ділі бір әйел. Мұндағы “心” деген сөзде қазақ тілінің сәйкесу заңдылығына сай төрт сөйлемде төрт түрлі аударылған, егер біз сөздердің сәйкесу заңдылығымен санаспай бәрін бір шыбықпен айдасақ, қазақ тілінің бейнелеу дағдысына үйлеспей қалады, айтпақшы ойымызды ешкім ұқпай, күлкіге қалу мүмкіндігі. Сондықтан, мағыналас сөздерді аударуда сөздердің сәйкесуіне ерекше көңіл бөлген жөн. Сөздердің сәйкестілігі дегеніміз негізінен сөз бен сөздің тіркелуінен туылған қатынасты меңзейді. Бұл қатынас грамматикалық қатынасты және мағыналық қатынасты қамтиды. Айталық, сөздердің сәйкесуі бір жағынан грамматикалық заңдылықтың меңгеруінде болса, енді бір жағынан сөз мағынасының шектемесіне ұшырайды.

Мысалы: “ат тамақ жеді”, “ағаш жүреді” деген сөздер грамматикалық заңдылықтарға үйлескенімен, мағыналық жақтан сәйкеспейді. Өйткені бұл реали құбылыстардың арасындағы іс жүзіндік қатынасқа да, логикаға да үйлеспейді. Ал екі тілдегі ұқсас сөздердің сәйкесуі де ұқсас бола бермейді. Мысалы: 高中 – толық орта мектеп, 高山 – биік тау, 高血压 – жоғары қан қысым, 高价 – жоғары баға, 高论 – құнды пікір, 拉手 – қол ұстасу, 拉车 – арба сүйреу, 拉肥料 – тыңайтқыш тасу, 拉关系 – байланыс жасау Сөздердің сәйкестілігін дұрыс бір жайлы ету – түп нұсқаны дұрыс бейнелеудің бір маңызды жағы. Тек сөзбен сөздің тіркелуі сәйкесу заңдылығына үйлескенде ғана, түп нұсқаның мазмұнын дәл бейнелеуге болады. Егер

түп нұсқаның сәйкесу дағдысы бойынша сол қалпында көшіре салсақ, аударма нұсқаның жатық шықпай қалауы әбден мүмкін.

Мысалы: 可是这一点光荣丝毫不能减少将来的黑暗。 Бірақ бұл болмашы даңқ болашақтағы қараңғылықты еш азайта алмады. Бұл мысалда “减少黑暗” деген тіркес қытай тілінің сәйкесу заңдылығына сәйкеседі, ал оны “өлі” түрде “қараңғылықты азайту” деп аударсақ ол қазақ тілінің бейнелеу дағдысына үйлеспейді. “қараңғылық” пен “азайту” бір- бірімен сәйкесе алмайды. Сондықтан біреуінің мағынасын ауыспалы түрде аударып, енді біреуіне сәйкестіру қажет. Сонда біз жоғардығы мысалдығы “减少” дегенді “қараңғылыққа” сәйкестіріп былай аударғанымыз жөн: “Бірақ бұл болмашы даңқ болашақтағы қараңғылықты аз болса да сейілте алмайды”.

Қорыта айтқанда, синонимдер – сөз байлығы, ана тіліміздің алтын қоры. Осы қорды аудармашылар жақсылап пайдаланып өз аудармасына гүл бітіруіне болады.

ӘДЕБИЕТ

- [1] Аханов К. Тіл білімінің негіздері. – А.: Санат, 1993.
- [2] 陈用仪. 主述位切分与翻译的准确和流畅. 北京: 中国翻译, 1986.
- [3] Болғанбаев Ә. Қазақ тіліндегі синонимдер. – А., 1980.

REFERENCES

- [1] Akhanov K. Til bilimi negizderi. A. : Sanat, 1993.104 s. [in Kaz.].
- [2] Chen Yongyi: Zhu shu wei qie fen yu fan yi de zhun que he liu chang, Beijing, Zhong guo fan yi, 1986 [in China].
- [3] Bolganbaev A. Kazakh tilining synonymderi. A., 1980 [in Kaz.].

ОСОБЕННОСТИ СИНОНИМОВ КАЗАХСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Кадырбек Ж.,

магистрант, КазУМОиМЯ им.Абылай хана,
Алматы, Казахстан, zhanyl1224@mail.ru

Ключевые слова: синоним, казахский язык, китайский язык, синхронный перевод, синхронный переводчик, особенности, способы образования, синонимичные единицы, лексические синонимы, система синонимов.

Аннотация. Для успешного синхронного перевода с китайского языка на казахский язык необходимо хорошо владеть синонимами двух языков сравнивая их. В переводческом деле очень важно правильное использование синонимов, потому что они передают основной смысл предложения и уточняют ситуацию.

Статья поступила 17.03.2016 г.

UDC УДК 81'373

IDIOMS AS THE FOUNDATION OF EFFECTIVE AND EXPRESSIVE COMMUNICATION

Kadirsizova G.E.,

MA student, Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, kgoha_angel@mail.ru

Keywords: idiom, phraseological unit, idiomatic expression, meaning, analogy, culture.

Abstract. The article dwells on the notion of idiom and its specific peculiarities as an integral part and a peculiar treasury of any language of the world. The phraseological unit of language is of special interest for the modern linguistic researches conducted in line with anthropological approach. Firstly, phraseological units of various types are actively used by native speakers both in prepared and in spontaneous speech, and contribute to the realization of communicative intentions of the speaker. Secondly, phraseological units, or in this case, idioms are stored in the cultural memory of the people speaking this language. They fix the process of perception and interpretation by the people of the surrounding cultural space, cumulative public experience of the nation in a language form. Thus, the particular attention is paid to the understanding of idioms as a translator of cultural connotations. Phraseological units from English, Kazakh and Russian are considered according to their analogies or identical figurative basis and are compared to the purpose of detection of their similarities and differences.

In the last decades, researches in the field of linguistics have been more focused on a human factor in language than on its system and structure. Russian and foreign linguists give a preference to the anthropocentric approach to language studying where the priority belongs to such areas of linguistic knowledge as cognitive linguistics, linguo-culturology, ethnopsycholinguistics.

Language can open the way both to understanding of the style of the individual and to the events of the life of past generations. His appeals to the study of culture are heard by domestic cultural anthropology [1, p. 66].

Thus, the research of phraseological structure of language binds together two main issues making an essence of anthropological linguistics: investigation of functioning of language in human life and reflection of human life in language.

Learning a foreign language is the comprehension of a new culture and the attempt to join it. Idiomaticity, being an integral part and a peculiar treasury of any language of the world, promotes familiarizing not only with language, but also with culture.

Indeed, idioms reflect an originality of culture, country life and centuries-old history of the people. That is why their studying is very important.

In research of this problem, a fundamental contribution has been made by Soviet and foreign linguists such as Kunin V.V., Vinogradov V.V., Anichkov I.E., Smirnitsky A.I., Amosov N.N., Glezer R., Norrik N.R., Langlots A. as well as modern linguists such as Sanford D., J.Dixson R., Howard J., Hawkes D., Saeed J. and others. Most of them note that idioms are complex language configurations [2, p. 3], while Gramley and Pätzold determine an idiom as “[...] a complex lexical item which is longer than a word form but shorter than a sentence and which has a meaning that cannot be derived from the knowledge of its component parts” [3, p. 71]. Nevertheless, they notice that linguists still did not give a complete definition of this term. What is an idiom in this case?

Among the various definitions, idiom is: 1) a language, dialect, or style of speaking peculiar to a people [4]; 2) a construction or expression having a meaning different from the literal one or not according to the usual patterns of the language [5]. Idioms include all the expressions we use which are unique to English, including cliches and slang.

Thus, idiom is a group of words whose meaning cannot be predicted from the meanings of the constituent words, as for example ‘*(It was raining) cats and dogs*’ [4]. It is considerably fixed and collocationally restricted. For example, ‘*You took the cake.*’ Naturally, we probably would associate the word ‘cake’ with dessert. But in this context, it is a well-known idiom and means that you won or you were outstanding. As another example, let’s take the sentence ‘*Mary was happy as a clam on the day of her wedding*’. We would understand that the expression ‘*as happy as a clam*’ means that Mary was very content. But why on earth would a clam ever be happy? They are shellfish and they do not have feelings. In fact, this expression probably appeared in the results of observations: when a clam’s shell is opened up, it really looks like the clam is smiling.

The way by means of which words are combined, often is represented random, illogical and even grammatical incorrect. Some idioms have special characteristics. Other idioms are usual and logical combinations of words if we consider their grammar and vocabulary. Due to the special properties of some idioms, we have to study the idiom as a whole, and often we cannot change any of its components (except verb, perhaps). The English language is very rich with idiomatic expressions. Indeed, it is difficult to speak or write in English without using idioms. A native speaker very often does not realize that he uses an idiom; perhaps, he does not even realize that that

idiom is grammatical incorrect. The language learner studying considers the correct use of idiomatic English as one of his main objectives, and the fact that some idioms are illogical or grammatically incorrect, gives him a lot of troubles. In this case, only the careful work on idioms can help him.

We cannot explain why the result of an unusual combination or selection of words arose this or that idiom. Idiom is formed as a result of long-term use; it sometimes can be seen from its vocabulary. For example, the idiom *to buy a pig in a poke* means “to buy what is not examined in advance and that is worth less than is paid” [5]. The word *poke* is the old name of a *bag (sack)*. In modern English, *poke* with this meaning is found only in this idiom. Therefore, it is clear that this idiom is used much longer than the individual word.

There are many different sources of idioms. As will be clear from what follows, the main thing in an idiom—its value. That is why the native speaker does not notice that a particular idiom is grammatically incorrect. If the source is known idiom, sometimes it is easier to guess its meaning. Many idiomatic phrases come to us from the daily life of an Englishman, from domestic life, such as: *to be born with a silver spoon in one's mouth, to make a clean sweep of something, to hit the nail on the head*. There are many idioms related to food and cooking, for example: *to eat humble pie, out of the frying-pan into the fire, to be in the soup*. Some idioms came from agriculture: *to go to seed, to put one's hand to the plough, to lead someone up the garden path*. Military and maritime terminology spawned the idioms: *when one's ship comes home, to be in the same boat as someone, to be in deep waters, to sail under false colours, to cross swords with someone, to fight a pitched battle, to fight a losing / winning battle*. Many idioms contain body parts, animals and colors. The Bible gave us: *to kill the fatted calf, to turn the other cheek, the apple of one's eye* [6].

Idioms take various forms and have various structures. They can be very short or quite long. The large number of idioms represents certain combinations of a noun and an adjective, for example: *cold war, a dark horse, French leave, forty winks, a snake in the grass*. Some idioms are much longer: *to fish in troubled waters, to take the bull by the horns, to cut one's coat according to one's cloth*.

An idiom can have correct, wrong or even grammatical incorrect structure. The idiom *I am good friends with him* is wrong or illogical on the grammatical structure. I is singular; why, then, in this case, not to apply the correct form *I am a good friend with him form*? This form is impossible though is more logical; then it would be necessary to tell *I am a good friend*

of his. The native speaker does not realize this inconsistency. Therefore, this phrase is an idiom example with wrong in a form, but the clear content. Another type of idiom has the correct form, but unclear meaning. *To have a bee in one's bonnet* has the correct form, but the meaning is unclear. Actually it means that “someone is obsessed with some idea” [7], but how can we know it if we do not consider this phrase as an idiom? There is the third group of idioms in which both form and meaning are wrong. *To be at large*: the form of verb + preposition + adjective without a noun is strange, and we have no idea what it means! If we speak about the convict who is still at large, it means that he is still at liberty. Here are similar examples: *to go through thick and thin*, *to be at daggers drawn*, *to be in the swim*.

In fact, we find that the majority of idioms belong to the second group, in which the form is correct, but the meaning is unclear. However, even in this group some idioms are clearer in meaning, than others, that is, it is easier to guess the meaning of some idioms, than the meaning of others. For example, *to give someone the green light*. We can guess the meaning of this phrase even if we have never heard it before. If we associate “the green light” with the street traffic light where green color means “Go!”, we can guess that this idiom means “to give someone permission to start any business”.

It is possible to guess the meaning of other idioms if we hear them in a context differently, that is, when we know how they are used in a particular situation. For example, the idiom *to be at the top of the tree*. If we hear the sentence “John is at the top of the tree now”, we are not sure exactly what is said about John. Perhaps, the expression means that he is in danger or that he is hiding. But if we hear the phrase in a context, its meaning becomes clear: “Ten years ago John joined the company, and now he’s the general manager! Yes, he’s really at the top of the tree!” The idiom means “to be at top of any field, to succeed”.

However, some idiom are too difficult to understand, because they have no connection with the initial meaning of individual words. Here are some examples: *to tell someone where to get off*, *to bring the house down*, *to take it out on someone*. The language learner will be in difficulty if it has not heard these idioms before. Even when they are used in a context, it is not easy to determine their exact meaning. Look closely at the first of these examples. *To get off* is usually used in conjunction with bus or bicycle, as in the following sentence: “Mary didn’t know her way round town, so Jane took her to the bus stop and then told her where to get off”. But in the idiomatic sense *to tell someone where to get off* means “to tell someone roughly and

openly that you think of it” [8], as in such context: “Jane had had enough of Mary’s stupid and critical remarks, so she finally told her where to get off”. This idiomatic meaning is not absolutely clear for a foreigner even in this context. One of the main difficulties is that the language learner does not know in what situations it is possible to use an idiom. He does not know the particular style, that is, does not know whether it is possible to use an idiom in formal or informal situations.

The choice of words depends on a person whom you are talking with, as well as on the situation or the place at the moment of conversation. If the person is your friend or it is a purely personal situation, it is possible to use informal expressions or even slang. In formal situation, when we do not know the person very well with whom we conduct a conversation, or in an official situation, it is necessary to choose words much more carefully. It would be incorrect to choose an informal expression in some quite formal situation and the choice of slang expressions in such cases is a sign of bad manners. It means that we can transfer the same information or express an idea in different ways by using different levels of language. Here is one example. If someone is late for a meeting with a friend, a typical informal way of apology: “Sorry I’m late!—but I got badly held up”. However, if you were late for a meeting with foreigners or for business meeting, another expression is suitable for an apology, for example: “I do apologize for being late. I’m afraid my train was delayed”.

The formal expressions are found more often in the written language (not in spoken English); they emphasize a certain distance between the interlocutors. Such expressions should be used, for example, in the report before a large audience. The informal expressions are used in daily colloquial English and in personal letters. (The slang is used in very informal situations between good friends. Language learners should not use slang often because it usually – and suddenly – looks old-fashioned and sounds strange). It is better to use informal expressions, as they are neutral in style and can be used in any situation.

In other words, idiom is an important expressive mean of language. It is a steady expression with its independent meaning. Mostly, idioms are created by the people and therefore are closely related to interests and daily occupations of ordinary people. That is why idioms are almost never translated literally.

Most people know the expression ‘*it’s raining cats and dogs*’. In Russian we say ‘*льет как из ведра*’, in Kazakh – ‘*жаңбыр құйып тұр*’ [7]. If phraseological unit manages to pick up a literal analogue, as a rule, it

means that in both languages it arose from one source. For example, the expression *‘Дамоклов меч’* (*‘sword of Damocles’* in English) comes from the Greek tradition.

However, there are expressions lying at the heart of many idioms that once really had literal meaning. For instance, the expression *‘to let your hair down’* (to relax and enjoy yourself without worrying what other people will think [6]) comes from those centuries when women wore their hair up in elaborate updos. It took a lot of effort to create and maintain such hairstyle during a day. In the evening, before going to bed, they could finally let their hair down and relax.

A lot of idioms came to English from the Bible. Many of them exist in Russian and even in Kazakh. The idiom *‘A drop in the bucket’* (later, *‘a drop in the ocean’*) has the analogue in Russian – *‘капля в море’*, and in Kazakh – *‘теңіздің тамшысындай’* [7] (table 1).

Table 1 – Idiomatic compliance in English, Russian and Kazakh

English	Russian	Kazakh
A drop in the bucket	Капля в море	теңіздің тамшысындай
A wolf in sheep’s clothing	волк в овечьей шкуре	қой терісін жамылған қасқыр
A voice crying in the wilderness	глас вопиющего в пустыне	құр далаға кеткен айғай
Forbidden fruit	Запретный плод	қол жетпес жеміс
Keep as the apple of one’s eye	беречь как зеницу ока	көздің қарашығындай сақтау
Beat swords into ploughshares	перековать мечи на орала	семсерден соқа соғу

As we can see from the examples above, the majority of idioms are of ancient origin. However, there are new idioms that have appeared in recent decades:

Backseat driver – an annoying passenger who tells the driver how to drive; someone who tells others how to do things [8].

Cut to the chase – to get to the matter at hand [9].

Smoke and mirrors – something that deceives or distorts the truth [9].

Go to the dogs – to become worse in quality or character [8].

Let the cat out of the bag – to tell people secret information, often without intending to [10].

For the birds – objectionable or worthless [10].

Get in someone’s hair – to annoy someone, especially by being near them for a long period [8].

All thumbs – very awkward and clumsy, especially with one’s hands [10].

Bite the dust – to die, to break, to fail, to give out [10].

Wet blanket – a dull or depressing person who spoils other people’s enjoyment [10].

It is necessary to emphasize the major fact: idioms are not only colloquial expressions as many people believe, but they are also used both in formal speech and in slang.

Studying idioms of the English, Russian and Kazakh languages, we can compare and distinguish the mentality of the peoples by identifying their similarities and differences.

The most intense theme for English language learners is idioms. It is impossible to understand the full English speech without them. Idioms are such constructions that cannot be understood by translating the individual words of which they consist. They often contain constructions that are grammatically incorrect. In fact, they are similar to Russian phraseological units. It is believed that only English is especially rich with such features, and in Russian everything is smooth. However, if we remember “не пришей к кобыле хвост”, “ни рыба ни мясо”, “семи пядей во лбу”, “хреном груши околачивать” and many others, then comes the understanding that Russian speech can be saturated with phrases which are not so easy to translate, not worse than the English.

It is considered that modern English is more and more widely transferred to the trend of increased use of idioms. Idioms are not an isolated part of the English language. They form a very significant part of the dictionary.

It is impossible to learn to understand English idioms, they can only be learned. Although some English idioms have the analogues in Russian. For example, the idiom ‘*take the bull by the horn*’ is literally translated as ‘*взять быка за рога*’ and has the same meaning. Sometimes it is easy to guess the meaning of idiom, though in Russian the same thought most likely would be expressed differently. For example, English idiom ‘*get up on the wrong side of bed*’ literally means ‘*встать не с той стороны кровати*’, and taking as an analogy the Russian idiom ‘*встать не той ногой*’, it is easy to understand its meaning. Nevertheless, such cases are more likely exceptions and, as already mentioned, the majority of English idioms and other phraseological units cannot be literally translated. For example, without knowing in advance what the phrase ‘*wear more than one hat*’ means, one can get into an awkward situation translating it literally – ‘*носить больше одной шляпы*’, while actually it means ‘*выполнять*

несколько обязанностей’. Here we see that when an idiom is translated directly word-for-word into another language, either its meaning is changed or it is meaningless.

Also, there are a lot of idioms on wealth, money and work that have the same meaning in English, Russian and Kazakh. For example, *‘No bees, no honey; no work, no money’* – *‘Без труда не вынешь и рыбку из пруда’* – *‘Әрекет болмай, берекет болмас’*.

In Kazakh, there are idioms which are not translated word-for-word, but the meaning is similar to the set phrases in both English and Russian. As an example, the idiomatic expressions *‘маңдай терін төгу’* and *‘жан терге түсу’* are close to Russian *‘впотилицу’* and to English *‘by the sweat of one’s own brows’* and mean one’s own hard work, typically manual labour [11]. Another Kazakh idiom which means ‘to work hard’ is *‘арқаеі арша, борбай еті борша болу’* [7].

Occasionally, some examples can seem interlingual similar phraseological units, but their mapping in various languages can be manifested differently. For instance, the expression *‘отқа май күйу’* is a type of ethnographic phraseology and has the positive meaning ‘to keep the fire lit by newlyweds’. English idioms *‘pour oil on the flames’* and *‘add fuel to the fire’* have the same meaning in Russian *‘подливать масла в огонь’*. As we have seen, both English and Russian idioms have the negative meaning ‘to make a situation worse than it already is’ [11].

Thus, following the results of research of a set of examples of idioms and phraseological units in English, Kazakh and Russian, it is possible to draw a conclusion that each of these languages includes numerous idiomatic units. Moreover, idioms of one language brightly characterize and make an overall picture of culture, life and traditions of this or that country. Each language has its own idiomatic expressions which show the national specifics and have analogues in other languages. The phraseological unit of language is of special interest for the modern linguistic researches conducted in line with anthropological approach. Firstly, phraseological units of various types are actively used by native speakers both in prepared and in spontaneous speech, and contribute to the realization of communicative intentions of the speaker. Secondly, phraseological units, or in this case, idioms are stored in the cultural memory of the people speaking this language. They fix the process of perception and interpretation by the people of the surrounding cultural space, cumulative public experience of the nation in a language form.

Major cultural differences between these languages are manifested in the peculiarities of vocabulary, in the manner of expression of character, images, in the functioning of artistic and expressive means of language and the essence of culture.

REFERENCES

- [1] Ermahanova A.E. Concept in Contemporary Linguoculture Studies. *Bulletin - Izvestiya "KazUMOiMYa imeni Abylay khana. Seriya "Philologicheskie nauki"*, 2014, №1 (32) [in Russ.].
- [2] Langlotz A. *Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English*. Amsterdam - Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006.
- [3] Gramley S., Pätzold K.M. *A survey of modern English*. London: Routledge, 1992.
- [4] Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Merriam-Webster, 1993.
- [5] Random House Kernerman Webster's College Dictionary, 2010.
- [6] Collins English Dictionary – Complete and Unabridged. Harper Collins Publishers, 2003.
- [7] Kozhakhmetova Kh.K., Zhaysakova R.E., Kazhakhmetova Sh.O. *Kazakhskorusskiy fraseologicheskiy slovar*. Almaty: Mektep, 1988 [in Russ.].
- [8] Cambridge Idioms Dictionary, 2nd ed. Cambridge University Press, 2006.
- [9] McGraw-Hill's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions. The McGraw-Hill Companies Inc., 2006.
- [10] American Heritage Dictionary of the English Language, Fifth Edition. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2011.
- [11] The Oxford Dictionary of Idioms 2nd Edition. Oxford University Press, 2004.

ИДИОМА – ТИІМДІ ЖӘНЕ МӘНЕРЛІ ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТЫҢ НЕГІЗІ

Кадирсизова Г.Е.,

магистрант, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан, kgotha_angel@mail.ru

Тірек сөздер: идиома, фразеологиялық біріктер, идиомалық сөз тіркестері, мағына, аналог, мәдениет.

Аңдатпа. Мақалада идиома туралы түсінік пен оның өзіне тән ерекшеліктері қарастырылады. Идиома мағынасына мәдени коннотацияларды аударуда ерекше назар аударылады. Ағылшын, қазақ, орыс тілдеріндегі баламаларымен немесе бірдей жасалу жолдарымен сәйкестігі қарастырылады, сондай-ақ олардың ұқсастықтары мен ерекшеліктерін анықтау мақсатында салыстырылады.

ИДИОМЫ КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОГО И ВЫРАЗИТЕЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Кадирсизова Г.Е.,

магистрант КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан, kgoha_angel@mail.ru

Ключевые слова: идиома, фразеологическая единица, идиоматические выражения, значение, аналог, культура

Аннотация. В статье рассматриваются специфические особенности английских идиом. Особое внимание уделяется пониманию идиом в качестве переводчика культурных коннотаций. Фразеологические единицы с английского, казахского и русского языков рассматриваются в соответствии с их аналогами или одинаковой образной основой и сравниваются с целью выявления их сходств и различий.

Статья поступила 07.03.2016 г.

UDC 811.111:398.9-021.272

**DIFFERENCES AND SIMILARITIES OF ENGLISH,
RUSSIAN AND KAZAKH PROVERBS**

Kurmatayeva A.E.,

Master of philological sciences, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University,
Kokshetau, Kazakhstan, kurmataeva85@mail.ru

Yeleuova L.B.,

Master of pedagogical sciences, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University,
Kokshetau, Kazakhstan, yeleu.lb@rambler.ru

Keywords: proverbs and proverbial sayings, comparative analysis of languages (English, Russian, Kazakh), differences and similarities of proverbs and proverbial sayings, peculiarities of translation, paremiology.

Abstract. In Kazakhstan, as well as in other countries, the proverbs and sayings reflect the certain qualities most peculiar to the nation. The article deals with proverbs and proverbial sayings exemplified by English, Russian and Kazakh materials. It describes word-building principles and meanings of proverbs and sayings of different nations. This article also compares the differences and similarities of proverbs and proverbial sayings in the English, Russian, Kazakh languages.

The study of proverbs is called *paremiology* (from Greek *paroimia*, “proverb”) and can be dated back as far as Aristotle. Paremiography, on the other hand, is collection of proverbs. Many scientists contributed to study proverbs as: V.I. Dahl, G.L. Permyakov, A.A. Potebnya, V.Y. Propp, A.V. Kunin, V.P. Anikin, Wolfgang Mieder, S.G. Obeng, Archer Taylor. Paremiologists have long been intrigued by the remarkable capacity and internal structural complexity of proverbs. Indeed, for all their outward simplicity, proverbs and proverbial phrases are far from simple. On the one hand, they are language phenomena similar to ordinary phraseological units; on the other hand, they are logical units (proposition and conclusion); moreover, they are artistic miniatures, reflecting living reality in a graphic form. This accounts for the fact that proverbial expressions have attracted the attention of the linguist, the folklorist and the logical philosopher alike [1, p. 16].

The triple nature of the proverbs calls for a three – pronged approach, in which they are treated as phenomena of language, phenomena of thought and phenomena of folklore, the more so since they said three aspects of the proverbial expressions are to a large extent autonomous. It is failure to take account of this circumstance that has, crippled many a paremiological study and is largely responsible for the inadequacy of existing classifications of proverbs [2, p. 12].

The comparison of proverbs shows how many similarities have people of different countries. They help them to understand people's culture and made them closer. Nearly every preface to a collection of national proverbs stresses that the items collected in it reflect in a vivid form of the life, morals, customs, traditions and specific qualities of the people who have created them. This is true. Proverbs, like any other folklore genre, reflect the life and the changing conditions of the people over the centuries. Proverbs present a full set of ethnographic realia ranging from labour implements to clothing; a comprehensive description of the geographical environment with its landscapes, climate, flora and fauna; references to historical events and personalities; echoes of ancient religious beliefs, and a detailed picture of the contemporary social organization. However, by the fact that for all their individual national characteristics, proverb collections of different people reveal great similarity. We account for the coincidence of proverbs belonging to different people. Scholars have offered different explanations. Some ascribe it to the ethnic and linguistic kinship of the people; others, to borrowing in the course of economic and cultural contacts; other again, to the similarity of historical experience and homogeneity of ideology at similar stages of social development.

The problem of classification of proverbs has been investigated by many great scientists and linguists. They contributed greatly to highlight issues of this problem.

Such scientists as V.I. Dahl, G.L. Permyakov, A.A. Potebnya, V.Y. Propp, A.V. Kunin, V.P. Anikin, Wolfgang Mieder, S.G. Obeng, Archer Taylor, U.V. Murrie, displayed a great interests in investigating of this problem.

G.L. Permyakov in his book of "From proverb to folk-tale" suggested such word analysis of definition of proverbs:

A proverb contains wisdom which has been handed down from one generation to the next.

A proverb describes situations which happened before and which are repeated again and again.

A proverb expresses folk wisdom in formulaic, short and metaphorical language.

A proverb has been passed down through many generations. It sums up, in one short phrase, a general principle or common situation, and when you say it, everyone knows exactly what you mean. It is often graphic, symbolic or rhyming, so that it is easily remembered.

A proverb is a common expression whose origin is not known or has been forgotten. It expresses wisdom concerning life etc.

According to Permyakov “there is no denying the fact that people speaking cognate languages have more verbally similar proverbs than those belonging to different language families” [3, p. 12-18].

Describing the principles of classification of proverbs U.V. Murrie wrote “A proverb is a pearl of any language, it is make any language more colourful” [4, p. 3].

In the point of view of S.G. Obeng “Proverbs are used by speakers for a variety of purposes. Sometimes they are used as way of saying something gently, in a veiled way. Other times, they are used to carry more weight in a discussion, a weak person is able to enlist the tradition of the ancestors to support his position” [5, p. 111].

Describing the principles of classification of proverbs W. Mieder wrote “A proverb is a short, generally known sentence of the folk contains wisdom, truth, morals, and traditional views in a metoforical, fixed and memorizable form and which is handed down from generation to generation” [6, p. 12].

According to G.L. Permyakov, paremiologists have long been intrigued by the remarkable capacity and internal structural complexity of proverbs [2, p. 29].

Replete with cultural symbolism, proverbs convey important ideas about human nature, health and social relations that often transcend their culture origin. Proverbs are timeless. The language of proverbs is generally picturesque and simple. Only those sayings, which many people have used for a long time, are called proverbs. Very often the same proverb occurs among several different languages, in some cases similar proverbs come from the same source. But in some cases they have no connection. Proverbs can be used not only as a source of information about history of a nations, but they are considered to be elements of upbringing as they express moral lesson [7, p. 56].

Proverbs can be also used to make a simple conversation and discussion more lovely in many parts of the world, the use of proverbs is a mark of being a good orator [5, p. 111].

The Russian expression “пословицы и поговорки” (proverbs and proverbial phrases) is usually treated as a single term.

Indeed, “пословицы” (proverbs) and “поговорки” (proverbial phrases, sayings) have much in common not only in Russian but in other languages as well. Special paremiological studies, however, try to distinguish these two concepts. For the most part, the term “поговорки” is used to refer to allegoric sayings expressing “an incomplete statement” (e.g *if you pound water in a mortar*), whereas “пословицы” refers to allegoric sentences

formulating “a complete statement” (e.g. *if you pound water in a mortar, it will still be water*). This relationship is summed up in the folk proverb, “*Поговорка – цветочек, а пословица – ягодка*” (“*The proverbial phrase is a flower, and the proverb is berry*”) [4, p. 3].

The old-age experiences of people speaking and writing in different languages, show that a good translator must not only understand the meaning of the translated text, but also possess the wealth of phraseological language in which transfer.

The English language has its own laws of translating, the Russian has its own. English language has its own word order, and Russian has another. In the English sentence can never be two negation, and in Russian we can use two, as “never”, “no”.

Russian language is flexible and it allows you to save English order of words in the sentence, but not always. The English phrase: “*He was not ready*” translated as “*Он был не готов*”. This is the order of words hurt to listen, and we change it to “*Он не был готов*”.

The difficulties of translation of English proverbs and sayings, arise and were arised. Considering all the features of English and Russian languages, to translate what is considered part of the culture of one nation to another language is very difficult.

For example, the English proverb: “*The pot calls the kettle black*” [1]. Literal translation into Russian will be as “*Горшок обзывает этот чайник черным*” [2].

If for English people the meaning of the proverb is clear, but to Russian people this proverbs seems to be something new, because the meaning is not always fully disclosed. So that Russian people understand the meaning of English proverbs, it is necessary to look for Russian equivalent: *Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала* (Russian proverb) [3]. This version is more understandable and closer to Russian. But if you translate it back into English, you get the following: *Anyone’s cow may moo, but yours should keep quite* [4].

As we see, the original version (1) is far from the end [4].

To fulfil the aim of our research, i.e. to reveal the differences and similarities of proverbs in three languages English, Kazakh and Russian, we have done following: We have found some examples of similarity of the notions and ideas expressed in Kazakh, English and Russian languages. Comparing the proverbs in three languages we managed to find proverbs, expressing one and the same notions, ideas, objects. For example:

Еңбек етсең ерінбей, тояды қарның тіленбей. (Kazakh)

- He that would eat the fruit must climb the tree. (English)*
Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. (Russian)
Сақтанғанды Құдай сақтайды. (Kazakh)
God helps them who help themselves. (English)
Береженого Бог бережет. (Russian)
Бір құмалақ бір қарын майды шірітеді. (Kazakh)
The rotten apple injures its neighbour. (English)
От одного порченого яблока целый воззагнивает. (Russian)
Кештен еш жақсы. (Kazakh)
Better late than never. (English)
Лучше поздно, чем никогда. (Russian)
Аузы қисық болса да, байдың баласы сөйлесін. (Kazakh)
Might is right. (English)
Кто сильнее, тот и правее. (Russian)
Тамшы тама берсе, тас жарады. (Kazakh)
Little strokes fell great oaks. (English)
Капля камень точит. (Russian)
All bread is not baked on one oven. (English)
Не все люди одного склада; не следует всех стричь под одну гребенку. (Russian)
Бес саусақ бірдей емес. (Kazakh)
All covet, all lose. (English)
Много желать, добра не видать; за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. (Russian)
Екі кемеңгі басын ұстаған суға кетеді. (Kazakh)
Appearances are deceptive-never judge from appearances; the devil lurks behind the cross; the still sow eats up all the draft dumb dogs are dangerous. (English)
Наружность обманчива. (Russian)
Адам аласы ішінде, мал аласы сыртында; сырты жалтырауқтың іші қалтырауық. (Kazakh)
As the fool thinks, so the bell clinks. (English)
Дуракам закон не писан. (Russian)
Жарымға жаза жоқ, Жындыға сот жоқ. (Kazakh)
At open doors dogs come in. (English)
Беспечность приводит к беде. (Russian)
Ашық тұрған есіктен ит те кіреді, мысық та кіреді;
Бейқамдық бәлеге жолықтырап. (Kazakh)
All is not lost that's in peril. (English)

Опасность – еще не гибель. (Russian)

Төнген қатер – ажал емес. (Kazakh)

All is well that ends well. (English)

Все хорошо, что хорошо кончается. (Russian)

Жақсылықпен тынғанның бәрі – жақсы. (Kazakh)

All men are mortal (man is mortal; men are mortal). (English)

Все люди смертны; сколько ни жить, а смерти не отбыть. (Russian)

Өлімнен қашып құтылу жоқ. Өлім ісіңе де, Түсіңе де қарамайды. (Kazakh)

Among the blind the one-eyed man is king. (English)

Среди слепых и одноглазый король; на безрыбье и рак рыба; за морем и синица-птица. (Russian)

Мысық жоқта тыиқан кісінейді. Ит жоқта шошқа үреді. (Kazakh)

As good beg of a naked man as a miser. (English)

У скупого просить, что у нагого. (Russian)

Сараңнан сұрағанша, пақырдан сұра. (Kazakh)

Actions speak louder than words. (English)

О человеке судят по его делам, а не по словам. (Russian)

Адамды сөзінен емес, Ісінен таны. Адамды түсіне қарап таныма, істеген ісіне қарап таны. (Kazakh)

All roads lead to Rome. (English)

Все дороги ведут в Рим. (Russian)

Жол жолға жалғасады, Ел елге жалғасады. Қызыл тіл Римге жеткізер. (Kazakh)

Fine (kind or soft) words butter no parsnips. (English)

Много говорено, да мало сказано; красно говорит, а слушать нечего (Russian).

Құрғақ сөз құлаққа жақпас. Сөзі көп те, мәні жоқ, Сабаны көп те, дәні жоқ. (Kazakh)

Good words cost nothing and are worth much. (English)

Доброе слово человеку – что дождь в засуху. (Russian)

Жақсы сөз жарым ырыс. (Kazakh)

Hear much, speak little. (English)

Слушай больше, а говори меньше. (Russian)

Аз сөйле – де көп тыңда. (Kazakh)

English and Russian versions use the natural phenomenon that to describe this proverb, but the Kazakh one is different from them because

there are two types of a proverb and “gold, cloud” are used in Kazakh. This proverb has the similar meaning in three languages, it tells about undervalued thing. People often do not appreciate what they have and after loosing they start regretting.

English proverbs “*There is no fire without smoke*”.

Translation: “*Огонь без дыма не бывает*”.

Equivalents in Russian and Kazakh languages: *Все имеет свою оборотную сторону; Нет дыма без огня. (Russian). Жел тұрмаса, шөптің басы қимылдамайды. (Kazakh).*

“Fire and smoke” are key words in English and Russian, “grass, wind” are for the Kazakh version. The notion of proverb is similar in English, Russian and Kazakh languages, but it has rather a deep meaning; people are curious, often there are rumors about something or somebody, even it is possible to think that everything what is said may come true. People predict the future and use this proverb for such occasion.

English proverbs: “*A watched pot never boils*”.

Translation: “*Котелок, за которым наблюдают, никогда не закипает*”.

Equivalents in Russian and Kazakh languages: *Когда ждешь, время тянется медленно (Russian). Күткенде уақыт өтпейді. (Kazakh).*

It is important to remember that these three languages have different history and English, Russian and Kazakh proverbs used different characters to express the same idea which reflects variation of social life and way of life and often they are not absolutely equivalent. We want to write about Kazakh proverbs regarding English and Russian proverbs, because most of the proverbs do not have the equivalent. The English proverb as “*One swallow does not make a summer*” is “*Одна ласточка весны не делает*” in Russian, and there is no equivalent in the Kazakh language.

According to our research we have found some examples of similarity of the notions and ideas expressed in Kazakh, Russian and English languages.

Kazakh proverbs and sayings differ from others with their deep meaning expressed in few words, short sentences.

Kazakh people say “*Сөздің көркі – мақал*”, which means that “*the attractiveness of a word is a proverb*”. We cannot consider proverbs apart from the social life of a nation.

e.g. *Ісіңнің ағымына қарама, маңдайыңның бағына қара. (Kazakh)*
(Don't enjoy, look at your job, but pay attention to your lunch)

This proverb shows that in early time the life comprehension of Kazakh people was worse than it is nowadays.

It is known that the main occupation of Kazakh nation was cattle breeding. A lot of proverbs reflect this phenomenon.

Семіздікті қой ғана көтереді.

Мал өсірсең, қой өсір, өнімі оның көл – көсір.

Қой алты күн аштық қашыдайды.

Қойың болмаса, байлықта ойың болмасын.

From these proverbs it is clear that bearing sheep and running them was very important for Kazakh people.

Kazakh people are famous for their hospitality. They like having guests. The illustration of it we can see there:

Қонақ келсе, құт келеді.

Келгенше қонақ ұялады,

Кеткенше, үй иесі ұялады.

Шақырмаған тойға барма,

Шақырған жерден қалма.

Proverbs tell much about people's traditional ways of experiencing reality, about the proper or expected ways of doing things, about values and warnings, and rules and wisdoms the elders want to impress on the minds of their young. The punch line character of proverbs – the shorter the better – makes it easy to commit them to memory for ready recall when the occasion calls for serious or humorous comment or admonition. Created by people in high and low stations, humble folk and great authors, borrowed from ancient or neighboring cultures, proverbs have been accumulating over many centuries. Some are only locally known; many are shared around the world.

English proverbs “*Adversity is a good discipline or a great school-master*”.

Word for word translation: *Несчастье – великийучитель (Rus.)*

Russian and Kazakh equivalents:

Несчастье закаляет человека; что мучит, то и учит (Rus.)

Кісіні кейде таршылық сынайды.

Кейде баршылық сынайды (Kz.)

“Adversity – несчастье” expresses the proverb meaning in English and Russian, but “shortage and prosperity” are used in Kazakh to explain the idea. Proverb is used in the same meaning in English, Kazakh and Russian languages. Wealth and poverty show the personality, the character, wisdom and manpower. It calls people to get over the difficulty and not to neglect good relations with others in case of riches.

If we take English proverbs “*Good health is above wealth*”; “*Health is better than wealth*”.

Word for word translation: *Доброе здоровье дороже богатства (Rus.)*

Equivalents of these proverbs in Russian and Kazakh proverbs;

Здоровье дороже богатства; здоровье всего дороже;

Здоровья не купишь; здоровью цены нет (Rus.)

Денсаулық – зор байлық (Kaz.)

The difference is seen in the usage of the verb “to be” in the Present Simple in the English version, the sentence cannot be expressed in English, that’s why “to be” is used as a connecting verb, if there is no verb in the sentence. Key words for English, Kazakh and Russian are “health, wealth” and the meaning expresses the similar idea in English, Russian and Kazakh languages. The proverb is constructed on a theme of health, cleanliness of products, supplies; there are wise ideas and morals. If the health is good, you will be able to execute everything. Wealth cannot be compared with health.

English proverbs “*He knows best what good is that has endured evil*”.

Word for word translation: *Лучше всех знает, что такое добро тот, кто испытал зло. (Rus.)*

Kazakh and Russian equivalents:

Кто нужды не видал, и счастья не знает;

Не видав горя, не узнаешь и радости (Rus.)

Ащыны татып көрмеген,

Тәттінің дәмін білмейд. (Kaz.)

English and Kazakh languages use adjectives “*best, good, bitter, tasty*” to express the idea, but verbal combinations are used in the proverb in Russian. It means “If the person does not know the difficulty, he cannot taste happiness. People understand the value of wealth, health and riches when they are in difficulty”.

English Proverbs “*It never rains but it pours*”.

Russian and English equivalents:

Пришла беда – отворяй ворота (Rus.)

Жұт жетеу, содырмен сегіз,

Салықпен тоғыз, олақпен он.

Қырсыққанда қымыран ірид. (Kaz.)

Nature is used in the English version, but the Russian and Kazakh versions use words of disaster. The explanation: “*if trouble happens, there is no way to stop it*”.

As with the proverbs of English, Kazakh and Russian speaking people's folk philosophy, distinctive regional customs and above all the peculiar flavour of their language and phraseology constitute uniqueness of English, Russian and Kazakh proverbs.

So, proverbs are great power of nation, because their function is unlimited: they serve as a methods of teaching, they transfer the past into the present, even short they have deep spiritual meaning. With the help of proverbs we may observe the history of the nation.

There is no denying the fact that people speaking cognate languages have more verbally similar proverbs than those belonging to different language families and according to the aim of our research we have found more similarities of the Russian and English proverbs, than Kazakh and English.

REFERENCES

- [1] Dal' V.I. Posloviцы russkogo naroda. M., 1995. 548 s. [in Russ.].
- [2] Permyakov G.L. Posloviцы i pogovorki narodov Vostoka. M., 1992. 231 s. [in Russ.].
- [3] Permyakov G.L. Ot pogovorki do skazki. M., 1996. 148 s. [in Russ.].
- [4] Myurrej Yu. V. Russkie posloviцы i pogovorki i ih anglijskie analogi. M., 2008. 241 s. [in Russ.].
- [5] Obeng S.G. The Proverb as a Mitigating and Politeness Strategy in Akan iscourse. L., 1996. 234 p.
- [6] Mieder W. International Proverb Scholarship: An Annotated Bibliography, with supplements. L., 1990. 475 p.
- [7] Taylor A. Western Folklore. L., 1956. 322 p.

АҒЫЛШЫН, ОРЫС, ҚАЗАҚ МАҚАЛ-МӘТЕЛДЕРІНІҢ ҰҚСАСТЫҚТАРЫ МЕН АЙЫРМАШЫЛЫҚТАРЫ

Құрматаева А.Е.,

филология ғылымдарының магистрі, Абай Мырзахметов ат. КУ,
Көкшетау, Қазақстан, kurmataeva85@mail.ru

Елеуова Л.Б.,

педагогика ғылымдарының магистрі, Абай Мырзахметов ат. КУ,
Көкшетау, Қазақстан, yelev.lb@rambler.ru

Тірек сөздер: мақал-мәтелдер, тілдердің салыстырмалы анализі (ағылшын, орыс, қазақ), мақал-мәтелдердің ұқсастықтары мен айырмашылықтары, аударма ерекшеліктері, паремиология.

Аңдатпа. Қазақстанда да, басқа елдерде де, мақал-мәтелдер халықтың өзіне тән ерекше белгілі-бір қасиеттерін көрсетеді. Бұл мақалада ағылшын, орыс және қазақ тілдерінің үлгісіндегі мақал-мәтелдер қарастырылған. Әртүрлі ұлттардың мақал-мәтелдерінің сөздік құрамы мен мағыналарына талдау жасалынған. Сондай-ақ аталмыш мақалада ағылшын, орыс және қазақ тілдеріндегі мақал-мәтелдердің ұқсастығы мен айырмашылықтары салыстырылған.

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ АНГЛИЙСКИХ, РУССКИХ И КАЗАХСКИХ ПОСЛОВИЦ

Курматаева А.Е.,

магистр филологических наук, Кокшетауский университет имени Абая
Мырзахметова, Кокшетау, Казахстан, kurmataeva85@mail.ru,

Елеуова Л.Б.,

магистр педагогических наук, Кокшетауский университет имени Абая
Мырзахметова, Кокшетау, Казахстан, yeleu.lb@rambler.ru

Ключевые слова: пословицы и поговорки, сравнительный анализ языков (английский, русский, казахский), сходства и различия пословиц и поговорок, особенности перевода, паремиология.

Аннотация. В Казахстане, а также в других странах, пословицы и поговорки отражают определенные качества, наиболее специфичные для народа. В статье рассматриваются пословицы и поговорки на материале английского, русского и казахского языков. Описываются принципы построения и значения пословиц и поговорок разных народов. В ней также сравниваются различия и сходство пословиц и поговорок в английском, русском и казахском языках.

Статья поступила 09.03.2016 г.

ECONOMIC DISCOURSE AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

Myrzaliyeva S.,

MA student of Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, 0101saltanat@mail.ru

Keywords: business discourse, economic discourse, institutional discourse

Abstract. The article is devoted to the economic discourse as a separate type of institutional discourse. The main features of economic discourse are described. The notions of “business discourse”, “economic discourse”, “institutional discourse” and their characteristics are defined.

УДК 81'42

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мырзалиева С.,

магистрант КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан, 0101saltanat@mail.ru

Ключевые слова: бизнес дискурс, деловой дискурс, экономический дискурс, институциональный дискурс.

Аннотация. Статья посвящена исследованию экономического дискурса как отдельного вида институционального дискурса. Охарактеризованы основные признаки экономического дискурса, разграничены понятия “бизнес дискурс“, “деловой дискурс“, “экономический дискурс“, выявлены их характерные особенности.

В конце 60-х годов XX века различные гуманитарные науки начали перестраиваться на новую методологическую базу дискурс-анализа, которая охватила и общественные науки. По этому поводу Э.Бенвенист писал: “С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир языка как средства общения, выражением которого является речь (ladiscours)” [1, с. 448]. На сегодняшний день, теория дискурса имеет различные взаимодополняемые, междисциплинарные направления. И прежде чем приступить к рассмотрению объекта исследования, необходимо остановиться пониманию дискурса в лингвистике.

Исследованию различных аспектов дискурса были посвящены труды зарубежных, российских и отечественных исследователей таких как: Т. А. ван Дейк, П. Серио, Дж. Филипс, Дж. Фиске, Р. Ходж, Дж. Юл, Н. Д. Арутюнова, В. Демьянков, Е.С.Кубрякова, В. В. Карасик, А. Кибрик, М. Макаров, В.В. Красных, В.Е. Чернявская, Г.Г.Буркитбаева, Б. Ахатова, А.Ислам и др.

В целом в лингвистике достаточно четко дифференцируются язык и речь, следовательно, текст и дискурс. Однако, несмотря на общепринятые понятия дискурса, все же возникает необходимость более тщательного рассмотрения соотношения текста и дискурса.

Обзор трудов ученых дает основание утверждать, что выделяются мнения, противопоставляющие дискурс тексту и рассматривающие их в определенной взаимосвязи. В первом направлении мнения сводятся к тому, что дискурсом считается устная речь, а текстом – письменная форма речи, следовательно, динамичность и статичность, и в широком понимании – процесс и результат.

Н.Д. Арутюнова под дискурсом понимает речь, которая рассматривается как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий в содействии людей и механизмах их сознания, когнитивных процессах, это “связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс включает паралингвистическое сопровождение речи (мимику, жесты)... и изучается совместно с соответствующими “формами жизни” (репортаж, интервью, инструктаж, светская беседа, признание и пр.). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь” [2, с. 136-137].

В.В.Красных под дискурсом понимает “вербализованную речемыслительную деятельность, предстающую как совокупность процесса и результата, обладающая собственно лингвистическим и экстралингвистическим планами” [3, с. 22].

Е.С.Кубрякова и О.В.Александрова разграничивая “дискурс” и “текст”, под дискурсом понимают когнитивный процесс, связанный с речеобразованием, под текстом – конечный результат процесса речевой деятельности, т.е. его зафиксированную форму [4, с. 98-106].

По мнению Г.Г. Буркитбаевой, дискурс – это речевое взаимодействие двух и/или более коммуникантов в устной и письменной форме, проходящее в определенной коммуникативной ситуации, результатом которого является текст или тематически объединенные тексты [5, с. 6].

Таким образом, краткий обзор существующих в лингвистике трудов по данной проблеме дает основание утверждать, что в разграничении текста и дискурса в качестве главной дифференциальной чертой берется результативная характеристика текста, у дискурса – процессуальная

сторона речевой деятельности. Такая дифференциация приводит к умозаключению, что текст понимается как единица языка, “текст в его динамике” [6, с. 35 -73].

Однако, не смотря на существующие отличительные черты между понятиями *текст* и *дискурс*, в какой-то степени обнаруживаются и общие, взаимосвязанные черты, такие как структурированность, связанность, логичность, целедетемированность на прагматическом уровне. При анализе дискурса, помимо его экстралингвистических компонентов, очень часто привлекаются собственно лингвистические, а именно семантико-синтаксический и стилистический анализы.

Также выделяются когнитивное и коммуникативное направления изучения дискурса.

В зависимости от коммуникативных сфер выделяются педагогический, медицинский, политический, военный, религиозный, экономический и другие дискурсы. Исследователи также выделяют бизнес дискурс, а иногда экономический дискурс употребляют параллельно с понятием деловой дискурс или бизнес-дискурс, что требует разъяснения некоторых вопросов соотношения делового дискурса, бизнес дискурса и экономического дискурса.

В целом, несмотря на существующие множество исследований, посвященные различным аспектам дискурса и их типологии, ученые выделяют индивидуальный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный) дискурс. И бизнес дискурс относится к институциональному дискурсу, который определяется В.И.Карасиком как “речевое взаимодействие представителей соцгрупп либо институтов, вместе, с людьми, которые реализуют свои статусно-ролевые способности в рамках установленных публичных институтов, число которых определяется потребностями общества на определенном шаге его развития” [7, с. 280].

Существует мнение выделения бизнес лингвистики, как самостоятельное направление по аналогии с политической лингвистикой и т.п. Совершенно очевидно функционирование бизнес дискурса со свойственным ему функционально-стилистическими, коммуникативными особенностями. Необходимо сказать, что в научной литературе употребляются такие синонимичные термины *бизнес дискурс* и *деловой дискурс*. Лексический состав делового дискурса в основном состоит из клишированных фраз и по стилю характеризуется четкостью выражения мысли и другие характеристики официально-делового жанра.

В бизнес дискурсе коммуникация выходит за рамки официально-делового жанра так как из-за достижения коммуникативной цели общение не всегда может строиться в рамках клишированной лексики. И самое главное, целью бизнес дискурса является получение прибыли, тогда как деловой дискурс характеризуется более широкой коммуникацией.

В нашей работе мы не разграничиваем их, так как зачастую, бизнес и деловой дискурс взаимодействуют и взаимодополняют друг-друга, базируются на товарно-рыночных отношениях.

Бизнес дискурс стал объектом таких ученых, как С.Никерсон, Б. Планкен, Ф. Габриела-Чиापани, Ю.В. Данюшина и др. В целом, в изучении бизнес дискурса выделяются разные направления, в зависимости от объекта исследования. Множество исследований посвящены бизнес корреспонденции, что предполагает изучение письменной бизнес коммуникации, что в широком понимании предполагает и бизнес планы, инструкции, бизнес отчеты и т.п. Более того, в рамках бизнес дискурса можно выделить подтипы в зависимости от сферы деятельности, например, маркетинг, менеджмент и т.п.

Когнитивные аспекты бизнес дискурса изучены в работах О.А. Безнаевой, В.Д. Шевченко, А.В. Юнга, Т.А. Ширяевой и др.

Одними из составляющих компонентов любого дискурса являются морально-этические, культурологические ценности и поведенческие нормы. И деловой дискурс – не исключение, и в нем выделяются такие ценности как свобода предпринимательства, неприкосновенность частной собственности и др., что и выступают регуляторами отношений участников коммуникации.

В лингвистическом плане, деловой дискурс строится на стандартных коммуникативных формах, что находят отражение в клише и фразеологических единицах и др. Особую область представляет собой деловой этикет, который предполагает использование стандартных фраз и приемов, предназначенных для инициации и продолжения диалога, для его прекращения, для выражения согласия и несогласия, возможности и невозможности.

Таким образом, деловой дискурс это – “ ... целенаправленная статусно-ролевая речемыслительная деятельность людей, общей характерной чертой которых являются деловые отношения, нацеленные на получение прибыли и базирующиеся на нормах и правилах общения, принятых в деловом сообществе” [8, с. 30,75].

Под экономическим дискурсом понимается совокупность речевых актов в сфере экономики. Необходимо отметить, что несмотря на доминирующую роль английского языка и на первый взгляд, универсальный характер деловой коммуникации в мультикультурной бизнес среде наблюдается огромное влияние когнитивных моделей, проявляющихся в языке и культуре участников дискурса, представителей разных культур.

Относительно экономического дискурса необходимо сказать, что в лингвистике особое внимание уделялось исследованию экономических текстов Н.К.Кравченко, Е.О. Шибанова и др. На современном этапе развития лингвистике наблюдается тенденция перехода на изучение экономического дискурса, нежели текста. Такой интерес наверняка объясняется развитием экономических отношений в контексте глобализационных процессов, медийных освещений экономического дискурса различных форматов.

По поводу соотнесения экономического дискурса к институциональному дискурсу среди ученых нет особых разногласий. В целом, при определении институциональной дискурс определяется статусно-ролевой характеристикой коммуникантов; внешнего контекста; условия. Время и место действия; тематика и цели общения, дискурсивные формулы и т.п. На институциональность экономического дискурса указывают и его содержательность и регламентированность, под последним понимается определенная подчиненность коммуникативного поведения участников дискурса общепринятым правилам. Хотя, некоторые исследователи в частности, А.П. Чудинов, А. Н. Баранов, Е.И. Шейгал и др., рассматривают экономический дискурс в составе политического дискурса. Однако мы придерживаемся мнения о том, что экономический дискурс вполне может быть самостоятельным объектом исследования, так как все характеризующие его черты присуще экономическому дискурсу. А именно, статусно-ролевые отношения участников; условия, время и место действия; тематика и цели общения, стиль и жанры; дискурсивные формулы и др.

В начале 80-х годов появилось очень много споров среди экономистов по поводу их общения со специалистами, также неспециалистами, что породило интерес к экономическому дискурсу в прикладной лингвистике.

Постепенно, экономисты для изучения экономического дискурса стали кооперироваться с лингвистами. И исследования велись по трем

направлениям: микро-исследования, где основное внимание уделялось на лексические и синтаксические аспекты экономического дискурса; макроисследования, где во главе угла ставился анализ на уровне предложений и текста; образовательные исследования, где анализ экономического дискурса проводился для педагогических целей.

Многие ученые определяют цель экономического дискурса как совершенствование экономической грамотности у населения в контексте восприятия ими международных и внутри экономических отношений. Однако, на наш взгляд, такое понимание экономического дискурса в некоторой степени сужает его контент и участников, даже подвергает сомнению его отнесения к институциональному дискурсу. Экономический дискурс в истинном его проявлении строится на общении, обмене мнений специалистов на профессиональном уровне. Что касается вышеупомянутой цели экономического дискурса, как совершенствование экономической грамотности у населения, также имеет место, например, экономический дискурс в средствах массовой коммуникации.

В.И. Карасик выделяет основными свойствами институционального дискурса участников, условия, организация, способы, тематику общения. В этом контексте можно сказать, что экономический дискурс базируется на экономическом институте, который подразумевается как совокупность социальных норм, образцов поведения и деятельности в экономической сфере. Исследователь также определяет участников институционального дискурса, а именно представителей институтов и обращающихся к ним людей ядром дискурса [9, с. 5-20].

Ядром экономического институционального дискурса А.А.Шереметьева выделяет "...общение базовой пары агента – клиента, например, производителя – потребителя, покупателя – продавца, претендента – нанимателя" [10]. Однако, в виду широкого поля общения в рамках экономического дискурса вышеуказанные пары общения вполне могут быть расширены. В работе А.А.Шереметьевой фактическим материалом служат письменные экономические тексты.

Необходимо также сказать, что институциональному дискурсу присуще и общедискурсивные свойства, такие как, личностно-ориентированное общение, что предполагает бытовое и бытийное общение.

Е.Д. Степанова под экономическим дискурсом понимает "интерактивное взаимодействие участников общения в сфере финансово-кредитных, налоговых, коммерческих, предприниматель-

ских отношений” [11, с. 434-486]. Хотя, некоторые исследователи экономического дискурса не ограничивают только речевыми актами. Например, Е.Ю. Махницкая под экономическим дискурсом понимает совокупность всех речевых актов, используемых при описании и характеристике экономических реалий, устные и письменные фрагменты текста и целые тексты, отражающие экономическую практику [12, с. 158-161].

Существует мнение о том, что экономический дискурс относится к деловому дискурсу. Однако необходимо иметь ввиду, что деловой дискурс, ограничивается коммуникацией только между специалистами определенной сферы. В нашей работе экономический дискурс рассматривается шире, чем деловой дискурс. И мы разделяем мнение М. Ликуна, который утверждает, что в рамках экономического дискурса выделяются финансовый дискурс (финансы и кредит), бухгалтерский дискурс (бухгалтерский учет и аудит), налоговый дискурс (налоговое дело и страхование), деловой дискурс (предпринимательская деятельность и торговля) [13, с. 20].

В зависимости от формата внутри экономического дискурса выделяются интервью, экономические новости с привлечением аналитиков, специалистов, академические лекции, профессиональные беседы, дискуссии, конференции, форумы и т.п.

В целом, на прагматическом уровне в зависимости от коммуникативной интенции выделяются информативный дискурс, аргументативный дискурс, регулятивный дискурс. Соответственно, в информативном дискурсе доминируют стратегии оповещения, в аргументативном – стратегии убеждения, в регулятивном – стратегии воздействия.

В экономическом дискурсе присутствуют все вышеуказанные типы, зачастую в рамках одного дискурса и в зависимости от его коммуникативной цели и его коммуникативного формата.

В современном экономическом дискурсе очень популярными являются такие темы как, глобализационные процессы, экономические аспекты поставок энергоносителей, мультинациональных корпораций, финансовый кризис, волатильность курсов валют и цены на нефть и др.

Таким образом, на основе нашего анализа мы можем утверждать, что экономический дискурс является институциональным, в тоже время в нем присутствует лично-ориентированная характеристика.

Лингвистический же анализ экономического дискурса показывает, что он отличается от других дискурсов гуманитарного направления своей терминологичностью.

В определении термина среди лингвистов нет особых разногласий, где за основу берется постулат об его однозначности, хотя существует терминологическая омонимия. Определение термина сводится к следующему: термин – это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы. К этому еще можно добавить, что термины лишены эмоциональной окраски и экспрессивных коннотаций.

В контексте экономического дискурса мы придерживаемся следующего определения терминологий В.П.Даниленко “... совокупность слов и словосочетаний, обозначающих специальные научные и технические понятия служащих для осуществления коммуникации в данной области” [14, с.211].

В терминологической системе англоязычного экономического дискурса да и в целом, самым продуктивным способом терминообразования является прибавление суффиксов: *-ing*; *-ment*; *-ness*; *-ry*; *-er* и др.

В англоязычном экономическом дискурсе наблюдается употребление терминов-словосочетаний, которые образуются посредством добавления к гнездовому термину слова, обозначающих признаков видовых понятий. Например: *tax* ‘налог на расходы’; *landtax* ‘налог на землю’; *valueaddedtax* ‘налог на добавленную стоимость’ и др.

Также в английском языке довольно часто встречаются сложные по структуре экономические термины, состоящие из следующих комбинаций: прилагательное с именем существительным; причастия с существительным с предлогами; *accountingconvention* ‘метод бухгалтерского учета’, *bookvalue* ‘балансовая стоимость’ и т.п.

Также встречаются новообразования, обусловленные теми или иными принятыми мерами. Например, комплекс мер стимулирования роста экономики страны, принятый в Японии, которая в течение последних лет страдала от дефляции, известен как ‘*абэномика*’, по имени премьер-министра страны Синдзо Абэ.

From **Abenomics** to the Tokyo Olympics? Japan is back on the global stage.

В контексте глобализационных процессов английский язык признан международным языком экономического дискурса, и не только. Многие экономические термины классифицируются как интернациональные термины. В русском языке очень много заимствованных экономических

терминов из английского языка, например: *хеджирование, трежа, демпинг, дефляция, дефолт*. Зачастую, смысл некоторых из них понятен только специалистам этой отрасли и их обильное употребление в основном наблюдается в коммуникации на профессиональную тему между специалистами экономики.

Экономический дискурс имеет доминирующую позицию в смысловом поле дискурсов и носит перспективную направленность. Он является одним из рычагов движения экономики по правильному руслу.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 448 с.
- [2] Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
- [3] Красных В.В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст). – М.: ИТДК “Гнозис”, 1999.
- [4] Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространства текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. – М., 1997. – 98-106 с.
- [5] Буркитбаева Г.Г. Текст и дискурс. Тип дискурса – деловой дискурс. Учебное пособие. – Алматы. 2006.
- [6] Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и Принцип причинности. Язык и наука конца 20 века. – М.: РАН, 1996 – 35-73 с.
- [7] Карасик В. И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
- [8] Ширяева Т.А. Структурно-содержательная и функциональная парадигма современного делового дискурса: автореф. дис.... канд.н. – Пятигорск, 2014. – 30 с.
- [9] Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – 520 с.
- [10] Шереметьева А.А. Основные характеристики экономического дискурса // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии. – 2014.- № 1.
- [11] Степанова Е.Д. Прагматические особенности коммуникативного акта “Кредитный договор” в экономическом дискурсе // Дискурсивный аспект языковых единиц: монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 434 с.
- [12] Махницкая Е.Ю. О современном экономическом дискурсе // Речевая деятельность: Межвуз. сб. науч. тр. –Таганрог, 2002. – С.158-161.
- [13] Глушко М.М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования. – М., 2004. – 198 с.
- [14] Даниленко В.П. Лингвистический аспект стандартизации терминологии. – М., 2003. – 211 с.

REFERENCES

- [1] Benvenist Y. Obshays lingvistika. M., Editorial URSS, 2009. 448 s. [in Russ.].
- [2] Arutyunova N.D. Diskurs. In: Lingvisticheski enciklopedicheski slovar. M.: Sovetskaya encikopedia, 1990. 136 -137 s. [in Russ.].
- [3] Krasnyh V.V. Structura kommunikacii v cvete lingvokognitivnogo podhoda (kommunikativnyi akt, diskurs, tekst). M.: ITDK “Gnozis”, 1999 [in Russ.].

- [4] Kubrakova Y.S., Aleksandrova O.V. Vidy prostranstva teksta i diskursa. In: Kategorizacia mira: prostranstvoib vremya. M., 1997. 98-106 s. [in Russ.].
- [5] Burkitbayeva G.G. Text i diskurs. Tip diskursa – delovoi diskurs. Uchebnoye posobie. Almaty, 2006. 6 s. [in Russ.].
- [6] Stepanov Y.S. Alternativnyi mir. Diskurs, Fakt I Princip prichinnosti. In: Yazyk I nauka konca 20 veka. M.: RAN, 1996. 35-73 s.[in Russ.].
- [7] Karasik V.I. Yazykovye kluchi: monogr. Volgograd: Paradigma, 2007. 520 s. [in Russ.].
- [8] Shirayeva T.A. Strukturno-soderzhatelnaya i funktsionalnaya paradigmf sovremennogo delovogo diskursa: avtoref. dis. kand.n. Pyatigorsk, 2014. 75 s. [in Russ.].
- [9] Karasik V.I. O tipah diskursa. In: Yazykovaya lichnost: institucionalnyi i personalnyi diskurs. Volgograd: Peremena, 2000. S. 5-20 [in Russ.].
- [10] Sheremytya A.A. Osnovnye harakteristiki ekonomicheskogo diskursa. *Vestnik Kuzbasskoi gosudarstvennoi pedagogicheskoi akademii*, 2014, № 1 [in Russ.].
- [11] Stepanova E.D. Pragmatischekiye osobennosti kommunikativnogo akta “Kreditnyi dogovor” v ekonomicheskom diskurse. In: Diskursivnyi aspect azykovykh edinic: monografia Irkutsk: Izdatel'stvo IGLU, 2006. 434-486 s. [in Russ.].
- [12] Mahnickaya E.Y. O sovremennom ekonomicheskom diskurse. In: Rechevayadeyatelnost. Tekst: mejvuz. Sb. Nauch. Tr. Taganrog, 2002. 158-161 s.[in Russ.].
- [13] Glushko M.M. Funktsionalnyi stil obshestvennogo yazyka i metody ego issledovaniya. M., 2004. 198 s. [in Russ.].
- [14] Danilenko V.P. Lingvisticheski aspect standartizacii terminologii .M., 2003. 211 s. [in Russ.].

ЭКОНОМИКА ДИСКУРСЫ–ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ІЗДЕНІС ОБЪЕКТІСІ

Мырзалиева С.,

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ магистранты,
Алматы, Қазақстан.

Тірек сөздер: дискурс, бизнес дискурс, экономикалық дискурс, институционалды дискурс.

Андатпа. Бұл мақала экономика дискурсының институционалдық дискурстың өзіндік бір түрі ретінде қолданылатынына арналады. Экономика дискурсының негізгі ерекшеліктері анықталған. “Бизнес дискурсы”, “экономика дискурсы”, “институционалдық дискурсы” ұғымдары және олардың ерекшеліктері анықталады.

Статья поступила 12.03.2016 г.

UDC 821.134

ELEMENTS OF AN INTERTEXTUALITY IN THE NOVEL “ONE HUNDRED YEARS OF SOLITUDE” BY GABRIEL GARCIA MARQUEZ

Orymbayeva A.A.,

MA student, Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, aikon_3.91@mail.ru

Keywords: intertextuality, myth, neomythologism, magical realism.

Abstract. This article is the apotheosis of Latin American literature, particularly Colombia, in which he lived and the work of Gabriel Garcia Marquez, in this area. But this article is dedicated to the novel, which each may be the new gospel. *Hundred Years of Solitude*, it is no coincidence that the name chosen by the author, because of his honesty did not allow any to say about the nature of human existence in all honesty, done alone. A hundred years— a symbolic date – one era and the five generations of the Buendia family, the humble age-old chains of doom foretold in Melquiades parchments, old man who was aging at the same time as the loneliness of every member of the family increased. The main problem of the novel— the loneliness. The problem is everyone, you and me, your parents and teachers. The longer the problem goes back to the land of the future, the more felt as a state of loneliness and gain strength found its new patrons.

Gabriel Garcia Marquez’s novel *One Hundred Years of Solitude* has often been alluded to as a work of magical realism with many intertextual references. Magical realism can be defined as literature usually characterized by elements of the fantastic woven into the story with a deadpan sense of presentation. This is evident in many instances throughout the novel. Also, there are many intertexts within the work. Such outside sources that Marquez uses are The Bible and the style of the ancient Greeks, mainly the tragedians. Wendy Faris best describes magical realism in that she believes that if a piece of fiction is truly magical realism it must have five primary characteristics. The first characteristic is that, “The text contains an ‘irreducible element’ of magic, something we cannot explain according to the laws of the universe as we know them”. This is evident throughout the book. Such examples from the text are the scene in which Jose Arcadio Buendia was murdered and blood ran through the streets to Ursula’s house. Garcia Marquez writes, “A trickle of blood came out under the door, crossed the living room, went out into the street, continued on in a straight line across the uneven terraces, went down steps and climbed up curbs...” [1].

As the reader we know that this is physically impossible for blood to travel and climb up objects. Another example is Remedios’ ascension into heaven. Marquez writes, “Amaranta felt a mysterious trembling in the lace on her petticoats and she tried to grasp the sheet so that she would not fall down at the

instant in which Remedios the Beauty began to rise”. The second characteristic deals with descriptive details that create a realistic world out of the phenomenal. There are also many instances in the novel that this occurs. The reader is...
Jungle Gothic Science, Myth, and Reality in One Hundred Years of Solitude
In the following excerpt, Stevens and Vela discuss how Marquez deals with the problem of “distinguishing between illusion and reality” by fusing the two, instead of treating them as separate entities [2].

The technical difficulty of distinguishing between illusion and reality is one of the oldest and most important problems faced by the novelist, in particular, and by mankind in general. In art, philosophy, or politics, western man has traditionally made great conscious efforts to keep illusion separated from fact, while admiring and longing (at least superficially) for a transcendental way of life. The irony of this longing resides in the fact that western man’s scientific and technological achievements are in great part due to his ability to separate fact from fiction, myth from science, and illusion from reality. It is a paradox of western culture that it draws its psychological strength from a spiritual-mythical well, while its muscle is drawn largely from science and technology. In *One Hundred Years of Solitude*, Gabriel Garcia Marquez deals with the paradox very successfully by not trying to solve it at all. That is to say, the perceptions of reality which appear in the novel are all *prima facie* perceptions and, as a consequence, become indistinguishable from reality. For example, when Meme falls in love with Mauricio Babilonia she finds herself attended ever after by a swarm of yellow butterflies. The question whether they are real or imaginary butterflies is the wrong question. Marquez makes it evident that he places little value on such questions and that there is, in a way, no inherent value in real butterflies as opposed to imaginary butterflies in the world which he describes and, by extension, perhaps in our world as well. The butterflies are there, *prima facie*, and the distinction between symbol and actuality is broken down and declared void by the lyrical fiat of his style. The technical result of this method and the value of this view is that the conventional distinction between figurative and literal language is impossible to make, and pointless beside. Conventional literary terms are inadequate to describe this fusion of both literal and metaphorical language. We who are trained to compartmentalize our minds into fact and fancy, business and God, myth and science, are prone to wonder over the nature of these butterflies, their origin, and their significance. In reality, however, the question is presumptuous and has validity only in our narrow-minded world with its forty-hour work week and our constant, energy-consuming,

watchful stand to keep fancy and reality separated in our minds. When we are told that it rained for four years, eleven months, and two days, we need not ask ourselves whether this could be so; rather we soon come to accept it as a given quantity and eventually, through the art of Garcia Marquez, we come to accept all things in the novel as they are. This, we are soon convinced, is also a workable view of reality. Multiplying such details with profound ingenuity, Marquez gradually brings the reader's skeptical biases into harmony with the spiritual and intellectual life of his townsfolk. When Jose Arcadio is shot, *Jungle Gothic Science, Myth, and Reality in One Hundred Years of Solitude* 20 A trickle of blood came out under the door, crossed the living room, went out into the street, continued on in a straight line across the uneven terraces, went down steps and climbed over curbs, passed along the Street of the Turks, turned a corner to the right and another to the left, made a right angle at the Buendia house, went in under the closed door, crossed through the parlor hugging the walls so as not to stain the rugs and came out in the kitchen, where Ursula was getting ready to crack thirty-six eggs to make bread There is no question as to how this episode is to be taken, only the simple declaration that it happened. This blood which defies the laws of physics is neither symbolical, miraculous, nor scientifically credible. It is simply a fiat of reality in Macondo. Are such events also possible in our own world? Perhaps they are more real in the Colombian *cienega grande*, yet, on the other hand, people who believe in the day of judgment and the resurrection of the dead, except for a certain narrowness of mind, should have little trouble with a stream of blood that does not coagulate in one minute and that travels uphill. One of the elements constituting this poetic vision of things is the mythopoetic. The village of Macondo is a microcosm and the one hundred years recounted in the novel is a compression of the whole history of man. The village begins *ex nihilo*, rises to a golden age, and falls away into oblivion. Everything that can happen in our world happened there. A village was founded, children begotten, revolutions spawned, technology developed, lust, love, death, and beatitude were all enacted with the luxuriant and unending variety that suggests the inexhaustibility of the individual experience of human events. Marquez's myth has its own cosmology, "going back to before original sin. "The world began the "day that Sir Francis Drake attacked Riohacha", and it is of no consequence that Drake set sail and lived a lifetime prior to this day. In the golden age of Macondo nobody died, and all men lived in a sacred and eternal present tense. As time passed knowledge accumulated, but wisdom was still the property of the few, and political power belonged,

even as in our world, to the cheat and the liar. As the world aged, it was overtaken by a great insomniac sickness which resulted in a loss of memory. In fear that their loss would bring chaos, the people of Macondo put up signs to remind themselves of the identity of things; “table, chair, clock, door...,” and on main street they placed the largest of all the signs against their forgetfulness, “DIOS EXISTE” [3].

In giving things names, they also gave them reality; in having Jose Arcadio Buendia to give things their names, Garcia Marquez gives him the function of Adam, the first man, and he simultaneously seems to tell us that anything which may be forgotten by man may lose its existence and, perhaps, its reality. Marquez gives a sort of sacredness to all experience by breaking down the wall between the sacred and the profane, as he has broken down the wall between fact and fiction, and by refusing to intellectualize his characters. Remedios the Beauty, for instance, remains utterly chaste—not because she is pious, but because she is simple and does not know the thoughts of men. But what does it matter whether her innocence came by piety or ignorance? In either case, she ascends into heaven while hanging sheets in the backyard, and who is to gainsay her ascension? Marquez, whose point of view in the novel is somewhat like God’s, has declared it so. In short, the writer has created in Remedios a natural piety which may be thought of as pure without puritanism—simultaneously sacred and profane. Time also has mythopoetic significance in the novel. Everything ages and moves toward its own end. Life, regardless of its particular reality, is a transient condition, at best. Marquez’s point of view in the novel is the point of view of God: all time is simultaneous. The story of Macondo is at once complete from beginning to end, and, at the same time, it is the story of only one out of an infinite number of worlds, each with its own story. More than that, it is the story of Jose Arcadio Buendia, one out of an infinite number of men, but one who is more the father of man than Adam himself, for if Adam’s sin was to eat the fruit of the Tree of Knowledge, Jose Arcadio’s was to live too much and too long. He lived from the beginning of time until the world became old. One has the feeling that if the world had not become old, Jose Arcadio would not have died—but he and his descendants would never have deciphered the parchments of the ancients, never have acquired knowledge. “What’s happening”, Ursula notes, “is that the world is slowly coming to an end”. When *Jungle Gothic Science, Myth, and Reality in One Hundred Years of Solitude* 21 the great apocalypse does befall Macondo however, it falls not in fire or flood, but rather it creeps in as the rot and decay of antiquity. When Aureliano Babilonia deciphers the parchments of

Melquiades which contain all the knowledge and all the secrets of the ancients, he finds that “Melquiades had not put events in the order of man’s conventional time, but had concentrated a century of daily episodes in such a way that they co-existed in one instant”. The simultaneity of all time cannot be achieved literally by the novelist, and therefore he must create the illusion of it. This Marquez does by creating a microcosm of Macondo and giving it a micro-history, while the individuals involved are as real as we. In the last analysis, “time” is one of the major themes of the novel, as its title suggests. By setting all things in the context of their mortality, by dramatizing the apocalyptic nature of antiquity and decay (some say the world will end in flood, some say in fire, Marquez says it will die of old age), Marquez induces in us a rich reverence for all of his characters and events. There are great depths of bitterness in this novel—bitterness for the death of the old woman clubbed to death by the soldiers’ rifle butts, for the treachery of the government and the North American fruit company, for the train-load of massacred townsfolk whose corpses “would be thrown into the sea like rejected bananas”. Yet time and decay spread over these bitter incidents in such a way as to mellow and sanctify them. All of history occurred in Macondo, and it became holy through Melquiades’s recitation of it in the sacred parchments; in like manner Marquez transforms the common experience of our world into something magical by his telling of it in the novel. Time bestows its blessing; all things are made holy because they have existed. A second element of Marquez’s view of life, beyond the mythopoetic, is the concept that man is naturally a scientist. The wisdom of the people who live in Macondo is a composite of folk wisdom, hearsay, legend, superstition, and religion—all indiscriminately mixed. And yet Marquez builds into the novel a clear sympathy for a certain quality of knowledge. We might think of this sympathy as an instinct for science. Jose Arcadio Buendia has it, as do each of his descendants who, in successive generations, lock themselves away in Melquiades’s room to search for knowledge and truth. This science itself is a mixture of alchemy and occultism, but in it there is a feature which separates it from the popular wisdom of the town – its profound belief that reality is infinitely more wondrous than the most inventive of illusions. It is true that in Jose Arcadio the love of science exists in undisciplined comradeship with the folk wisdom. Jose Arcadio was crude and ignorant in his methodology, but a true scientist in his heart. His fascination with magnets, ice, the sextant, and the geography of the world make it clear that in spite of his own inability always to separate superstition from science, the great yearning of his heart was to

know things. In many ways Garcia Marquez sees him as the archetype of all scientists, for do they not all share his dilemma? Which scientist could ever truly separate his own illusions from his empirical knowledge? Which scientist could ever know that his methodology is pure and perfected? How much of modern science is old illusion given a new name? The common characteristic shared by true scientists, however, is their great wonder at the profound mystery of reality. And if this be so, then to the brotherhood of Copernicus, Galileo, and Newton, old Jose – with his poor sextant and his undeterred will to find a system for identifying the exact stroke of noon—eternally belongs. It is this instinctive awe of reality that separates the first from the second generation of gypsies. Melquiades—a combination of Wandering Jew, picaro, Mephistopheles, and God—is a huckster, true enough, but beyond his sleight-of-hand and his alchemy, he is a man of great wisdom. It is easy from the vantage point of a highly developed technological culture, to think of Melquiades and Jose Arcadio as being naive, having too many gaps in their learning to be true scientists. There are loose ends in their knowledge which make them seem provincial. Should we judge them thus, however, we would betray only our own provinciality, for all science has loose ends. There must have been something of the gypsy, too, in Albert Einstein, for his paradox of the clock is really not different from Buendia's visualizing the air and hearing the buzzing of sunlight. Garcia Marquez perceives it all as a vital and organic whole, as though the jungle itself were a Gothic artifact, creating, nourishing, destroying, and regenerating in great, broad brush strokes and in infinitely delicate detail. *Jungle Gothic Science, Myth, and Reality in One Hundred Years of Solitude* 22 Marquez's way of seeing things is compatible with both myth and science, but it is neither thing in itself. It has the analytical curiosity of science coupled with the synthetic method of myth. The result is a technique which puts him in the tradition of Unamuno, Gallego, and Lorca, and it may reveal him as one of the most inventive novelists of our day—not because others have failed to explore this artistic fusion of myth and science, symbol and surface, but because of Marquez's ingenuity and the profusion of his imaginative details. The view of Gabriel Garcia Marquez is a view of life as it is—complex, changing, indefinite, and difficult to understand. It is a view of reality richer and more exciting than any cross-section of any of its parts could ever reveal. *One Hundred Years of Solitude: Historical Context* Origins of the Colombian Stale Knowing the history of the country of Colombia can provide considerable insight into the political battles that take place all throughout *One Hundred Years of Solitude*. The original inhabitants

of present –day Colombia were conquered by the Spanish in the 1530s and incorporated into the colony of New Granada, which also encompassed the territories of modern-day Panama, Ecuador, and Venezuela. The area lay under Spanish rule for almost three hundred years, developing a culture and population that blended Spanish, Indian, and African influences. In 1810, Simon Bolivar led the Mestizo (mixed-race) population in a struggle for independence from Spain. It was achieved with his victory at Boyaca, Colombia, in 1819. The new republic of Gran Colombia fell apart, however, when Ecuador and Venezuela formed separate nations in 1830. The remaining territory assumed the name the Republic of Colombia in 1886. In 1903 the area that is now Panama seceded, helped by the United States, who wanted control of a canal along the isthmus between the Atlantic and Pacific Oceans. Political strife was rampant in nineteenth-century Colombia and parties formed under Liberal and Conservative banners. These parties corresponded to the followers of President Bolivar and his vice-president and later rival, Francisco Santander, respectively. Their essential conflict was over the amount of power the central government should have (Conservatives advocated more, Liberals less). The two parties waged a number of wars, but the civil war from 1899 to 1902 was incredibly violent, leaving one-hundred-thousand people dead. In the novel, this history of constant political struggle is reflected in the career of Colonel Aureliano Buendia. The United Fruit Company The United States influenced Colombian history at the beginning of the century with their assistance in Panama’s secession, and American interests continued their influence for many years thereafter. While petroleum, minerals, coffee, and cocoa are now considered Colombia’s main exports, at the start of the twentieth century bananas were the country’s chief export. The United Fruit Company (UFC) was the most notorious company invested in this trade. Based in the United States, the UFC gradually assumed control of the Banana Zone—the area of banana plantations in Colombia. The UFC would enter an area, build a company town, attract workers, and pay them in scrip redeemable only in company stores. UFC would then leave as soon as the workers unionized or the harvest began to show fatigue from over-cultivation. The culminating event of this industry occurred in October of 1928, when thirty-two thousand workers went on strike, demanding things like proper sanitary facilities and cash salaries. One night, a huge crowd gathered in the central plaza of Cienaga to hold a demonstration. Troops, who were being paid by UFC in cigarettes and beer, opened fire on the crowd. Gernal Cortes Vargas, in charge of the troops that night, estimated forty dead. Another observer,

however, estimated four hundred lying dead in the square and totalled fifteen hundred dead of wounds incurred there. He also noted an additional three thousand people with non-fatal injuries. Whichever the real numbers, the incident was officially denied by the government and was not included in the history textbooks. This denial is reflected in the novel when Jose Arcadio Segundo cannot convince anyone *One Hundred Years of Solitude: Historical Context 9* that the massacre of strikers he witnessed actually occurred. Twentieth-Century Political Conflicts Social and political division in Colombia intensified throughout the 1930s and 1940s. The next period of Colombian history, “the Violence”, began after the Liberal mayor of Bogota, Jorge Eliecer Gaitan, was assassinated. The Liberal government was overthrown, and General Gustavo Rojas Pinilla took control of the government. Both parties sent their paramilitary forces sweeping through the various sectors under their control. Many people were displaced during the fighting. Rojas began a period of absolute military rule, and Congress was subsequently dissolved. It was during Rojas’s rule that Garcia Marquez was forced to leave the country because of an article he had written. When Rojas fell to a military junta in 1957, the Liberal and Conservative parties agreed on a compromise government, the National Front. This arrangement granted the two parties equal representation within the cabinet and legislature, as well as alternating occupation of the Presidency. While this arrangement lessened the direct political rivalry between the two parties, there came a rise in guerilla insurgencies. This was the atmosphere of Garcia Marquez’s home country during the time he was writing *One Hundred Years of Solitude*. Since then, guerilla factions of the 1970s have given way in the 1980s and 1990s to a coordinated network of drug cartels, struggling farmers, and indigenous tribes. Violence has often marked the political process, as guerillas and drug lords attempt to influence elections and trials with violent threats. In 1990, after three other candidates were assassinated, Cesar Gaviria Trujillo was elected President. During his administration the people of Colombia approved a new constitution, aimed at further democratizing the political system. The drug trade has continued to pose problems for the government, however. When the Medellin drug cartel was broken up in 1993, the Cali cartel grew to fill the vacuum. The government of Liberal Ernesto Samper Pizano, elected in 1994, has attempted to combat drug traffickers and thus improve relations with the United States. Popular support for these efforts has not always been forthcoming, particularly by small farmers who are economically dependent on the drug trade. *One Hundred Years of Solitude: Themes 6 Death* The first line of the novel

foreshadows a large role for death in the novel. Death is described as a black mark on a map, and until Melquiades dies, Macondo has no such mark. Thus unknown to the spirits, it is left alone by the world except for a few accidental discoveries. After that first mark of blackness, death is as constant a theme as solitude, and each character has their particular death. The greatest death is that of the patriarch, Jose Arcadio; it is marked by flowers falling from the sky. After that, death becomes a haunting presence, made ever more physical as the degree of decay increases. Burial ceremonies become arduous treks through rain and mud, or something one does alone. For example, Fernanda lays herself to rest. Amaranta is the person most familiar with the rites of death. She sees death personified as “a woman dressed in blue with long hair, with a sort of antiquated look, and with a certain resemblance to Pilar Ternera” [4].

She is told that she will die once she has finished her own shroud, so she works slowly. When she is finished, she tells the whole community to give her any messages they wish ferried to their dead. Amaranta earlier reveals that she loved Colonel Aureliano the best by the way she prepares his body for burial. She does this in solitude. Knowledge and Ignorance In the beginning, Jose Arcadio was a beneficent and wise leader who disseminated the simple knowledge necessary for creation. His community prospers by following his agricultural instructions, and the trees he plants live forever. But then his mind is awakened to the world by the science brought by the Gypsies. His madness begins in the fact that there is so much to know and so many wonderful instruments to invent. In his fascination with mechanical objects he represents the hope of someday having machines do all the work”. Right there across the river there are all kinds of magical instruments while we keep on living like donkeys, “he proclaims to his wife. Ursula keeps working like an ant, while Jose Arcadio sits, depressed at their lack of instruments. When she stirs him, he goes so far as to teach his children the rudiments of reading and writing before he is lost again in searching for the mythical truth of the great inventions”. Knowledge can distinguish man from beast, but it is dangerous without the activity needed to keep human civilization going. The proper mix of knowledge and activity (represented by the vivacity of guests and the fight against the ants’ encroachment) is never struck. As the book nears its end and knowledge is ascendant, the lack of activity speeds decay and hastens death. Climax the Hungarian composer Bela Bartok fascinates Garcia Marquez, and so the author constructed his novel along this composer’s line. For example, he configured his climax so it would land five-sevenths of the way through the

book-when the strikers are massacred-just as Bartok would have done in a musical composition. From this point on it is denouement and decay, until the waters come to wash the earth clean. Also, in similar ways to a musical composition, many characters have a motif or theme which accompanies their presence, such as Mauricio Babilonia's butterflies. Foreshadowing the novel opens with the suggestion that the Colonel Aureliano will, at some point, face the firing squad. This is a technique called foreshadowing and it is used throughout the book to emphasize the simultaneity and inevitability of events. The example of Colonel Aureliano's firing squad is also used as a memory motif. Another example of foreshadowing occurs when Fernanda says of Mauncio Babiloma, "You can see in his face that he's going to die", even though she has not yet discovered he is the one romancing her daughter, Meme. The guard Fernanda posts to catch a suspected "chicken thief" shoots and paralyzes him. Narration the detached, matter-of-fact narrative voice in the novel was drawn from his grandmother, according to Garcia Marquez: She did not change her expression at all when telling her stories and everyone was surprised. In previous attempts to write, I tried to tell the story without believing in it. I discovered that One Hundred Years of Solitude: Themes 7 what I had to do was believe in them myself and write them with the same expression with which my grandmother told them with a brick face. Knowing this, the function of the narrator becomes even more difficult to interpret, as one might want to argue that the novel is Ursula's story. The narrator seems to be the omniscient and omnipresent Melquiades, whose manuscript foretells the Buendia family history and cannot be read for one hundred years. The last Aureliano is finally able to decipher the story after he sees his son eaten by ants. Thus, the reader is deciphering a work translated into English from a decoded Spanish, translated from the Sanskrit with "even lines in the private cipher of the Emperor Augustus and the odd ones in a Lacedemonian military code". Burlarse de la Gente Critic Gordon Brotherston, in his *The Emergence of the Latin American Novel*, wondered whether the novel's conclusion "could be just a sophisticated example of the ability to use literature to make fun of people (burlarse de la gente) which [the last] Aureliano had discovered on meeting [Gabriel] Marquez and other friends in *The Golden Boy*". The novel does make fun of people, especially politicians and writers. It satirizes the chaos of Latin American history, as well as the gullibility of people so easily taken-in by circus freaks and politicians. Mostly, it makes fun of the reader, who in the act of reading realizes that he or she is a Buendia, who is reading the parchments of Melquiades and ignoring the child being eaten on the floor. Hyperbole

Hyperbole is a technique of exaggeration that is not intended for literal interpretation. The best example of hyperbole comes in the description of Jose Arcadio, Ursula's eldest son. Rather than say he becomes a grown man, Jose Arcadio is given all the conceivable gargantuan attributes. "His square shoulders barely fitted through the doorways". He has a "bison neck", the "mane of a mule", and he has jaws of iron. He eats whole animals in one sitting. His presence "gave the quaking impression of a seismic tremor" [5].

Magic Realism A term first used by Alejo Carpentier, magic or magical realism is a uniquely Latin American style of writing which does not differentiate fact from illusion or myth from truth. With its ghosts, magical gypsies, raining flowers, voracious ants, and impossible feats, *One Hundred Years of Solitude* is a seminal example of magic realism. Garcia Marquez has explained that this type of writing is a natural result of being from a people with a vibrant ancestry. In an interview for *Playboy*, he said: Clearly, the Latin American environment is marvelous. Particularly the Caribbean. To grow up in such an environment is to have fantastic resources for poetry. Also, in the Caribbean, we are capable of believing anything, because we have the influences of [Indian, pirate, African, and European] cultures, mixed in with Catholicism and our own local beliefs. I think that gives us an open-mindedness to look beyond apparent reality. Motif Motifs are recurring images or themes and are used throughout the novel to close the gaps of the narrative. Seemingly unrelated episodes become connected through the use of these recurring motifs. In addition, motif reinforces the circularity of the novel. As the story is spun, each motif is seen again and again, but in different combinations. One example might be the unusual plagues of insects that appear throughout the novel, from the scorpions in Meme's bathtub to the butterflies that follow Mauricio Babilonia, to the ants which continually infest the house. Men in black robes pass through like a march of death whenever they are needed to justify the actions of the government. Numbers recur-there are twenty-one original founders and twenty-one original revolutionary soldiers. The motif that accentuates the futility of human activity reaches a crescendo in the solitude of Colonel Aureliano, who makes fishes, sells them, and with the money he earns he makes more fishes. Locked *One Hundred Years of Solitude*: Themes 8 in this circle, Colonel Aureliano seals himself in the workroom, coming out only to urinate. Bodily functions (e.g., drunkenness usually ends up in vomit and tears) are also a motif. Arnaranta enters this cycle with sewing, for her theme song is that of the weaver, the spider. She sews and un-sews buttons. She, like the mythic Penelope, buys time by weaving and unweaving her

shroud. Memories are an essential motif, recurring at their barest every time we hear about Colonel Aureliano facing the firing squad. Ursula embodies memories and as they fade, so does she. Jose Arcadio Buendia reads and rereads the parchments. All the while time is passing or not passing, it is always a Monday in March inside the room of Melquiades' manuscript. All of the motifs are games of solitude used by the characters to pass the one hundred years.

REFERENCES

- [1] Márquez, García of G. Solitude of Latin America (Nobel Lecture) / G.G. Márquez; the lane with N. Lebedeva. In: García Márquez G. Dead foliage: Stories, stories. SPb.: Symposium, 2008. 501-506 p.
- [2] Albedil M. F. In a magic circle of myths. SPb.:Parity, 2008. 336 p.
- [3] Buendia Makondo and world (discussion of the novel of G. García Márquez One Hundred Years of Solitude). *Latin America*, 2011, No. 3, P.100-116.
- [4] Kuteyshchikova V. N. New Latin American novel: 50-70 years. M.,1983. 424 p.
- [5] Pressures Yu. Gabriel Garcia Márquez. Way to glory. SPb.: Alphabet-classics, 2009. 52 p.

Г.Г. МАРКЕСТІҢ “ЖҮЗ ЖЫЛДЫҚ ЖАЛҒЫЗДЫҚ” РОМАНЫНДАҒЫ ИНТЕРТЕКСТ ЭЛЕМЕНТТЕРІ

Орымбаева А.А.,

Шетел филологиясы, Абылай хан атындағы ҚазХҚЖӘТУ,
Алматы, Қазақстан, aikon_3.91@mail.ru

Ключевые слова: интертекст, миф, неомифологизм, магиялық реализм.

Аңдатпа. Бұл мақалада дамыған елдердің кембағал адамдарға әлеуметтік көмек көрсету сұрағына және азаматтардың оқшаулануы шеңберінде интертекст белгілері арқылы, негізгі жалғыздық мәселесін ашу туралы айтылады. Онда жалғыздықтың құрылымының жүйесімен халықты әлеуметтік мәселеден қорғау қалпы қарастырылады.

ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕРТЕКСТА В РОМАНЕ Г.Г. МАРКЕСА “СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА”

Орымбаева А.А.,

Магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Қазақстан, aikon_3.91@mail.ru

Ключевые слова: интертекст, миф, неомифологизм, магический реализм.

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам латиноамериканской литературы, в частности Колумбии, где жил и работал Габриель Гарсиа Маркес. В статье проводится анализ произведения Г.Г. Маркеса “Сто лет одиночества”, в котором одним из главных человеческих проблем является одиночество, влияющее на окружающий нас мир и родных людей.

Статья поступила 17.03 2016

LINGVO-COGNITIVE FEATURES OF DIDACTIC DISCOURSE

Parmenkyzy A.,

MA student, Ablai Khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, ms.azhara1994@mail.ru

Keywords: discourse, didactic discourse, linguistic and cognitive characteristics, methods of teaching, communication, didactic text, verbal action.

Abstract. This article considered a categorical and conceptual point of view of a didactic discourse. The didactic discourse is not yet fully examined discourse. Leads to success special structural and semantic organization of a didactic discourse. It will be considered to improve understanding of the text between students and teachers, based on modern didactic texts. This article intended for the contribution of learning the theory of didactic discourse for audiences with kazakh language learning.

ОӘЖ81.3

ДИДАКТИКАЛЫҚ ДИСКУРСТЫҢ ЛИНГВОКОГНИТИВТІ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Парменқызы А.,

магистрант, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан, ms.azhara1994@mail.ru

Тірек сөздер: дискурс, дидактикалық дискурс, лингво-когнитивті ерекшеліктер, оқыту әдістемесі, хабарлаушы, дидактикалық мәтін, вербалды әрекет.

Аңдатпа. Бұл мақалада дидактикалық дискурс категориялық және ұғымдық тұрғыдан қарастырылады. Дидактикалық дискурс әлі күнге дейін толық зерттелмеген дискурстың бір түрі болып табылады. Дидактикалық дискурстың ерекше структуралық және мағыналық ұйымдастырылуы арқасында табысқа әкеледі. Қазақ тілінде оқытылатын мектептер(аудиториялар) үшін дидактикалық дискурстың зерттеу теориясында үлесін қосуға арналған. Берілген мақаланың мақсаты дискурс және дидактикалық дискурс ұғымдарының толықтай мағынасын ашып көрсету. Дидактикалық дискурстардың қазіргі заманда даму үрдістерін айқындау және оқушылардың шетел тілдерін меңгеруде біліктіліктерін тереңдету. Мақалада келесі шарттар орындалады: 1) дидактикалық дискурсты категориялық және ұғымдық тұрғыдан анықтау; 2) дидактикалық дискурсты лингвокогнитивті талдау арқылы ерекшеліктерін анықтау; 3) дидактикалық дискурстың зерттеу әдістерін, тәсілдерін және концепцияларын анықтау; 4) мектепте қолданылатын дидактикалық дискурстарға талдау жасау.

Білім берудің кез келген жүйесі ғылыми теория және қолданбалы дидактика тарапынан алғанда “оқыту әдістемесіне” сүйенеді, ол дәстүрлі ұғымда төмендегідей сипатқа ие болады: 1) “оқытудың жүйесін, әдіс-тәсілдерін, құралын, заңдылықтары мен мақсаттары мен мазмұнын зерттейтін ғылым ретінде; 2) белгілі бір оқу пәні

заңдылықтарын зерттейтін педагогика ғылымының саласы ретінде; 3) кез келген ғылымға тән өз жеке заңдылықтары мен зерттеу әдістері бар өз бетінше педагогика ғылымы, атап айтар болса теориялық базасы, зерттеу болжамдарының дұрыстығын тексеруге мүмкіндік беретін тәжірбиелік алаң-қайлары, сондай-ақ оқу жағдаятында меңгеру нысаны болып табылатын шетел тілінің мәнін анықтайтын зерттеу нысандары бар; 4) әдістеменің екі жүйе тоғысында көрініс табатын барлық пәндік нысандық саласын қорытындылайтын шетел тілін оқыту жүйесі ретінде; 5) шетел тіліндегі сөз әрекетінің түрлерін меңгеруге бағытталған оқытушы мен студент әрекетінің негізін қалайтын шетел тілін оқыту және меңгеру ғылымы ретінде; 6) шетел тілін оқыту үрдісінің заңдылықтары мен ерекшеліктерін зерттейтін ғылым ретінде; шетел тіліндегі ақпарат көздері негізінде оқыту әдісі, құралы, мақсаттары мен мазмұнын зерттейтін ғылым ретінде; 7) “оқыту мақсаттары мен мазмұнын” ғылыми тұрғыдан негіздеу – зерттеу пәні болып табылатын, сондай-ақ қойылған мақсаттарға сәйкес, оқыту мазмұны мен шартын ескере отырып оқытудың тиімді әдіс-тәсілдерін ғылыми тұрғыдан жасайтын теориялық және қолданбалы ғылым ретінде [1].

Дидактикалық дискурс ұғымына тоқталмай тұрып дикурс дегеніміз не деген сұраққа жауап берейік. Дискурс ұғымы ХХ ғасырдың 70-жылдарынан бастап философияда кеңінен қолданыла бастады. Тұңғыш болып “дискурс” ұғымын Ю. Хабермас өзінің “Коммуникативтік компетенция теориясына дайындық” атты еңбегінде қолданған болатын. Содан бері бұл термин батыстық философияда кең қолданылып жүр. Хабермас “дискурске” мына төмендегідей белгілер тиесілі деп қарастырады – қарым-қатынасқа, сұхбатқа имманентті (іштей тиесілі), сол кезеңнің қоғамдық өмірінде қалыптасқан нормалар, ережелер және негізгі құндылықтар жинағынан тұратын идеологиялық тіл. Ондағы идеология деп отырғанымыз жалпы белгілер жүйесі деген мағынада қолданылып отыр. Қазіргі ғалымдардың дискурс туралы пікірлері біржақты емес. Біреулер оны “сөйлесу”, “сөйлесім” десе, екіншілер диалогты дискурс деп атайды. Үшінші біреулер дискурс деп – “мәтінді, оның ауызекі сөйлеу тіліндегі қалпын” атаса, төртіншілер “мән-мағынасы, ұғымы жағынан бір-бірімен логикалық және синтаксистік байланыста тұрған бірнеше сөйлемдерден құралған мәтінді” дискурс деп атайды. Біздің ойымызша, осы соңғы пікір шындыққа жақын келеді. Есте болатын нәрсе: дискурс – ауқымы кең, күрделі құрылым. Оған прагматикалық,

когнитивтік, этнолингвистикалық, мәдениеттанымдық, әлеуметтік, менталдық, психологиялық, семантикалық сипаттар тән. Бұлар әлгі диалог-мәтінді маңызды, мәнді, әрі түсінікті етуге септігін тигізеді. Дискурстың мәні мен мазмұнына терең бойламас бұрын, оның зерттелуіне тоқтала кеткен жөн. Дискурс талдау теориясына қатысты жарияланған шетелдік зерттеушілер еңбектері (Т.Гивон, А.Е.Кибрик, Т.А.ван Дейк, Н.Хомский, Л.С.Выготский, Т.В.Ахутина т.б.) және қазақ тіл білімінде дискурса қатысты пікір білдірген Н.Уәли, Д.Әлкебаева, Г.Бүркітбаева, Ж.М.Кеншінбаева т.б. зерттеулері бар. Тұтас алғанда дискурс мәселесі қазақ тіл білімі үшін жас, әлі толық қалыптаса қоймаған, лингвистиканың пәнаралық сипаттағы саласы. Профессор Н.Уәли: “фреймі “автор”, “сөз актісі” – “адресат” және сөз жағдаяты (сөздің қандай ситуацияда айтылғаны) деген құрылымдардан тұратын коммуникативтік “уақиға”, – деп түсіндіреді Ж.Кеншінбаева: “Дискурс – қолданыстағы мәтін, яғни сөйлеу тілінің нақтылы коммуникативтік қарым-қатынас орнатудағы қызметі”, – десе, Г.Г. Бүркітбаева, дискурс дегеніміз – мәтін мен интеракцияға қатысушылар жөне коммуникативтік жағдаят қосындысы” деп айтқан [3].

Тіл білімі дамуының кейінгі кезеңінде дискурс теориясына байланысты арнайы зерттеулер өріс алып, дискурс пен мәтінді ажырата көрсетуге ұмтылған еңбектер жариялануда. М.Ю. Олешковтың зерттеулері бойынша мәтін дегеніміз дискурсиялық үрдістің нәтижесі және ойды жолдаушының(адресат) материалдық іске асуы. Бұл дискурстық (коммуникативтік) жағдайдың бірегей нәтижесі болып табылады. Осылайша, мәтін автордың ауызша нысаны [4].

Дискурстың түрлеріне келіп тоқталатын болсақ: әскери дискурс, газеттік дискурс, іскери дискурс, дидактикалық дискурс, балалық дискурс, өнертану дискурсы, магиялық дискурс, масс-медиа дискурсы, ғылыми (академиялық) дискурс, парфюмерлік дискурс, педагогикалық дискурс, поэтикалық дискурс, публицистикалық дискурс, жарнамалық дискурс, спорттық дискурс, техникалық дискурс, террористік дискурс, феминистік дискурс, көркем дискурс, экономикалық дискурс, электрондық дискурс, этикалық дискурс, заңи дискурс, діни дискурс, жастар дискурсы және т.б. Осы аталған дискурс түрлерінің ішіндегі дидактикалық дискурс әлі күнге дейін толық зерттелмеген дискурстың бір түрі болып табылады [5].

Дидактикалық дискурс сөзінің мағынасын түсіну үшін алдымен, дидактика сөзінің мағынасын қарастырайық. Дидактика – педагогиканың маңызды саласы. Дидактика (didaktikas – оқытушы, didasko – оқушы)

ұғымы грек тілінен алынған, оқыту немесе үйрету деген сөз. Яғни, балаларды және үлкендерді оқытудың міндеттері мен мазмұнын ашатын, білімді, іскерлікті және дағдыны меңгеру үрдісін сипаттайтын, оқытуды ұйымдастыру принциптері, әдістерін және формаларын сипаттайтын, оқыту мен білім беру мәселелерін жасайтын педагогиканың құрамдас бөлігі. Бұл ұғымды ғылыми айналымға алғаш енгізген неміс педагогы Вольфганг Ратке (1571-1635). Сол мағынада бұл ұғымды чех педагогы Я.А. Коменский пайдаланып, 1657 жылы өзінің “Ұлы дидактика” еңбегін жарыққа шығарды. Оның ойы бойынша, дидактика “нені оқыту” және “қалай оқыту керек” деген сұрақтарға жауап береді. Заманауи ғалымдардың зерттейтін сұрақтары: кімді, қашан, қайда, неге оқыту. Қазіргі түсінік бойынша, дидактика – білім беру мен оқыту мәселелерін зерттейтін ғылым саласы. Ол оқыту теориясы деп те аталады. Дидактиканың зерттеу пәні – оқыту мен оқудың себептері, барысы, нәтижелері. Зерттеу пәні аясына байланысты жалпы және жеке дидактикалар айқындалады. Жалпы дидактика оқытудың жалпы заңдылықтарын, принциптерін қарастырады. Жеке дидактика жеке оқу пәнінің мазмұнын, барысын, түрі мен әдістерін зерттеуіне қарап оқыту әдістемесі деп аталады. Осы сипаттауларға тоқтала келе дидактикалық дискурста анықтама берейік: Зерттелінетін үрдістер мектеп қабырғасының сабақтарында болғандықтан және сөйлесушілердің жалпы нысанында (макроинтенция) дидактикалық бағдар болғандықтан мұндай дискурсты “дидактикалық” деп атаймыз [6].

Қазіргі заманда дидактикалық дискурс-анализі арқылы оқушылардың шетел тілдерін меңгеруде біліктіліктерін тереңдету маңызы зор. Дидактикалық дискурстардың қазіргі заманда даму үрдістерін айқындау және оқушылардың шетел тілдерін меңгеруде біліктіліктерін тереңдету қажет. Дидактикалық дискурстың мақсаты “жаңа қоғам мүшесін әлеуметтендіру” болғандықтан хабарлаушы (адресант) ұстаз бұл “жоспарланған әсердің” (планируемое воздействие) мақсатты параметрі, демек бұл, хабаршы мен хабар алушы арасында ерекшеліктерімен анықталынған саналы іс. Сол уақытта, дидактикалық сөйлеу жағдайы ой елігінен өткізілмеген (спонтанная) де болуы мүмкін [7].

Бүгінгі дидактикалардың еңбектерінде түрлі әдістердің болуына қарамастан, “тілдік білім беру” ғылыми сала нысаны ретінде анықталып, өз сипаттамасына ие болған жоқ. “Тілдік білім берудің” бір саласы ретінде оның құрамына енетін “шеттілділік білім беру” статусында да айқындық болмады.

“Шеттілділік білім беру” алға қарай дамуға бағытталған өз бетінше орнын табуға тиіс болды. Оның алғышарты ретінде қарым-қатынасты іздестірукалыптасқан жағдаяттан шығудың жолы болды [1].

Балалар көбінесе ағылшын тілін қиын пән деп ойлайды. Сабақты бірыңғай әдістермен жүргізе беру оқушыларды жалықтырып жіберуі мүмкін. Сондықтан дидактикалық ойындар, логикалық ойынтапсырмалар оқушылардың білімді толық игеруіне көмектеседі. Дидактикалық тапсырма түрлерін сабақтың әр кезеңінде орны мен мақсатын анықтап, қолдану теориясы мен практикасын мұғалім алдын ала дайындап отыруы тиіс. Дидактикалық тапсырмалар сабақтың тақырыбы мен мазмұнына сәйкес алынса, оның танымдық, тәрбиелілік маңызы да арта түседі. Қабілеттілік, дарындылық, логикалық икемділік дегеніміз дамудың нәтижесі болғандықтан, оның туа бітуі мүмкін емес. Оқушының қабілеті педагогтардың ықпалының аясында шыңдалады. Ал логика дегеніміз спортшыға да, бишіге де, жазушыға да керек қой. Өз ойыңды, сезіміңді логикалық тұрғыда дұрыс жеткізе білу – үлкен өнер. Сол себептен, ұстаз оқушымен өзара байланыс жасау барысында өз логикасына сүйене келе дидактикалық мәтінді “құрастыру” кезінде дәйектілікпен бір пропозициядан екінші пропозицияға “қозғалыс” жасауы тиіс. Жаңа білім (мәтін) қабылдау барысында оңтайлы жағдайларды қамтамасыз етуі ықтимал. Сабақ үстінде болатын коммуникативтік өзара әрекет білім, икемділік, ептілік және дағды деген дидактикалық бірліктермен байланысты. Икемділік, ептілік және дағды репродуктивті қызметінің процесінде қалыптасады, ал білім вербалды (және вербалды емес) әрекет кезінде қалыптасады деп атап өткен жөн [8].

Оқушылардың ағылшын тілі пәніне деген қызығушылығын оятуда шығармашылық тапсырмалар, дидактикалық тапсырмалар мен ойындар, танымдық жаттығулардың алатын орны ерекше екені белгілі. Себебі бұндай тапсырмаларды орындау барысында оқушылардың дербес ойлануына, тұжырым жасауына мүмкіндік беретін өз білімін тексеру және өзара жарысу элементтері бар. Оқушылардың шығармашылық ойларын дамытып әртүрлі сөзжұмбақтар шешу, дидактикалық тапсырмалар орындау барысында оқушылар өздігінен жұмыс істеуге дағдыланады. Сонымен қатар бүгінгі таңдағы өзекті мәселе ақпараттандыру болса, біз де соған бейімделе отырып компьютерді тиімді пайдалана білдік. Компьютерде “Дидактикалық материалдар” папкасын құрдық. Оқушылар сабақтан тыс уақытта папканы ашып, қажетті сыныпты, тақырыпты таңдап, тапсырманы орындай алады.

Мұғалім қажет уақытта оқушының жұмысын бағалай алады. Бұл сабақ уақытын үнемдеп, тиімді пайдалануға ыңғайлы. Сондай-ақ мұндай дидактикалық материалдарды кез келген технологияда жұмыс істейтін мұғалім пайдалана алады. Сонымен оқушылардың теориялық білімдерін тереңдетуде, тілін ширатуда, сөздік қорын молайтуда, жаңа сөздердің сырын ұғуға икемдеуде осы дидактикалық материалдардың маңызы зор [9].

ӘДЕБИЕТ

- [1] Құнанбаева С.С. Қазіргі шеттілділік білім берудің теориясы мен практикасы. – Алматы, 2011.
- [2] Дискурс ұғымы. Режим доступа: URL <http://bankreferatov.kz/socialog/824-diskurs-imi.html>. - (дата обращения 04.05.2016).
- [3] Буркитбаева Г.Г. Текст и дискурс. Типы дискурса. Учебное пособие. – Алматы, 2006.
- [4] Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. – Нижний Тагил, 2006.
- [5] Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
- [6] Карасик В.И. Лингвистика текста и анализ дискурса. – Архангельск-Волгоград: Перемена, 1994.
- [7] Леонтьева Т.В. Документная лингвистика. – М.: Флинта: Наука, 2014.
- [8] Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. – Воронеж: ВГТУ, 2000.
- [9] Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – М.: Генезис, 2008.

REFERENCES

- [1]Kunanbaeva S.S. Kazirgi shettildik bilim berudin teoriyasy men praktikasy. Almaty, 2011 [in Kaz.].
- [2] Diskurs ugumy. Rezhim dostupa URL <http://bankreferatov.kz/socialog/824-diskurs-imi.html>, data obrasheniya 14.05.2016 [in Kaz.].
- [3] Burkitbaeva G.G. Tekst i diskurs. Tipy diskursa. Uchebnoe posobie. Almaty, 2006 [in Russ].
- [4] Oleshkov M. Ju. Osnovy funcshionalnoy lingvistiki: diskursivnyi aspect. Nizhnyj Tagil, 2006 [in Russ].
- [5] Karasik V.I. Jazykovoy krug: lichnost ', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002 [in Russ].
- [6] Karasik V.I. Lingvistika teksta I analiz diskursa. Arhangel 'sk -Volgograd: Peremena, 1994 [in Russ].
- [7] Leont'eva T.V. Dokumentnaya lingvistika. M.: Flinta: Nauka, 2014 [in Russ].
- [8] Kashkin V.B. Vvedenie v teoriyu kommunikacii. Voronezh: VGTU, 2000 [in Russ].
- [9] Fillips L., Jorgensen M.V. Diskurs-analiz. Teoriya i metod. M.: Genesis, 2008.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИДАКТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Парменқызы А.,

магистрант КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан, ms.azhara1994@mail.ru

Ключевые слова: дискурс, дидактический дискурс, лингвистические и когнитивные характеристики, методы обучения, дидактический текст, речевое действие.

Аннотация. Данная статья рассматривает дидактический дискурс с категориальной и концептуальной точки зрения. Дидактический дискурс является еще не полностью исследованным дискурсом, который имеет особенную структурную и семантическую организацию. Рассматривается повышение уровня понимания текста между школьником и учителем, основываясь на современные дидактические тексты. Данная статья внесет вклад в теорию обучения дидактического дискурса для аудиторий с казахским языком обучения.

Статья поступила 22.03.2016 г.

UDC 81'373

THE PROCESS OF METAPHORIZATION IN SPEECH

Suleimenova A.B.,

MA student of Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, assiyasuleimenova@gmail.com

Keywords: metaphor, metaphORIZATION, language picture of the world, concept, conceptual metaphor theory, metaphoricity, speech, artistic device.

Abstract. The article draws attention to the role of metaphors in our everyday life and language. The author deals with the problem of metaphORIZATION of speech citing as an example the collocations in English, Russian and Kazakh. Metaphor plays an important role in our life. It is not just an artistic device, or trope, but a means of nomination. It actively participates in the formation of personal model of the world; it plays an important role in the integration of verbal and sensory-figurative systems of the person, and also it is an important element of categorization of the world, thinking and perception.

Every language is unique and has its own peculiarities. A person, who speaks a foreign language, uses a variety of lexical units, different grammatical and phonetic laws of the language. However, the speakers are often helpless in the simplest speech situations that require language behavior corresponding to a specific communication strategy. There is a paradox of speech communication: a person occasionally feels a complete inability for verbal interaction with other members of the same linguistic community. However, it is not connected with the unknowingness of the language but usually with the inability to properly use it, that is, the inability to “place yourself” in this or that speech situation.

The notion of metaphor has been studied by many domestic and foreign linguists. But until now in the linguistic understanding of metaphor there is still a controversy between the scientists. Through the efforts of modern linguists the linguistic notions and processes that determine the appearance and functioning of metaphor in speech were identified. They include: the basic meaning of the word, a common semantic element that is a result of the formation of semantic duality of metaphorical meaning, the lexical-semantic relations of words that are not logically corresponding to the real relations between objects and phenomena of the reality, a certain semantic type of word, and the grammatical categories of animacy.

The regulations mentioned above have already become traditional, classic elements in the theory of metaphor, for example, statements about the semantic duality of metaphors, the existence of common semantic components in the primary and figurative meanings, the unusual

metaphorical environment, and the definite semantic classes of words that can develop human imaginative meanings.

We have several definitions of metaphor. In the Collins English Dictionary, metaphor is “a figure of speech in which a word or phrase is applied to an object or action that it does not literally denote in order to imply a resemblance, for example, *he is a lion in battle*” [1]. In the Oxford Learner’s Dictionary, metaphor is “a word or phrase used to describe somebody/something else, in a way that is different from its normal use, in order to show that the two things have the same qualities and to make the description more powerful, for example, *she has a heart of stone*” [2]. But I prefer the definition of A. P. Chudinov who defines metaphor as the basic mental operation that combines two conceptual spheres and creates an opportunity to use the potency of structuring the source domain with a help of the new one [3, p. 7].

Metaphor as a linguistic phenomenon is found in the speech: both oral and written. The great importance of metaphor lies in the fact that it is used in the artistic works not only in literary ones but also in music and pictorial art. For instance, we have a guitar. Its sounds are very similar to the human cry. And that is what is used in rock music. As a result, the sounding of the guitar becomes a metaphor of the human voice. The gifted and talented people use metaphors more often than others. The precise and accurate comparison helps to compose songs and come up with jokes. Moreover, there is no author who would not use the metaphorical transference to describe the characters, the different phenomena and activities in the bright colors.

However, in recent decades, the metaphor has become increasingly regarded not as an artistic device, or trope, but as a means of nomination, as a verbalized way of thinking and a way of creating a language picture of the world. The speakers of antiquity believed that metaphor contributed to the emergence of new concepts, images or objects. Thus, the metaphor did not only fill the void in the unnamed objects (or forced out their original meaning) but also contributed to the development of language. We cannot imagine our life without the use of this means of language. Though, we often do not even notice their existence.

Since the middle of XX century metaphor has been studied as a way to create a language picture of the world that appear as a result of the cognitive manipulation of meanings already existing in the language with an aim to create new concepts, particularly for those spheres of the reflection of reality which are not given in the immediate sensations. It was the time when the conceptual metaphor theory was proposed. The founders of this theory are

G. Lakoff and M. Johnson. Their work “Metaphors We Live By” became the basis for the majority of researchers of the metaphor phenomenon. The main point of the cognitive metaphor theory is the position that the conceptual metaphor is the basic mental model, a universal instrument of thinking and cognition of the world in all spheres of activity, a fundamental language feature [4, p. 88]. According to George Lakoff, the metaphoricity is not a dignity or disadvantage of thinking; it’s just inevitability. By using metaphors it is better and easier to perceive some abstract concepts and extremely complicated situations. There is a wide and mostly unconscious metaphorical system which we use automatically and unconsciously in order to understand something complex and abstract [5, p.57-58]. It is conditioned by the fact that simple words would not convey that sense and meaning that can be transmitted by the metaphor. It is a reflection of the human perception of the world, not only external but also internal one. For instance, we can take the following examples that we usually use in our speech: in English, *the root of the problem, the mouth of a river, to waste time, a broken heart, heavy rain, strong tea, to run a program, the end of the road, dark times, heated discussion, a fiery temper*; in Russian, *океан слёз, море проблем, ключица, глазное яблоко, коленная чашечка* or in Kazakh, *мәселенің кілті, айнабұлақ, балбұлақ, байлық көзі* and etc.

The metaphor starts to be considered as “the global language feature, one of the ways of thinking about the world and cognition of the world” [6, p. 3]. Thus, metaphor has the central role in the understanding and structuring of the reality.

During the perception and comprehension of the world by human consciousness the significant role belongs not to the induction and deduction but to analogy. A person understands an unknown thing through something he knows; abstract phenomenon through something that is concrete. It means that there is the transference of knowledge from one informative sphere to another. Metaphor “corresponds to the human ability to find and create the similarity between very different individuals and object classes. This ability plays an important role in both practical and theoretical thinking” [7, p. 15]. From this perspective, the metaphor is a linguistic reflection of the extremely important analog processes, since the verbal existence of metaphors becomes possible only because there are metaphors in the human conceptual system.

The widespread use of metaphors in everyday speech is caused by the features of human mind and perception of the world. Friedrich Nietzsche believed that human cognition was metaphorical in nature, that it was

“arranged” according to the aesthetic principle, and its results, being the product of the artistic creativity, are unverifiable. Ernst Cassirer thought that mind could be both metaphorical (mythopoetic) and discursive-logical. The latter is focused on the search for the differences between the phenomena of reality and the object classes.

The metaphorical exploration of the world brings the diversity of phenomena in a single focus, to a point, because metaphor corresponds to the human ability to find and create the similarity between absolutely different things and events. Metaphor is a universal means of cognition and generalization of the world. We use metaphor to identify and explain the likeness, which is almost equal to the knowledge. Often in order to explain some complex things we just say what they look like.

For example, we say “an eyeball”. This is called the similarity based on the form. A forward part of stern is called “nose” in Russian; it is the similarity based on the location. We find the resemblance even in color. For instance, there are several examples in Russian: *у тебя сегодня шоколадный загар, ты бледный как поганка*. We say “the wing of airplane” because a bird has wings, and hear how our dog howled like the wind does. Through the prism of metaphor Aristotle perceived art as the reflection of life.

Over time, many metaphorical expressions, or rather their figurative meaning displace the primary meaning of the expressions. Foreexample: *жизнь на волоске, крылья мечты, закат жизни или рассвет молодости*.

Metaphors are an essential part of language: they are frequently used in speech. We use and create them unconsciously. A simple example is the word “run”. This verb has a basic meaning of “moving quickly” or “go with quick steps on alternate feet, never having both feet on the ground at the same time”. The *Oxford Learner’s Dictionary* then gives 34 other uses as a verb; 21 uses as a noun; about 50 uses in short phrases [2]. In English there are a lot of metaphorical expressions with the word “run”:

I ran my hands under the tap. (Cause water to flow over)

The wind blew from the north and the ship ran swiftly before the wind.
((Of a boat) sail straight and fast directly before the wind)

The fish is running in May and June. ((Of a migratory fish) go upriver from the sea in order to spawn.)

His face was running with sweat. (Be covered or streaming with (a liquid))

It was so hot that the butter ran. (Be covered or streaming with (a liquid))

The red dye ran when the socks were washed. ((Of dye or colour in

fabric or paper) dissolve and spread when the fabric or paper becomes wet)

Buses run into town every half hour. (make a regular journey on a particular route)

I'll run you home. (Take (someone) somewhere in a car)

Mary runs her own business. (Be in charge of; manage)

We decided to run a series of seminars. (Organize, implement, or carry out)

Everything's running according to plan. (Operate or proceed in a particular way)

He could no longer afford to run a car. (Own, maintain, and use (a vehicle))

In Russian, there are less metaphorical expressions than in English: *время бежит, дни бегут, вода бежит ручьями, кровь бежит из раны, по зеркалу побежали трещины, бежать от проблем, молоко убежало, бежать как на пожар, бежать как угорелый, бежать, куда глаза глядят, бежать сломя голову* and etc [8]. In Kazakh we have only several: *ойы он саққа жүгірді, зыр жүгіру, екі өкпесін қолына алып жүгіру* [9]. All of these collocations are metaphorical in nature, although we do not usually notice this.

Metaphor is pervasive in everyday life, not just in language but in thought and action. It actively participates in the formation of personal model of the world; it plays an important role in the integration of verbal and sensory-figurative systems of the person, and also it is an important element of categorization of the world, thinking and perception. Our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature. 70 percent of our speech consists of metaphors. Metaphor serves as one of the important ways for language to develop, including vocabulary [10, p. 8-28].

Language reflects the surrounding reality with the system of isomorphic means: through the human attitude towards the world, as well as, through the perception and description of this world. It is impossible to overestimate the role of metaphor in the creation of a language picture of the world. However, metaphor as the phenomenon of language creates not a fragment of a language picture of the world but it fills in its entire space. This can be explained by the fact that metaphor is a means of cognition of reality, a means of the organization of experience of interaction with the external world.

In the different pictures of the world there is always a triad: reality-consciousness (thinking) -language. The human's idea about the world and its objects dictates the choice of the language means of expression. Metaphor,

the sign of the language viability, arising in the process of language use in speech, proves the pragmatic importance of language units.

Metaphoricity allows us to understand the precise meaning of words, helps to show the directionality of occurring activities and events because metaphors are deeply rooted in our minds and they attach a certain structure to notions. Many complex, abstract notions are understood solely through metaphors. In the field of abstract entities, which the conceptual metaphor is associated with we can identify: the human sphere, i.e. denomination of emotions, thoughts, activities, peculiar to a person; the sphere of the phenomena and processes of social life; the phenomena and processes studied by science. For example, let's take the metaphors of love in English and Russian. The "Love is a War" metaphor [10, p. 49] is present in both English and Russian. In English we use such phrases as *he is slowly gaining ground with her, he overpowered her, and she fought for him*. In Russian the reare the following expressions: *у неё целый батальон поклонников, он известен своими частыми победами, он сломал её сопротивление* and etc [11, p. 5]. In Kazakh we have such expression as *олоның жүрегін жаулап алды*.

In the metaphorical conceptualization one and the same thinking space can be represented through one or more conceptual metaphors. For example, the soul can become like a person, plant, receptacle, house, mirror, musical instrument and it is not even a complete list of its conceptual metaphors. As a result there is the explication of the different sides of the knowable object that allows you to highlight the essential features and to recreate its holistic image.

In the theory of conceptual metaphor the question about the relationships between metaphor and culture is also very important. This problem has two aspects. Firstly, there is the issue of the coherence of metaphors with the cultural values. G. Lakoff and M. Johnson stated that "those values which really exist and are deeply rooted in culture are consistent with the metaphorical system." Moreover, the cultural values do not exist in isolation from each other; they should form a coherent system with the metaphorical notions in the world of which our life goes on [10, p. 405].

Secondly, there is the problem of universality of conceptual metaphors. G. Lakoff and M. Johnson have already mentioned that not all cultures distribute priorities in the orientation scale "up-down", there are cultures in which more significant role belongs to the notion of balance or location relative to the center. This allows the authors to conclude that the main orientational scales are common for all cultures, but the types of orientations

accepted for concrete concepts, the role of orientational principles, in terms of their priority, “vary from culture to culture” [10, p. 407]. Therefore, we can conclude that the basic conceptual metaphors are largely universal (e.g., the container metaphor), but metaphors of private character that are created on their basis may detect some specific features.

Thus, in the theory of conceptual metaphor there is the development of the regulation about the relations between metaphors and the worldview of a definite linguacultural community. The metaphorical strategies reflect the cultural traditions in the choice of means of comprehension of the abstract categories the existence of which is caused by a variety of extra-linguistic factors (territorial, climatic, social), typical for a particular language community. In other words, metaphor is an instrument of thinking and cognition of the world. It reflects the fundamental cultural values because it is based on the national-cultural worldview.

In the modern world metaphor influences the development of speech, language and surrounding culture in general. The emergence of new metaphors occurs under the influence of new knowledge and information sources. Frequently, at the initial determination step only a metaphor can help us to understand still properly unexplored human achievement.

Metaphor is an effective means of great persuasive power; it allows you to instantly grasp the essence of the phenomenon or idea. The modern metaphor theory sees in the metaphor an important mental operation as way of perception, categorization, conceptualization, evaluation and explanation of the world. A person with the help of metaphors thinks and perceives the world in which he lives.

In conclusion, we can say that metaphor is not just an artistic device that is used only by the authors, but it is a way of wording our inner thoughts and emotional state. It makes our speech more colorful, expressive and sometimes even more understandable. Metaphors are prevalent in our everyday lives. In our speech there is always a continuous metaphorization. Everyday language is filled with metaphors we may not always notice. They help us to express some complex and abstract things. People can or even must use metaphors because without them their speech becomes insipid and drab. However, they should not forget that it has to be realistic. Metaphor always should evoke some associations, not just be a beautiful set of words.

REFERENCES

- [1] Collins dictionary online. Rezhim dostupa; URL <http://www.collinsdictionary.com>, data obrasheniya 14.04.2016.

[2] Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 2015.

[3] Chudinov A. P. Teoriya metaforicheskogo modelirovaniya na sovremennom etape razvitiya. *Lingvistika: Byulleten Uralskogo lingvisticheskogo obshchestva*, 2000 [in Russ.].

[4] Ozherelyeva. A.B. Ideologemy kak metaforicheskiye kontsepty v politicheskom diskurse. *Nauchnyy zhurnal "Khabarshysy-Izvestiya" KazUMOиMYа imeni Abylay khana*. Seriya "Filologicheskiye nauki", 2015, N 1 (36) [in Russ.].

[5] Lakoff G. Metafora i voyna: Sistema metafor dlya opravdaniya voyny v Zalive. Ekaterinburg: Izd-vo Uralsk, 2006 [in Russ.].

[6] Balashova L.V. Metafora v diakhnorii. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. un-ta, 1998 [in Russ.].

[7] Arutyunova. N.D. Metafora. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar*. M., 1990 [in Russ.].

[8] Ozhegov. S.I. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka*. M.: Mir i Obrazovaniye, 2011 [in Russ.].

[9] Aryn. E. *Russko-kazakhskiy tolkovyy slovar*. Pavlodar: EKO, 2006 [on Russ.].

[10] Lakoff G., M. Johnson. *Metaphors We Live By*. London: The university of Chicago press, 2003.

[11] Popaditch I. *Metaphors of Love in English and Russian*. Mid Sweden University: English Linguistics, 2004.

СӨЙЛЕУДЕГІ МЕТАФОРИЗАЦИЯ РӨЛІ

Сулейменова А.Б.,

магистрант, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан, assiyasuleimenova@gmail.com

Тірек сөздер: метафора, метафоризация, әлемнің тілдік бейнесі, концепт, концептуалды метафора теориясы, сөйлеу, бейнелеу құрал.

Андатпа. Бұл мақала біздің күнделікті өміріміздегі және тіліміздегі метафора рөлін зерттеуге арналған. Автор, ағылшын, орыс, қазақ тіліндегі сөз тіркестерді мысалға келтіре отырып, сөйлеудегі метафоризация мәселесін қарастырады.

Метафора біздің өмірімізде маңызды орын алады. Бұл жай ғана бейнелеу емес, номинация болып табылады. Метафора әлемнің жеке тұлғасын қалыптастыруға белсенді қатысады. Ол адамның вербалды және сенсорлы-бейнелі жүйесін интеграциялауда маңызды рөл атқарады және әлемді категориялауда, ойлау және қабылдауда маңызды құрылым болып табылады.

ПРОЦЕСС МЕТАФОРИЗАЦИИ В РЕЧИ

Сулейменова А.Б.,

магистрант КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан, assiyasuleimenova@gmail.com

Ключевые слова: метафора, метафоризация, языковая картина мира, концепт, теория концептуальной метафоры, метафоричность, речь, художественный приём.

Аннотация. Статья посвящена изучению роли метафоры в нашей повседневной жизни и языке. Автор рассматривает проблемы метафоризации речи, приводя в качестве примера словосочетания на английском, русском и казахском языках.

Метафора играет важную роль в нашей жизни. Это не просто художественный приём, а средство номинации. Метафора активно участвует в формировании личностной модели мира. Она играет важную роль в интегрировании вербальных и сенсорно-образных систем человека, а также является важным элементом категоризации мира, мышления и восприятия.

Статья поступила 22.03.2016 г.

**EMOTIVE COMPONENT OF ITALIAN POLITICAL DISCOURSE
(ON THE BASIS OF SPEECH OF SILVIO BERLUSCONI)**

Tileukul Y.K.,

MA student of Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, yerkemaitleukul@gmail.com

Keywords: emotive lexical units; methodological classification; methodological criteria; Italian language; Simultaneous translation; political discourse; political metaphor

Abstract. The article describes the specific features of emotive vocabulary and language features studied the transmission of emotions at simultaneous translation from Italian into Russian. We also consider the degree of substitutability for the two common means of emotive language in the simultaneous translation from Italian into Russian. Analysis of emotive expressions category is based on the performances of the Italian politician Silvio Berlusconi.

УДК 811.161.1

**ЭМОТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ СИЛЬВИО БЕРЛУСКОНИ)**

Тилеукул Е.К.,

магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, yerkemaitleukul@gmail.com

Ключевые слова: эмотивная лексика, итальянский язык, синхронный перевод, политический дискурс, политическая метафора.

Аннотация. В статье раскрываются специфические черты эмотивной лексики и исследуются особенности языковой передачи эмоций при синхронном переводе с итальянского языка на русский. Также рассматривается степень взаимозаменяемости общих для двух языков средств эмотивности при синхронном переводе с итальянского языка на русский. Анализ выражения категории эмотивности идет на основе выступления итальянского политика Сильвио Берлускони. Также анализируются категории эмотивности, с целью адекватной передачи описаний и выражений эмоционального состояния при синхронном переводе современных итальянских политиков с итальянского языка на русский.

Политическая риторика занимает одно из самых важных мест в современном мире и имеет большое значение для устройства, управления, развития и функционирования отдельной страны. Политическое выступление направлено на оказание идеологического воздействия, на формирование определенного отношения к тем или иным реалиям политической жизни. Воздействие носит многоплановый характер и может быть рациональным и эмоциональным. Наиболее эффективным считается воздействие, сочетающее в себе элементы

рационального и эмоционального. Однако большую значимость для массовой аудитории приобретает эмоциональное выступление, способное “разжечь пламя” в душах слушателей, увлечь и повести за собой.

Основной целью политической речи является оказание воздействия на аудиторию, которое представляет собой изменение интенциональной сферы внутреннего мира человека за счет модификации отдельных фрагментов структуры его знаний или изменения его эмоционального состояния [1, с.3]. Речевое воздействие в политическом дискурсе имеет комплексный характер, поскольку в основе любого политического выступления лежит стремление оратора воздействовать не только на рассудочную, рациональную, но и на эмоциональную сферу слушателей. Эмоции преимущественно импульсивны, поэтому не требуют осмысления при восприятии. Эмоциональность в непосредственном дискурсе как динамической структуре диалогического взаимодействия может иметь лишь паралингвистические средства выражения (мимика, жесты), которые интерпретируются как особая знаковая система, отражающая эмоциональный сценарий и опирающаяся на конкретную коммуникативную ситуацию. Нельзя не согласиться с исследователями когнитивной структуры эмоций А. Ортоном, Дж. Клоуром и А. Коллинзом в том, что эмоции очень реальны и очень интенсивны, и все-таки они вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем непосредственно из самой действительности.

Основной функцией политических выступлений признана функция воздействия, реализуемая через языковые категории эмотивности. Следовательно, основными характеристиками политических речей являются эмотивность, связанная с выражением чувств, эмоций, оценок говорящего [2, с. 8]. Главным критерием отнесения анализируемых фрагментов к эмотивным выступает их соответствие определению, предлагаемому основателем российской школы эмотивности, В.И. Шаховским: “Эмотивный текст – высказывание устное/письменное в пределах одного и более предложений, эмоционально описывающее действительность или передающее наряду с фактуальной также и эмоциональную информацию (или только ее) с помощью минимум одного эмотивного средства, выражающего определенную эмоцию, более или менее адекватно осознаваемую всеми коммуникантами данной ситуации” [3, с. 20].

Эмотивные смыслы необыкновенно гибки, подвижно и вариативно отражаются в лексической семантике. Основанием единой модели

глобального описания всего множества эмотивной лексики может служить сема эмотивности, участвующая в манифестации эмоций в семантике слова. Статус семы не только определяется её позицией в семной структуре слова, но и сам определяет характер манифестации эмотивных смыслов слов. Эмоциональность пронизывает всю речевую деятельность человека и закрепляется в семантике слов в качестве определителей его различных эмоциональных состояний. Именно поэтому при исследовании языка текста помимо логико-предметной семантики, отражающей какое-либо понятие человеческого мышления, важно учитывать и эмотивную. В общем виде эмотивную семантику слова можно определить как опосредованное языком отношение человека к окружающему миру.

В системе языка эмотивность рассматривается как семантический компонент слова, в котором объективно существуют ее мельчайшие смыслы – эмотивные семы. Различают несколько семантических статусов эмотивности в слове: эмотивное значение, эмотивная коннотация, эмотивный потенциал. Эмотивная семантика может быть представлена в денотативном макрокомпоненте и составлять содержание семантики слова. Такая эмотивная семантика имеет статус значения.

Эмотивная лексика традиционно изучается с учетом таких категорий, как оценочность, экспрессивность, образность, причем связи ее с оценкой оказываются особенно тесными. Сопряжение эмоций и оценки не утрачивают актуальности. Эмоциональность и оценочность – категории, безусловно, взаимосвязанные, а относительно характера их связи существуют различные точки зрения.

В современной лингвистике все чаще рассматриваются эмотивные лексические единицы в контексте культуры. Одним из критериев, по которому отбирают эмотивные лексические единицы – лингвокультурологический. На его основе мы включаем в обучение только те эмотивные лексические единицы, которые несут в себе ярко выраженную лингвострановедческую информацию. Как ним относятся имена собственные (географические названия, имена, реалии страны изучаемого языка).

Среди многообразия средств, с помощью которых политические деятели могут выражать эмоции, можно выделить метафоры, фразеологизмы, идиомы, идеологемы, эвфемизмы, дисфемизмы и другие стилистические приемы, которыми довольно часто пользуются политики в своей речи с разной степенью успешности.

Метафора привлекает и удерживает внимание; насыщает текст выразительными образами, способными надолго сохраниться в памяти; оказывает воздействие на ассоциативное мышление, являясь одним из инструментов воздействия, а подчас и манипулирования сознанием и мыслительным процессом; служит эффективным средством выражения личной позиции автора; выступает в роли уплотнителя информации [4, с. 42].

Так, например, типичными приемами дискредитации своих оппонентов в речах бывшего премьер-министра Сильвио Берлускони является использование метафор, для описания политического и экономического положения страны. Используемая метафора “*mettere in ginocchio*” обозначает “ставить на колени”: “*I nostri ministri hanno già messo a punto le proposte per un vero rilancio della nostra economia, volto a fermare il bombardamento fiscale che ci sta mettendo in ginocchio*”.

“Наши министры уже разработали предложения для реального возрождения нашей экономики, направленной на прекращение бомбардировки налоговой ставки, что ставит на колени нашу экономику”.

Зачастую политикам необходимо уметь скрывать не только свои собственные эмоции, но и не показывать истинное положение вещей, вследствие чего они стремятся выставить что-либо в лучшем или худшем свете в зависимости от ситуации. Для этого они прибегают к помощи эвфемизмов или дисфемизмов. Явления эвфемизации и дисфемизации как часть становления и развития словарного состава обогащают язык и имеют слабую сигнификативную функцию. В социальной сфере эвфемизмы и дисфемизмы обладают качествами компенсации, тем самым восполняя эмоциональный дискомфорт говорящих.

Дисфемизмы предназначены для ухудшения денотата через гиперболизацию его отрицательного признака или замены положительной оценки на отрицательную. Они используются, чтобы сформировать восприятие объекта как подозрительного и нежелательного [5, с. 64]. В политическом дискурсе наблюдается стремление отказаться от эвфемистических замен, что связано с сужением поля искусственных запретов в современном обществе. Возможно, употребление дисфемизмов заполняет пространство, которое освободилось в речевой практике. Поэтому в настоящее время слова с негативной коннотацией становятся распространенным явлением.

Вот как, например, высказался итальянский премьер-министр Сильвио Берлускони об экономическом положении страны, употребив фразеологический оборот “essere una brutta bestia”, означающий “столкнуться с трудной ситуацией”, тем самым подчеркивая усугубленное положение: “Siamo in una crisi economica è una brutta bestia, in una depressione che minaccia il nostro benessere e futuro. Il peso dello stato, delle tasse, della spesa pubblica è eccessivo”.

“Мы столкнулись с трудной ситуацией, и находимся в состоянии экономического кризиса и депрессии, которая угрожает нашему процветанию и будущему. Вес государства, налогов, государственных расходов чрезмерен”.

Эвфемизмы же призваны “улучшить” объект речи, снять неприязнь к нему, скрыть правду о его отрицательных сторонах [5, с. 71]. Использование языка как мощного средства воздействия предполагает широкое использование политиками разнообразных средств, позволяющих достигать определенной неязыковой цели: создать положительный или отрицательный имидж политика, политической партии или некоей структуры, оправдать те или иные поступки и решения, привлечь на свою сторону электорат, дискредитировать деятельность оппонента и прочее. Политические эвфемизмы, наряду с политическими метафорами, эпитетами и другими лексическими средствами, являются одним из действенных способов камуфлирования действительности, а также манипулирования сознанием потенциального реципиента с целью создания выгодной для манипуляторов картины происходящих событий.

Ярким примером смягчения последствий ошибок своей политики и личной жизни может послужить высказывание председателя Совета министров Италии Сильвио Берлускони, давший объяснение своим бесконечным амурным приключениям словом “*appassionati*”, обозначающим “любитель, ценитель”: “Io amo la vita e le donne. Sono orgoglioso del mio stile di vita: io sono padrone di casa perfetto, possiamo dire unico, felice e allegro, e vieni a casa mia solo brave persone che si comportano decentemente... E’ meglio essere appassionati delle donne che essere gay”.

“Я люблю жизнь и женщин. Я горжусь моим стилем жизни: я очень гостеприимный хозяин, можно сказать неповторимый, веселый и жизнерадостный, и в мой дом приходят только хорошие люди, которые ведут себя прилично... В конце концов, любить красивых девушек лучше, чем быть геем”.

Эвфемистические наименования могут помочь говорящему убедить адресата навязать ему ту или иную точку зрения, скрыть нежелательные факты либо представить их в лучшем свете, приукрасить. В политических выступлениях с помощью этой функции осуществляется манипуляция аудиторией, заключающаяся в том, что политики стремятся как можно неопределеннее, расплывчатее изложить какую-либо информацию, представить ее с наиболее выгодной для говорящего позиции. Слушатели, таким образом, вводятся в заблуждение, они не могут осознать в полной мере смысл сказанного и, следовательно, легче поддаются манипулятивному воздействию.

Другим, не менее важным аспектом эмоционального воздействия являются тропеические и аранжировочные средства. Политические деятели, как правило, хорошо владеют стилистическими ресурсами языка. Среди тропов наиболее распространенными являются изобразительные средства, основанные на переносе значения – метафора и метонимия. В политическом дискурсе представлены ориентационные, онтологические, а также структурные когнитивные метафоры. В основе многих из них лежат привычные для носителей языка модели построения, что обусловлено учетом политиками фактора адресата. Присутствие метафоры в политических выступлениях становится привычным и даже незаметным для слушателей, в связи с чем, воздействующая сила метафоры значительно увеличивается. Особенностью метафоры в текстах политических выступлениях является ее полифункциональность. Эмотивная, экспрессивная и оценочная функции позволяют оратору в достаточно завуалированной форме выразить мнение, оценку, суждение. Все функции метафоры тесно взаимосвязаны и направлены на реализацию воздействующей (прагматической) функции. Однако, сейчас уже понятно, что описать все полностью невозможно, что ни одна метафора сама по себе не объясняет существа политического процесса, победы или поражения, использующего их политика. До недавнего времени подобным заблуждением грешили и российские технологи, но, судя по текстам, часть из них вполне поняла, что проблема переводов не в том, чтобы просто поменять систему образов и символов. Метафора не просто должна обладать объясняющим потенциалом для значительной части аудитории. Тогда все было бы просто: используй спортивные образы, популярные народные игры, футбол, бокс, как делали немецкие и продолжают делать итальянские политики, или называй

рабочее законодательство “рабством”, как это попытались сделать американские политики – и ты добьешься успеха.

В 1993 году Берлускони, как он сам говорил, используя футбольную лексику, “вышел на поле” – “Sono andato sul campo” в новой области – политике. Берлускони умел красиво и грамотно преподносить не только себя, но и свои выступления. В 1992 году была развернута кампания по борьбе с коррупцией – “Чистые руки” (Mani pulite).

26 января 1994 года была основана политическая партия Forza Italia (“Вперед, Италия”, или “Давай, Италия” – клич футбольных болельщиков). Аудитория должна быть готова к тому, чтобы увидеть за метафорой адекватное описание. И итальянцы увидели, поверили и избирали, причем не раз и не два. Иными словами, метафора может быть инструментом влияния, например сокрытия смысла произошедшего, но это совсем не простой инструмент и им совсем не просто пользоваться.

Посредством стилистического приема сравнения политические деятели сопоставляют явления и реалии политики с понятиями и предметами других сфер жизни. Сравнение в речах политиков часто указывает на эмоционально-оценочное отношение оратора к затрагиваемым аспектам. Знак оценки обусловлен денотатом или коннотатом лексемы, лежащей в основе выразительного средства. В сочетании с другими эмотивами и экспрессивами сравнение повышает экспрессивность как отдельной диктемы, так и всего политического выступления.

Древнегреческое слово обозначающее, не прямое, описательное обозначение объекта на основе выделения какого-либо его качества, признака, особенностей – перифразы, в политических речах служат средством наименования и одновременной эмоционально-экспрессивной характеристики явлений и реалий политики, что характерно именно для текстов данного функционального стиля и направлено на оказание эмоционального воздействия. Также, существует такое понятие как интеллектуализация перифраз известных лиц. Культурный уровень продуцента перифраз трудно скрыть. Интеллектуализованные и псевдоинтеллектуальные перифразы невозможно спутать: если для первых характерны ясность, простота и глубина, то вторые, напротив, отличаются длиннотами, замысловатыми выражениями, нескромно преувеличенной оценкой, а иногда и речевыми ошибками:

- il Gesù Cristo della politica!

- Воскресший Христос итальянской политики! – Сильвио Берлускони, предельно завышенная оценка, данная самому себе накануне победы на выборах.

Средства массовой информации окрестили Путина, Черномырдина, Берлускони тефлоновыми политиками. Они “исполняют роль” политиков, к которым “не пригорает” никакая критика. Так, журнал “Континент” пишет о Сильвио Берлускони: “В лице Сильвио Берлускони мы имеем дело с итальянским вариантом “тефлонового политика”. Если вспомнить все скандалы, в которых был замешан итальянский премьер за годы своего пребывания на посту главы правительства (и раньше), то представляется невероятным, как он умудрялся оставаться – нет, не у власти – на свободе”.

Необходимо отметить, что наиболее частые употребления лексических средств выражения положительных эмоций связаны с чувством единения и патриотизма, как например, видео обращение С. Берлускони в день, когда Сенат примет первое решение об одобрении его избрания сенатором, призванное вызвать у аудитории чувство сопричастности, доверия и единства.

“Care amiche, cari amici, vi parlo con la sincerità con cui si parla alle persone a cui si vuole bene. Ci si guarda negli occhi, ci si dice la verità e si cerca la strada migliore”.

“Дорогие друзья, я говорю с искренностью, с которой мы говорим с людьми, которых любим. Мы смотрим ему в глаза, мы говорим правду и ищем оптимальные пути решения”.

Речи, направленные к электорату непременно содержат воодушевляющие и вселяющие надежду фразеологизмы. Например, в своем обращении к народу перед выборами Берлускони использовал такие идиомы как:

Таблица 1 – Список распространенных фразеологизмов с русским эквивалентом

В итальянском языке	В русском языке
La fede e la determinazione	Вера и решимость
Gallina dalle uova d'oro	Золотая жила/курица, несущая золотые яйца
Prendere una gatta da pelare	Взять на себя трудности
La bellezza ha una verità tutta sua	У красоты своя правда
Anche il diavolo fu prima angelo	И дьявол был когда-то ангелом

Таким образом, в своих речах политические деятели, апеллируя к непосредственным человеческим чувствам, призывают людей почувствовать тревогу или гордость за свою страну и изменить общественную жизнь, что очень важно для политической борьбы. В этом смысле использование широкого спектра средств выражения эмоций является просто необходимым, поскольку эти средства делают речь политического деятеля более экспрессивной, аргументированной и интересной, что позволяет с большим успехом исполнять основную функцию политического дискурса – функцию убеждения. А такое эмоциональное воздействие политических выступлений осуществляется благодаря использованию политиками эмотивов и экспрессивов разных уровней языка. Однако главной характерной особенностью текстов политических выступлений является не просто наличие эмотивов и экспрессивов, а их высокая плотность в пределах одной диктемы. Как правило, в одной диктеме политического дискурса одновременно используются и эмотивно-экспрессивные возможности лексики, и целый ряд выразительных средств, взаимно влияющих друг на друга. В результате формируются и выходят на первый план эмотивная и импрессивная рубрики информации, выражающие эмоционально-оценочное отношение оратора и реализующие воздействие. Стилизация диктемы политического выступления получает высоко экспрессивный и эмотивный характер. Это позволяет политикам оказывать мощное эмоциональное воздействие, повелевать умами и сердцами своих слушателей

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Цыганова Е.Б., Хазина Р.Р. Средства выражения эмоций в публичных выступлениях англоязычных политических деятелей // Матер. V Междунар. студ. эл. науч. конф.: Студенческий научный форум. – М., 2007. – С.3.
- [2] Резникова Н. А. Аспекты эмоционального воздействия в политическом выступлении: автореф. дисс...канд.ф. н. - М., 2006.
- [3] Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. – М., 1983. – 20 с.
- [4] Анисимова А.А. Роль метафоры в структуре политического дискурса // III Международные Бодуэновские чтения. – Казань. 2006.
- [5] Водяха А.А. Эмоциональная рамка высказывания // Эмотивный код языка и его реализация. – Волгоград: Перемена, 2003. – 71 с.

REREFENCES

- [1] Tsyiganova E.B., Hazina R.R. Sredstva vyirazheniya emotsiy v publichnyih vyistupleniyah angloyazyichnyih politicheskikh deyateley. In: Mater.i V Mezhdunar. Stud. El. nauchnoy konf.: Studencheskiy nauchniy forum. M., 2007. S.3 [in Russ.].

[2] Reznikova N.A. Aspekty emotsionalnogo vozdeystviya v politicheskom vyistuplenii: avtoref. diss...kand.f. n., M., 2006 [in Russ.].

[3] Shahovskiy V.I. Emotivnyiy komponent znacheniya i metody ego opisaniya. M., 1983. 20 s. [in Russ.].

[4] Anisimova A.A. Rol metaforyi v strukture politicheskogo diskursa. In: III Mezhdunarodnyie Boduenovskie chteniya. Kazan, 2006 [in Russ.].

[5] Vodyaha A.A. Emotsionalnaya ramka vyiskazyivaniya. In: Emotivnyiy kod yazyika i ego realizatsiya. Volgograd: Peremena, 2003. 71 s. [in Russ.].

ИТАЛЬЯНДЫҚ САЯСИ ДИСКУРСТЫҢ ЭМОЦИЈАЛЫҚ КОМПОНЕНТІ (СИЛЬВИО БЕРЛУСКОНИДІҢ СӨЙЛЕГЕН СӨЗДЕРІНІҢ НЕГІЗІНДЕ)

Тілеукұл Е.Қ.,

магистрант, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан, yerkemaitleukul@gmail.com

Тірек сөздер: эмотивтік лексика, итальян тілі, ілеспе аударма, саяси дискурс, саяси метафора.

Андатпа. Мақалада итальян тілінен орыс тіліне ілеспе аударма барысында орын алатын эмотивтік лексиканың ерекшеліктері және эмоцияларды тіл арқылы жеткізудің ерекшеліктері сипатталады. Сонымен қатар итальян тілінен орыс тіліне ілеспе аударма кезінде екі тілге ортақ эмотивтік құралдардың өзара алмастырылуының дәрежесі қарастырылады. Эмоциялық білдірудің санаттағы талдауы итальяндық саясаткер Сильвио Берлусконидің сөйлеген сөздеріне негізделген.

Статья поступила 22.03.2016 г.

COMMUNICATIVE MODELS IN CHINESE BUSINESS DISCOURSE

Torekhanova S.B.,

MA student, Ablai khan KazUIRandWL
Almaty, Kazakhstan, karagulova@mail.ru

Keywords: discourse, discourse of business, negotiations, failure modes of expression, business communication .

Abstract. This article discusses some of the language and linguistic features of business communication representatives on the Chinese side. The purpose of the article - to isolate and characterize the basic communication model of Chinese business discourse. One of the manifestations of active dynamic processes occurring in the language in recent times is - to change the strategies of conducting communication, including business communication. Relevance of the topic due to the fact that China's economic success over the past 30 years have been obvious to the world community. In these circumstances, in order to become a full partner in China you need to know the specifics of the Chinese language business discourse, take into account the special approach to the Chinese business.

УДК 81.1

КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДЕЛИ КИТАЙСКОГО БИЗНЕС ДИСКУРСА

Тореханова С.Б.,

магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казакстан, karagulova@mail.ru

Ключевые слова: дискурс, деловой дискурс, переговоры, способы выражения отказа, бизнес коммуникация.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые языковые и лингвистические особенности ведения бизнес коммуникации представителями китайской стороны. Цель статьи – выделить и охарактеризовать основные коммуникативные модели китайского бизнес дискурса. Одним из проявлений активных динамических процессов, произошедших в языке за последнее время, является изменение стратегий ведения коммуникации, в том числе и бизнес коммуникации. Бизнесмены из многих стран мира, стремятся наладить доверительные деловые отношения с китайцами, следовательно, знание смысловых особенностей построения китайской бизнес-коммуникации позволяет избежать многих ошибок, предотвращает напряженность и недопонимание в отношениях между деловыми партнерами. Особое внимание уделяется анализу использования традиционных китайских коммуникационных моделей.

Дискурс является одной из актуальных проблем современной лингвистики. Трактовка данного понятия зависит от подхода к дискурсу теории и объекта исследования.

При изучении дискурса встает вопрос о его классификации: Российский учёный В.И.Карасик выделяет два особых типа дискурса:

персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный) дискурс. Последний представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений и выделяется на основании двух признаков: цели и участники общения. В рамках данной статьи рассматривается деловой дискурс. Ф.Барджиэлла Чиаппини определяет деловой дискурс – это то, как люди общаются, используя устную и письменную речь в коммерческих организациях.

Согласно российской лингвистической школе, деловой дискурс, как разновидность институционального дискурса представляет собой “специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг о друге, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума” [1].

Казахстанские лингвисты, изучающие бизнес дискурс в частности Г.Г. Буркитбаева дает определение делового дискурса: “... конкретное воплощение инвариантной модели дискурса в конкретной коммуникативной бизнес ситуации, создаваемой определенной группой людей, имеющих то или иное отношение к бизнесу. Конкретной реализацией деятельности этих людей в бизнес ситуации будут тексты, выраженные в форме различных жанров делового дискурса [2].

Таким образом, под деловым дискурсом мы понимаем целенаправленную статусно-ролевую речевую деятельность людей, общей характерной чертой которых являются деловые отношения.

Китайский подход к ведению бизнес переговоров осуществляется по различным критериям, таким как: интонация, цель коммуникации, доминанты коммуникации, основной источник информации, стратегии ведения бизнеса, особенности коммуникации и языковые средства. Отдельно выделяются основные языковые средства выражения прямых и косвенных речевых жанров с семантикой отказа.

Актуальность темы обусловлена тем, что экономические успехи Китая за последние 30 лет стали очевидны всему мировому сообществу. В этих условиях для того, чтобы стать полноправным партнёром Китая, необходимо знать особенности китаезычного бизнес дискурса, учитывать особый подход китайцев к ведению бизнеса. Это поможет избежать многих ошибок и предотвратить напряженность и недопонимание, которые могут угрожать деловым отношениям между с китайцами. Цель данной работы – проанализировать особенности построения китайского способа ведения бизнес-переговоров. Для этого необходимо решить следующие задачи: а) определить понятие бизнес дискурс б) описать лингвистические особенности построения

деловой коммуникации в Китае; в) проанализировать языковые способы выражения отказа в китайской бизнес-коммуникации – 语言的沟通：办法。分析（没有）建议是为了研究对语言的理解；

В последние годы наблюдается значительный интерес исследователей к разработке межкультурного аспекта дискурс-анализа.

Во главу угла при рассмотрении дискурса ставятся специфические характеристики вербального поведения коммуникантов, принадлежащих к разным лингвокультурным общностям. Соответственно, исследователи ведут речь о национальных дискурсах, в рамках которых выделяют бытовой, научный, педагогический, деловой, политический и другие виды дискурса.

В. В.Красных пишет что, под национальным дискурсом любой лингвокультуры можно понимать вербализованную речемыслительную деятельность, представляющую собой совокупность процесса и результата, обладающую как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами и осуществляемую на данном национальном языке [3]. При этом, как отмечает В.В. Красных, следует учитывать тот факт, что возможны пограничные случаи, когда общение осуществляется на каком-то определённом языке представителями разных лингвокультур. В этих случаях дискурс нельзя определить как мононациональный, так как даже при идеальной лингвистической форме выражения когнитивные аспекты, т.е. то, что стоит за лингвистической формой, будут весьма различны. Если подходить с известной долей строгости к сопоставлению когнитивных образов одних и тех же ситуаций у разных людей, то обнаруживается, что они никогда не совпадают. Что же касается типов дискурса, функционирующих в каждом национальном дискурсе, то вполне логично вслед за В. В. Красных предположить, что это не отдельные (в строгом смысле) типы дискурса, но лишь некоторые его модификации, определённым образом “адаптированные” в соответствии с той сферой, в которой они функционируют [3]. Такая трактовка позволяет определить деловой дискурс в его широком понимании как разновидность национального дискурса, характеризующуюся использованием национальных речевых ресурсов в преломлении к потребностям в общении людей, исполняющих социально детерминированные роли, обусловленные определёнными социальными и профессиональными интересами.

В.А. Варламов высказывает мысль о том, что “деловой язык существует как наднациональная универсалия, которая реализуется в виде конкретных национальных вариантов [4].

В моделировании ситуаций межкультурного делового общения задействованы как универсальные, так и культурно-специфические концепты. Примером “универсального” в деловом дискурсе могут служить концепты, отражающие определённые ценностные ориентиры. Так, к примеру, в дискурсе переговоров при всём различии культурных ориентиров участников переговорного процесса основой взаимопонимания является некий “набор” универсальных ценностей, которые вытекают из этикета, принятого в деловой среде – это стремление к сотрудничеству, уважение интересов партнеров, обязательность, позитивность, корректность, следование этикетным нормам. В лингвопрагматическом плане дискурс переговоров характеризуется, как отмечает Н.А. Баландина, наличием терминологической лексики и лексики с положительной коннотацией, преобладанием стереотипов, клишированных фраз, речевых штампов, обеспечивающих однозначную передачу информации, использованием различных средств выражения готовности брать на себя обязательства, решать проблемы и т.п. [5]. При наличии значительного числа “универсальных” характеристик, деловой дискурс каждой национальной лингвокультуры имеет чётко выраженную специфику, которая обусловлена тем, что каждый коммуникант строит своё речевое поведение в соответствии с содержанием своей индивидуальной когнитивной системы, сформированной на основе когнитивного пространства родной лингвокультуры. Ключевые культурные концепты, составляющие ядро любого национального когнитивного пространства, отражают ценностные ориентиры носителей данной лингвокультуры.

Статье посвящена ценностным ориентирам в китайском сообществе. Для начала определим понятие слова “переговоры” (谈判). Концепция, структура построения и ведения переговоров была привнесена в китайскую культуру из-за рубежа. Фактически в традиционном китайском языке отсутствует само слово “переговоры”. Термин 谈判 (tánpàn), который используется для этого, представляет собой западное понятие. Это сочетание двух иероглифов – 谈(tán) – “обсуждение” 讨论, 磋商, и 判(pàn) – “суждение” (讨论, 观点. Основная смысловая нагрузка при этом приходится на первый иероглиф 谈(tán) “обсуждение”. Во-первых, стоит отметить, что смысловое наполнение слова 谈判 (tánpàn) в китайском языке кардинально отличается от русского слова “переговоры”.

В Китае в понятии “переговоры” актуализируется компонент “толковать”, “разговаривать”, тогда как, в русском языке на первый

план выходят семы “деловая цель”, “обмен мнениями”, “соглашение”, “договор”. Переговоры – обмен мнениями с деловой целью для выяснения условий какого-нибудь соглашения.

Во-вторых, следует сказать, что смысловое наполнение слова “обсуждать”, 谈 (tán), в китайском языке также кардинально отличается от этого слова в русском. В русском контексте “обсуждать” имеет логический, оценочный смысл, а также сему “беседовать”. Обсудить – разобрать, оценить, высказывая свои соображения по поводу чего-н. или чьего-н. поведения, проступка. В китайском же “обсуждать” подразумевает скорее “вести продолжающийся диалог”.

Таким образом, если двое китайцев захотят провести переговоры, то они скажут: “Давай потолкуем”. По замечанию Минг-Чжер Чена, этнического китайца, долгое время прожившего на Западе и знакомого с особенностями обоих способов ведения коммуникации европейская деловая культура воспринимает коммуникацию лишь как обмен информацией, заканчивающейся после завершения сделки, тогда в Китае это неотъемлемая часть выстраивания деловых отношений. Кроме этого, хотелось бы заметить, что у китайцев существует особый подход к понятию “конкуренция”, выражающийся в том, что конкуренция и сотрудничество являются двумя сторонами одной медали, что для европейского бизнесмена просто несовместимо.

Таблица 1 – Особенности китайского подхода ведения деловой коммуникации

Критерии	Китайский подход 中方的意见(zhong fang de yi jian)
Интонация	Тихая
Цель	Пошаговый выйгрыш
Доминанты коммуникации	Опосредованная, сослагательная
Основной источник информации	Невербальные средства
Стратегии ведения бизнеса	Сохранение лица Неопределенность Гибкость и компромисс Терпение Социальный статус партнеров

Продолжение таблицы 1

Особенности коммуникации	Косвенная(косвенные высказывания) Интровертность, сдержанность Личностность Отсутствие физического контакта Жесты не указывают ни на что, мало используются
Языковые средства	Ясно (понятно) ли я выражаюсь?我表达的您明白吗 (wo biao shu de nin ming baima?) Не затруднит ли вас (не могли бы вы)сделать это позже? Что вы думаете об этом проекте? Должно быть что-то случилось с провайдером (сервером), я никак не могу получить ваше сообщение 直截了当的对话(zhi jie liao dang de dui hua) Это сделать для нас, возможно, будет немного затруднительно 用直接的方式拒绝对 Простите?

В доминантах коммуникации мы выделили для китайской стороны понятие опосредованной коммуникации. Что же такое опосредованная коммуникация для китайцев? Опосредованность китайской коммуникации заключается в том, что принцип защиты достоинства, лица и уважения социальных ролей вынуждает китайцев выбирать вводные конструкции неопределенной модальности “может быть”, “наверное”, “скорее всего” и т.д. Они предполагают, что в силу условий коммуникации собеседник верно проинтерпретирует основной смысл информации. При этом правдивость и откровенность коммуникации ничего не значат по сравнению с сохранением коммуникативного баланса. Поэтому очень часто можно услышать “да”, а наблюдать поступки, будто было произнесено “нет”.

Если говорить о грамматике китайского языка, то она, напротив, является более “непосредственной”, чем русская, поскольку в ней отсутствует грамматическая структура сослагательного наклонения. Иными словами, модальность, противоречащая фактам. Здесь нет форм типа “если бы Вы смогли снизить закупочную цену на 1 000 юаней, мы бы заключили контракт”. Следовательно, для того, чтобы коммуникация прошла без помех, следует избегать предложений с

условной модальностью, высказывание должно отражать реальное положение дел. Нужно просто в деталях рассказать, что необходимо делать: “Снизьте закупочную цену на 1 000 юаней, после этого мы заключим контракт”.

Особым является и отношение китайцев к способам выражения отказа. В уже упоминавшейся книге Минг-Джер Ченга в главе “Никогда не говори “нет”. Коммуникация с китайцами” приведена интересная притча: “В традиционном написании иероглифы располагаются на странице сверху вниз, в то время как в западной системе слова пишутся слева направо. Когда китайцы читают свои традиционные тексты, они кивают головой, как бы говоря: “Да-да”. Когда европейцы читают, они поводят головой, как бы говоря “Нет-нет”. “Согласно китайской традиции при ведении переговоров партнерам никогда нельзя говорить “нет”. Исторически китайцам всегда были присущи в большой степени выраженные ощущение самодостаточности и забота о сохранении лица. Китайская философия также вносит вклад в уникальность подхода к ведению бизнес коммуникации.

Китайская коммуникация привязана к конкретному контексту, высококонтекстна. “Да” или “нет” в ней имеют множество различных значений. Существует мнение, что китайцы никогда не говорят “нет”. Минг-Джер Ченг формулирует философский взгляд на способы сказать “нет”: “Было бы, конечно, преувеличением утверждение, что китайцы никогда не говорят “нет”, но это близко к истине. Для китайца сказать “нет” – значит пойти против течения, сплывающего других людей вокруг нас и укрепляющего социальную сеть, к которой они примыкают. Однако для людей с Запада идея никогда не говорить “нет” кажется чуждой. Их взгляд на мир начинается с права человека на самоутверждение – это обусловлено западной философией. Картезианская практика “радикального сомнения” предполагает отрицание всей Вселенной и принятие принципа достоверности, основанного на индивидуальном сознании. Французский философ Жан Поль Сартр (1905-1980) даже доказывал, что человеческое достоинство и человеческая свобода порождены способностью сказать “нет” [7].

Таким образом, сказать прямое “нет” для китайца – значит поплыть против течения. Если же они имплицитно, прямо откажут в просьбе, то партнер в их глазах потеряет лицо, сохранение которого весьма важно для китайской культуры. Но, с другой стороны, если человек не понимает, чего от него хотят или что у него просят, он должен будет сказать “нет”, а это ущемит интересы собеседника. Поэтому в ответ на

предложение чаще всего можно услышать “да”. Смыслы, содержащиеся в нем, диаметрально противоположны и могут содержать в себе как “нет”, так и “да”.

“Да” может быть косвенным отказом, эквивалентом “нет” – уклонением от прямого ответа, представленным как сигнал о получении информации (“я слышу вас”, “я понимаю вас” – 有可能意味着回避 (我听说你) 或 (我理解你). С другой стороны, это может быть эксплицитованным, полным согласием и синонимично китайскому выражению “даю слово” (我答应). 但该系列的另一端 (是) 这是相当于中国的 (我的话).

Итак, в настоящей работе нами было определено содержание понятия “переговоры”, рассмотрены его лингвистические и экстралингвистические особенности, а также проанализированы способы выражения отказа.

Учитывая особенности китайского способа ведения бизнес-переговоров, следует избегать так называемых “закрытых” вопросов, требующих однозначных ответов “да” / “нет”. В любом случае основой для соединения различных культур всегда является надежный способ – выстраивать и поддерживать настоящие длительные доверительные партнерские отношения. “Кстати, сегодня китайцы чаще всего пишут не сверху вниз, а слева направо” [7].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Карасик В.И. Структура институционального дискурса. – Волгоград, 2000.
- [2] Буркитбаева Г.Г. Деловой дискурс – онтология и жанры. – Алматы, 2005.
- [3] Красных В.В. Свой среди чужих”: миф или реальность. – М.: ГНОЗИС, 2003.
- [4] Варламов В.А. Морфолого-семантические явления при переводе английских финансовых лексем их однокоренными русскими эквивалентами // Университетское переводоведение: Третьи Федоровские чтения. СПб.: Изд-во филол. ф-та.–СПбГУ, 2002. С. 112-120.
- [5] Баландина Н.А. Дискурс переговоров в англоязычной деловой коммуникации: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Волгоград, 2004.
- [6] Минг Джер Ченг. Китайский бизнес изнутри. – М.: Эксмо, 2009.– 288 с.
- [7] Бычихина О.В. Высказывания со значением отказа: автореф. дисс. ...канд. ф. н. – Барнаул, 2004.

REFERENCES

- [1] Karasik I.V. Struktura institutionalnogo diskursa. Volgograd. 2000 [in: Russ.].
- [2] Burkitbayev G.G. Delovoi diskurs - ontologiya i ganry. Almaty, 2005 [in: Russ.].
- [3] Krasnyh V.V. Svoi sredi chujih. M.: Gnosis. 2003 [in: Russ.].
- [4] Varlamov V.A. Morfologo-semanticheskie yavleniya. In: Fyodorov's Readings. SPb.: Publishing House of Philology. St. Petersburg State University, 2002, P. 112-120 [in: Russ.].

[5] Balandina N.A. Discours peregovorov v angloyazychnoi kommunikacii: avtoref. diss...kand.f.n. Volgograd, 2004 [in: Russ.].

[6] Jer Ming Cheng. Kitayskii business iznutri. M.: Eksmo, 2009. 288 s. [in: Russ.].

[7] Bychihina O.V. Vyskazyvaniya so znacheniem otказа: avtoref.diss...kand.f.n. Barnaul, 2004 [in: Russ.].

ҚЫТАЙ ІСКЕРЛІК ДИСКУРСЫНЫҢ КОММУНИКАТИВТІК МОДЕЛЬДЕРІ

Тореханова С.Б.,

магистрант, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Тірек сөздер: дискурс, іскерлік дискурс білдіру тәсілдері, келіссөздер, бас тарту, бизнес қатысым.

Аңдатпа. Бұл мақала тіл мен қытай тарапының іскерлік қарым-қатынас өкілдерінің кейбір лингвистикалық ерекшеліктерін талқылайды. Мақаланың мақсаты Қытай іскерлік дискурсының негізгі коммуникативтік моделін окшаулау және сипаттау. Соңғы уақытта тілінде жатқан белсенді динамикалық үрдістері көріністерінің бірі, іскерлік қарым-қатынас, оның ішінде қарым-қатынас, жүргізу стратегиясын өзгерту болып табылады.

Статья поступила 15.03.2016 г.

**FEATURES OF SPANISH POLITICAL DISCOURSE
(ON THE BASE OF SPEECHES OF PEDRO SANCHEZ)**

Tsoy A.A.,

MA student, Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, Anastassiyatsoy2411@gmail.com

Keywords: political discourse, Spanish political discourse, definition, PSOE, Pedro Sanchez, synonym, metaphor structure, neologism

Abstract. The article deals with political discourse, it is understanding and interpretation of Spanish-speaking linguists. Characteristics and features identification of Spanish political discourse (the frequent use of repetition, the use of words with negative particles, the use of structural metaphors, the use of obligation structures, increase of speech expressiveness, organization of rhetorical questions, etc.) is carried out by us on public statements material of Spain statesman, the General Secretary of the SSWP (Spanish Socialist Workers Party) Pedro Sanchez.

УДК 811.1

**ОСОБЕННОСТИ ИСПАНОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПЕДРО САНЧЕСА)**

Цой А.А.,

магистрант КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан, Anastassiyatsoy2411@gmail.com

Ключевые слова: политический дискурс, испаноязычный политический дискурс, дефиниция, ИСПП, Педро Санчес, синонимы, структурная метафора, неологизмы.

Аннотация. В статье рассматривается политический дискурс, его понимание и интерпретация испаноязычными лингвистами. Выявление особенностей и характерных черт испаноязычного политического дискурса (использование повторов, использование слов с отрицательными частицами, использование структурных метафор, использование конструкций долженствования, повышение экспрессивности речи, постановка риторических вопросов и т.д.) проводится нами на материале публичных выступлений государственного деятеля Испании, генерального секретаря партии ИСПП (Испанская Социалистическая Рабочая Партия) Педро Санчеса.

Политическая деятельность играет важную роль в жизни общества. Место страны на международной арене зависит от ее отношений с другими государствами, от ее политической позиции, от участия в деятельности мировых сообществ и организаций. Ключевую роль в определении имиджа страны играет способ ее презентации политическими лидерами данного государства. Различить специфику политического дискурса занятие достаточно

сложное, потому что две его основные составляющие политика и идеология могут встречаться практически во всех типах дискурса. Исследованием политического дискурса занимаются многие отечественные лингвисты (Б.А.Ахатова, Г.Г.Буркитбаева, К.О.Есенова и др.). Например, Есенова К.О. в своей работе исследует современное определение понятия “дискурс” [1, с. 61]. Но до сих пор ученым не удалось найти точного и общепринятого определения понятия “дискурс” и “политический дискурс”.

Мексиканский лингвист С.Гутиеррез предлагает следующую дефиницию: “Политический дискурс – это политическая практика, которая важна для создания консенсуса, в целях аргументации” [2, с. 14].

Согласно профессору Национальной школы Антропологии и Истории Мексики Х.Хайдер, политический дискурс связан с институциональными аппаратами, которые имеют отношение к власти: государство, политические партии, политические деятели и другие [3, с. 7]. Данные определения относятся к структурной характеристике политического дискурса, не углубляясь в его содержательную функцию. Глубже политический дискурс определяет профессор Университета Кордовы Р.О. Луке: “Политический дискурс – это последовательность слов, созданная в политическом институте, обусловленная культурой страны и доведенная до общественности политическим деятелем” [4, с. 3].

Еще один испанский лингвист И.Л.Хименез определяет стандартные характерные черты политического дискурса следующим образом:

- это речь, не направленная на то, чтобы убедить противника, она направлена на привлечение сторонников;
- это стратегическая речь, используемая только в той области, где уже определены цели, средства и главные действующие лица;
- это аргументированная речь, представленная как набор тезисов, аргументаций и проб, предназначенная для схематизации и театрализации в определенном режиме, данная речь должна быть направлена на конкретную аудиторию, и содержать в себе информацию, касающуюся эту аудиторию [5, с. 207].

Аргентинский лингвист М.Фернандез Лагунилья утверждает, что политический дискурс – это набор стратегий оратора, который направлен к аудитории, с целью изменить суждение этой аудитории, относительно какой-либо ситуации или какого-либо объекта. По

ее словам, одной из, наиболее часто употребляемых политиками стратегий является распознавание элементов, которые составляют цель данного дискурса. Данное распознавание аргументированно там, где нейтрализуются различия между составными частями, и эти элементы становятся идентичными или взаимозаменяемыми. Среди приемов распознавания различают элементы, что стремятся к полному тождеству и элементы, стремящиеся к частичному тождеству [6, с. 25].

Исходя из приведенных выше дефиниций, можно сделать вывод, что политический дискурс определяется как одно из основных понятий политической лингвистики, представляющее собой некоторую разновидность дискурса и имеет своей целью привлечение и удержание политической власти. В испаноязычной лингвистической литературе политический дискурс рассматривается как многоаспектное и многоплановое явление, как взаимосвязь тождественных элементов, выстраивающих единое целое.

Политический дискурс любой страны зависит от политической и экономической ситуации данной страны, от ее истории религии и др., политический дискурс влияет на речь в целом и адаптируется к изменениям в обществе. Эти факторы влияют на создание, а в дальнейшем и использование соответствующего политического языка. Так, например понятия “левый”, которое вследствие установления военной диктатуры Франсиско Франко, несет в себе положительное значение, в то время как “правый” имеет строго отрицательный оттенок. Для сравнения, в контексте российской политики “левая партия” не является правящей, поэтому с положительной коннотацией употребляется понятие “партия правых”.

Еще один пример можно привести со значениями слов *pasión* (нация) *nacionalidad* (национальность). В Испании нацией считается только испанская, а все остальные народности – баски, галисийцы, каталонцы являются национальностями. Также понятие “*nacionalidad*” означает принадлежность к определенной нации по признаку гражданства.

Другой часто встречающийся прием в испаноязычном политическом дискурсе – использование повторов. Политики в Испании, в том числе и Педро Санчес, зачастую используют повторы, чтобы украсить свою речь. Используя синонимы, они тем самым придают своему выступлению необходимый оттенок.

Antes sólo sr. Rajoy manifestó por el terrorismo. El preguntó siempre sobre ETA y el terrorismo. Es fué unico lider que ha preguntado sobre la politica antiterrorista. ¿Y que yo veo ahora? Por los ultimos 4 años, nunca he oido sobre el terrorismo en la reunión nacional. Ahora, cuando el terrorismo desarrolla muy rápido en todo el mundo, no discutimos sobre el desarrollado y el perfeccionamiento de la politica antiterrorista.

Раньше г-н Рахой выступал исключительно против терроризма. Он всегда задавал вопросы о ETA и терроризме. Он был единственным лидером, кто ставил вопросы об антитеррористической политике. А что я вижу сейчас? За последние четыре года, я никогда не слышал о терроризме на Национальных Собраниях. Сейчас, когда терроризм развивается очень быстро во всем мире, мы не обсуждаем развитие и совершенствование антитеррористической политики.

Другим довольно частым явлением в испаноязычном политическом дискурсе является использование лексических единиц с отрицательной семантикой и слов с отрицательными частицами.

No dije nunca que la politica de Rajoy estaba todo el tiempo incorrecto. Dije que tenía muchas faltas. No puede superar dificultades sin la voluntad de luchar.

Я никогда не говорил, что политика Рахой всегда была неправильной. Я говорил, что в ней было много ошибок. Нельзя преодолеть трудности без готовности к борьбе.

Характерными чертами испаноязычного политического дискурса является широкое использование профессиональной политической терминологии; частое употребление книжных слов, клише.

Estoy partidario de la libertad, en todos los sentidos, que hay.

Я приверженец свободы, во всех ее проявлениях.

Nos podemos garantizar la estabilidad economica solamente a condición de que nos vamos a desarrollar el mercado interior.

Мы сможем гарантировать экономическую стабильность, только при условии, что мы будем развивать внутренний рынок.

Также в испанском политическом дискурсе часто фигурируют образные устойчивые фразы:

Nuestra tarea es hechar los cimientos para crear las condiciones para establecer la situación actual en España.

Наша задача: заложить фундамент, чтобы создать условия, для стабилизации нынешней ситуации в Испании.

Наиболее часто встречающиеся в дискурсе политические термины можно объединить в следующие группы:

Названия партий:

- Partido Popular (PP) – Народная Партия,
- Partido Comunista de España (PC) – Коммунистическая Партия Испании (КПИ),
- Partido Socialista Obrero Español (PSOE) – Испанская Социалистическая Рабочая Партия (ИСПП).

Названия союзов и сообществ:

- Европейский Союз (ЕС) – La Unió Europea (EU),
- La Organizaci6n de las Naciones Unidas (ONU) – Организация Объединенных Наций (ООН).

Названия политических чинов:

- El Presidente – Президент,
- El Presidente del Consejo de Ministros – Премьер-министр,
- El Secretario General – Генеральный Секретарь.

Названия политических комитетов:

- Consejo de Seguridad – Совет Безопасности,
- Congreso de los diputados – Конгресс депутатов

Актуальные мировые политические проблемы порождают свой собственный вокабуляр в политическом дискурсе. Испанский лингвист Х.де Сантьяго Куэрвос выделил главные темы политического дискурса в Испании и испаноязычных странах, породивший целый ряд неологизмов:

- Политическая реформа: consensual – единодушный, consensuar – прийти к консенсусу.

- Конституция: constitucionalidad, constitucionalismo, constitucio-
nalista

- Смена идеологии: chaquetear – перейти в другую партию, transfugismo – дезертирство.

- Автономные области: la legitimidad de las elecciones – легитим-
ность выборов, autodeterminaci6n – самоопределение, autonomista
– сторонник автономии, autoidentidad – самосознание;

- Безработица: marcolaboral – нормы труда, recortes – сокращения;

- Терроризм: hechoviolento – акт насилия, luchaarmada –
вооруженная борьба;

- Евросоюз: convergencia – конвергенция, renacionalizaci6n –
ренационализация, espacioeuropeo – европейское пространство,
eurocamara – европалата, eurogracia – еврократия.

- Внешняя политика: применить санкции – imponer los sanciones [7, с. 37-39].

Еще одной особенностью политического дискурса в Испании является постановка риторического вопроса. Это средство достаточно популярно в политическом дискурсе, т.к. во-первых создает образ глубокомыслящего политика, во-вторых монолог приобретает оттенок диалога.

Tenemos que buscar la solicitud hoy. Porque mañana nuestros hijos preguntaran a nos, porque no tengan bastantes recursos minerales y recursos humanos, para vivir normalmente. ¿Y que responderais vosotros? ¿Cuando tiempo vamos a usar irreflexivo dones de la naturaleza? ¿Qued e jamos alas proximas generaciones? Nada.

Мы должны искать решение уже сейчас. Потому что завтра наши дети спросят у нас, почему им не хватает природных и человеческих ресурсов для нормальной жизни. И что вы ответите? Как долго мы будем бездумно использовать дары природы? Что мы оставим следующим поколениям после себя? Ничего.

В современном испанском политическом дискурсе политические деятели достаточно редко говорят от своего имени. Педро Санчес, как представитель социалистической партии, тоже чаще всего говорит от 1 лица, мн.ч.

Cambiaremos el PSOE, porque queremos cambiar España. Cambiaremos el PSOE, vamos a dar más poder y más participación a la militancia de base, vamos a mejorar la rendición de cuentas de nuestros dirigentes, vamos a rejuvenecer la organización, vamos a forjar una alianza entre generaciones dentro del partido, vamos a construir un nuevo proyecto socialista laico, apasionado la noble tarea.

Мы изменим ИСРП (Испанская Социалистическая Рабочая Партия), потому что мы хотим изменить Испанию. Мы изменим ИСРП, предоставим больше власти и возможность принимать участие в жизни страны военным силам, улучшим условия для предпринимателей, обновим организации, создадим альянс между поколениями внутри партии, построим новый социалистический проект светского государства.

Другой особенностью испаноязычного политического дискурса является использование конструкции долженствования.

Necesitamos el entusiasmo y la experiencia de todas las generaciones del partido. Necesitamos el trabajo de los compañeros y de tambien todas las mujeres socialistas. Si de verdad queremos poner el fin a los

gobiernos del PP, hay que votar al Partido Socialista.

Нам необходим энтузиазм и опыт всех поколений нашей партии. Нам нужно сотрудничество наших партнеров и всех женщин-социалисток. Если мы действительно хотим покончить с властью Народной Партии, необходимо голосовать за Социалистическую Партию.

Излюбленным приемом у испанских политиков является цитирование политических деятелей, которые сыграли важную роль в развитии политической и экономической жизни Испании.

Como justificò una persona muy famosa su fiasco en la politica exterior: “no engañe, puedo equivocarme, pero no engañar”.

Как оправдывал свое фиаско в ведении внешней политики, известный нам человек (Х.Л.Р. Сапатеро) “я не солгал, я могу ошибаться, но не лгать”.

No hay nada de imposible. Si, ahora no tenemos bastantes puestos de trabajo. Pero como dijò nuestro lider Felipe González Márquez: “En el año 82 prometì crear 800.000 puestos de trabajo, y en el año 86 se habìan destruido 800.000. Cuatro años despuès no prometì nada y se crearon 1.300.000”.

Нет ничего невозможного. Да, сейчас у нас нет достаточно рабочих мест. Но как сказал наш лидер Фелипе Гонсалес Маркес: “В 82 я обещал создать 800.000 рабочих мест, и даже к 86 году эта задача не была выполнена. Четыре года спустя я не обещал ничего, и было создано 1.300.000 рабочих мест”.

Puedo caracterizar nuestro objeto con las palabras del miembro del PSOE, nuestro amigo, y solamente buen hombre Alfonso Guerra: “Lo que persigue un buen socialista es que nadie sea tan rico como para poner a otro de rodillas ni nadie sea tan pobre como para tener que arrodillarse ante otro”.

Могут описать нашу цель словами члена ИСПП, нашего друга и просто хорошего человека Альфонсо Герра: “Хороший социалист преследует цель, чтобы никто не был настолько богат, чтобы ставить кого-то на колени, и чтобы никто не был настолько беден, чтобы преклонять колени перед кем-то”.

Многие испаноязычные исследователи сходятся во мнении, что современный испаноязычный политический дискурс – это достаточно часто набор структурных метафор. Структурные метафоры – это метафоры, которые образуют определенные комплексы ассоциаций, которые имеют не одно, а целый ряд

конкретных воплощений, способные породить новые единицы [8, с. 38].

Испанский филолог, автор работы “Usos metafóricos del lenguaje político español. Lametáfora estructural en los Debates sobre el Estado de la Nación” Ф.Х.С. Гарсия приводит следующие примеры распространенных структурных метафор, характеризующих политический дискурс испаноязычных стран [9, с. 993].

Un arsenal de leyes contra pleitores. Puntada final a la ley de accidentes de trabajo. Guerra a la industria del juicio. Lucha contra el desempleo – la nueva etapa de la reforma laboral.

Арсенал законов против юридических процессов. Последний стежок (последняя поправка) в законе о несчастных случаях на службе. Объявление войны промышленному суду. Борьба с безработицей – новый этап реформы трудового законодательства.

Permítame decirle, sr. Presidente, que el problema del terrorismo es un problema que vencerá la sociedad democrática con tenacidad, con decisión y con esfuerzo. Ya lo dije al principio de mi intervención, la lucha contra el terrorismo no es un problema de vísceras.

Позвольте сказать Вам, с-р Президент, что проблема терроризма это проблема, которая в итоге победит демократическое общество, прочно, решительно, сильно. Я уже говорил в начале выступления, борьба с терроризмом это не кишечная проблема (внутренняя проблема).

Hay algunos elementos que constituyen motivo de especial preocupación para el Gobierno. En primer lugar, los brotes de violencia que se han producido.

Есть некоторые элементы, которые являются предметом особой заботы Правительства. Во-первых, это вспышки насилия, которые произошли недавно.

Esta es una bomba que nos puede estallar en las manos y están ustedes jugando peligrosamente con ella.

Это бомба, которая может взорваться в руках, и вы играете в опасные игры.

В испаноязычном политическом дискурсе можно заметить тенденцию к выражению чувств, с целью повышения экспрессивности речи. Это обусловлено с одной стороны темпераментом испаноязычных политических деятелей, с другой стороны тем, что массовая аудитория, как правило, невнимательна, а экспрессивность речи является одним из способов заинтересовать массовую аудиторию.

De momento no ha llegado el momento de saltar a la política, ni sé si llegará. Lo que sí sé es que estoy muy agradecido a Oracle, y muy feliz de estar inmerso en su apuesta por entender la realidad de las administraciones públicas.

Пока не настало время политики, и я не знаю, настанет ли оно вообще. Я знаю только то, что я очень благодарен компании Oracle, я очень счастлив: быть на своем месте, потому что я вижу реальность, и реальное положение дел в обществе.

Espero que juntos nos conseguimos el éxito, y hacemos una nueva España. El país más desarrollado en el mundo. En nuestro país no tendremos el crisis o los problemas con el capital financiero.

Надеюсь, что вместе мы достигнем успеха, и создадим новую Испанию. Самую развитую страну в мире. В нашей стране у нас не будет кризиса или других проблем с финансовым капиталом.

Таким образом, испаноязычный политический дискурс имеет свои особенности и специфические черты, характерные только ему, которые были продиктованы историческими, социальными, политическими изменениями в испаноязычных странах. Данный анализ проводился на материале публичных выступлений государственного деятеля Испании, генерального секретаря партии ИСПП (Испанская Социалистическая Рабочая Партия) Педро Санчеса.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Есенова К.Ө. Қазіргі тіл біліміндегі дискурс мәселесі // Хабаршы - Известия ҚазХҚЖӘТУ. Серия “Педагогические науки”. – 2012.- №1 (26). – С. 157.

[2] Gutiérrez S.V. El análisis del discurso político: Reflexiones teórico-metodológicas // Anuario de investigación. – Mexico, 2012. – 125 p.

[3] Haidar J. El campo del análisis del discurso: aportes para el estudio político// Fundación Global Democracia y Desarrollo.–Santo Domingo, 2009. – 34 p.

[4] Luque R.O. Carcabuey: geografía sentimental e historia singular: discurso pronunciado en el acto de presentación de Rafael Osuna Luque como académico correspondiente de la Real Academia de Ciencias, Bellas Letras y Nobles Artes de Córdoba el día 29 de abril de 2010// Ipolcobúcula. – Cordoba, 2010.– 14 p.

[5] Jimènez I.L. Un discurso sanitario para un proyecto político. La educación sanitaria en los medios de comunicación de masas durante el primer franquismo// Asclepio. – 2002. -Vol. LIV–1.

[6] Lagunilla Fernandez M. La lengua en la comunicacion politica I: el discurso del poder. – Buenos Aires: Arco libros, 2009. – 79 p.

[7] Santiago Cuervòs J. Principios de comunicacion peruasiva. – Madrid: Arco libros, 2013. – 96 p.

[8] Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС Эдиториал, 2007. – 256 с.

[9] García F.J.S. Usos metafóricos del lenguaje político español. La metáfora estructural en los debates sobre el Estado de la Nación. –Granada, 2010.-1007 p.

[10] Discurso de Pedro Sánchez en el Congreso Extraordinario del PSOE. –Режим доступа:URL:<http://www.cuartopoder.es/multimedia/2014/07/26/retransmision-en-directo-del-congreso-extraordinario-del-psoe/2560>. – (дата обращения 29.04.2016).

[11] Intervención completa de Pedro Sánchez en el Debate sobre el Estado de la Nación 2015. Режим доступа: URL: https://youtube.com/watch?v=xJCOgo_JL9S - (дата обращения 29.06.2015).

REREFENCES

[1] Esenova K.O. Kazirgi til bilimindegі diskurs maselesi. *Khabarshy Vestnik KazKHKzhATU. Seria "Pedagogicheskie nauki"*, 2012, №1(26) [in Kaz.].

[2] Gutiérrez S.V. El análisis del discurso político: Reflexiones teórico-metodológicas. In: Anuario de investigación. Mexico, 2012. 125 p.

[3] Haidar J. El campo del análisis del discurso: aportes para el estudio político. In:Fundación Global Democracia y Desarrollo.Santo Domingo, 2009. 34 p.

[4] Luque R.O. Carcabuey: geografía sentimental e historia singular: discurso pronunciado en el acto de presentación de Rafael Osuna Luque como académico correspondiente de la Real Academia de Ciencias, Bellas Letras y Nobles Artes de Córdoba el día 29 de abril de 2010. Ipolcobúlcula. Cordoba, 2010. 14 p.

[5] Jimènez I.L. Un discurso sanitario para un proyecto político. La educación sanitaria en los medios de comunicación de masas durante el primer franquismo. Madrid, Asclepio, 2002, Vol. LIV1.

[6] Lagunilla, Fernandez M. La lengua en la comunicacion politica I: el discurso del poder. In: Arco libros. Buenos Aires, 2009. 79 p.

[7] Santiago Cuervòs, J. Principios de comunicacion peruasiva. In: Arco libros. Madrid, 2013. 96 p.

[8] Lakoff D. Metafory kotorymi my zhivem. M.: URSS Editorial, 2007. 256 p. [in Russ.].

[9] García F.J.S. Usos metafóricos del lenguaje político español. La metáfora estructural en los debates sobre el Estado de la Nación. Aquilino. Granada, 2010.1007 p.

[10] Discurso de Pedro Sánchez en el Congreso Extraordinario del PSOE. Rezhim dostupa:URL:<http://www.cuartopoder.es/multimedia/2014/07/26/retransmision-en-directo-del-congreso-extraordinario-del-psoe/2560> (data obrasheniya 29.06.2015).

[11] Intervención completa de Pedro Sánchez en el Debate sobre el Estado de la Nación 2015. Rezhim dostupa:URL:https://youtube.com/watch?v=xJCOgo_JL9S data obrasheniya 29.06.2015.

**ИСПАН ТІЛДІ ДИСКУРСТЫҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ
(ПЕДРО САНЧЕС СӨЗДЕРІНІҢ МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ)**

Цой А.А.,

магистрант, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӨТУ,
Алматы, Қазақстан, Anastassiyatsoy2411@gmail.com

Тірек сөздер: саяси дискурс, испан тілді саяси дискурс, анықтама, Педро Санчес, синонимдер, құрылымдық метафора, неологизмдер

Аңдатпа. Мақалада саяси дискурс, оның испан тілі мамандарының түсінуі мен түсіндірілуі қарастырылады. Испан тілді саяси дискурстың ерекшеліктері мен өзгешеліктерін анықталуы (қайталанудың жиі қолданысы, қарсылықты шылаулар мен сөздердің, құрылымдық метафоралардың, міндеттену құрылымдарының қолданысы, сөздің мәнерлілігін арттыру, риторикалық сұрақтардың қойылуы және т.б.) Испанияның мемлекеттік қайраткері, ИСЖП (Испандық Социалистік Жұмысшылар Партиясы) бас хатшысы Педро Санчестің халық алдындағы сөйлеген сөздері материалдарының негізінде жүргізілді.

Статья поступила 25.03 2016 г.

2 – Бөлім
АУДАРМАНЫҢ ҚАҒИДАСЫ МЕН ТӘЖІРИБЕСІНДЕГІ
ЗЕРТТЕУЛЕР

Раздел 2
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
ПЕРЕВОДА

Section 2
RESEARCHES IN THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

UDC 811.111`23

LANGUAGE AND CULTURE INTERRELATION IN LITERARY TEXT
TRANSLATION

Alikulova A. T.,
MA student, Ablai khan UIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, akerke.alikulova@bk.ru

Keywords: linguacultural science, linguistic personality, intertextuality, linguistic units.

Abstract. This article discusses interrelation of culture and language in the literary text. There was made an attempt to show literary text as the best culture keeping phenomenon and to detect fact that linguistic and cultural features are shown in any literary text. The author of any literary text, as a “linguistic personality”, can add linguacultural features of that time for his/her creation. In the article was made a conclusion that as keepers of language there acts literary text. In this regard, literary text analysis has to be expanded from supervision over linguistic units functioning in the text to a wide context with the appeal to “the sphere of an intertextuality”.

To understand the world and to make the acquaintance with other cultures’ languages possible, communication is a useful tool. If in past the problem of survival concerned mainly dependent languages and lagged countries and nations, now it concerns even developed European countries. Hence, this process influences translation and translator who tries to produce the adequate translation.

According to Venuti, translation’s viability is related to its social and cultural conditions, under which translation is done.

Literary text translation.

It is generally accepted that, literary text translation is the most challenging and requires creative approach. According to Bush, literary translation is “an original subjective activity at the center of a complex network of social and cultural practices” [1, p. 127].

Lambert notes that whatever restrains the network of cultural and social factors, in fact the person who reaches the thousand decisions and gives existence to literary text translation is literary translator [2, p. 130]. Lander also adds that “literary translation entails an unending skein of choices”. Hence, the literary translator must make a choice, and in the result of option the translation comes into existence [2, p. 9]. There can be used different strategies, while translating literary text. As Bush writes, repeated reading and research enable the translator to translate subconsciously as part of the process of imaginative rewriting.... based on personal background; literary translator creates a new pattern in a different language. This new creation in turn becomes the basis for multiple readings and interpretations, which will go beyond any intentions of either original author or translator [1].

Actually, text, especially literary text, is a difficult phenomenon; information can be given explicitly or implicitly. Therefore for understanding and interpretation of literary text, knowledge of both languages does not guarantee complete perception of literary text, containing dependent meaning components which make additional, not verbal sense following from explicit elements. Literary text is on the one hand procreation of language, it can not be torn off from language since it is the product of speech activity and on another hand it is the art creation, phenomenon, culture fragment.

For full interpretation of text meaning, it is not enough to take into consideration only linguistic units functioning in the text. The analysis of a wide context is necessary, the need to use extra text sphere that is according to R. Barthes is “the sphere of an intertextuality”. As considers I. N. Sofronova, the intertextuality is considered from various aspects, however all of them are connected with approach to an intertextuality as to the culture phenomenon.

Literary text is considered in a broad sense simply as speech work. The most important components of text activity besides the text are the author (the sender of the text), the reader (addressee), displayed knowledge about the reality which is imparted in the text, and language system from which the author chooses the language means.

The originality of the literary text, first of all, is in specific functioning esthetic impact on the reader, and also that “this creation is the impression of outlook, poetic vision of reality, language, style of the creator”.

Linguacultural features of literary text

The essential contribution to understanding of communication of language and culture was brought by the well-known linguistic hypothesis of Sapir-Worf according to which language — is not simply the tool for reproduction of thoughts, it forms our thoughts; i.e. we perceive the world as we speak. At the end of the XX century there was appeared a new interdisciplinary area of humanitarian researches, “linguacultural science”, in which central idea – language and culture. The term “linguacultural science” arose in connection of V. N. Thalia and V.V. Vorobyov’s publications, V.A. Maslova’s and etc. works.

As V.A. Maslova marks out “language is only the mechanism-promoting coding and broadcast of culture” [3, p. 19]. She denotes texts as true culture keepers. In this case the text is accepted as a set of specific signals which are automatically caused in the reader who is brought up in traditions of this culture, not only direct associations but also a large number of the indirect associations [4].

The vertical aspect of structure prevails in literary texts that is visually shown in category of subtext meaning implication. The thematic field of implication allows to feel, apprehend, read the general text as an art creation, i.e. to understand its main idea.

The literary text fixes the cultural and historical information, saved up in last centuries. Appropriating experience of a certain culture, the person introduces it in the consciousness, seizes its norms and itself becomes the carrier of this culture. Thus, literary texts act as ‘channels of transfer’ of socio-historical and literary-esthetic experience that provides a sustainable development of human culture and preservation of a civilization. Imprinting in itself divergences in language and culture of the people, ways of thinking and features of perception of the world, literary works brightly express national originality of a certain linguaculture.

Zalevskaya A., giving definition to literary text, defines it as dialogical complex which has complicated and bound to cultural, linguistic, personal experience requirement. So, the translated text might be taken as dialogical, if we consider the authors idea. If translators find this idea, the text may be translated with the intention to express the same literal meaning, which should reach non-native reader. Overall, as Kazakova T. A. position of the translators defined with their experience, with target and oriented

text [5]. Also, we need to mention Luriya A. R. words about the way we accept an exact piece of literature. Literary text has several possible ways of comprehending its idea. Reader may find some applicable phrases, attributive words and just look through or find the hidden meaning. Ability to read and interpret the text of a translator depends on his or her capability to think, which are linked with his or her personal life experience and psychological storage of identity [6].

During translation process, mediators pass borders of language and culture, so the translated text becomes product which entered new linguistic and cultural structure. Taking into consideration cultural peculiarities of target language assists to come to issue as an intercultural communication. Here translation can be accepted as communication of both target and source culture. Having this double direction, translation acts to connect both cultures, provide mutual understanding, optimize the interrelation between lingvocultures. However, there is still questions about which features of culture affect translation, what exact techniques to use and what cultural elements are kept while translating texts. So, there we may come to an idea that translation is a process or knowledge which has borders with linguistics and culturology, because it helps make a dialogue between language and culture.

Author as representative of source culture set markers, which help recipient identify culture. Creator of text may set markers unconsciously, without aim to show exact cultural elements and assist recipient. It happens because the author describes something being in one culture. Recipient has chance to become observer of authors textual world. It causes different (at least triple) opinions. At first, it is the author's point of view, unadulterated or without impact of another culture. Second is translator's point of view, who is mediator between two cultures and takes into account both languages and cultures features. Third is recipient's point of view, far from source culture from the position of stranger.

Usually acquaintance with cultural elements happens indirectly: with the help of literary text or its translation. When it deals with translated text, nor the author or recipient can not check the appropriateness of translation, because they are in different sides of it. They are both representatives of different cultures. In this case, translator is responsible, as an expert and mediator between them. It determines translators actions: he or she should save author's cultural markers and help identify diverse cultural markers, making them adaptable for recipient's worldview.

According to Vereshagin Y.M. and Kostomarov V. G. the sources about lingvoculturology, ethnolinguistics, translation studies make to affirm that translation is lingvocultural process. It deals with linguistics and culture and has intercultural communicative aims as boundary of two cultures. [7].

Text as any multilayered system and structural education has its own text units which are connected by certain relations and will be organized in levels owing to the heterogeneity. On the basis of works of many theorists it is possible to claim that cultural feature is present at any literary piece of work. Therefore where the Russian people see two colors – blue and light blue, the Englishmen see only one color –blue. The same fragment of reality, the same concept has different forms of language expression in different languages.

Boas in 1911, having illustrated interrelation of culture and language with comparison of two cultures through their dictionary structure. So, for most North Americans snow is simply weather phenomenon and in their lexicon this concept is designated by only two words: “snow” and “slush”, and in Eskimos language there exist more than 20 words describing snow in different states. Thus it is clear what is important in each of these cultures.

Each text is an intellectual work, a product of creativity of the specific person – the founder, the writer. In modern linguistics, and also in many disciplines of the linguacultural direction it is accepted to speak about the “linguistic personality” who was mentioned for the first time by scientists as Y. Vaisberger, V. V. Vinogradov.

Modern researchers give various interpretations of the concept “linguistic personality”, however all them are based on Yu. N. Karaulov’s definition: “the linguistic personality” is a person capable to create and perceive the texts differing in: a) degree of structural and language complexity; b) depth and accuracy of reflection of reality; c) certain target orientation”.

According to Yu. N. Karaulov the linguistic personality “exists in space of culture, reflected in language; in forms of public consciousness at the different levels; in subjects of material culture, etc.”. The writer is the representative of the nation, he is included in the corresponding culture which defines his picture of the world, the thesaurus which is reflected in his works. In this regard, there may be found language and cultural features of that ethnic area, in works of any writer of that linguacultural society which the writer enters as the linguistic personality.

As says Terminasova S. G., in her book “Language and Intercultural communication”, language and person are inseparable. Language does not exist beyond the person and the person does not exist beyond the language. Accordingly, we can not study language beyond the person, what proves that the authors and their manner of writing can not be studied beyond language. Also, Terminasova S.G. says that language is an instrument of cognition, with the help of it man cognize the world. Language is an instrument of culture: it forms person, defines his/her character, life style, worldview, national character, ideology. Language as an instructor imposes pawned ideas, images, models of cultural cognition and behavior [8].

A man does not born Russian, Japanese etc., he or she becomes in the result of living with this or that national unity [7]. Upbringing passes through the impact of national culture, which carriers are people around. Here we should not forget about what forms personality and inseparably linked to culture, the role of language [8]. Russian psychologist Ananiyev B. G. said that “personality is the product of culture” and Terminasova S. G. “personality is the product of culture and language”. Language reflect world and culture, it forms native speakers. As well, Terminasova S. G. says in her book “Language and intercultural communication”, we can not separate passive, reflective, active forming functions, that is just heuristic complicated method used by researchers. Herein people do not cognize active role of language. Terminasova S. G. concludes that language forms its native speakers. Each national language forms national character. So, if language forms representative of nation- native speaker as personality, it also plays constructive role in forming national character.

Basic cultural load is lexis: words and phrases. They form linguistic picture of the world, which define world cognition by native speakers. Actually, they are expressed in phraseological units, idioms, proverbs, sayings-results of cultural experience, phrases that have national wisdom. Burvikova N. D. and Kostomarov V. G. suggested to name this knowledge carried by linguistic personalities as “logoepestems”. Terminasova S. G. in order to search this issue, gave several idioms in Russian and English languages, in order to compare there are given examples in three languages.

Table 1– Comparing three language`s cultural phenomena

	Positive side:	Negative side:
English language	novariants	no variants
Kazakh language	Шақырған жерден қалма, шақырмаған жерге барма.Қонақ қойдан жуас. Май берсең де жей береді. Қонақасы – тәңір ақысы. Қонақты сөзбен тойдыра алмайсың. Құтты қонаққа – тәтті тамақ.	Қонақ аз отырып, көп сынайды. Қонақ бір күн қонса – құт, екі күн қонса – жұт.
Russian language	Не красна изба углами, а красна пирогами; В ногах правды нет; Чем богаты, тем и рады.	Незванный гость хуже татарина

In English culture hospitality do not have nor positive or negative sides, it is not represented as significant feature. However, in Russian culture it has both sides [8, с.149], as well as in Kazakh culture. In Kazakh culture hospitality mostly represented as positive significant phenomenon. Another example may be done about restraint of speech.

Table 2 – Comparing three language`s cultural phenomena

	Positive side:	Negative side:
English language	Silence is golden. Brevity is the soul of wit. First think; then speak. A word to the wise. Still waters run deep.	A penny for your thoughts?
Kazakh language	Сөз тапқанға қолқа жоқ. Жақсы сөз жан сүйіндірер, Жаман сөз жан күйіндірер. Түйенің бурасы жақсы, Сөздің турасы жақсы. Қымбат дүние қолға түсе бермейді, Қымбат сөз ауызға түсе бермейді.	Ойнап сөйлесең де, ойлап сөйле. Адамның өзі жет- пеген жерге сөзі жетеді Сөз жіп, созсаң кете береді.
Russian language	Слово серебро, молчание золото. Краткость – сестра таланта. Держать язык за зубами.	В тихом омуте чер- ти водятся Проглотить язык

Sure enough words, phrases, phraseological units, all what make lexis, play basic role in realization of functions of language as an instrument of culture and tool for forming personality. However, we should not consider that all culture is made from lexis, personality is formed with the help of several factors. Here, I can give example of pronoun “you” in English, which in Russian has two variants as “вы” and “ты”. Also, in Kazakh language, there are two variants as “сен” and “сіз”. In both, Russian and Kazakh languages respectful forms “сіз” and “вы” are commonly used and incongruous use of another variants cause difficulties in conversation. Examples of proverbs may show that, in Kazakh language: “Сіз” деген – сыйластық, “Сен” деген – анайылық. “Сіз” деген – әдеп, “Біз” деген – көмек. “Сіз” дегеннен кетеді, “Сен” дегеннен бітеді?

In Russian language:

“В разговоре хам частенько использовал неприличные выражения, “плоские шутки”, фамильярное обращение, обращение на “ты” (А. Goreva “Рочему хаму хамуат”).

Sometimes in Russian language, according to context may be used in the meaning of close relations, as in Puskin A. S. verse:

*Пустое “вы” сердечным “ты”
Она обмолвясь заменила... [8, p. 151].*

Thereby, taking into consideration cultural approach, translator recognizes that each language contains elements derived from culture and every text is anchored in specific culture. So, conventions of text production and reception vary from culture to culture. Awareness of such issues makes us sometimes to think about translation as process between cultures, not languages. In accordance with Newmark, it is easy to find cultural words, they are associated with a particular language and cannot be literally translated [1].

The way from the real world to concept and expression of this concept of the word is various in different nations, being determined by natural, climatic conditions, and also a social environment [9]. Owing to these circumstances each nation has its own history, the cultural and language picture of the world. Thus the cultural picture of the world is always richer than the language picture. But the cultural picture of the world is realized, verbalized, stored in language and passes from father to son [10].

In this process the word represents not simply names of subjects, phenomena, and the reality fragment passed through a cultural picture of the world. Language practice denotes that language isn't a mechanical addition of any culture, as in this case the potential of language would be limited

to a framework only of one culture and language couldn't be used in the cross-cultural communication [11]. Actually one of the leading features of language is its universality allowing the person to use language as a means of communication in all potentially possible situations of communication including relation to other cultures [12].

In the conclusion, it is essential to note conventional fact that the culture and language are in close interrelation. Language and person are inseparable. Language does not exist beyond the person and the person does not exist beyond the language. Language is an instrument of cognition, with the help of it man cognize the world. In this problem the person, the 'linguistic personality', who creates the culture broadcasted by means of language is put in the forefront. Overall, language as an instructor imposes pawned ideas, images, models of cultural cognition and behavior. Thus, as keepers of language, in particular literary text acts. Also, we need to remember that translation a kind of lingual mediation, in which the contents of a foreign language is rendered into another language by means of creating a communicatively equivalent text in it. In this regard, literary text translation analysis has to be expanded from supervision over linguistic units functioning in the text to a wide context with the appeal to 'the sphere of an intertextuality', so the interrelation of both cultures and languages will be transferred properly.

REFERENCES

- [1] Bush P. Literary Translation. In: M. Baker, ed. Routledge Encyclopedia of Translation Studies, London: Routledge, 1998. S.127-130.
- [2] Lambert J. Literary Translation In: M. Baker, ed. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London: Routledge, 1998. P.130-134.
- [3] Maslova V. A. Lingvokulturologiya. M., 2001 [in Russ.].
- [4] Beysembaev A.R., Bakhralinova A.J. Struktura koncepcii s tochki zreniya kognitivnoy lingvistiki. "Byulleten KazUMOiMYa im. Ablaykhana". Seriya "Filologicheskie nauki". 2015. № 4. 5-13 r.
- [5] Kazakova T.A. Hudozhestvenniy perevod. SPb., 2006. 530 p. [in Russ.].
- [6] Luriya A. R. Osnovniye problemy neyrologistiki. M.:Nauka, 1975. 373 p. [in Russ.].
- [7] Vereshagin Y. M., Kostomarov V.G. Yazik I kultura. M., Russkiy yazik, 1976. 69 p. [in Russ.].
- [8] Terminasova S.G. Yazik I mezhkulturaanaya kommunikaciya. M.: Slovo 2000. 264 p. [in Russ.].
- [9] Bazarova L.V. K voprosu o sootnosheniya yazika I kultury. In: Obrazovaniye I kultura Rosii v izmenyayshimsiya mire. Novosibirsk, 2007, 72-76 p. [in Russ.].
- [10] Stockinger P. Cultural approach to translationtheory. Paris: INALCO, 2007, P. 33.
- [11] Vorobiyev V.V. Kulturologicheskaya paradigma russkogo yazika: Teoriya opisaniya yazika I kultury vo vzaimodeistvii. M., 1994 [in Russ.].

[12] Karaseva U.A. Hudozhestvenniy tekst kak istochnik natsionalno-kulturnoy informatsii i virazitelnoy natsionalnoy mentalnosti (na osnove materiala proizvedenii hudozhestvennoy literatury stran andskoy istoricheskoy zony). M., 2012 [in Russ.].

КӨРКЕМ ӘДЕБИЕТ АУДАРМАСЫНДАҒЫ ТІЛ МЕН МӘДЕНИЕТТІҢ АРАҚАТЫНАСЫ

Аликулова А. Т.,

Абылай хан атындағы ҚазХҚЖӘТУ магистранты,
Алматы, Қазақстан, Akerke.alikulova@bk.ru

Тірек сөздер: тілдік тұлға, лингвомәдениеттану, интертекстуалдық, тілдік бірлік.

Андапта. Мақалада көркем әдебиет мәдениетті өз бойында сақтайтын лингвистикалық феномен ретінде және әр көркем әдеби шығармада тіл мен мәдениет байланысы бар екендігі көрсетілген. Көркем әдебиет жазушысы, тілдік тұлға ретінде, өз еңбегінде лингвомәдени ерекшеліктерді қолданады. Бұл жағдайда, тілдік тұлға ретінде, автор көркем әдебиетке өз септігін тигізеді. Мақалада көркем әдебиет анализі тілдік бірліктен жоғары сатыда болуы тиіс деген қорытынды келтірілген.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аликулова А. Т.,

магистрант КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан, Akerke.alikulova@bk.ru

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая личность, интертекстуальность, языковая единица.

Аннотация. В статье художественный текст рассмотрен как феномен, хранящий в себе культуру. Связь между языком и культурой, проявленная в художественном тексте, может быть проявлением лингвокультурологического направления. В этом случае, автор как “языковая личность” привносит свой вклад в художественный текст, добавляя в свою работу культурные особенности. В заключении было выявлено, что анализ художественного текста как основного хранителя языка, должен быть расширен от наблюдения за функционированием языковых единиц в тексте до широкого контекста с обращением к сфере интертекстуальности.

Статья поступила 23.03.2016 г.

**PECULIARITIES OF INTERPRETING OF RHETORICAL QUESTIONS IN
POLITICAL DISCOURSE FROM ENGLISH INTO KAZAKH**

Mukhamedzhanova M.E.,

MA student of Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, mika_9307@mail.ru

Keywords: the rhetoric, rhetorical question, discourse, political discourse.

Abstract. The article is devoted to the rhetorical question and its features of interpretation. It considers the concepts of political discourse, rhetoric in political discourse, which are interconnected between each other. In order to understand the theme we should know what exactly these concepts are. Therefore, there are different views and definitions of scientists. The paper includes examples of rhetorical questions used in speeches of politicians, its translation and grammatical analysis in order to reveal and identify peculiarities of rhetorical questions.

ОӘЖ 81.119

**САЯСИ ДИСКУРСТАҒЫ РИТОРИКАЛЫҚ СҰРАҚТАРДЫҢ АҒЫЛШЫН
ТІЛІНЕН ҚАЗАҚ ТІЛІНЕ АУДАРЫЛУ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ**

Мухамеджанова М.Е.,

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ магистранты,
Алматы, Қазақстан, mika_9307@mail.ru

Тірек сөздер: риторика, риторикалық сұрақ, аударма, сөйлемнің жіктелуі, риторикалық қатар, риторикалық құрылым.

Аңдатпа. Мақалада саяси дискурстағы риторикалық сұрақты, сондай-ақ риторикалық сұрақтардың аударылу ерекшеліктерін қарастырады. Саяси дискурс, риторика ұғымдары өзара байланыста қарастырылады. Риторикалық сұрақтарды ағылшын тілінен қазақ тіліне аудару кезінде стильдік өзгерістерге ұшырайтындығы жайында, сонымен қатар аудару барысында кейбір сөйлем, сөйлем мүшелері грамматикалық өзгерістерге ұшырайтындығы туралы айтылған. Қазіргі заманда саясаткерлердің өз баяндамаларында қолданған сендіру, дәлелдеу элементтері мен стратегияларын, тактикаларын білу маңызды, ал аударма барысында аудармашы үшін тыңдаушыларға шешеннің жолдауындағы әсерлі риторикалық сұрақтарды дұрыс бағытта жеткізу өте маңызды.

Бүгінгі таңда бүкіл елдер аймақтық және әлемдік қауіпсіздікті нығайту, өз арасындағы саяси-әлеуметтік, экономикалық қарым-қатынастарды дамыту, халықаралық мәселелерді шешу мақсатымен конференция, форум, саммит, отырыстар ұйымдастырады. Осындай жаһандану үрдісімен қатар, саяси сөз сөйлеудің мәнерлілігі артып келе жатыр. Әр адамның сөз сөйлеу мәнері, сөз саптау ерекшелігі болады. Сөйлеу кезінде жеке тұлғалар осындай өзіндік ерекшеліктерін ойын

эсерлі жеткізу үшін пайдаланады. Әрбір сөзді, сөз тіркесін, сөйлемді айтылмақ ойдың мазмұнына сәйкестендіріп айту – мәдениетті сөйлеудің басты талаптарының бірі. Бұрын мәтіннің “саяси дұрыстығы”, мазмұнның басыңқы идеологияға сәйкестігі маңызды болған болса, қазір сөз мәнерлілігіне ұмтылу алдыңғы қатарға шығады және стиль даралығы мен баяндаудың айқындылығы жоғары бағаланады. Сөздің эсерлілігін арттыру үшін саясаткерлер нандыру, сендіру тактикаларына, соның ішінде риторикалық сұрақтарға да жүгінеді. Тақырыбымыздың басты мәселесіне көшпес бұрын саяси дискурс, риторика, риторикалық сұраққа анықтама беру қажет.

Шешендік сөз, Риторика – Ежелгі Греция мен Рим заманынан бері қарай көптеген халықтардың мәдени-рухани өмір-тіршілігіндегі өнердің бір түрі. Шешендік туралы Платонның ойларын жан-жақты дамытқан оның шәкірті Аристотель болды. Оның бізге жеткен “Риторика” атты еңбегінде бұл ғылымды егжей-тегжейлі зерттейді. Ал, шешендік өнердің қыр-сырын мейлінше нақтылай түскен Марк Фабий Квинтилиан он екі кітаптан тұратын “Шешендік тәлім”, Цицеронның “Шешендік өнердің үш трактаты” атты еңбектері бар. Жалпы, тіл білімінде риторика – өзінің нысанасы, теориясы, категориялары, тарихы бар жеке сала болып саналады. О.С. Ахманованың “Лингвистикалық терминдер” сөздігінде берген анықтамасы бойынша, риторика дегеніміз – мәнерлі сөз құрудың тиімді тәсілдерін зерттеумен айналысатын теория. Ол тыңдаушылардың немесе оқырмандардың назарын аудару, эмоционалды екпіндерін күшейту мақсатында, хабарлы және болымсыз сөйлемдерге сұраулы сөйлем формасын үстеу арқылы жүзеге асады. Риторикалық сұрау – шешендік тәсілге жататын айшықты сөз тіркесі, ойды, сезімді эсерлі ету үшін жауабы өзінен өзі-ақ айқын нәрсені эсерлі леппен, сұрау түрінде айту. Бұл күмәндану, шүбә келтіру мүмкін емес деген айрықша сенімділікті білдіреді [1, 84, 389-бб.].

Ю.А. Сорокин саяси дискурсты оның идеологиялық дискурсқа ара-қатынасы негізінде анықтайды: “Саяси дискурс идеологиялық дискурстың типтік түрі. Олардың айырмашылығы саяси дискурстың эксплицитті түрде сындарлығында. Ал идеологиялық дискурс имплицитті түрде сындарлы болып келеді” [2, 32-б.].

А.Н. Барановтың, “Делелдеменің лингвистикалық теориясы” атты еңбегінде берген анықтамасы бойынша, риторикалық сұрақ дегеніміз – тыңдарманға тезистер мен дәлелдерді ұсынудың арнайы тәсілі болып табылады [3, 36-б.]. Яғни риторикалық сұрақтың көмегімен дәлелдеме

ұсына отырып, тыңдарманда қажетті ой тудыруға әсер етеді, ал тыңдарман сол ойды өзінің жеке пікірі, қабылдаған шешімі деп біледі. Осыған ұқсас анықтаманы Г.В. Валимова да айтады: “Риторикалық сұрақ дегеніміз – дәлелдемеге бағытталған ой-пікір фигурасы болып табылады. Риторикалық сұрақ беймәлім жайды анықтау үшін емес, керісінше, дәлелдемені, оқиғаны нығайта, күшейте бейнелеп, тыңдармандардың назарын аудару мақсатымен айтылады” [4]. Оның пікірінше, риторикалық сұрақта ешқандай ой дәлелденбейді және жоққа шығарылмайды, бірақ риторикалық сұрақты пайымдау деп қарастыруға болады. Е.В. Ключев риторикалық сұраққа қатысты өзгеше ой білдірді. Оның айтуынша, риторикалық сұрақты “өзіне жауап талап етпейтін сұрақ ретінде емес, жауабы барлық тыңдарман үшін белгілі сұрақ” ретінде қарастыруды ұсынды [5, 220-б.].

Саяси аргументативтік дискурс талдауы бойынша пікірталас әсерін анықтайтын маңызды факторлардың бірі – сөйлеп тұрған жеке тұлға болып табылады. А.К. Михальскаяның пікірінше, риторикалық сұрақ, сондай-ақ риторикалық лепті сөйлем және риторикалық үндеу, көбінесе өз-өзіне сенімді, тиянақты, эмоционалды сөйлейтін тұлғаларға тән [6, 75-б.]. Риторика аргументтік дискурсты консенсусты нақтылауда яғни тыңдаушылармен бір ортақ ойға келуде, ойлау үдерісінде ой жүгірту амалы ретінде, сонымен қатар әлеуметтік, интеллектуалдық, вербальды әрекет ретінде тұлғаның көзқарасын ақтау немесе жоққа шығаруда пайдаланылады. Реципиенттік ментальдық саласының сөйлеу әдісі бола отырып аргументтік дискурс әлемдік және дисциплинааралық тілдік теорияның нысанасы болып саналады. Аргументтік дискурсты әлеуметтік, интеллектуалдық, вербальды әрекет ретінде, белгілі бір аудиторияда көзқарасты ақтау немесе жалған екенін мәлімдеуде анықталады. А.Баранов және В. Сергеев аргументтік дискурс деп: “арнайы бір жағдайда, айтушыға тиімді болу үшін, бір немесе бірнеше адамдардың ойлауына әсер ететін мәтін”. Ықшамды түрге аудиторияны немесе әңгімелесушіні сендірудің сөйлеу техникасы [7, 22-б.].

Б. Қалиұлының пікірінше дискурс дегеніміз – тілдік қарым-қатынастың ерекше түрі. Ол көп аспектілі, сан қырлы ұғым. Дискурс сөйлеушінің сөйлеуімен (айтуымен), оның сөзін тыңдаушының тыңдауымен ғана шектеліп қалмайды. Ол сөйлеушінің тілдік бірліктерді өз орнында қолданна алуымен, сөйлеудің негізгі, қосымша, жасырын, мағыналарын дұрыс қолдана білуімен, керекті тілдік бірліктерді дұрыс таңдай алуымен және ойын дәл жеткізуімен, сонымен бірге

тыңдаушының естіген нәрселерін дәл ұғып, дұрыс түсінуімен де айқындалады [8, 28-б.].

Саясат әр кезде де қоғам өмірінде маңызды орынға ие болған. Сөз сөйлеу арқылы саясаткерлер халықаралық қоғамдастыққа, не болмаса өз елінің азаматтарына өз ойларын жеткізуге мүмкіндік алады.

Саясаткердің баяндамасы айтылатын мәселелерге байланысты тиянақты дайындықты қажет етеді. Сөйлеу барысында, саясаткер тыңдарманды тек бір мәселеге байланысты ақпаратпен таныстырып қана қоймайды, ол сонымен қатар тыңдарманның ықыласын өзіне аударып, өз жақтастарын тауып, белгілі ұстанымды таңдауға ықпал ете алуы керек.

Саясат тілі ауыр, бірден ұғыну қиын болғанымен, саясаттың элементтері мүлде жоқ ұлттық тіл болмайды. Өйткені саясат тілі – ұлт тілінің саяси коммуникация жасауға: белгілі бір идеяларды насихаттау үшін, жұртшылыққа эмоциялық тұрғыдан әсер етіп, оларды белгілі бір саяси іс-әрекеттер жасауға итермелеу үшін қолданылатын тармағы. Сондықтан саяси дискурсты ұжымдық мүдделер негізінде бірігетін адамдар топтарының тілі деуге болады.

Саяси дискурсты аудару қиындығы саясат тіліндегі көп мағыналылықтан туындайды. Жария етілетін мәлімдеме мазмұнының екіұшты болуы ілеспе аудармада көрініс табады. Саяси дискурстағы орағытып сөйлеу, нормативті емес теңеулерді пайдалану да аударманы қиындата түсетін факторлар.

Риториканың құрылымына келетін болсақ, Аристотель оны үш бағытқа бөлген, ол өз кезегінде тыңдарманның үш тобымен анықталады. Сөйлеудің өзі үш элементтен тұрады: сөйлеуші, оның сөзі және тыңдарман. Тыңдарман сөздің мәнін және оның аяқталуын анықтайды. Тыңдарман төрешінің немесе бақылаушының рөлін атқарады. Ұлттық жиналыстың мүшесі болар іске қарап пікір түйеді, төреші болса, болған іске қарай пікірін айтады, ал ділмардың қабілеттерін талқылаушылар бақылаушы болып қалады. Осыдан, біз риториканың үш түрін анықтаймыз: *саяси, соттық және салтанатты* риторика [9, 12-б.].

Риториканың осы үш түрінің әр қайсысы өзіндік мақсатқа ие. Саяси шешен өзі ұсынған бағыттың, іс-әрекеттің тиімділігімен, не болмаса тиімсіздігімен таныстырады; егер ол оның ұсынысын қабыл алмауын көздесе, ол сол әрекет көптеген тиімсіз жағдайларға алып келетіндігі жайында сөз құрады, ал айтылған сөздің әділеттілік не әділетсіздігі, лайықты не жарамсыз екендігі екінші орынға түседі [9, 13-б.].

Мақалада ізденіс тақырыбына орай саяси риторикалық сұрақтар қарастырылады.

Жалпы, риторикалық сұрақ сөйлемдердің коммуникативтік түрлерінің арасында ерекше орынға ие болғандығынан жас тіл мамандары мен аудармашылар үшін белгілі бір қиындықтар келтіреді.

Хабарлы және сұраулы сөйлемдердің лексика-морфологиялық құрамының әр алуан болатындығынан олардың арасындағы айырмашылық байқалмайды.

М. Ганшина және Н. Василевская “кез келген сөйлем адамның таңдану, шаттану, қорқу, қайғыру секілді көңіл-күйлеріне байланысты лепті сөйлемге тән дауыс екпінімен айтылса, ол лепті сөйлемге айналуы мүмкін”, – деп пайымдайды [10, 259-б.]. Бұйрықты сөйлем мен лепті сөйлем бір-біріне жақын, ұқсас келеді, сондықтан да сөйлемнің эмоциялық және эмоциялық емес деп бөлінуін ескеру керек.

Сұрақтың эмфатикалық пайымдауға айналу нәтижесінде риторикалық сұрақ құрылады. Риторикалық сұрақ дегеніміз пайымдауға сұрау түрінің берілуі, ол тыңдарманның назарын толықтай аударуға және эмоциялық ырғақты күшейте түсу үшін қолданылады. Риторикалық сұрақтың аударылуы белгілі қиындық әкеледі, сондықтан да оның экспрессивті-стистикалық тәсіл ретінде сақтап қалуға және аударманы қабылдаушы жағынан түсінбеушілігін болдырмауға көмектесетін ережелер қатарын ұстану керек.

Риторикалық сұрақ – сұрақ түріндегі пайымдау деп қарастырсақ, төмендегі мысалдан көруге болады.

...But we never rest on our laurels. What else can we do to establish a genuine common enforcement area in Europe?... (Joaquin Almunia, Vice President of the EC responsible for Competition policy).

Қаз.: ...Біз қол жеткен жетістіктермен тоқтап қала алмаймыз, дегенмен, біз Еуропада ортақ құқықтық тәртіпті сақтау аумағын құру үшін бұдан артық не істей аламыз?!

Келтірілген мысалда, Еуропалық Одақтың бәсекелестік мәселелері жөніндегі комиссар, Хоакин Альмуния жеткен жетістіктерді айтып өтіп, эмоцияналды түрде бұнымен тоқтап қалмайтындығын, сондай-ақ сөзінің келесі ой жүйесін, яғни, келешек жоспарларын айтуға ауысу үшін риторикалық сұрақты пайдаланды. Грамматикалық жағынан, қазақ тіліне аудару барысында, біз тыңдарманға риторикалық сұрақтың толық әсерін жеткізу мақсатында екі сөйлемді өзара дегенмен қарсылықты шылаудың көмегімен байланыстырдық. *What else* тіркесінің мағынасын күшейту мақсатында қазақ тіліне бұдан

артық тіркесімен ауыстырдым. Ағылшын тіліндегі екінші сөйлем қазақ тіліне аударылғанда орын тәртібі өзгеріп, баяндауыш сөйлемнің соңына келтірілді.

Енді, риторикалық сұрақтарда контекстік ерекшеліктерді ескере отырып, аудару мәселелерін қарастырамыз.

Мысал: *At this moment – with a growing economy, shrinking deficits, bustling industry, booming energy production – we have risen from recession freer to write our own future than any other nation on Earth. It's now up to us to choose who we want to be over the next 15 years and for decades.*

Will we accept an economy where only a few of us do spectacularly well? Or will we commit ourselves to an economy that generates rising incomes and chances for everyone who makes the effort?

Will we approach the world fearful and reactive, dragged into costly conflicts that strain our military and set back our standing? Or will we lead wisely, using all elements of our power to defeat new threats and protect our planet?

Will we allow ourselves to be sorted into factions and turned against one another? Or will we recapture the sense of common purpose that has always propelled America forward?

In two weeks, I will send this Congress a budget filled with ideas that are practical, not partisan. And in the months ahead, I'll crisscross the country making a case for those ideas. So tonight, I want to focus less on a checklist of proposals, and focus more on the values at stake in the choices before us. (Barack Obama, President in state of the Union Address, January 20, 2015).

Қаз.: Экономикамыз, өнеркәсібіміз дамып, жетіспеушілік азайып, энергетикалық қорлар өндірісі белсенді артқан мезетте, басқа елдерге қарағанда біз құлдыраудан қиналмай шығамыз және өз келешегімізді құруға мүмкіндігіміз бар. Енді он бес жылдан кейін және алдағы онжылдықтарда қалай өмір сүретіндігімізді өзіміз шешуіміз керек.

Біздің арамызда санаулы адамдар ғана жетістікке жете алатын экономиканы қабылдай аламыз ба? Немесе, біз кірісті арттыратын және әрбір күш салған адамға мүмкіндіктер беретін экономиканы құруға шешім қабылдаймыз ба?

Біздің беделіміз бен ұстанымдарымызды бұзатын және әскерімізге ауыртпалығын түсіретін, өте қымбатқа түсетін шиеленістерге назар аударып, қатыса отырып, әлемге қорқынышпен қарайтын боламыз ба? Немесе, біз ақылмен жетекшілік етіп, жаңа

қауіп-қатерлерге қарсы тұру мен ғаламшарымызды қорғау үшін бүкіл күшімізді қолданбаймыз ба?

Бізді фракцияларға бөліп, бірімізді-бірімізге қарсы қоюға жол береміз бе? Әлде әрқашан Американы алға итермелеген ортақ мақсатты сезімді қайтарамыз ба?

Жоғарыда келтірілген мысал АҚШ президенті Барак Обаманың өз еліндегі жағдайы жөнінде Конгрестегі жолдауынан үзінді. Ол өз жолдауында риторикалық сұрақтар қатарын қолданған. Алдын-ала Американың ахуалын айта кетіп, ол келесі жоспарларын айтпас бұрын, тыңдарман тарапынан оның келесі идеялары мен ойларын жақтап, мақұлдап, дұрыс деп санауы үшін ол осы риторикалық сұрақтар қатарын қолданды. Риторикалық сұрақтар қатарында ол жағдай шешімінің екі нұсқасын жеке-жеке сұрақ ретінде қойып, тыңдарманға ой салады. Әр сұрақ өз ішінде қабылданар шешімі мен оның салдарын қамтиды. Бірінші сұрақта тиімсіз жақтарын келтіріп, келесі сұрақта *Or* сөзімен бастап, тиімді шешімге жетелейді. Қазақ тіліне аударылу кезінде, ол да *немесе, әлде* деп аударылады, бұл сөздер сөйлемге сол сұрақтың дұрыс екендігін нақтылайды. Сұрақтарды қазақ тіліне аударған кезде *will* көмекші етістігі мен етістік сөйлемде баяндауыштық қызметте жұмсалып, жіктік жалғауымен сұраулық шылаудың (*ма, ме, ба, бе, па, пе*) тіркесуі арқылы жасалып, аударылады.

Келесі тәсіл ағылшын тіліндегі “*to do*” мен “*to be*” көмекші етістіктерінен құралған риторикалық сұрақтар қазақ тіліне *ма, ме, ба, бе, па, пе* сұраулық шылаулар мен *екен* көмекші етістігінің тіркесуі арқылы, сөйлемде баяндауыштық қызметте жұмсалып аударылады.

Мысалы: *Is it worse than doing what we've done for almost two decades, with Iran moving forward with its nuclear program and without robust inspections? (Barack Obama, Statement on Historic Nuclear Agreement with Iran).*

Біздің соңғы екі онжылдықта алға жылжып отырған Иран мен оның ядролық бағдарламасымен жасаған ешқандай тексерусіз істеріміз нашар емес шығар?

Is there anyone who really wants nuclear war?

Ядролық соғыстың басталуын қалайтындар бар ма екен?

Үлкен таңғалыс пен қауіптенуді білдіретін ағылшын тіліндегі *what if* сөз тіркесінен басталатын сөйлемдер қазақ тіліне *ше* сұраулық шылауы арқылы беріледі.

Мысалы: What if it isn't what we strive for?

Бұл біз талпынған нәрсе болмай шықса ше?

Осындай риторикалық сұрақтарды ағылшын тіліне аудару барысында ілеспе аудармашылар, тіпті аса қолайлы емес болса да “that” сөзі бар құрылымдарды, не болмаса “can” модальды етістігін қолдана алады.

Сұраулы сөйлем формасы хабар ретінде айтылған пікірді білдіру үшін жұмсалатыны да бар. Хабар ретіндегі пікірдің сұраулы сөйлем формасы арқылы білдірілуі сөзге полемикалық өң береді. Полемикалық баяндауыш сөздің болымды, болымсыз формаларының өз бастапқы мағынасына қарсы жұмсалуы да сеп болады.

Риторикалық сұрақты білдіру үшін сөйлеу кезінде сұраулы сөйлемдер ерекше баяндауыштық формада құралады. Ол баяндауыштық формаларды жоғарыда келтірілген мысалдардан көруге болады. Бұл мысалдардан байқайтын нәрсе: риторикалық сұрақты білдіретін сөйлемдерде баяндауыш сөздер кері мағынада жұмсалып, ерекше интонациямен беріледі.

Дауыс ырғағының қатысуы жағынан жай сұраулы сөйлемдерге ұқсас болғанымен, риторикалық сұрақ ерекше екпінмен айтылады.

Риторикалық сұрақты білдіретін сөйлемдер баяндауыштардың кері мағынада жұмсалуы арқылы да құрылады.

Бұл сөйлемдердің құрамында өзіне лайықталып құралған баяндауыштық формалар кездеседі. Мысалы: *Немесе, біз кірісті арттыратын және әрбір күш салған адамға мүмкіндіктер беретін экономиканы құруға шешім қабылдадық емес пе?*

Қабылдадық емес пе? – риторикалық сұрақты тудыратын баяндауыштық форма.

Қорыта келгенде, риторикалық сұрақтар сөзге аса бір әсерлік беріп, сөйлеуші тыңдарманның назарын өзіне аудару мақсатында қолданады. Дискурстік талдауға сәйкес риторикалық сұрақтарды көбінесе өз-өзіне сенімді, эмоционалды тұлғалар өз сөздерінде көп қолданады. Оның түрлі аудару жолдарын қарастырдық, аудару кезінде риторикалық сұрақтардың өзіндік ерекшеліктері болатындығы анықталды. Әрине оның аударылу ерекшеліктері біз қарастырған ережелермен ғана шектеліп қоймайды және ол кең көлемде зерттелуін талап етеді. Риторикалық сұрақтарды дұрыс аудару білу, тыңдарманға сөз әсерін жеткізуде өте маңызды.

ӘДЕБИЕТ

- [1] Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966.
- [2] Сагиндикова А.А. Саяси дискурс: когнитивті-прагматикалық талдау және оның аударма ерекшелігі. – Алматы, 2014.
- [3] Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации.– М.: Институт русского языка АН СССР, 1990.
- [4] Валимова Г.В. Риторический вопрос // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979.
- [5] Клюев Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Иллокуция). – М.: ПРИОР, 2001.
- [6] Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике.– М.:Academia, 1996. С. 75.
- [7] Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: Монография.– М., 2007.
- [8] Қалиұлы Б. Дискурс. Диалог.Мәтін. Олардың айырмашылықтары // ҚазХҚжӘТУ Хабаршы. “Лингвистика және мәдениаралық коммуникация” сериясы. – 2011. - № 2 (7).
- [9] Roberts, W. Rhys. Rhetoric. Aristotle // W. Rhys Roberts, W. D. Ross. – New York: Cosimo, 2010. - P. 17.
- [10] Ganshina M. A., Vasilevskaya N. M. English Grammar. – М., 1958.–P. 259

REFERENCES

- [1] Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1966 [in Russ.].
- [2] Sagindikova A.A. Sayasi diskurs: kognitivti-pragmatikalik taldau zhane onyn audarma ereksheligi. Almaty, 2014[in Kaz.].
- [3] Baranov A.N. Lingvisticheskaya teoriya argumentacii. M.: Institut russkogo yazyka AN SSSR, 1990 [in Russ.].
- [4] Valimova G.V. Ritoricheskii vopros. In: Russkii Yazyk: Enciklopediya. M., 1979 [in Russ.].
- [5] Kluev E.V. Ritorika (Invenciya, Dispoziciya, Illokuciya). M.: PRIOR, 2001. S.220 [in Russ.].
- [6] Mikhal'skaya A.K. Russkii Sokrat: lekicii po sravnitel'no-istorichesskoi ritorike. M.: Academia,1996. S.75 [in Russ.].
- [7] Grigor'eva V.S. Diskurs kak element kommunikativnogo process: pragmalingvisticheskii I kognitivnyi aspekty: Monographiya. M., 2007. S.22 [in Russ.].
- [8] Kaliulu B. Diskurs. Dialog. Matin.olardyn airmashylyktary. *KAZUIRWL Habarshy 'lingvistika zhane madeniaralyk kommunikaciya' seriyasy*, 2011, № 2 (7) [in Kaz.].
- [9] Roberts, W. Rhys. Rhetoric. Aristotle // W. Rhys Roberts, W. D. Ross. New York: Cosimo, 2010. P. 17.
- [10] Ganshina M. A., Vasilevskaya N. M. English Grammar. M., 1958. P.259.
- [11] Rezhim dostupa: www.europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-14-312_en.htm

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РИТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ С АНГЛИЙСКОГО НА КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

Мухамеджанова М.Е.,

магистрант КазУМОиМЯ имени Аблай хана,
Алматы, Казахстан, mika_9307@mail.ru

Ключевые слова: дискурс, риторика, риторический вопрос, перевод риторических вопросов, риторический ряд, риторическая структура.

Аннотация. Статья посвящена риторическим вопросам, а именно особенностям перевода риторических вопросов в политическом дискурсе. В статье рассматриваются понятия политического дискурса и риторики в политическом дискурсе, которые взаимосвязаны между собой. На примерах выявлены и проанализированы стилистические и грамматические изменения предложений при переводе с английского языка на казахский язык. В настоящее время важно знать тактику, стратегии и элементы убеждения политика в своих речах, а синхронному переводчику очень важно донести слушателям весь смысл риторических вопросов.

Статья поступила 25.03.2016 г.

3 Бөлім
ӘДЕБИЕТТАНУ: ДӘСТҮР МЕН ЖАҢАШЫЛДЫҚ
Раздел 3
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
Section 3
LITERARY STUDIES: TRADITION AND MODERNITY

CONTEMPORARY TENDENCIES IN LITERATURE: GENRE OF DYSTOPIA

Ali A.N.,
MA student of Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, ali-ayagoz@mail.ru

Keywords: dystopia, contemporary tendencies, totalitarian society, satire, the genre of science fiction, modern society.

Abstract. The article deals with the tendencies in contemporary literature, specifically with genre of dystopia. With the various problematic historical conditions in mind, it is hard to accept claims about a time of great social and political raise that spurred an outpouring of dystopian thought and writing. Dystopia is the genre that presents modern totalitarian society with the notes of satire. The genre of science fiction is a great subject for studying and examining. The authors try to give the readers a warning by showing them what would happen to the world if the people let certain things go too far. There are some prominent dystopian novels, which serve as example for other dystopian novels. In this article “Brave new world” by Aldous Huxley and “Fahrenheit 451” by Ray Bradbury.

УДК 821.111

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ЖАНР АНТИУТОПИИ**

Али А.Н.,
магистрант 1 курса, КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, ali-ayagoz@mail.ru

Ключевые слова: антиутопия, современные тенденции, тоталитарное общество, сатира, жанр научной фантастики, современное общество.

Аннотация. Статья посвящена изучению современных тенденций в зарубежной литературе, а именно изучению жанра антиутопии. Современное общество утрачивает те моральные устои, закрепленные нашими предками. На

фоне современных исторических условий, невозможно говорить о политической и социальной стабильности, все эти факторы послужили бурному развитию жанра антиутопии.

Антиутопия – жанр, представляющий современное тоталитарное общество с моральными и социальными проблемами. Материалом исследования послужили художественные произведения Рэя Бредбери и Олдоса Хаксли.

Антиутопия (*Dystopia*) – это жанр в художественной литературе, описывающий определенное государство, в котором преобладают негативные тенденции. Антиутопию принято считать полной противоположностью утопии.

Понятие антиутопии предполагает, что возможность утопии существует в пределах некоторых антиутопий. “Антиутопии – это горестные повести, которые подобны к “рано Пуританским проповедям в Новой Англии”, описывающие людей не верующих в бога”. Антиутопия представляет собой некий результат поведения человека, который утратил веру в хорошее будущее. В некоторых учебниках описаны три варианта из антиутопий: первый вариант подразумевает “преследование светского тысячелетия”, как “самая большая трагедия современности”; второй вариант так или иначе “извращает” идею первого, так как стремится противоречить опрометчивой версии утопизма с тоталитаризмом, третий вариант описывает отрицательные видения о будущем человечества. Утопия воплощает собой свободу слова, свободу мыслей, когда как антиутопия воплощает собой несвободу. Так же, как Рай и Небо остаются прототипами утопии, ад выполняет ту же самую роль для антиутопии. Если в “демократической утопии” каждый принимает “правильные решения, и создается свободное и богатое общество”, в антиутопии каждый “лишен этих преимуществ”. Тоталитарная антиутопия наших времен не должна рассматриваться как инверсия утопии или антиутопии, но, скорее должна рассматриваться как “неверное истолкование самой утопии”, отступать от идеи той утопии, которая воплощает поиски “прекрасного” общества, которое не доступно для человека (*“totalitarian dystopia of our times” should not be seen as an inversion of utopia or anti-utopia but, rather, as a “misinterpretation of utopia itself”, for it departs from the idea that utopia embodies a quest for a “perfect” society which is not accessible to human beings.*) [1]. Кришан Кумар, профессор Университета Вирджинии, прослеживает генеалогию антиутопии, подчеркивает

идею, что антиутопия появилась в связи с утопией. Согласно Кумару, “самые ранние формы утопии, кажется, были сатирой на основе рационалистической и научной утопии Томаса Мора и Бэкона” (*According to Kumar, “The earliest forms of utopia seem to have been satires on the rationalist and scientific utopias of More and Bacon”*). Причина, почему “антиутопия действительно добивается признания в двадцатом веке”, объясняет Кумар, то, что целью, с самого начала, было: стать “великими рассказами современности” – “причина и революция, наука и социализм, идеи прогресса и вера в будущее” – и “большинство этих элементов действительно распространились в значительном масштабе в конце девятнадцатого века” [2].

Антиутопия – это своего рода сатира на существующее общество с инверсией происходящих событий с надеждой на утопическое общество. Дистопия выдвигает на первый план не тщетность и безумие всех утопических стремлений, но старается напомнить нам историческое происхождение тех или иных тенденций возобладавших в антиутопическом обществе. Антиутопия необходима, потому что она представляет собой то мрачное будущее, которое мы должны определенно избежать, но оно действительно работает тогда, когда мы осознаем всю серьезность ситуации, несмотря на определенные сложности, возникшие под натиском непредвиденных факторов.

Людей больше интересует благоприятные места (утопии), нежели неблагоприятные места (антиутопии).

У антиутопии всегда была сильная связь с “действительностью”, которая беспощадно отображает все пороки и несовершенства общества. Первая и Вторая мировые войны, война в Корее, во Вьетнаме, различные революции, и успешные и подавленные, борьба против колониализма, заплатившая высокую цену, борьба против негативных явлений общества, судя по этим событиям, двадцатый век имеет вполне заслуженную репутацию антиутопического века. Но и двадцать первый век не выглядит лучше: обострившаяся ситуация на Украине, многочисленные теракты совершаемые Исламским государством, нестабильная политическая ситуация на Ближнем Востоке. Но проблема состоит в том, что общество не в состоянии сплотиться против всех этих негативных факторов, дать отпор сообща.

Когда Томас Мор выдумал слово “утопия”, более никакого существующее место не было хорошим [3]. Как нам известно, слово “антиутопия” или “плохое место” было выдумано в 1747, и хотя это

слово использовалось время от времени, настоящую популярность оно завоевало в двадцать первом веке. Писать антиутопические романы стала модой для современных писателей. Ярким примером современной антиутопии является роман “Голодные игры”, написанный американской писательницей Сьюзен Коллинз в 2008 году. Книга в кратчайшие сроки стала мировым бестселлером, по сей день, оставаясь любимой книгой подростков. “Дивергент”, постапокалиптическая антиутопия, написанная Вероникой Рот в 2011 году, не уступает в популярности “Голодным играм”. Чем же вызван бурный интерес к антиутопии? Ответ очень прост, антиутопия отражает реалии современного общества.

Проблемы современного общества отображены в некоторых романах Олдоса Хаксли. “О Дивный Новый Мир” (1932) является явно экстраполяцией в будущее того, что он видел в своем обществе, тенденции, которые он описал в “Предисловии”, написанном 1946 и в “Возвращении в дивный новый мир” (1957), предсказания осуществляются еще быстрее, чем он ожидал. Позже Хаксли написал, что ему следовало дать Дикарю другой выбор, лучший выбор, и, конечно, позже Хаксли описал свое положительное видение в романе “Остров” (1962), у которого есть много общего с “Дивным новым миром” [4]. Но роман “Остров” явно является утопией, а не антиутопией. Таким образом, “О Дивный Новый Мир” был своего рода предупреждением, в “Возвращении в дивный новый мир” автор заявляет что мир, изображенный в “Дивном новом мире”, приближается быстрее, чем он ожидал. “Остров”, по крайней мере, предполагает, что лучшая альтернатива возможна, хотя его конец подразумевает, что Хаксли не был столь оптимистичен, что “люди” изменят свои взгляды.

Олдос Хаксли был выдающимся английским писателем, новеллистом и философом. Автор известного романа-антиутопии “О дивный новый мир”, который оставил огромный след в истории литературы. Хаксли был гуманистом, пацифистом и сатириком. К концу своей жизни Хаксли был широко признан одним из выдающихся интеллектуалов своего времени. Он был номинирован на Нобелевскую премию по литературе семь раз в разные годы.

“О дивный новый мир” – один из самых значимых романов написанных в жанре антиутопии. Роман изображает гедонистическое будущее общество, в котором люди проводят большую часть своего времени, растрачивая на стимуляторы мгновенного счастья

через наркотики и отупляющие мультисенсорные развлечения как “feelies”, которые сводятся к тому, чтобы концентрировать мысли и чувства населения за бесполезным времяпровождением, симулируя занятость населения. На первый взгляд, это общество сильно отличается от более мрачных антиутопических обществ, таких как общество Оруэлла. Однако, акцентируя внимание на удовольствия в будущем обществе, Хаксли маскирует укоренившееся отсутствие свободы личности. Действительно, наркотики и массовая культура предназначены, прежде всего, для того, чтобы отвлечь внимание общества от социальных проблем и воспрепятствовать тому, чтобы люди развивали любой вид сильных чувств, которые могли бы принудить их бросить вызов официальной власти.

Центральный персонаж общества “О Дивного нового мира” – Генри Форд, которому поклоняются почти как божеству. Между тем, его экономическая система – преувеличенная версия капитализма, в котором новые продукты должны постоянно развиваться и продаваться, чтобы стимулировать и производство и потребление, и таким образом держать функционирование экономики. Все аспекты жизни в этом обществе разработаны, прежде всего, для того, чтобы увеличить потребление – даже детям разрешают играть в игры, которые требуют покупки сложного оборудования. Не удивительно, это потребительское отношение передано в основном через лозунги рекламных вывесок, среди самых видных “Больше стежков, меньше богатства” и “Лучше купить новый, чем исправить старый”; от любых вещей, которые должны быть восстановлены, обычно отказываются так, чтобы они могли быть заменены новыми. Исправление старых товаров вместо того, чтобы покупать новые товары считают антиобщественным деянием.

Несомненно, “451 градус по Фаренгейту” Рэя Бредбери стоит рассматривать наравне с такими антиутопическими шедеврами как “О дивный новый мир” Олдоса Хаксли “1984” Джорджа Оруэлла. Рэймонд Дуглас (Рэй) Брэдбери был американским писателем, известный по антиутопии “451 градус по Фаренгейту”, циклу рассказов “Марсианские хроники” и частично автобиографической повести “Вино из одуванчиков”. За свою жизнь Брэдбери создал более восьмисот разных литературных произведений, в том числе несколько романов и повестей, сотни рассказов, десятки пьес, ряд статей, заметок и стихотворений.

“451 градус по Фаренгейту” вывел Брэдбери как одного из самых впечатляющих авторов двадцатого века, и его роман способствовал развитию жанра научной фантастики. “Единственной научно-фантастической книгой, которую я написал, является 451 градус по Фаренгейту. Это – политическая и психологическая научная фантастика” (*“The only book I’ve written that’s science fiction is Fahrenheit 451. That’s political and psychological science fiction”*), удивительное утверждение от человека, который чаще всего отождествляется с жанром научной фантастики. В различных интервью, он спорил о том, чтобы быть маркированным, как и любой автор, связанный с жанром, потому что писать под определенную формулу – слишком ограничительно, так как согласно Брэдбери, “хороший писатель создает из потребностей общества” (*“a good writer creates out of need”*). Поэтому, читатель в состоянии отождествлять его произведения с различными жанрами, основываясь на собственном восприятии его историй. С “451 градусом по Фаренгейту” он считал себя фантастом, потому что он видел потребность в написании такого романа, чтобы выразить свое недовольство современным обществом. “451 градус по Фаренгейту” играет важную роль с точки зрения развития литературы [5].

“451 градус по Фаренгейту” непосредственно отражает культурную окружающую среду Америки начала 1950-х. Роман Брэдбери описывает историю Гая Монтэга, “пожарного” в антиутопичной Америке будущего. В этом обществе, пожарные не тушат пожары, но начинают их. В частности они жгут любые книги, которые они могут найти (наряду со зданиями, в которых те книги были скрыты), потому что книги строго запрещены в этом обществе. Вместо книг, культура Америки Монтэга состоит из непрерывного электронного заграждения массовой культуры, для того, чтобы обеспечить официальную идеологию общества, но и главным образом ошеломить население, насыщая их умы бесполезной информацией. Граждане постоянно ходят с крошечными “приемниками” – Радио Морской ракушки в их ушах, таким образом, эта массовая культура может следовать за ними везде, куда они последуют. И дома они окружены сложным трехмерным телевидением, которое показывает программы, вовлекая домочадцев в эти самые программы, для того, чтобы занять то пустующее место реального эмоционального мира. Жена Монтэга Милдред, полностью в восторге от этих программ, в персонажах мыльных опер она видит семью. Когда Монтэг приходит

домой после ночного дежурства, парализованная Милдред не показывает признаков жизни, Монтэг просто отмечает для себя, что у нее был хороший вечерний просмотр телепередач, несмотря на то, что программы, которые она смотрела, были ясно лишены любого реального содержания. Когда Монтэг спрашивает, что она смотрела, она говорит “Программы”, и когда он спрашивает, какие программы, она говорит “самые лучшие”.

Вся культура этого общества кажется разработанной, для того, чтобы помрачить ум населения и воспрепятствовать тому, чтобы они испытывали любую реальную мысль или чувство, что очень похоже на сюжет романа “О дивный новый мир”. Одно из любимых шоу Милдред – интерактивное шоу, в котором ей разрешают играть роль. Но эта потенциально многообещающая возможность для креативности исчерпана, так как Милдред ограничена чтением подготовленных заранее ответов (“Я думаю, что это прекрасно!”, “Я уверенно это делаю!”). Эти программы разработаны, для того чтобы сделать иллюзию, якобы люди тоже завлечены в тот мир. Но на самом деле, людьми управляет определенная система, которая не позволяет им принимать собственные решения.

Жанр антиутопии представляет собой предсказания, наиболее опасные для современного общества. Хотя жанр антиутопии был придуман в 18 веке, настоящую популярность антиутопические романы завоевали в 21 веке. Такие писатели как Олдос Хаксли и Рэй Бредбери описывали в своих романах тоталитарное потребительское общество, программируемое государством, и возможные пути решения проблемы современности.

Таким образом исследование современного литературного процесса продолжает оставаться актуальным [16].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Claey's G. The Origins of Dystopia: Wells, Huxley and Orwell. – Cambridge University Press, 2010.
- [2] Kumar K. Utopia and Anti-Utopia in Modern Times. – Oxford: Basil Blackwell, 1987.
- [3] More, Sir Thomas. Utopia. Norton Critical Edition. Ed. Robert M. Adams. – New York: Norton, 1992.
- [4] Huxley A. Brave New World. In Brave New World and Brave New World Revisited. - New York: Harper and Row, 1965.
- [5] Weller, Sam. Ray Bradbury. The Art of Fiction. – The Paris Review. – 2010. - No. 203.
- [6] Booker M.K. Dystopian Literature: A Theory and Research Guide. – Greenwood Press, 1994.
- [7] Режим доступа: <https://www.questia.com/read/9600100/dystopian-literature-a->

theory-and-research-guide. - (дата обращения 12.04.2016).

- [8] Балд М., Евстратов А. Каролидес Н.Дж., Соува Д.Б. 451 градус по Фаренгейту // 100 запрещённых книг. Цензурная история мировой литературы. 100 Banned Books: Censorship Histories of World Literature. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. – 638 с.
- [9] Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия. – М., 1993. – 199 с.
- [10] Ланин Б.А. Общественные науки и современность. – М., 1993.
- [11] Хаксли О. О дивный новый мир. – М.:Аст, 2015. – 350 с.
- [12] Bakhtin M. M. Speech Genres and Other Late Essays. Trans. Vern W. Mc Ghee. Ed. Caryl Emerson and Michael Holquist. – Austin: University of Texas Press, 1986.
- [13] Bradbury Ray. Fahrenheit 451. – New York: Ballantine Books, 1979.
- [14] Orwell George. 1984. – New York: New American Library, 1961.
- [15] Замятин Е. Мы. – М.:Аст, 2015. – 224 с.
- [16] Людинина О.Е. Рубеж в истории – рубеж в литературе // Хабаршысы - Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия "Филологические науки". 2015. №4 - с. 134-151.

REFERENCES

- [1] Claeys G. The Origins of Dystopia: Wells, Huxley and Orwell, Cambridge University Press, 2010.
- [2] Kumar K. Utopia and Anti-Utopia in Modern Times. Oxford: Basil Blackwell, 1987.
- [3] More T. Utopia. Norton Critical Edition. Ed. Robert M. Adams. New York: Norton, 1992.
- [4] Huxley A. Brave New World. In Brave New World and Brave New World Revisited. New York: Harper and Row, 1965.
- [5] Weller S. Ray Bradbury. The Art of Fiction. *The Paris Review*, 2010, No. 203.
- [6] Booker M.K. Dystopian Literature: A Theory and Research Guide. Greenwood Press, 1994.
- [7] Rezhim dostupa: <https://www.questia.com/read/9600100/dystopian-literature-a-theory-and-research-guide>, data obrasheniya 12.04.2016.
- [8] Bald M., Yevstratov A. Karolides N.J, Souva D.B. 451 gradus po Farengaitu. In: 100 zaprewennih knig. Cenzurnaya istoriya mirovoi literatury = 100 Banned Books: Censorship Histories of World Literature. Yekaterenburg: Ultra. Kultur, 2008. S. 505-508. [in Russ.].
- [9] Lanin B.A. Russkaya literaturnaya antiutopia. M., 1993. 199 s.[in Russ.].
- [10] Lanin B.A. Obwestvennie nauki i sovremennost'. M., 1993 [in Russ.].
- [11] Huxley A.O divniy noviy mir. M.: Ast, 2015. 350 s. [in Russ.].
- [12] Bakhtin M. M. Speech Genres and Other Late Essays. Trans. Vern W. McGhee . Ed. Caryl Emerson and Michael Holquist. Austin: University of Texas Press, 1986.
- [13] Bradbury R. Fahrenheit 451. New York: Ballantine Books, 1979.
- [14] Orwell G. 1984. New York: New American Library, 1961.
- [15] Zamyatin Y. My. M.: Ast, 2015. 224 s. [in Russ.].
- [16] Lyudinina O.E. Rubej v istorii – rubej v literature. Khabarshysy - Ivestiya KazUMOiMYa im. Ablaay khana. Seriya "Filologicheskie nauki". 2015. №4 - s. 134-151 [in Russ.].

**ӘДЕБИЕТТЕГІ ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ ҮРДІСТЕР:
АНТИУТОПИЯ ЖАНРЫ**

Али А.Н.,

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ магистранты,
Алматы, Қазақстан, ali-ayagoz@mail.ru

Тірек сөздер: антиутопия, ағымдағы үрдістер, тоталитарлық қоғам, сатира, ғылыми фантастика жанры, қазіргі заманғы қоғам.

Аңдатпа. Бұл мақала қазіргі заманғы әдебиет үрдістерін, әсіресе антиутопия жанрын зерттейді. Қазіргі заманғы қоғам, біздің ата-бабаларымыз көзделген моральдық негіздерін жоғалтуға тура келеді. Қазіргі заманғы тарихи жағдайлар фондында, саяси және әлеуметтік тұрақтылық туралы айтуға мүмкін емес, осы және басқа факторлар – барлығы антиутопия жанрының қарқынды дамуына көмек берді. Антиутопия жазушылар, сонымен адамдарға не болатынын көрсетуге тырысады, егер олар кейбір қоғамдық мәселелерге көздерін жұмса. Бұл жанр мақала авторының субъектісі болып табылады. Зерттеу материалы Рэй Брэдбери және Олдос Хакслидің көркем жұмыстары қызмет атқарды.

Статья поступила 27.03.2016 г.

THE CREATIVE ACTIVITY OF WILLIAM GOLDING
IN THE CONTEXT OF WORLD LITERATURE

Bondareva P.V.,

MA student of Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, bondareva.p@list.ru

Keywords: world literature, William Golding's literary works, early studies, fable, allegory, children's images.

Abstract. This article is devoted to the creative activity of a prominent English writer of XX century – W. Golding and investigations of his well-known novel Lord of the Flies. Main trends in investigating of the novel have been identified by this paper in the Post-Soviet and Foreign literary studies. The article emphasizes that despite of thorough and diversified analysis of different aspects of the novel (concept of the heart of darkness, use of metaphor, allegory and symbolism), childhood as a theme and children's images of this novel have not been in the center of investigations or they were discussed partially.

УДК 82.31

ТВОРЧЕСТВО У. ГОЛДИНГА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бондарева П.В.,

магистрант КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан, bondareva.p@list.ru

Ключевые слова: мировая литература, творчество У. Голдинга, ранние исследования, притча, аллегория, детские образы.

Аннотация. Статья посвящена творчеству выдающегося английского писателя XX века – У. Голдингу, и исследованиям одного из его самых известных романов – “Повелитель мух”. Определены основные направления в изучении романа в постсоветском и в зарубежном литературоведении. Данная статья подчеркивает, что, несмотря на довольно тщательный и разносторонний анализ различных аспектов романа (форма притчи, концепт тьмы человеческой природы и использование символизма, метафоры и аллегии), тема детства и образы детей не были центральной темой исследований, а лишь рассматривались фрагментарно.

XX век в мировой истории ознаменовался как век противоречий, конфликтов и противостояний, которые и привели мировое сообщество в состояние войны. Век парадоксов, в котором великие достижения шли рука в руку со страшнейшими катастрофами в истории. Литература в этот период, как и следует ожидать, отвечает духу своего времени и представляет беспрецедентное количество различных вариантов социальных, этнических и эстетических отношений. Следуя резкому введению новой модели мышления естественных наук, социологии и психологии, она реагирует, впитывая и облачая информацию в различные литературные жанры.

Литература XX века является частью социально-культурного и исторического развития и может рассматриваться как специфический способ изображения жизни и культуры в обществе. Она раскрывает кризис личности человека и его борьбы за самореализацию в современных условиях жизни, делая ударение не столько на политических и социальных проблемах общества, сколько на моральных, что, в свою очередь, определяет новое измерение для изображения английского общества.

Среди наиболее известных английских авторов XX века занимает свое место лауреат Нобелевской премии – Уильям Джералд Голдинг (1911-1993), прошедший свой долгий тернистый путь: от безывестного школьного учителя до обладателя Нобелевской и Букеровской премий. Он был романистом, чьи произведения заключают в себе огромный смысл и сегодня его работы пользуются популярностью среди читателей и вызывают неоднозначные отзывы литературных критиков.

Когда Уильям Голдинг был награжден Нобелевской премией по литературе в 1983 году, Фонд Нобеля охарактеризовал его романы следующими словами: “...his novels which, with the perspicuity of realistic narrative art and the diversity and universality of myth, illuminate the human condition in the world of today” [1].

Хотя романов и не так много, всего – 12, среди них:

- “Наследники”, 1955 – второй по счету роман Голдинга, повествующий о доисторических временах, выдвигающий предположение о том, что эволюционировавшие предки человечества, “носители огня”, одержали победу над более слабой расой благодаря насилию и обману, как основными параметрами естественного превосходства.

- “Воришка Мартин”, 1956 – Голдинг рассматривает конфликт добра и зла как неотъемлемых составляющих нашей природы, утверждая – то, что дано нам при рождении, и то, что мы можем изменить по нашей собственной воле – бросает вызов самому нашему существованию. Роман вызвал большие споры литературного мира своего времени, в том числе, и призывы – переписать финал произведения.

- “Свободное падение”, 1959 – используя четкие и ясные воспоминания главного героя о прошлом, писатель исследует, как последствия наших действий делают нас теми, кем мы становимся.

- “Шпиль”, 1964 – является аллегорией, рассматривающей навязчивое желание главного героя построить большую башню со шпилем над церковью, невзирая на последствия.

- “Пирамида”, 1967 –У. Голдинг описывает период взросления главного героя (Оливера) в 1920-е годы в маленьком торговом городке Англии, Стилбурн. Оливер рассказывает три отдельных эпизода из своего детства. Произведение описывает жизнь провинциального городка и иерархическое (“пирамидальное”) устройство английского общества [2].

Он также писал пьесы (Медная бабочка, 1958), множество эссе, ревью, несколько коротких рассказов, стихи, и книгу о путешествии по Египту (An Egyptian Journal ,1985). Он оставил после себя множество дневников (1971-1993), которые хранят мысли и идеи автора; краткое содержание было опубликовано под названием “The Dream Journals” в литературном журнале Arete (Выпуск 16, Зима 2004, стр. 25-42). Многие из его попыток написания других работ сохранились до наших дней в форме рукописного и машинописного текста.

Опыт, полученный Уильямом Голдингом во время Второй Мировой войны, глубоко отразился на его мировоззрении. После войны Голдинг возобновил учительскую деятельность и одновременно приступил к писательству. Первый и самый популярный из его романов является роман-притча, роман-предупреждение, аллегорический роман или как его еще называют “роман-парабола” – “**Повелитель Мух**”, вышедший в свет в 1954 году, который изначально был написан для его детей.

У. Голдинг отправил свою работу множеству издателей, которые в последствии отказали ему в печати, и только Faber&Faber в Лондоне дали согласие при условии, если он уберет в начале своего романа описание ужасов атомной войны. Поддерживаемый Э.М. Форстером, вскоре его история о мальчиках, оказавшихся на необитаемом острове, становится бестселлером, распространившимся по всему миру.

История мальчишек, которые после крушения решили, во что бы то ни стало выжить на отдаленном острове, не может не завораживать, но автор не рассказывает безоблачную историю о выживании смелых ребят на безлюдном острове. Напротив, он рассказывает читателю историю, в которой дети из-за отсутствия правил и ограничений цивилизованного общества превращаются в дикарей, для которых сила является основным оружием для выживания на острове. Несмотря на это, дети все же предпринимают попытки построить дисциплинированное и организованное общество, но мере того, как мальчишки разделяются на группы меняется и их поведение. Одна группа все еще стремится поддерживать порядок и придерживаться установленного плана действий, другая, в свою очередь, уже стремится

к анархии и насилию, что приводит детей к печальным последствиям, в которых погибает Хрюша и получает серьезное ранение Ральф.

“Повелитель Мух” стал культовым произведением среди читательских кругов, так и литературных критиков, которые сравнивали его с работой Дж. Сэлинджера “Над пропастью во ржи” в его влиянии на современную мысль и литературу. И действительно, здесь есть сходства, которые невольно привлекают внимание, ведь главные герои большинства произведений Сэлинджера – дети и подростки до 15 лет. Однако его нельзя назвать “детским” писателем [3, с. 112]. Голдинг, в свою очередь, также с малой долей вероятности может быть определен как “детский писатель”, несмотря на возраст своих героев, который варьируется от 6-12, и в силу манеры повествования, которая вызывает споры исследователей его творчества.

Роман “Повелитель Мух” занимает значительное место в творческом наследии У. Голдинга, и вызывает неподдельный интерес не только своим изображением человеческой натуры, но и яркими, правдивыми детскими образами. Несмотря на то, что роман, казалось бы, ограничивается микрокосмосом группы мальчишек, он подразумевает множество вопросов, которые являются основными для человечества в течение многих веков и давно уже вышли за пределы маленького острова.

Дуайт Гарнер, обозреватель NewYorkTimes, говорит о романе “Повелитель Мух” как о “библии несчастливого детства”: “...Lord of the Flies (1954) supplanted The Catcher in the Rye as the bible of tortured adolescence in America...” [4].

Тем не менее, исследователей чаще всего привлекали аспекты романа, не связанные с понятием несчастливого детства. Когда речь идет о романе “Повелитель Мух” есть несколько определенных тем, которым посвящено множество трудов. Так форма притчи (fable aspect) данного романа служила основой исследования большому числу работ (Джонстон 1980; С.Хайнс 1997; Бэйкер 2000; Олдси и Вейтраб 1963; Эндрюс Хеннингфелд 1998), не меньше внимания уделяют и аллегорической стороне романа (Фридман 1993; Диксон 1990), теме символизма (Мартин 1969), метафоры (Смeciи and Смeciи 2010) и концепта тьмы человеческой натуры (Хасан аль-Саиди 2012; Далримпл 2005), что в последствии станет одним из основных тем и лейтмотивов Голдинга.

Голдинг написал “Повелителя Мух” как пародию к произведению Роберта Баллантайна “Коралловый остров” (CorallIsland), название

которого упоминается в романе. Постепенно работа наполнялась философским смыслом, и в результате появилось независимое литературное произведение. Несмотря на это, все же роман сохраняет элемент пародии (имена главных героев романа – Ральф и Джек, являются именами протагонистов романа Роберта Баллантайна).

Голдингом отрицаются идеи Баллантайновского романа о том, что образование, как основной фактор определяет поведение молодых людей и гарантирует на необитаемом острове победу цивилизованного общества даже в условиях отсутствия последнего: “...but Ballantyne didn't invent the island dream; that dream began when man first felt the pressures of his civilization enough to think that a life without civilization might be a life without problems. [...] We may say that *The Coral Island* is a clumsy moral tale, in which good is defined as being English and Christian and jolly, and especially an English Christian boy, in which evil is unchristian, savage and adult. The three boys are rational, self-reliant, inventive and virtuous- in short; they are like no boys that anyone has ever known. Golding regards *The Coral Island* morality unrealistic and therefore not truly moral, and he has used it ironically in his own novel, as a foil for his own version of man's moral nature...” [5, с. 57].

Такой яркий контраст между “Коралловым островом” и “Повелителем Мух” (Сингх 1997; Боден 2009) интриговал ученых. Одной из причин можно назвать “риторическое и идеологическое утверждение “Повелителя Мух” над “Коралловым островом”. Это является торжеством опыта над невинностью, реализма над романтикой, правды над иллюзией, зрелости над наивностью и трудности над легкостью” [6, с. 25]. Тем не менее, “Коралловый остров” не является единственным произведением, рассматриваемым в отношении “Повелителя Мух”. Примером этому может служить труд Сюзанны Гульбин (1966) направленный на поиск сходений между романом Голдинга и “Скотным Двором” (*Animal Farm*, 1945) Оруэлла. Оба произведения содержат политическую и социологическую тематику с аллегориями на тиранию и демократию. Оба романа рассказывают о героях свободных от контроля взрослых, использующих эту свободу для изучения окружения и самоорганизации для более комфортного выживания. Бросается в глаза и разногласие между двумя главными героями, которые имеют помощников. Сходство между романами очевидно, но там, где Оруэлл хотел показать развитие свиньи в человека, Голдинг стремится продемонстрировать обратное – человеческую регрессию в свиней.

Олдси и Вейтраб (1963) уделяют особое внимание вымышленной стороне романа и утверждают, что он не более утопичен, чем “Путешествия Гулливера” (Gulliver’s tales). Прежде всего, абсурдны условия и местонахождение мальчиков, точное расположение острова не ясно, и дается расплывчато: он расположен достаточно далеко для того, чтобы там ходили корабли, но одновременно достаточно близко для проведения воздушных боев. Во-вторых, вызывает сомнение крушение самолета, в котором находились мальчики. Разбившись напополам, одна сторона самолета спокойно находится на острове, в то время другая часть (в которой летели взрослые) утонула в море. Это все настолько реально, как и великаны в “Путешествиях Гулливера”.

Что касается исследований “Повелителя Мух” на постсоветском пространстве, то современные исследования делают акцент на изучение проблематики и специфики жанра (М.А. Кечерукова, 2009; А.В. Кузнецова, 2006), мифопоэтики (Ю.А. Шанина, 2007; А.И. Кузнецова, 2004) библейских мотивов (Д.А. Ефимова, 2009) и цветообозначений (Н.В. Мельникова, 2013).

Постсоветское литературоведение уделяет внимание вопросам жанровой природы романов Голдинга и определяет место его творчества в истории английской литературы. Достаточно точные выводы были сделаны о своеобразии художественного мира его произведений. Ю.А. Шанина отмечает в своей работе, что по сравнению с зарубежными исследованиями, в советской науке идейное содержание книг английского писателя получило более четкую и законченную трактовку, было дано целостное представление об идейно-художественной концепции его творчества. В последние два десятилетия творчеству У. Голдинга посвящены обзорные статьи (С.Д. Павлычко, А. Чамеев), диссертационные исследования (Е.З. Алеева, С.Л. Кошелев, Б.А. Минц, Т.А. Хитарова) [7].

При таком всестороннем изучении романа Голдинга стоит отметить довольно скупое количество работ, посвященных анализу детских образов с позиции несчастливого детства, в контексте мировой литературы, по большей части главных героев принято рассматривать через призму символизма.

Роман-парабола вот уже как 60 лет актуален в своей тематике и до сих пор вызывает неподдельный интерес у читателей различных кругов. Не вызывает сомнения тот факт, что каждый раз перечитывая притчу, написанную У. Голдингом будут раскрываться все новые и новые стороны столь многогранного романа как “Повелитель Мух”.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Nobel Prize Laureates: William Golding: Lord of the Flies. - Режим доступа: URL: <http://www.nobelprize.org/educational/literature/golding> – (дата обращения 20.03.2016).
- [2] Чамеев А. А. Уильям Голдинг – Сочинитель Притч (Голдинг У. Избранное: Романы, притча. – М., 1996.
- [3] Абдрахметова М.Б. Интерпретация образа главного героя в переводах романа Дж.Д. Сэлинджера “Над пропастью во ржи” // Хабаршысы-Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. – 2015. - 2 (37). – С.112.
- [4] Garner D. A Talent for Writing, and Falling Into Things // NYT. – 2010. - July 6.
- [5] Swisher S. Hynes. Readings on Lord of the Flies –The Greenhaven Press Literary Companion to British Literature 1997. Several Interpretation of Lord of the Flies. – L., 1998. – P. 56-64.
- [6] Singh M. The government of boys: Golding’s Lord of the Flies and Ballantyne’s Coral Island. Children’s literature: annual of the modern language association division on children’s literature and the children’s literature association [online].- Режим доступа: http://muse.jhu.edu.ezproxy.jyu.fi/journals/childrens_literature/v025/25.singh.html – (дата обращения. 30.03.2016).
- [7] Шанина Ю.А. Мифопоэтика романов У. Голдинга: дисс... канд. филол. наук: 10.01.03. Уфа, 2007. - 251 с.
- [8] Gulbin S. Parallels and contrasts in Lord of the Flies and Animal Farm // English Journal. – 1966.- № 55. – P. 86-88, 92.
- [9] Oldsey B., Weintraub S. Lord of the Flies: Beelzebub revisited // College English.- 1963. № 25(2). – P. 90-99.
- [10] Dalrymple T. Desert-island reading // New Criterion. – 2005. - № 23 (6).
- [11] Hasan Al-Saidi A.A. Savagery and the heart of darkness in William Golding’s Lord of the Flies // Studies in Literature and Language. – 2012. - № 4.1.

REFERENCES

- [1] Nobel Prize Laureates: William Golding: Lord of the Flies. Rezhim dostupa: URL <http://www.nobelprize.org/educational/literature/golding>, data obrasheniya 20.03.2016.
- [2] Chameev A.A. William Golding – Sochinitel pritch / Golding W. Izbrannoe: Romani, pritcha. M., 1996 [in Russ.].
- [3] Abdrakhmetova M.B. Interpretatsia obraza glavnogo geroya v perevodah romana Dzh. D. Selingera “Nad propast’u vo rzhi”. *Habarshisi-Izvestiya KazUMOiMYA imeni Abilay khana. Seriya “filologicheskie nauki”*, 2015, 2 (37) [in Russ.].
- [4] Garner D. A. Talent for Writing, and Falling Into Things. NYT, 2010, July 6.
- [5] Swisher S. Hynes. Readings on Lord of the Flies. The Greenhaven Press Literary Companion to British Literature 1997. Several Interpretation of Lord of the Flies. L., 1998.
- [6] Singh M. The government of boys: Golding’s Lord of the Flies and Ballantyne’s Coral Island. Children’s literature: annual of the modern language association division on children’s literature and the children’s literature association. Rezhim dostupa: http://muse.jhu.edu.ezproxy.jyu.fi/journals/childrens_literature/v025/25.singh.html data obrasheniya 30.03.2016.
- [7] Shanina U.A. Mifopoetika romanov U. Goldinga: diss. kand. filol. nauk : 10.01.03. Ufa, 2007. 251 s. [in Russ.].
- [8] Gulbin S. Parallels and contrasts in Lord of the Flies and Animal Farm. *English*

Journal, 1966.

[9] Oldsey B., Weintraub S. Lord of the Flies: Beelzebub revisited. *College English*, 1963, № 25 (2).

[10] Dalrymple T. Desert-island reading. *New Criterion*, 2005, № 23 (6).

[11] Hasan Al-Saidi A.A. Savagery and the heart of darkness in William Golding's Lord of the Flies. *Studies in Literature and Language*, 2012. 4.1.

ӘЛЕМ ӘДЕБИЕТІ КОНТЕКСТІНДЕГІ У. ГОЛДИНГ ШЫҒАРМАШЫЛЫҒЫ

Бондарева П.В.,

MA student of Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, bondareva.p@list.ru

Тірек сөздер: дүниежүзілік әдебиет, бала бейнесі, өсиет әңгіме, туспалдау, Уильям Голдингтің шығармашылығы, ерте зерттеулер.

Аңдатпа. Бұл мақала ХХ ғасырдың көрнекті ағылшын жазушысы Уильям Голдингтің шығармашылығына және оның әйгілі “Шыбындар патшасы” ромнанына арналған. Посткеңестік және шетелдік әдеби романдағы зерттеудің негізгі бағыттары анықталды, түрлі аспектілерді салыстырмалы мұқият және жан-жақты талдай отырып (нақыл сөздер көлемі, адам табиғатының қараңғылық ұғымы және символизм, метафора мен аллегорияны пайдаланылған) балалық шақ және бала бейнесі басты бағыт болмағанын көре отыра, тек жартылай қарастырылған аңғарамыз.

Статья поступила 31.03.2016 г.

ORHAN PAMUK AND INTERTEXTUALITY IN HIS WORKS

Kuntuarova B.N.,

MA student of Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, kuntuarova_nb@mail.ru

Keywords: literature, Turkish literature, intertextuality, Orhan Pamuk

Abstract. First works of Orhan Pamuk was written in realistic direction. They are “Jevdet Bey and his sons” and “Silence house”. And now Orhan Pamuk is writing in postmodernist direction. Postmodernism has own difference like intertextuality. First work of Orhan Pamuk that conclude intertextuality is “White fortress”. After this book he started to write novel in this way, we mean by using intertextuality. “Black book” was writing after “White fortress” and we can call it “poetic of postmodernism”. We researched intertextuality in Orhan Pamuk’s works.

ОӘЖ 82.4

ОРХАН ПАМУК ЖӘНЕ ОНЫҢ ШЫҒАРМАЛАРЫНДАҒЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛДЫЛЫҚ

Кунтуарова Б.Н.,

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ магистранты,
Алматы, Қазақстан, kuntuarova_nb@mail.ru

Тірек сөздер: әдебиет, түрік әдебиеті, интертекстуалдылық, Орхан Памук.

Аңдатпа. Алғашқы негізгі романдарын “Джевдет Бей мен ұлдары” және “Үнсіз үй” -ді реалистік бағытта жазған Орхан Памук, кейінгі, яғни “Ақ бекініс” романынан бастап, өзінің еңбектерінде интертекстуалдылықты қолдана отырып, оны өз мәтіндерінде ойната отырып, постмодерндік дәуірге тән шығармалар жазды. Интертекстуалдылықты қолдана отырып жазылған алғашқы романы “Ақ бекініс” болып табылады. Ал осы “Ақ бекініс” романынан кейін жазылған “Қара кітап” “постмодернизмнің поэтикасы” деген атауды иемденген болатын. Біз осы мақаламызда әдебиетте өзінің орны қалыптасқан түрік жазушысы Орхан Памуктың шығармаларында қолданған интертекстуалдылықты зерттедік.

XX – XXI ғасырлардағы әдебиет әлемінде үлкен жаңалықтың бірі түрік прозасы болды. Сол дәуірдің жазушыларына “түрік романистикасының соңғы ұрпағы” атауы берілді [1, 907-б.]. Солардың арасында топты жарып шыққан романист Орхан Памукқа 2006 жылы Нобель сыйлығы берілген кезде, Швед Корольдігінің академиясы түрік жазушысы “туған қаласының меланхолды рухын іздеу барысында мәдениеттердің байланысы мен тоғысуының жаңа белгілерін тапты” [2] деп қорытындылауы, XX ғасырда әлем әдебиеті процесінің тысында қалған түрік әдебиетінің өз орнын

тауып, ықпалды ұлттық әдебиеттердің біріне айналғанын дәлелді. Сонымен қатар, Орхан Памуктың Нобель сыйлығынан басқа да француздық “Prix France Culture”, IMPAC атты ирландық сый және италияндық Premio Grinzane Savour атты сыйлықтары да бар.

Жоғарыда аталып өткен “батыс пен шығыс диалогынан” басқа, Орхан Памук өзінің шығармаларында интертекстуалдылықты кеңінен қолданып, батыс және шығыс авторларының шығармаларын цитаталау арқылы жалпы адамзат баласына ортақ мәселелерді көтерген. Жазылған кітаптарындағы Памуктың басты ерекшелігі, ол Батыс пен Шығыстың жоғарғы үлгідегі шығармаларын оқи келе, адамзат баласын түсіну және түсіндіру үшін өзіне тән болмысты қалыптастырды. Дегенмен, ол екі өркениеттен сусындаған тұлға болғандықтан, оның шығармаларында интертекстуалдылық орын алмай қоймаған.

Мысалы, “Менің атым Қызыл” шығармасында интертекстуалдылыққа бірден бір үлгі бола алады. Памук шығармасын Умберто Эконың “Раушанның аты” есімді шығармасынан әсер алып жазған. Бірақ, бұл тұста шығыс мәдениетінің де осы шығарманың жазылуына арқау болғанын атап өткен де жөн. Кітапта арап, қытай, үнді әдебиетінде бой көрсететін уақиғалардың желісінен де алынған үзінділер бар.

Біз үшін ең қызық болғаны Умберто Эконың кітаптар туралы қозғаған сөздері еді. Ол кітаптардың көп жағдайда басқа кітаптардан сөз ететіні туралы пікірін білдірді. Яғни оның ойынша көбінесе бір кітап, өте “қауіпті” гүлдің тұқымы болып табылады. Ал қалғандары сол тұқымнан өсіп шығады [3].

“Стамбул: естеліктер қаласы” атты шығармасы интертекстуалдылыққа толы екенін бізге дейін көптеген ғалымдар зерттеп, бұл кітапты өздерінің жұмыстарына арқау еткен болатын. Ол шығарманың ең басты ерекшелігі батыс және шығыс ақын-жазушыларының Стамбул қаласы туралы ойлары, көзқарастары мен автордың өз ойының “диалогы” болып табылады.

Осындай диалогты Памукқа дейін Стамбул туралы жазып кеткен басқа да авторлардың жазбаларымен таныс болмай зерттей алмаймыз. Түрік жазушылары Стамбул қаласы туралы XX ғасырдың басына дейін шығармалар жазып қалдырған, бірақ салыстырмалы түрде алғанда олар аз болып есептеледі. Орхан Памуктың ойынша қаланың нағыз портретін, оның күнделікті өмірін, ондағы

шынайлықты, оның тынысын тек қана әдебиет сипаттап бере алады; бірақ Стамбул туралы әдемі шығармалар тек қана басқа ұлт өкілдерінің қаламынан туындаған. Өзінің автобиографиялық романына Орхан Памук төрт “қайғылы жалғыз” жазушыларды таңдап, солардың мәтіндеріне сүйене отырып жазғаны белгілі, бұл жазушылардың шығармаларынсыз Памуктың бұл романы толыққанды болмас еді, Стамбул қаласының образын аша алмас еді. Айтып кеткен төрт жазушымыз: Я. Кемал, А.Х. Танпынар, Р.Э. Коч және А.Ш. Хисар. Хисардың романдағы қолтаңбасы қатты біліне қоймайды, алайда алдыңғы үш автордың Стамбул туралы ойлары, Орхан Памуктың қала туралы түсінігіне қатты әсер етті.

Орхан Памуктың төрт “қайғылы жалғыз” жазушыларды таңдауының себебі, осы жазушылар Памукқа шынайы жақын, жанына жылу ұялататын тақырыпты, яғни, Осман патшалығының құлауы мен осман мәдениетінің жоғалуын шығармаларына арқау еткен. Памуктың өзі Осман патшалығының құлап, енді есін жимастай халге келгенінде, олар (авторлар) ескілікті көксемей, ескіні өз шығармаларына арқау етіп, оны жаңа тілімен суреттеп поэзияға айналдырды деген пікірді айтқан. Дәл осы жазушылардың шығармашылығында Орхан енді тарих парақтарында ғана есімі қалатын патшалыққа деген сағынышты, жоғалып кету алдында тұрған мәдениетке деген мұңлы сағынышты көрді. Яғни, Памуктың да Стамбулы өзі негізге алған шығармалардағы сынды “қираған” сұлулыққа толы; алайда оны ешкім көре алмас, өйткені ол жоғалған [4].

Орхан Памуктың 2008 жылы басылымда жарық көрген “Пәктік музейі” атты романында “махаббат, адамзат, жалғыздық және өмір сүру махаббаты”; Стамбул қаласының қоғамдық өмірінің көрсеткіші, орналасу ерекшелігі мен ойын-сауық орындары, Йешилчамдағы өмір, заттар мен естеліктер арасындағы байланыс, адамның жынысы, музейлер мен Батыстану” сияқты көпетеген тақырыптар өрбітілген. 83 бөлімнен тұратын романның алуан түрлі қыры бар: бір қыры махаббатты, бір қыры Стамбул қаласын суреттесе, бір жағынан сол дәуірдің романы ретінде де сипатталады. Осындай қасиеттері арқылы бұл романды постмодерннің тілі көркем, сөздік қоры көп романдарының қатарына жатқыза аламыз.

Ал “Ақ қамал” романының оқиғасы XII ғасырдағы Осман империясында болған. Бұл түріктерге құлдыққа түскен венециандық

көпес пен оның иесі оқымысты Ходжаның арасындағы қарым-қатынас туралы жазылған оқиға. Тағдырдың тәлкегі ме, кім білсін, әйтеуір батыс пен шығыс атты екі әлемнің өкілдері болып табылатын бұл екі тұлға сырт келбеттерімен бір-біріне қатты ұқсайтын болады [5]. Осындай ұқсастық арқылы Памукқа тән батыс пен шығыс арасындағы түсініспеушілік бірден бір көрініс тапқан. Қанша таң қалсақ та, бұл роман интертекстуалдылық байланыс жағынан Сервантестің “Дон Кихот” романына жалғасады. “Ақ камал” романында “дель арте” атты итальяндық комедиядағы сынды қаһармандардың киім ауыстыруы мен рольдерді өзгертуі арқылы шығарманың соңын “ашық” етіп қалдырады, яғни, соңы белгісіз, аяқталмаған сынды болып қалады [6, 16]. Өзінің ұлттық мәдениеті мен интертекстуалдылықтың байланысын тек қана Қарагез және Хадживат туралы сөз қозғағанынан ғана емес, Памуктың өз романына түрік көлеңкелер театрының өкілі Эвлия (Әулие) атты жаңа қаһарманды кіргізуінен байқай аламыз. Бұл қаһарманның осылай пайда болып, XVII ғасырда өмір сүрген түрік саяхатшысы, географ және жазушысы, Азия, Африка, Қырым және Еуропаның көп аймағын аралаған Эвлие (Әулие) Челебиден алынғаны айдан анық. Оның саяхат барысында жазған барлық шығармалары мен күнделіктері классикалық түрік әдебиетіндегі ең ауқымды, мемуарлық жанрдағы он томдық “Саяхаттар кітабын” құрайды.

Ендігі кезекте Орхан Памуктың “Қара кітап” атты шығармасына тоқталсақ. Бұл кітапта интертекстуалдылықтың жарқын жарқын әрі мол мысалдары бар.

“Қара кітаптың” ішінде Батыс пен Шығыстың ұлы әрі атақты әдебиетшілеріне сүйене жазылған эпиграфтар өте көп. А.В. Рогтың айтуы бойынша: “Оның “Қара кітабының” бөлімдерінің эпиграфтары ретінде Мәулананың, Флобердің, Галип Шейх, Абдуррахман Шерефтің, Улунай, Ахмет Расиннің, Эдгар По мен Атардың ... , Рильке мен Марсель Прусттің және басқалардың сөздері арқау болған [7, 118-б.]. Роман сюжеті көбінесе орта ғасырларда жазылып кеткен мистика-бағыттаушы, жол көрсетуші трактаттардың құрылымын қайталайды. Осы трактаттар ішінде қаһарман өзінің сүйіктісін іздеу барысында ішкі жан дүниесіндегі жоғалтып алған қасиеттерін ашады. Стамбул қаласында қыдыру-сопылық мотивтердің көрінісі, яғни адам жанының кемел нәрсені

табуға деген құштарлығын көрсетеді. Сонымен қатар, “Қара кітапта” қаһарманның түсінігіндегі кемелдену–ол адамның өзін-өзі тануы болып табылады. Бұл тұстары да Юнгтің “өздігіне” сәйкес келеді. Роман әңгімелеудің бірнеше деңгейінен тұрады. Сол жердегі деңгейлердің бірінде “ізденіс роман” бар. Және бұл ізденіс бірнеше мағыналық тараптар арқылы жүзеге асады. Бас кейіпкер Галип өзінің жоғалып кеткен жұбайы Рюя мен ағасы Джелял Саликті іздейді. Осы іздеу барысында ол өзін де іздейді. Г. Шульпяковтың айтуы бойынша, бұл кітаптың ішінде “астарлы ой” бар. Астарлы ой деп отырғаны Орхан Памуктың көп кітаптарына арқау болған, көп кітаптарында кездесетін отбасы, үлкен үй мен отбасы мүшелерінің қарым-қатынасын меңзегені. Ал әйелінің кетіп қалуы сюжетін Шульпяков Муркамидің “Көңіл көтергіш құстың хроникасы” атты романымен байланыстырады.

Жоғарыда айтып кеткеніміздей, бас кейіпкердің аты Галип. Орхан Памук тура осы есімді таңдап алуы арқылы, XVIII ғасырда өмір сүрген түрік поэт-сопы, Румидің ізбасарларының бірі Галип Шейхты “Қара кітап” атты шығарманың мәтініне жаңа ой қосады. Роман сюжеті Джелялдің хат-хабары арқылы тоғысады. Бұл тұста Джелял аты аңызға айналған Мәулана мен оның егізі Шемс Тебризиді түсінгісі келді. Тағы бір білгісі келген мәселесі Шемс Тебризидің өлімі.

Біздің байқауымыз бойынша, романның ішінде жасырын тұрған құтқарушы, яғни махди мен өтірік миссияшылдар (лжемиисии) образы бар. Бұл образдар Достоевскийдің жазып кеткен “Карамазов ағайындылар” шығармасымен интертекстуалдылық байланыс бар екенін көрсетеді. “Қара кітапта” романшы “Карамазов ағайындылар” шығармасындағы ұлы қинаушы (Великий инквизитор) образын алып, оны христиандық мәдениеттен исламдық мәдениетке, Ыстамбұл қаласына көшірді.

Түркияның оқырмандарына орыс әдебиеті еуропа әдебитенің бөлшегі ретінде келеді. Осылайша, Достоевский мен басқа да жазушылардың шығармаларында Түркия сұранысқа ие болады. Тағы да қайталап өтетін жайт, ол Орхан Памук үшін өзінің ұлттық болмысы мен батыс тақырыбы, түркі-исламдық мәдениет негізгі мәселе болып табылады. Памуктың ойынша, Достоевский өзінің шығармасында “Ресей мен Шығыстың шекараларын көрсетуге” тырысып баққан. Тағы да, Орхан Памук Еуропаның католицизмін

Ресейдің православтарымен салыстырып қараса, Ресейді Батыс пен Шығыс арасындағы көпір деп біледі. Дегенмен, ислам мәдениетіндегі адамға христиан дініндегі айырмашылықтар маңызды емес, бірақ Орхан үшін Ресей Еуропаның бір бөлігі ретінде болып, христиан мен ислам қатар болатын. Осылайша, Орхан Памук өз шығармасына Достоевскийдің мәтінін ориенталды дискурсқа келтіріп енгізді.

Орхан Памук бір емес бірнеше рет өз шығармашылығына әсер еткен орыс мәдениеті туралы былай дейді: “Толстой да, Достоевский де орыс әдебиетінің тереңдігі мен байлығының нағыз көрсеткіштері. Мен керемет сезімге бөленгенде, бақытты болғанымда, өмірден ләззат алғанымда өзімнің ішімде Толстойды көремін; ал толқыған кездерімде Достоевскийді. Осылайша, менің жанымның екі жағы бар. Онда Достоевский де, Толстой да бар. Мен екеуін де жоққа шығара алмаймын” [7, 3-б.].

Сонымен қатар, Орхан Памук өзінің “роман-өркениет” жанрын (бұлай оның шығармасын Б. Дубин атаған) Джеймс Джойстың “Улисс” атты шығармасынан алғанын жоққа шығармайды, керісінше, өзі де сол туралы айтқан болатын. Романшы Нью-Йорк қаласында “Қара кітап” романының жазылу барысында ол өзін “Джойс” ретінде сезініп, соның шығармаларына сүйенгенін де айтады [7].

Өзінің шығармаларының, яғни романдарының интертекстуалдық байланыста екенін жазушы Джеляльдің сөздерімен көрсетеді: “Шығарманы жаңадан жазу міндетті емес. Тек қана озық үлгідегі классикалық шығармаларды қолдану керек” [5, 283-б.]. Осы пікір романның екінші бөліміндегі оныншы тарауда да эпиграф ретінде қолданылуы арқылы да дәлелденеді: Стильдің жекелігі, индивидуалдылығы: әлдеқашан жазылып кеткен дүниеге еліктеу арқылы шығады. Бұл қалыпты, табиғи жағдай [5, 360-б.].

“Қара кітаптың” мәтіні бізді еріксіз түрде Шығыс классиктерінің шығармаларына шолу жасауға итермелейді. Ол шығармалардың қатарында Мәулана Джеляладдин Румидің “Месневи”, Галип Шейхтің “Гюсн та Ашк”, Атардың “Құстардың әңгімесі” және “Мың бір түн” енеді. Бұл шығармалардың негізі ирандық, бағдаттық және египеттік әңгімелер болып табылады.

Парсы мистицизм жанрының өкілі Абу Талиб Мухаммед бен Ибрагим Атардың поэмасы кемелділікке деген жолды әңгімелейді,

Бұл шығарма да сопылық әдебиеттер қатарынан орын алады. Бұл шығарма аллегориялық саяхат туралы болып табылады. Бұл саяхатқа дүниедегі барлық құстар атақты патша Самрұқты іздеу үшін аттанады. Олар сопылық мәдениет түсінігінде қалыптасқан Құдайға апаратын жеті алқапты асып өтеді. Бұл алқаптардың атауы құстардың сол саяхат барысында көрген қиыншылықтарымен аталған сияқты, яғни солардың символы сынды; мысалы: Ізденіс алқабы, Махаббат алқабы, Түсінісу алқабы, бір нәрсеге бағынышты болмау мен Тәуелсіздік алқабы, Бірлік алқабы, Таңқалу алқабы мен Кедейлік пен жоқшылық алқабы. Аттардың поэмасында көзге бірден көріне қоймайтын жасырын ой жатыр. Ол жерде патшаның тақырыбы қозғалғанымен, ой осы саяхаттың өзінде жатыр. Көптеген қиыншылықтарды бастарынан өткеріп, әбден шаршап шалдығып, қажыған отыз құс патшаларына жеткен кезде, оны алғашқы рет көрген кезде, өздері мен сол патша бірдей екенін түсінеді. Оның Самрұқ деген есімі шынтуайтқа келгенде “отыз құс” деген мағынаны береді. Олардың осыншама уақыт бойы сандалып, сабылып іздегендері өздері екенін олар дәл осы саяхатты өту арқылы білулері керек еді. Өздерін тану үшін осы саяхат оларға берілген сынақ іспеттес еді.

Атақты поэт-мистик Мәулана Джалаледдин Мухаммед Румидің өміріндегі көптеген эпизодтар “Қара кітап” -тың бір сюжетін құрайды. Галип пен Мәулананың тұлғалары мен Джелал мен Шемс Тебризидің арасындағы параллельді байқамау мүмкін емес.

Мәулананың “Месневи” эпико-дидактикалық басты әдеби шығармасы болып табылады. Бұл насихат ретінде жазылған оқиғалар топтамасы көптеген маңызды уағыздарға толы, кей жерінде уағыздар артқа лирикалық шегініс жасап, адамның жер бетіндегі ұлылығына қарамастан оған расында ненің құнды екені туралы айтылады. Жалпы алғанда, бұл хикаялар сопылықтың энциклопедиясын құрайды. “Месневи” шығармасында сюжеттің бірізділігі жоқ, ол туралы сөз қозғауға да болмайды. Бірақ, шығармада автордың рухы өте жақсы берілгендіктен, қолданылған теңеулері де, ырғағы мен ұйқасы да керемет болғандықтан, шығарма рух пен ерекшелікке толы. Өзінің сұхбаттарының бірінде Орхан Памук былай деген болатын: “Маған ұлттық әдебиеттің керемет үзінділері керек болды; ал ол шығармалар әрине сопылық

поэзияның нақ өзі емес пе?!” [7].

Жоғарыда айтылып кеткендей, Шейх Галиптің “Құсын мен Ашық” месневиі “Қара кітап” - тың метанегізі болып табылады. Бұл шығарманың сюжеті бойынша кішкентайынан бірге өскен жігіт пен қыз өмірлік жар болып, үйленуге бел буады. Бірақ, алдымен Ашық оған тайпасының тарапынан берілген бір тапсырамасын орындауы тиіс еді. Ол тапсырма мынандай еді: Жүрек қаласындағы бір дәріні тауып, оны өз елдеріне, туған жеріне алып келуі керек. Жас жігітті жолда көптеген сынақтар тосады, бірақ ол соның барлығын Сюхан атты атасының қолдауымен Жүрек қаласына жол тауып, өзінің сүйгені өзінің бір бөлшегі екенін түсінеді. Ақиқатты табудағы саяхаттың қаншалықты қиын екенін көрсететін мотив тек қана осы поэманың емес, сонымен қатар Атардың поэмасының байланыстырушысы болып табылады.

Орхан Памуктың аторлық стиліне өзінің шығармалары арасындағы интертекстуалдылықты жатқызғанымыз жөн болар. Автор өзінің жаңа шығармасына өзінің алдыңғы жазып кеткен шығармаларынан қаһармандарды, олардың өзгешеліктерін ала отырып, жаңа туындыға соларды аздаған пайызда арқау етеді. Осылайша, “Қара кітап” -та Джевдет Бейге арналған мақала бар. Джевдет Бей Орхан Памуктың осы романның алдында жазып кеткен шығарманың қаһарманы. Ал “Жаңа өмір” дегі Османның көзіне “Қара кітап” -тағы Галиптің інісі Джелял Саликтің мақаласы түсіп кетеді. Памуктың романдарында эпиграфтар да маңызды орын алады. Мысалы, “Жаңа өмір” -дегі эпиграф пен тіпті кітаптың атауы “романды еуропаның орта ғасырлық және кеш орта ғасырлық шығармаларының әдеби салт-дәстүріне жатқызуға болатынын да көрсетеді” [8, 17-б.]. Алайда, христиандықтың ерекшеліктерін көрсететін символдар, осман мәдениетінің символдарына қарағанда әлдеқайда аз. А.В. Рогтің пікірі бойынша, Орхан Памук бұл шығармасын Рильке мен Дантенің шығармаларына қарап модельдеген [6, 138-б.].

“Менің атым Қызыл” романының құрылымы шығыс халықтарының ертегілерін еске салады. Неге десеңіз, бұл шығарма көптеген кішігірім хикаялардан тұрады. Дәл осы орайда біз Умберто Эконның шығармалары мен Орхан Памуктың осы шығармасы арасындағы интертекстуалдық байланысты көре аламыз. Дегенмен Орхан Памук та өзінің Умберто Экоға көп сүйенетінін былайша

айтады: “Әсер етеді дегеніміз дұрыс таңдалмаған сөз болар. Себебі, мен тіпті кейбір тұстарын ұрлаймын деп айтса да болады. Әл әсер етеді дегеніміз- ол тек қана менің кітаптарды оқу барысындағы әсерім десек дұрыс болар еді” [7]. Детективті, тарихи және мәдени деңгейлердің болуы “Менің атым Қызыл” кітабын постмодерндік керемет шығарма “Раушанның аты” атты шығармамен мәдени жағынан бірдей деңгейге қояды. Умберто Эко сынды Орхан Памук та тарихи-детективті романның шектерін қолданады.

А.В. Рогтың айтуы бойынша, “автор басқа жазушылардың шығармаларына сүйене отырып, оқырмандар үшін жаңа, бірнеше мәдениеттерді тоғыстырған есікті ашады” [6, 36-б.]. Осы сынды мәтіндерді қабылдаудың өзі оқырманның алдына білімді, әлемдік әдебиеттен хабардар болуды талап етеді. Өйткені, оқырман бұл кітаптардағы мәтіндерді оқыған кезде “мәтін сырты” (У.Эко термині) дегенді біліп, цитаталар мен эпиграфтарды тани білетін, олардың мағынасы мен қолданылуын анықтай білетін білімге ие болу керек. Бұл тұста, тіпті “интертекстуалдылық компетенциясы” деген ұғым да пайда болады. Яғни, кезкелген мәтін өзінің жазылған “болмысына” қарамай-ақ, кез келген мәдениетте орын ала алады.

Орхан Памуктың шығармаларына жасалған анализ оның шығармашылығы үшін интертекстуалдылықтың алар орны ерекше екенін көрсетіп берді. Тіпті бұл оның әңгімелеуінің бір стратегиясы десек те болады; яғни универсалды проблемалардың мәдениеттер арасындағы макродиалогы арқылы шешілуі.

Дәл осы себеппен, оның шығармаларында гипертекстуалдылық пен паратекстуалдылық орын алады. Сонымен қатар Батыс және Шығыс ғалымдарының, жазушыларының еңбектерінен цитаталар алынады. Орхан Памук түрік халқының мәдени-тарихи дискурсының шегінен шықпай әлемдік мәдениетке қадам басады. Оның шығармалары басқа мәдениеттермен байланысып, әр бір шығармасында басқаның “сөзі” жаңғырық сынды “жаңғырып” тұрады. Осы шығармалары арқылы ол әлемге де жаңа туындылар сыйлады. Осындай “алып-қосулар” өзінің жемісті екенін көрсетеді. Біз оны Орхан Памуктың шығармалары арқылы біле аламыз.

Орхан Памуктың: “Заманауи оқырманның жаны суық болып кеткен, ал мен от іздеймін” деген сөздері бар. Бірақ, ол тек қана сол отты іздеп емес, сонымен қатар сол сөніп, мұзға айналған жанды отқа айналдыру үшін көптеген шығармалар жазып, әлемдік

әдебиет пен өзінің ұлттық әдебиетіне қайталанбас, ерекше, соны дүниелер жазуда. Ол постмодерндік жазушы болғандықтан, заманның ағымынан қалып, әдеби үрдістерден тысқары қалуы мүмкін емес. Сондықтан, оның шығармаларында орын алатын интертекстуалдылық оның шығармаларын өте әсерлі, тілін орамды, сюжетін толыққанды етері сөзсіз.

ӘДЕБИЕТ

- [1] Дубин Б. Роман-цивилизация // Иностранная литература. –1999. - № 6.
[2] Мильчин К. Простой турецкий турист: [о пресс-конференции О. Памука в Москве] // Книжное обозрение. – 2006. - № 25/26.
[3] Режим доступа: <http://postmodern.in.ua/?p=160>
[4]Gümüş S. Büyük Bir Değişimin Romanı. – Ankara, 2015.
[5] Памук О. Черная книга. – СПб., 2007.
[6] Rog G.V. Жанрово-стилистические моделикасательно турецкого романа: дисс.... канд. филол. наук: 10.01.04. – Киев, 2006.
[7] Памук О. Интервью Глеба Шульпякова “Хождение Памуком” // Новая юность. – 2001.- № 49.
[8] Сулейманова А. С. Постмодернизм в современном турецком романе: автореф. дис...канд. филол. наук: 10.01.03. – СПб., 2007.

REFERENCES

- [1] Dubin B. Roman-tcevilizaciya. *Inostrannaya literature*, 1999, № 6 [in Russ.].
[2] Milchin K. Prostoy turetckii turist: [o press-konferencii O. Pamuka v Moskve]. *Knizhnoe obozreniye*, 2006, N 25/26 [in Russ.].
[3] Rezhim dostupa: <http://postmodern.in.ua/?p=160>, data obrashenyia 25.05.216.
[4] Gyumyush S.. *Büyük Bir Değişimin Romanı*. Ankara, 2015 [in Turk.].
[5] Pamuk O. *Chernaya kniga*. SPb, 2007 [in Russ.].
[6] Rog G.V. *Zhanrovo-stil'nye modeli kasatel'no turetskogo romana: dis....kand. filol.nauk: 10.01.04. SPb, 2007* [in Russ.].
[7] Pamuk O. Intervyu Gleba Wyulpakova Hozhdeniye Pamukom. *Novaya yunost'*, 2001, N 40 [in Russ.].
[8]Suleymenova A. S. *Postmodernizm v sovremennom turetskom romane: avtorefer. diss....kand.filol.nauk: 10.01.03. – SPb, 2007* [in Russ.].

ОРХАН ПАМУК И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Кунтуарова Б.Н.,
магистрант КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан,
kuntuarova_nb@mail.ru

Ключевые слова: литература, турецкая литература, интертекстуальность, Орхан Памук.

Аннотация. Свои первые произведения как “Джевдет Бей и сыновья” и “Белая крепость” Орхан Памук писал в реалистическом направлении. В последующих своих произведениях он начал писать романы, используя интертекстуальность. Его первая работа, где был использован интертекст, “Белая крепость”. После “Белой крепости” он написал книгу “Черная книга”. Эта книга была признана как “поэтика постмодернизма”. В данной статье мы рассмотрели интертекстуальные связи в романах Орхана Памука.

Статья поступила 20.03.2016 г.

4 Бөлім
ШЕТ ТІЛДЕРДІ ОҚЫТУДАҒЫ ҒЫЛЫМИ-ПЕДАГОГИКАЛЫҚ
ЗЕРТТЕМЕЛЕР

Раздел 4
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ В ОБУЧЕНИИ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Section 4
SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL DEVELOPMENTS IN
FOREIGN LANGUAGE TEACHING

THE ANALYSIS OF RESULT OF JAPANESE EXPERIMENTAL LESSON
THROUGH ANIME

Akhapov Ye. A.,
PhD, Associate professor,
Department of Far East Faculty of Oriental Studies Al-Farabi Kazakh National
University, Almaty, Kazakhstan, erlakz@mail.ru

Baubekkyzy Zh.,
Master course student,
Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, zhansaya.baubek@mail.ru

Keywords: Japanese language, anime, experimental lesson, teaching methods, motivation.

Abstract. In the past decades, Japan Foundation attention was concentrated on spreading of Japanese popular culture outside of the country. Especially, there is noticeable the increase of anime and manga effectson the motivation of foreigners to study Japanese. By this reason, there are many websites designed by Japan Foundation for learning Japanese. Unfortunately, these innovative web technologies were not still approved by Kazakhstan universities. Therefore, the analysis of experimental lesson result is conductedin this article.

ӨОЖ 81'373; 001

АНИМАЦИЯЛЫҚ ФИЛЬМДЕРДІ ҚОЛДАНҒАН ЖАПОН ТІЛІ ТӘЖІРИБЕЛІК САБАҒЫНА ТАЛДАУ

Ахапов Е.А., Ph.D, Қиыр Шығыс кафедрасының доценті,
Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан, erlakz@mail.ru,
Баубекқызы Ж., магистратура студенті, Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ,
Алматы, Қазақстан, zhansaya.baubek@mail.ru

Тірек сөздер: жапон тілі, аниме, эксперименталды сабақ, оқыту әдістемесі, уәждеме.

Андапта. Соңғы жылдары Japan Foundation жапон мәдениетінің әлемде таралуына жан-жақты атсалысуда. Әсіресе, аниме мен манга тәрізді бөлігінің жаһандық деңгейде қарқынды ілгерілеуі үшін шетелде мәдени іс-шаралар жиі ұйымдастырады. Сонымен қатар, шетелдегі жапон тілін үйреншілердің уәждемесін көтеру мақсатында аниме мен манга арқылы жапон тілін үйренуге көмек беретін жаһандық ғаламторда арнайы вебсайттар пайда болды. Алайда, осындай инновациялық ғаламтор технологиялары Қазақстан жоғарыоқу орындарында әлі апробацияланбаған. Осыған орай, мақалада анимациялық фильмдерді қолданған эксперименталды жапон тілі сабағына талдау жасалынды.

Халықаралық Жапон Қоры (Japan Foundation) күншығыс елінің сыртқы саясатындағы жұмсақ күшінің бірі жапон поп-мәдениетінің әлемде таралуына жан-жақты атсалысуда. Әсіресе, аниме (анимациялық фильмдер) мен манга (комикстер) тәрізді бөлігінің жаһандық деңгейде қарқынды ілгерілеуі үшін шетелде мәдени іс-шаралар жиі ұйымдастырады. Мысалы, жапон кино және анимациялық фильмдерінің фестивалі, манга көрмелері, осы саладағы жазушы, суретшілермен кездесу кештері атқырылып жүр [1, 185-б.]. Сонымен қатар, соңғы жылдары шетелдегі жапон тілін үйреншілердің уәждемесіне аниме мен манганың әсері жоғарылауына байланысты аниме мен манга арқылы жапон тілін үйренуге көмек беретін жаһандық ғаламторда арнайы вебсайттар пайда бола бастады. Мысалы, e-learning электронды оқыту жүйесі арқылы

「エリンが挑戦！にほんごできます」 (<http://erin/ne/jp/>), 『アニメ・マンガの日本語』 (<http://anime-manga.jp>) сайттары жүзеге асырылды [2, 103-б.].

Осындай ғаламтор технологиялары шетелдің түкпір-түкпірінде орналасқан жапон мәдениетіне қызығушылар мен жапон тілін үйренушілерге таптырмас ресурс көзіне айналып отыр. Алайда, осындай инновациялық ғаламтортехнологиялары жапон тілі оқытылатын шетелдік жоғары оқу орындары, жапон орталықтарында

әлі апробациядан өтпегенін атап өткен жөн.

Сондықтан, зерттеу мақсатына эксперименталды сабақ арқылы студенттердің жапон тіліне уәждемесін көтеру мүмкіндігі мен анимені қолданған жапон тілі сабағының оқыту әдістемесін жақсарту жолдарына бағыт-бағдар алу жатады. Мақала міндетіне студенттерге уәждеме әсерінің шамасын айқындау, сабақтың жалпы құрылымы мен мазмұнына қатысты сараптамалық талдау жүргізу кіреді.

Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті Шығыстану факультеті Қиыр Шығыс кафедрасы бакалавриат 1-3 курс аралығындағы қазақ және орыс бөлімінің студенттеріне “Аниме арқылы жапон тілі” атты эксперименталды сабағы өткізілді (Кесте 1).

Кесте 1 – Эксперименталды сабаққа қатысқан студенттер туралы ақпарат

Курс	Мамандығы	Тобы	студент саны	Күні	Аудитория
1	Шығыстану	Қазақ	5	23.04.15	536
2	шетел филологисы	Қазақ	3	24.04.15	536
3	аударма ісі	Қазақ	4	24.04.15	536
3	аударма ісі	Орыс	3	23.04.15	536

Эксперименталды сабақ 2015 жылдың сәуір айында академиялық сағаттың 45 минуттық есебімен әр топқа жеке-жеке өткізілді. Сабаққа анимациялық фильм көруге бейімделген аудио-видео құрылғылары, проектор, тақта және компьютер орнатылған факультеттің арнайы аудиториясы қолданылды. Сабақ соңында студенттерге эксперименталды сабақ нәтижесі туралы сауалнама жүргізілді. Сонымен қатар, студенттерге дәріс беріп жүрген жапон тілі ұстаздары шақырылып, эксперименталды сабақ туралы пікірлері алынып, олардың сыртқы сарапшы ретіндегі жалпы бағасы берілді.

Эксперименталды сабаққа Жапонияның STUDIO GHIBLI INC. анимациялық студиясының туындысы 千と千尋の神隠し (жапон тіліндегі оқылуы “*Sen to Chihiro no kamikakushi*”, орыс тіліндегі ресми атауы “*Унесенные призраками*”) таңдап алынды. Осы анимациялық фильмді эксперименталдық сабаққа таңдап алу себебін түсіндіріп өтейік.

Біріншіден, факультет студенттеріне алдын-ала жүргізілген бастапқы сауалнама нәтижесінен осы фильм таңдап алынды (Кесте 2). Осы кестеде Наруто, Тетрадь смерти тәрізді фильмдер жиі кездесіп, көрермендер арасында әйгілі екені байқалады. Дегенмен, сабақ

мақсатына және жаттығуларға осы анимациялық фильмнің ішінен үзінділердің қолдануға қолайлы болғаны ескерілді.

Екіншіден, осы анимациялық фильмнің Жапонияда кассалық жинағы бойынша басқы орынға ие болғаны және фильм режиссері Хаяо Миядзакидің Берлин кинофестивалі және Оскар премиясын алғаны ескерілді.

Кесте 2 – Студенттер арасындағы әйгілі аниме және манга тізімі

	Респонденттердің жауабы
1	Наруто, Тетрадь смерти, Унесенные призраками
2	-
3	Тетрадь смерти, Блич, Стальной алхимик
4	Наруто, Тетрадь смерти, Унесенные призраками
5	Ходячий замок, Шёпот сердца, Рабу кон
6	Тетрадь смерти, Блич, репетитор-киллер Реборн
7	Шёпот сердца, Ночная буря
8	Наруто, Хвост феи, Блич
9	Унесенные призраками, Ходячий замок, Мой сосед Тоторо, Принцесса Мононоке, Тетрадь смерти, Достучаться до тебя, Президент горничная
10	-
11	Тетрадь смерти, Токийский гуль, Наруто
12	Наруто, Не любящий, Тетрадь смерти
13	-
14	Дотянутся до тебя, Ночная буря
15	Ван-Пис, Токийский гуль, Страна чудес смертников, Паразит, Вторжение гигантов, Ао-Хару-Ридэ

Ескерту: Респонденттер аниме және манга атауларын жапон және ағылшын тілінде жазғандықтан, мақалада аниме мен манганың орыс тіліндегі атаулары беріліп отыр.

Кесте 3 – Эксперименталды сабақ жоспары

Эксперименталды сабақ жоспары					
Ұйымның аты : Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті Шығыстану факультеті					
Курс: 1-3 Тобы: қазақ, орыс					
Сабақ өткізуші : Баубекқызы Жансая магистратура 1-курс студенті					
Мақсаты: эксперименталдысабақарқылыстуденттердіңжапонтілінеуәждемесінкөтерумүмкіндігіменанименіқолданғанжапонтілісабағыныңоқытуәдістемесінжақсартужолдарынабағыт-бағдаралу.					
Негізгі пункттер: Аниме көру, クイズ問題 (quiz mondai) 穴埋め問題 (anaume mondai), ロールプレイ (role play) жаттығуларын орындау.					
Уақыты	Мұғалімнің іс-әрекеті	Студенттің іс-әрекеті	Қатысу формасы	Оқулықтар және құрал-жабдықтар	
10 мин	Сәлемдесу, өзін таныстыру, сабақ мақсаты, сабақта қолданылатын анимациялық фильмі және жапон анимелері туралы ақпарат беру, бастапқы сауалнама нәтижелерімен таныстыру	power point материалдарын көріп, мұғалім ақпаратымен танысу	Барлығы	Компьютер және проектор арқылы power point-ті қолдану	
15 мин	Жаттығу ① • Аниме үзіндісін көрсету • クイズ問題 (quiz mondai), • 穴埋め問題 (anaume mondai)	Видео көру, жаттығуды орындау	Барлығы	Видео көрсету power point	
15 мин	Жаттығу ② • Аниме үзіндісін көрсету • ロールプレイ (role play)	Видео көру, жаттығуды орындау	Барлығы	Видео көрсету power point	
5 мин	Сауалнаманы үлестіру, бақылаушы мұғалімдерге бланкке баға қойғызу.	Сауалнама толтыру	Барлығы	Сауалнама және бланк тарту	

Енді, кесте 3-ке сүйене отырып, сабақ жоспарының құрылымы және оның үдерісі туралы тереңірек айтып өтейік. Эксперименталды сабақ жоспары жапондық мамандар Мичио ЯЗАКИ (2009), Нанаэ КУМАНО (2012) анимені жапон тілі сабағына тиімді қолдануға қатысты еңбектеріне сүйене отырып құрастырылды [3, 5-б.]. Эксперименталды сабақ құрылымы кіріспе бөлім, негізгі бөлім, қорытынды бөлімнен тұрды. Кіріспе бөлімде сабақ өткізуші мұғалім өзін таныстырып, эксперименталды сабақ мақсаты, осы жолы қолданылатын анимациялық фильм және жапон анимелері туралы жалпы ақпарат беріп, студенттерге алдын-ала жүргізілген бастапқы сауалнама нәтижелерін таныстырып өтті. Негізгі бөлім жалпы екі үлкен жаттығулар тобына бөлінді. Біріншісінде, жаттығу басында аниме үзіндісінде кездесетін негізгі кейіпкерлер көрсетіліп, олардың әрқайсысына **クイズ問題** (*quiz mondai*) сұрақ-жауап жаттығуы орындалды. Мысалы, power point арқылы басты кейіпкерлер Тихиро, Хаку, Юбаба, Бо, Камадзийдің суреті көрсетілді. Суреттерді көре отырып жапон тілінде “мына суреттегі кейіпкер кім?” деп, сұрақ қойылып студенттерден жауап алынды. Яғни, негізгі кейіпкерлерді таныстыра отырып, студенттердің осы анимациялық фильмнің мазмұнын біртіндеп есіне түсіруіне көмектестік.

Осыдан кейін **穴埋め問題** (*anaume mondai*) жаттығуы студенттерге үлестірілді. Жаттығуды орындау алдында студенттерге анимациялық фильмнің үзіндісі көрсетілді. Студенттер видеоны көріп болған соң, жаттығу ішіндегі бос орындарды керекті сөздермен толтыру міндеттелді. Яғни, студенттер видеоны көре отырып, жаттығу ішіндегі бос орындарды керекті сөздермен толтыру жұмысы атқарылды. Алайда, сабақ барысында студенттердің арасынан 1-курс студенттері кейбір жаңа сөздердің аудармасын түсінбегені, және бұл сөздерді бірінші рет естуі туралы хабарлады. Осындай жағдайды ескеріп, жаңа сөздердің аудармасы мен қолданысы туралы алдын-ала дайындалған қосымша студенттерге дереу үлестірілді. Бұл 1-курс студенттері болғандықтан осы деңгейдегі жаңа сөздерді әлі толығымен меңгермегені, және келесі эксперименталды сабақта студенттердің тілдік деңгейіне сәйкестендірілген сабақ жасау керектігі туралы өте пайдалы тәжірибе алдық деп авторлар санайды. Дегенмен, студенттер осы жаттығу арқылы жаңа сөздерді есте сақтау, есту, көру, жазу қабілетін жақсартуға, машықтануға мүмкіндік алғаны анықталды.

Екінші тобында **ロールプレイ** (role play) рөлдік ойын жаттығуы таңдап алынды. Алдымен студенттерге жапон анимелеріндегі **声優** (жапон тіліндегі оқылуы “*Seiyu*”, қазақ тіліне аудармасы “*дыбыстандырушы актёр*”) туралы ақпарат таныстырылды. Бұл жолы да студенттерге анимациялық фильмнің үзіндісі қайталанып көрсетілді. Осы жаттығуда студенттер анимациялық кейіпкерді дыбыстандырушы актёр роліне бейімделіп, алдын-ала үлестірілген аниме үзіндісінің мәтінін дауыстап қайталауға міндеттелді. Жаттығу алдында студенттерге рөлдер бөлініп беріліп, видео тағы бір мәрте қайталанып, жаттығу жұмысы іске асырылды. Жаттығу барысында барлық студенттердің дыбыстандырушы актёр роліне бейімделіп, анимациялық фильмнің көріністеріндегі кейіпкерлерді қызығушылықпен дәлме-дәл қайталауға тырысқаны анықталды. Осы жаттығу арқылы студенттер ауызша сөйлеу мәнері, жаттығуда кездесетін жана сөздерді үйреніп, оларды есте сақтау қабілетін жақсартқаны байқалды.

Сабақ соңында эксперименталды сабақ нәтижесі туралы студенттерге сауалнама үлестірілді.

Төменде студенттердің эксперименталды сабаққа қатысты берген сауалнама жауаптарын негізге алып, эксперименталды сабаққа жалпы талдау жасап өтейік.

Студенттерге алдымен анимені қолданған жапон тілі сабағы қалай өткені туралы сұрақ қойылды. Респонденттердің барлығы сабақтың өте қызық өткенін атап айтты. Келесі сұрақта сабақтың ішінде қандай жаттығу ұнағаны туралы пікірі алынды. Нәтижесінде, олардың көбі дыбыстандырушы актёр роліне бейімделіп, рольдік ойын жаттығулары өте ұнағанын көрсетті. Мысалы, респонденттердің бірі “студенттің тілді үйренудегі басты мақсаты – өз ойын жеткізу және тыңдап түсіну. Осы сабақтан адамның визуалды есте сақтауы арқылы аниме көріп, түсінудің жеңіл жолын ұқтым” деп, жауап қайтарды. Яғни, эксперименталды сабақтың студентке жақсы әсер қалдырғаны, визуалды есте сақтау қабілеті мен оны түсінудің өзіне жаңа жолын ашқанын көруге болады.

“Анимені қолданған жапон тілі сабағы жапон тілін меңгеруге көмегі тиді деп ойлайсыз ба?” сұрағына, сабақтың өте тартымды болғанын айтып, барлығы позитивті жауап берді. Сұрақ мазмұнын тереңірек ашу мақсатында оның қай жерінің көмегі тигені туралы сауал қойылды. Осы сұраққа қатысты студенттердің жауабы кесте 4-те берілген.

Кесте 4 – Студенттердің пікірі

	Респонденттердің жауабы
1	-
2	Мысалы, 穴埋め問題 (<i>anaume mondai</i>) жаттығуы пайдалы болды. Өте қызық өтті
3	穴埋め問題(<i>anaume mondai</i>)
4	穴埋め問題(<i>anaume mondai</i>) жәнеロールプレイ (role play) жаттығуындағы анимациялық кейіпкерді дыбыстандырушы актёр ролі өте қызықты болды.
5	穴埋め問題(<i>anaume mondai</i>)
6	Сценарийді көре отырып, кейіпкерлермен бірге жылдам сөйлеуді, әртүрлі жаңа сөздерді үйрендім.
7	Тыңдалымға үйрету жаттығуларына өте қажет сабақ деп ойлаймын. Рольплей (role play) жаттығуындағы анимациялық кейіпкерді дыбыстандырушы актёр ролінде сөйлеу жақсы сабақ болды деп санаймын.
8	Дыбыс айтылуы мен жапон тілінде сөйлеу жылдамдығына үйренуге көмегі тиді деп ойлаймын.
9	Қысқарған сөздерді түсіне бастадым.
10	Жаңа сөздерді түсіне бастадым.
11	Ауыша сөйлеу мәнерін түсінуге көмегі тиді.

Ескерту: Респонденттердің барлығы пікірін жапон тілінде жазғандықтан, жаттығу аттары өзгеріссіз жазылып, мәтіннің қазақ тіліндегі аудармасы беріліп отыр.

Кесте 4-тен студенттерге бос орындарды керекті сөздермен толтыру 穴埋め問題 (*anaume mondai*) жаттығуы, дыбыстандырушы актёр роліндегі жаттығуының аса жоғары әсер қалдырғанын көруге болады. Сонымен қатар, бірінші және екінші курс студенттерінің тыңдалымға, ауызша сөйлеуге және оның жылдамдығына қатысты пікірлерін айырықша атап айтуға болады.

Мақаланы қорыта келе, авторлар тарапынан студенттердің жаттығуларды қызығушылықпен орындап, сабақ барысында барлық студенттің белсенді қатысқанын анықтап отырдық. Алайда, студенттердің жаттығу ішіндегі жаңа сөздерге, ауыз екі тіліндегі сөйлеу мәнері мен жылдамдығына ілесе түсіну, дауыстап сөйлеуге әлі бейімделмегені тәрізді мәселелері байқалды. Осы мәселелер келесі эксперименталды сабақта студенттердің жапон тілі деңгейіне сәйкес ескеріліп, оның келесі тақырыбының мәселесі ретінде қарастырылады.

ӘДЕБИЕТ

[1] 熊野七絵・廣利正代 (2008) 「『アニメ・マンガ』調査研究—地域事情と日本語教材—」 『国際交流基金日本語教育紀要』第4号、55—69、国際交流基金

[2] 熊野七絵 (2010) 「日本語学習者とアニメ・マンガ～聞き取り調査結果から見える現状とニーズ」 『広島大学留学生センター紀要』第20号、89—103、広島大学留学センター

[3] 熊野七絵・川嶋恵子 (2011a) 「アニメ・マンガの日本語」 Webサイト開発—興味から日本語学習へ— 『国際交流基金日本語教育紀要』第7号、103—117、国際交流基金

REFERENCES

[1] Kumano N., Hirokaga M. An Examination of “ANIME & MANGA”: Regional Information Overseas and Japanese-language materials. *The Japan Foundation Japanese-Language Education Bulletin*, 2008, Vol.4 [in Jap.].

[2] Kumano N. Japanese learners and Anime & Manga: Current situation and needs as seen from the interview survey results. *Hiroshima University-International Student Center Bulletin*, 2010, Vol.20 [in Jap.].

[3] Kumano N., Kawashima K. Development of “Japanese in Anime& Manga” website: Offering Japanese-language learning Motivation to Anime & Manga fans. *The Japan Foundation Japanese-Language Education Bulletin*, 2011, Vol. 7 [in Jap.].

АНАЛИЗ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ЗАНЯТИЯ ПО ЯПОНСКОМУ ЯЗЫКУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АНИМАЦИОННЫХ ФИЛЬМОВ

Ахапов Е.А.,

PhD, доцент КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Казахстан, erlakz@mail.ru

Баубекқызы Ж.,

магистрант КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Казахстан, zhansaya.baubek@mail.ru

Ключевые слова: японский язык, аниме, экспериментальный урок, методика преподавания, мотивация

Аннотация. В последние десятилетия Japan Foundation всё больше уделяет внимание широкому распространению японской культуры за пределами Японии. Особенно это заметно на росте влияния аниме и манга на мотивацию при изучении японского языка иностранцами. По этой причине в глобальной сети появились специальные вебсайты Японского Фонда для изучения японского языка с помощью аниме и манга. К сожалению, эти инновационные интернет-технологии в высших учебных заведениях Казахстана пока ещё не апробированы. В связи с этим, в статье проводится анализ результата экспериментального урока с использованием японских анимационных фильмов.

Статья поступила 28.03.2016 г.

**АВТОРЛАР ЖАЙЛЫ МАҒЛУМАТТАР
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

- 1 **Азизов Д.Т.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 2 **Айтмагамбетова А.У.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 3 **Алдибекова А.И.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 4 **Али А.Н.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 5 **Аликулова А.Т.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 6 **Альхожаева Л.Н.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 7 **Андарбаева М.Е.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 8 **Ахапов Е.А.** – PhD, доцент КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан
- 9 **Ахетова А.А.** – магистр педагогических наук, Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова, Кокшетау, Казахстан
- 10 **Баубекқызы Ж.** – магистрант КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан
- 11 **Бисенова А.Н.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 12 **Бондарева П.В.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

- 13 **Дюсюпова М.С.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 14 **Жұмағұлова Н.С.** – к. п. н., зав.каф. иностранных языков и переводческого дела, Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова, Кокшетау, Казахстан
- 15 **Жұмағұлова Е.В.** – ст. преп. кафедры иностранных языков, КГУ имени Шокана Уалиханова, Кокшетау, Казахстан
- 16 **Елеуова Л.Б.** – магистр педагогических наук, Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова, Кокшетау, Казахстан
- 17 **Иманкулова А.К.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 18 **Ихиева К.К.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 19 **Кадырбек Ж.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 20 **Кадирсизова Г.Е.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 21 **Кунтуарова Б.Н.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 22 **Курматаева А.Е.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 23 **Мырзалиева С.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 24 **Мухамеджанова М.Е.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 25 **Нешадим О.В.** – магистр педагогики и психологии, Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова, Кокшетау, Казахстан

- 26 **Олдфилд А.** – доктор PhD Университета Каролины,
- 27 **Орымбаева А.А.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 28 **Парменқызы А.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 29 **Сартбай Ф.** – PhD докторант Университета Висконсин-Мэдисон
- 30 **Судейменова А.Б.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 31 **Тлеукул Е.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 32 **Тореханова С.Б.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
- 33 **Цой А.А.** – магистрант Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Требования к статьям, представляемым в “Хабаршысы-Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана”

Представленные для опубликования материалы должны соответствовать следующим требованиям:

1. Содержать результаты научных исследований по актуальным проблемам в области лингвистических, филологических и педагогических наук, переводческому делу, межкультурной коммуникации, востоковедения, международных отношений, международного права и экономических отношений, регионоведения, менеджмента и международных коммуникаций, маркетинга, туризма.

2. Доминантная идея публикаций: следование принципам научности, инновационности, самостоятельности, целостности и системности.

Необходимо соблюдать правила публикационной этики. Предоставление статьи в научные журналы “Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана” предполагает, что данная работа не была опубликована ранее (за исключением в виде аннотации или как часть опубликованной лекции или академической диссертации или как электронный препринт, что она не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях, что ее публикация одобрена всеми авторами (в случае полиавторства) и рекомендована рецензентами.

Никакие формы нарушения научной этики не допускаются, например, плагиат, фальсификация, фальсифицированные данные, неправильное толкование других работ, некорректные ссылки и т.д.

3. Принимаются статьи от 10 до 16 страниц (1 п.л.), включая список литературы, таблицы, схемы, рисунки.

4. К статье должна быть приложена рецензия, заверенная подписью рецензента с ученой степенью и печатью с места его работы.

Требования по оформлению статей

Статья предоставляется в бумажной и электронной форме.

Шрифт Times New Roman, кегль - 12, интервал - 1,5;

Поля: верхнее, нижнее, левое, правое - 2 см.

Абзац (отступ) – 1 см.

Структурная часть статьи	Образец
1 Название – по центру (жирным шрифтом прописными буквами)	EXPERIENCE OF DEVELOPED COUNTRIES IN PROVIDING IN SOCIAL ASSISTANCE TO NEEDY PEOPLE
2 Автор (по центру, имя, отчество – инициалы, фамилия полностью, с указанием должности, ученой степени, места работы).	Sultangazin A.A., chair of regional studies, Chair of Regional Studies of Ablaihan, KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan e-mail: asultan@mail.ru
3 Резюме на английском языке (70-80 слов, 10-12 строк)	Keywords: social assistance, people, developed country Abstract. (a point, not a colon) This article is devoted to social assistance for needy people by developed countries and the basic principle of activities in the field of social services. It examines the structure of the system of social assistance and the models of population's social protection (8-10 стр.).
4 В левом верхнем углу – шифр УДК (нежирным шрифтом)	УДК 327
5 Название и автор на языке статьи	ОПЫТ РАЗВИТЫХ СТРАН ПО ОКАЗАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛЮДЯМ Султангазин А.А., к.соц.н., ст.преп. кафедры регионоведения ФМО, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан e-mail: asultan@mail.ru

<p>6 Резюме на языке статьи (70-80 слов, 10-12 строк)</p>	<p>Ключевые слова: социальная помощь, доходы, государственные гарантии, фонды, страховые пенсии, инвестирование</p> <p>Аннотация. Данная статья посвящена вопросу оказания социальной помощи нуждающимся людям развитыми странами и основным принципам деятельности в сфере социального обслуживания граждан. Также рассмотрена структура системы социальной помощи и модели социальной защиты населения.</p>
<p>7 Текст на языке статьи</p>	<p>В тексте статьи необходимо учитывать следующее:</p> <p>1) Таблицы, схемы, графики и т.д. создаются средствами Microsoft Word, нумеруются, имеют название, которое печатается без отступа строки. Таблица вставляется в текст сразу после ссылки на нее.</p> <p>Например, Таблица 1 - Систематизация текстов о хронологии (по центру)</p> <p>2) Графики и диаграммы создаются средствами Microsoft Excel, снабжаются заголовками, соответствующими подрисовочными подписями, расположенное по центру, и вставляются в текст сразу после ссылки на них.</p> <p>Например, Рисунок 1 - Портрет Бальзака (по центру)</p> <p>3) Фотографии (изображения), иллюстрации представляются в формате JPEG (jpg), разрешение не менее 300 пикселей, и предоставляются отдельными файлами. К каждому изображению обязателен заголовок (сопроводительный текст, аннотация).</p>

8 Используемая литература	<p style="text-align: center;">ӘДЕБИЕТ (если статья на казахском языке) ЛИТЕРАТУРА (если статья на русском языке) REFERENCES (если статья на английском языке)</p>
9 Список литературы (не менее 5 наименований), в котором указывается литература за последние 5-7 лет. Используемая литература дается цифрами в прямых скобках по мере упоминания [1, с.15]. Постраничные сноски не допускаются.	<p style="text-align: center;">ЛИТЕРАТУРА</p> <p>[1] Жуков В.И Теоретические основы подготовки социальных работников. - М., 1992. – 226 с.</p> <p>[2] Основы социальной работы: Учебник / Отв. ред. П.Д. Павленок. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 198 с.</p> <p>[3] Проблемы социологии быта и социальной работы в условиях перехода к рынку: Матер. Междунар. науч.-практ. конф., 16-18 февраля 1993 г. – М.: ГАСБУ, 1994. – 254 с.</p> <p>[4] Urbain C., Bissot H. Cuisines en partage. Le plov dans tous ses états. Constitution d'une diaspora autour d'un plat d'Asiecentrale// Diasporas. – 2005. – N° 7. – Режим доступа: URL: http://w3.framespa.univ-tlse2.fr/revue/articles_fiche.phpid=335. - (дата обращения 31.01.2016).</p>
10 После ЛИТЕРАТУРЫ в обязательном порядке следует транслитерация литературы на английском языке REFERENCES	<p style="text-align: center;">REREFENCES</p> <p>[1] Zhukov V.I Teoreticheskiye osnovy podgotovki sotsial'nykh rabotnikov. Moskva, 1992. 226 s. [in Russ.].</p> <p>[2] Osnovy sotsial'noy raboty: Uchebnik / Отв. ред. P.D. Pavlenok. М.: INFRA, 1999. 198 s. [in Russ.].</p> <p>[3] Problemy sotsiologii byta i sotsial'noy raboty v usloviyakh perekhoda k rynku: Mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 16-18 fevralya 1993 g. М.: GASBU, 1994. 254 s. [in Russ.].</p>

Обратите внимание на расстановку знаков препинания в русском и английском вариантах	
Завершается статья с повтором начальных структурных частей на языке: А) на казахском, если статья на русском языке; Б) на русском языке, если статья на казахском языке	
Если статья на англ.яз., то после списка литературы идет аннотация на каз. и рус. языках по схеме	
11 Название	КЕМБАҒАЛ АДАМДАРҒА ӘЛЕУМЕТТІК КӨМЕК КӨРСЕТУ БОЙЫНША ДАМЫҒАН ЕЛДЕРДІҢ ТӘЖІРИБЕСІ
12 Автор	Султангазин А.А., Аймақтану кафедрасы, Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ, Алматы, Қазақстан e-mail: asultan@mail.ru
13 Ключевые слова и аннотация статьи, т.е. статья завершается ключевыми словами и аннотацией.	Тірек сөздер: әлеуметтік көмек, табыс, мемлекеттік кепілдіктер, қорлары, зейнетақы сақтандыру, инвестициялық Андатпа. (нүкте, қос нүкте емес). Бұл мақала дамыған елдердің кембағал адамдарға әлеуметтік көмек көрсету сұрағына және азаматтарды әлеуметтік күтуінің шеңберінде қызметтің негізгі ұстанымдарына арналған. Онда әлеуметтік көмек көрсету құрылымының жүйесі мен халықтың әлеуметтік қорғау қалыпықарастырылады.
В конце статьи необходимо указать: Статья поступила 2.09.2015 г., например.	

Прочие условия:

1. Таблицы, схемы, графики и т.д. создаются средствами MicrosoftWord, нумеруются, имеют название, которое печатается без отступа строки.

Например,

Таблица 1 - Систематизация текстов о хронологии
(по центру)

Таблица вставляется в текст сразу после ссылки на нее.

2. Графики и диаграммы создаются средствами Microsoft Excel, снабжаются заголовками, соответствующими подрисовочными подписями, расположенное по центру, и вставляются в текст сразу после ссылки на них.

Например,

Рисунок 1 - Портрет Бальзака
(по центру)

3. Фотографии (изображения), иллюстрации представляются в формате JPEG (jpg), разрешение не менее 300 пикселей, и предоставляются отдельными файлами. К каждому изображению обязателен заголовок (сопроводительный текст, аннотация).

4. В конце издания оформляется содержание на трех языках отдельно: казахском / МАЗМҰНЫ, русском / СОДЕРЖАНИЕ и английском / CONTENTS.

5. Члены редколлегии также должны быть представлены на 3-х языках: каз., рус. и англ. языках.

Стоимость публикации – 3 500 тенге

Пример статьи

Sultangazin A.A.,

chair of regional studies, Chair of Regional Studies of Ablai Khan
KazUIR and WL, Almaty, Kazakhstan
e-mail: asultan@mail.ru

Keywords: social assistance, people, developed country

Abstract. This article is devoted to social assistance for needy people by developed countries and the basic principle of activities in the field of social services. It examines the structure of the system of social assistance and the models of population's social protection (8-10 строк).

УДК 327

ОПЫТ РАЗВИТЫХ СТРАН ПО ОКАЗАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛЮДЯМ

Султангазин А.А.,

к.соц.н., ст.преп. кафедры регионоведения ФМО,
КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан
e-mail: asultan@mail.ru

Ключевые слова: социальная помощь, доходы, государственные гарантии, фонды, страховые пенсии, инвестирование

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу оказания социальной помощи нуждающимся людям развитыми странами и основным принципам деятельности в сфере социального обслуживания граждан. Также рассмотрена структура системы социальной помощи и модели социальной защиты населения (8-10 строк).

Задачи социальной политики охватывают стимулирование экономического роста и подчинение производства интересам потребления, усиление трудовой мотивации и деловой предприимчивости, обеспечение должного уровня жизни и социальной защиты населения, сохранение культурного и природного наследия, национального своеобразия и самобытности. Для эффективности осуществления своих регулирующих функций государство располагает такими мощными рычагами воздействия, как законодательство страны, национальный бюджет, система налогов и пошлин. Определяющей целью социальной политики были и остаются высокоэффективный и производительный труд, способствующий достижению ощутимого улучшения материального положения и условий жизни населения.

Говоря о социальной политике государства, подразумеваются, прежде всего, действия правительства, направленные на распределение и перераспределение доходов различных членов и групп общества. Так можно определить социальную политику в узком смысле этого слова. В широком смысле - социальная политика - это одно из направлений макроэкономического регулирования, призванное обеспечить социальную стабильность общества и создать, насколько это возможно, одинаковые “стартовые условия” для граждан страны.

Инструментами социальной политики государства выступают социальная защита и социальная помощь. Социальная защита представляет собой совокупность практических мероприятий, проводимых государством для поддержания материального благополучия тех слоев населения, которые по объективным причинам не могут самостоятельно зарабатывать деньги для поддержания

среднего для данного общества уровня жизни, например, инвалиды, многодетные матери, сироты, безработные, малоимущие.

Последняя группа относится к социально незащищенным слоям населения. Социальная защита - важнейшая область социальной сферы жизнедеятельности общества; система мер, осуществляемых государством, объединениями предпринимателей и работников, общественными организациями и движениями с целью гарантировать определенный уровень и качество жизни населения, соблюдение соответствующих прав и привилегий граждан, страхование их от риска оказаться в затруднительном материальном положении, социальная помощь особенно нуждающимся в поддержке. В качестве всеобщей нормы признается право каждого человека на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и соцобслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи. Также право на обеспечение в случае безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от человека обстоятельствам и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Жуков В.И Теоретические основы подготовки социальных работников. – М., 1992. – 226 с.

[2] Основы социальной работы: Учебник / Отв. ред. П.Д. Павленок. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 198 с.

[3] Проблемы социологии быта и социальной работы в условиях перехода к рынку:

Матер. Междунар. науч.-практ. конф., 16-18 февраля 1993 г. – М.: ГАСБУ, 1994. – 254 с.

REREFENCES

[1] Zhukov V.I Teoreticheskiye osnovy podgotovki sotsial'nykh rabotnikov. M., 1992. 226 s. [in Russ.].

[2] Osnovy sotsial'noy raboty: Uchebnik / Otv. red. P.D. Pavlenok. M.: INFRA, 1999.– 198 s. [in Russ.].

[3] Problemy sotsiologii byta i sotsial'noy raboty v usloviyakh perekhoda k rynku: Mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 16-18 fevralya 1993 g. M.: GASBU, 1994. 254 s. [in Russ.].

**КЕМБАҒАЛ АДАМДАРҒА ӘЛЕУМЕТТІК КӨМЕК КӨРСЕТУ БОЙЫНША
ДАМЫҒАН ЕЛДЕРДІҢ ТӘЖІРЕБЕСІ**

Қалиева А.

э.ғ.к., Аймақтану кафедрасы, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Тірек сөздер: әлеуметтік көмек, табыс, мемлекеттік кепілдіктер, қорлары, зейнетақы сақтандыру, инвестициялық

Аңдатпа. Бұл мақала дамыған елдердің кембағал адамдарға әлеуметтік көмек көрсету сұрағына және азаматтарды әлеуметтік күтуінің шеңберінде қызметтің негізгі ұстанымдарына арналған. Онда әлеуметтік көмек көрсету құрылымының жүйесі мен халықтың әлеуметтік қорғау қалыпықарастырылады.

Статья поступила 04.05.2016 г.

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ
ХАБАРШЫСЫ
«ФИЛОЛОГИЯ ҒЫЛЫМДАРЫ» сериясы

ИЗВЕСТИЯ
КазУМОиМЯ имени Абылай хана
серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

BULLETIN
of Ablai khan KazUIRandWL
Series «PHILOLOGICAL SCIENCES»

050022, г. Алматы, ул. Муратбаева, 200
+7 (727) 292 03 84 (вн. 3326)
e-mail: fmo@ablaikhan.kz

Отв. за выпуск
директор издательства
Есенгалиева Б.А.

Технический редактор,
компьютерная верстка
Кынырбеков Б.С.

Подписано в печать 17.06.2016 г.
Формат 60x84 1/8. Объем 39,00 п.л. Заказ № 370. Тираж 100 экз.
Отпечатано в издательстве «Полилингва»
КазУМОиМЯ имени Абылай хана

Издательство «Полилингва» КазУМОиМЯ имени Абылай хана
050022, г. Алматы, ул. Муратбаева, 200
Тел.: +7 (727) 292-03-84, 292-03-85, вн. 24-09
E-mail: kazumo@ablaikhan.kz, ablaikhan@list.ru